

СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

2017 Т.8 №1

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки

В соответствии с решением **Высшей аттестационной комиссии** Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в перечень **ведущих рецензируемых научных журналов** и изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание научных степеней доктора и кандидата наук по отраслям 23.00.00 – Политология и 07.00.00 – Исторические науки и археология.

**Журнал включен в следующие
международные библиографические базы данных:**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
– **EMERGING SOURCES
CITATION INDEX**

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index *

Russian Science Citation Index
WEB OF SCIENCE™

ULRICH'S
PERIODICALS DIRECTORY™

BASE

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

OCLC
WorldCat®

Crossref

DOAJ
DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

CYBERLENINKA

Google
Scholar™

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2017 • Т.8 № 1

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.
и Эл №ФС77-63932 от 09.12.15 (онлайн)

Международный редакционный и консультационный совет

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский
С.И. Лунев

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Е.В. Колдунова
Д.А. Кузнецов

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Ответственный секретарь онлайн версии
И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф., заслуженный деятель науки РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф., Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
В.В. Гриб, д.ю.н., проф., Издательская группа «Юрист», Москва, Россия
Айзэ Дитрихс, проф., Университет Анкары, Анкара, Турция
Александр Жебит, проф., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
В.И. Журавлева, д.и.н., проф., РГГУ, Москва, Россия
Клаус Зедберг, проф., Свободный университет Берлина, Берлин, Германия
Чарльз Зиглер, проф., Университет Луисвилла, Луисвилл, США
Акихиро Ивасита, проф., Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
М.В. Ильин, д.полит.н., проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии (Манчестерский университет), проф., НИУ ВШЭ, Москва, Россия
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф., заслуженный работник высшей школы РФ, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
В.В. Михеев, д.э.н., академик РАН, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

О.В. Павленко, к.и.н., доц., РГГУ, Москва, Россия
Е.И. Пивовар, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, РГГУ, Москва, Россия
Е.В. Попов, LL.M.(Университет Эссекса), к.ю.н., доц., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Ли Син, проф., Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай (КНР)
В.Д. Соловей, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии (Манчестерский университет), проф., ИМЭМО РАН, Москва, Россия
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
Анн де Тинги, проф., Сьянс По, Париж, Франция
Алишер Файзуллаев, проф., Университет мировой экономики и дипломатии Узбекистана, Ташкент, Узбекистан
Чжасо Хуашэн, проф., Фуданьский университет, Шанхай, Китай (КНР)
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф., МГИМО МИД РФ, Москва, Россия
А.Ю. Шутов, д.и.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц., РСМД, Москва, Россия
У Юйшань, проф., Академия Синика, Тайбэй, Китай, Тайвань

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – №26

Центр подписки:
+7(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:
115035, Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
Тел.: +7(495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru;
http://www.lawinfo.ru

Отпечатано в ООО «Богородский полиграфический комбинат»,
142403, Московская обл., г. Ногинск,
ул. Индустриальная, д. 406
Печать офсетная
Усл. печ. л. 22,0
Общий тираж 3000 экз.
Цена свободная

Подписано в печать 1.12.2016
Выход из печати: 5.12.2016
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Воскресенский А.Д., 2017
© Сравнительная политика, 2017
© Издательская группа «Юрист», 2017

COMPARATIVE POLITICS RUSSIA СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

2017 • Vol.8 № 1

Mass Media Registration Certificates: PI №FS77-28335 of Dec.8, 2009 &
EL №FS77-63932 of Dec.9, 2015(online)

Editorial and International Consultative Board

Editor-in-Chief / Founder

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), PhD (Institute of Far Eastern Studies), Professor

Deputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Professor

Sergey I. Lunev, Doctor of History, Professor

Executive Secretary

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor

Editorial Board of the Issue

Alexei D. Voskressenski

Sergey I. Lunev

Ekaterina V. Koldunova

Denis A. Kuznetsov

Executive Secretary (online version)

Igor Yu. Okunev, Candidate of Political Science, Associate Professor

Tatiana A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor, Distinguished Researcher of the RF, MGIMO University, Moscow, Russia

Oleg N. Barabanov, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of History, Professor, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladislav V. Grib, Doctor of Law, Professor, Publishing Group "Yurist", Moscow, Russia

Ayse Ditrighs, Professor, University of Ankara, Ankara, Turkey

Alexander Zhebit, Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Viktoria I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Klaus Segbers, Professor, Free University of Berlin, Berlin, Germany

Charles E. Ziegler, Professor, University of Louisville, Louisville, USA

Akihiro Iwashita, Professor, University of Hokkaido, Sapporo, Japan

Michail V. Il'in, Doctor of Political Science, Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Ekaterina V. Koldunova, Candidate of Political Science, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Valery G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD (University of Manchester), Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Marina M. Lebedeva, Doctor of Political Science, Professor, Distinguished Lecturer of Russian Higher School, MGIMO University, Moscow, Russia

Vasily V. Mikheev, Doctor of Economics, Academician of Russian Academy of Sciences, Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

Olga V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Efim I. Pivovar, Doctor of History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Evgeny V. Popov, Candidate of Law, LL.M (University of Essex), Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Li Xing, Professor, Beijing Normal University, Beijing, P.R. China

Valery D. Solovej, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Leonid V. Smorgunov, Doctor of Political Science, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Marina V. Strezhneva, Doctor of Political Science, PhD (University of Manchester), Professor, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Dmitry V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Anne de Tinguy, Professor, Sciences Po, Paris, France

Alisher Faizullaev, Professor, University of World Economics and Diplomacy of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Zhao Huasheng, Professor, Fudan University, Shanghai, P.R. China

Tatiana A. Shakleina, Doctor of Political Science, Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrey Yu. Shutov, Doctor of History, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia

Ivan N. Timofeev, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

Yu-Shan Wu, Professor, Institute of Political Science, Academia Sinica, Taipei City, Taiwan, China

Established in 2009
No.26 since 2010

Subscription Centre:

+7(495)617-18-88 (multichannel)
Editorial Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya
Emb., Moscow, 115035
Phone: +7(495)953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
www.lawinfo.ru

Printed by "Bogorodskii Poligra-

ficheskii Kombinat"
142403, Noginsk, Industrialnaya
Str. 40b
Offset printing
Conventional printing sheet – 22,0
Circulation: 3000 copies
Free-market-price

Passed for printing 1 December 2016

Printed: 5 December 2016
ISSN – 2221-3279
ISSN (online) – 2412-4990

© Voskressenski A.D., 2017
© Comparative Politics, 2017
© Publishing Group "Yurist", 2017

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Е.М. Харитонова. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик

Р.О. Райнхардт. Сравнение национальных систем экономической дипломатии ведущих стран Европейского союза

И.Н. Тарасов. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии: сравнительный анализ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

А.Д. Богатуров. Между силой и влиянием государств

П.В. Шлыков. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции

В.Н. Конышев, М.А. Кобзева. Политика Китая в Арктике: традиции и современность

Д.В. Стрельцов. Политика Японии в Арктике

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

А.А. Прохорова, А.Н. Шохин. Модели руководства «Деловой двадцатки»: возможности оптимизации

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Ю. Лайне. Восприятие России в общественном сознании Финляндии

А.С. Скачков. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.А. Киреева. Серия изданий по Японии: история, внутренняя и внешняя политика, российско-японские отношения, японоведение в России

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

5 *Elena M. Kharitonova.* British Soft Power: Comparative Analysis of Instruments, Mechanisms and Practices

21 *Roman O. Raynhardt.* A Comparison of National Economic Diplomacy Systems of the Leading European Union Countries

33 *Il'ia N. Tarasov.* Right-Wing Radicalism and Factors of Xenophobic Social Practice in Hungary and Slovakia: Comparative Analysis

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

44 *Alexei D. Bogaturov.* Between Power and Influence of States

58 *Pavel V. Shlykov.* Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey

77 *Valery N. Konyshев, Mariia A. Kobzeva.* China's Policy in the Arctic: Tradition and Modernity

93 *Dmitry V. Streltsov.* Japan's Arctic Policy

DISCUSSION

104 *Alisa A. Prokhorova, Alexander N. Shokhin.* Models of "Business Twenty" Governance: Possibilities of Optimization

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

123 *Jussi Laine.* Perception of Russia in the Finnish Public Consciousness

140 *Andrey S. Skachkov.* Historic Memory in the Political Processes of the Post-Soviet Baltic States

REVIEWS

152 *Anna A. Kireeva.* A Series of Publications in Japanese Studies: History, Politics, Foreign Policy, International Relations, Russia-Japan Relations and Japanese Studies in Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008 – 2016 гг. / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 712 с.

Дегтерев Д.А. Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений: учебник. – М.: РУДН, 2016. – 556 с.

Мигранян А.М. Россия и США: фактор Путина. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 272 с.

Путин В.В. 100 и 1 цитата / сост. С.М. Хенкин, И.А. Истомин, С.М. Кретов [и др.]. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Журнал «Сравнительная политика» в Web of Science

Визит профессора Джона Миршаймера в МГИМО

Т.А. Халилов. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы

В.В. Василенко. Переосмысление «холодной войны»: взгляд из Сингапура

ПАРТНЕРЫ

Культурный центр им. Джавахарлала Неру

Информационный бюллетень / Посольство Индии в России

FELLOWS: le regard de chercheurs internationaux sur l'actualité

Istanbul Policy Center

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ON THE BOOKSHELF

159 Belokrenitsky, V.Ya. Pakistan, South Asia, Islamic World, the East. Selected Works 2008-2016 / Institute of Oriental Studies of RAS. Moscow: IV RAN, 2016. 712 p. (in Russian)

160 Degterev, D.A. Applied Quantitative Analysis and Formal Models of International Relations: Course Textbook. Moscow: RUDN, 2016. 556 p. (in Russian)

160 Migranyan, A.M. Russia and the USA: Factor of Putin. Moscow: OOO «TD Algoritm», 2016. 272 p. (in Russian)

161 Putin, V.V. 100 and 1 More Quotations / Comp. by S.M. Khenkin, I.A. Istomin, S.M. Kretov [and oth.]. Moscow: Prospekt, 2017. 192 p. (in Russian)

ACADEME

162 Journal “Comparative Politics” in Web of Science

162 Prof. John Mearsheimer in MGIMO University

164 Timur A. Khalilov. Developing Civil Society in Imperial Russian Background: Trends and Problems

169 Victoria V. Vasilenko. Unlearning the Cold War: A View from Singapore

PARTNERS

171 Jawaharlal Nehru Cultural Centere, Moscow

171 Newsletter of Embassy of India in Russia

172 FELLOWS: le regard de chercheurs internationaux sur l'actualité

173 Istanbul Policy Center

GUIDE FOR THE AUTHORS

«МЯГКАЯ СИЛА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ, ИНСТРУМЕНТОВ И ПРАКТИК

Елена Марковна Харитонова

Институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН), г. Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

27 июня 2016

Принята к печати:

15 ноября 2016

Об авторе:

Сотрудник подразделения, Отдел международно-политических проблем, ИМЭМО РАН

e-mail: ekharit@imemo.ru

Ключевые слова:

«мягкая сила»; Великобритания; внешняя политика; культурная дипломатия; монархия; негосударственные акторы.

Аннотация: В статье рассматриваются цели и задачи политики «мягкой силы» современной Великобритании, выявляются факторы, которые оказывают влияние на эту политику, анализируются ее политико-институциональные аспекты. В центре внимания автора – меняющиеся взгляды политических элит страны на участие и роль негосударственных акторов в увеличении «мягкой силы», подходы британских экспертов к оценке эффективности данного направления внешнеполитической деятельности государства. Автор сопоставляет вклад различных ведомств в политику «мягкой силы», отношение исполнительной и законодательной ветвей власти к инициативам в данной области, приводит примеры использования «мягкой силы» во внешней политике Соединенного Королевства и определяет отличительные особенности британских инициатив и программ по сравнению с другими странами.

Концепция «мягкой силы» оказалась востребованной не только в родной стране автора термина, американского политолога Дж. Ная, но и во многих государствах мира. Под «мягкой силой» сам Дж. Най подразумевает силу, основанную на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики, и противопоставляет ее «жесткой силе», базирующемся на принуждении или подкупе. Он считает, что в современном мире все большее значение играют не только военные и экономические возможности государства, но и «способность убедить других желать того же, чего хотите вы»¹.

Сегодня политические лидеры ведущих государств, в том числе, США, Великобри-

тании, России и Китая говорят о необходимости работать над увеличением «мягкой силы». Однако усилия нашей страны в этой области подвергаются критике со стороны отечественных и зарубежных экспертов. В 2013 г. Дж. Най опубликовал статью, где писал о неправильном понимании термина в России и в Китае, прежде всего – о недооценке роли гражданского общества в увеличении «мягкой силы» и преувеличении роли государства². В докладе влиятельного британского аналитического центра Chatham House говорится о том, что в России взяли на вооружение словосочетание «мягкая сила», но полностью искажили его значение³.

¹ Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. N.Y.: New York Public Affairs, 2004. 191 p.

² Nye, Joseph. What China and Russia Don't Get About Soft Power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>

³ Giles, Keir; Hanson, Philip; Lyne, Roderic;

В то же время Великобритания часто упоминается исследователями и экспертами как одно из наиболее успешных государств мира в этой области. По выражению премьер-министра Дэвида Кэмерона, его страна является «сверхдержавой с точки зрения «мягкой силы»» (*soft power superpower*)⁴. Действительно, в многочисленных международных рейтингах «мягкой силы» и «брендов стран»⁵ Соединенное Королевство неизменно занимает лидирующие позиции. Термин «мягкая сила» присутствует в политическом дискурсе страны⁶, употребляется в официальных документах. Британская политика «мягкой силы» приобрела институциональное оформление.

В опубликованных в 2015 г. Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре обороны и безопасности

«мягкой силе» уделено большое внимание: необходимость усиливать британское влияние с ее помощью обозначена в качестве одного из приоритетов⁷.

Палата лордов Великобритании в парламентскую сессию 2013-2014 гг. создала Комитет по «мягкой силе» и влиянию страны, который провел общественные слушания и подготовил доклад, содержащий рекомендации правительству⁸.

Британская академия в 2014 г. опубликовала доклад «Искусство привлекать. Мягкая сила и роль Великобритании в мире»⁹, а ответственный за продвижение национальной культуры, науки и образования за рубежом Британский совет в 2013 г. подготовил отчет «Влияние и привлекательность»¹⁰, также посвященный «мягкой силе» страны. Многие российские и зарубежные исследователи отмечают, что термин «мягкая сила» охватывает слишком большое количество разноплановых явлений и недостаточно строго определен. Это затрудняет как теоретическое осмысление самой концепции, так и ее практическое использование в качестве инструмента внешней политики государства. Однако британские политические элиты с готовностью взяли на вооружение эту концепцию, а эксперты высоко оценивают достижения Великобритании в данной области. Можно выявить несколько факторов, которые способствуют активному использованию концепции «мягкой силы» в британской внешней политике и обеспечивают определенные преимущества по сравнению с другими странами.

Nixey, James; Sherr, James; Wood, Andrew. *The Russian Challenge*. Chatham House Report. London: Chatham House, 2015. P. 42. Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWood.pdf

⁴ Riley-Smith, Ben. David Cameron: Take Pride in Shared Roots // *The Telegraph*, 2014, 08 February. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scotland/10625976/David-Cameron-take-pride-in-shared-roots.html>

⁵ См. подробнее: Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48-58. [Kharitonova, E.M. Effektivnost' «miagkoi sily»: problema otsenki (Effectiveness of Soft Power: The Problem of Assessment) // *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnoshenia*, 2015, No. 6, pp. 48-58].

⁶ См. подробнее: Кулькова О.С. Проблематика «мягкой силы» и культурной дипломатии в политическом дискурсе современной Великобритании: поиск ориентиров в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 1. – С. 101-138. [Kul'kova O.S. Problematika «miagkoi sily» i kul'turnoi diplomatii v politicheskem diskurse sovremennoi Velikobritaniii: poisk orientirov v epokhu peremen (Soft Power and Culture Diplomacy in Modern Great Britain: Search for Orientation in Times of Change) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 25: Mezdunarodnye otnoshenia i mirovaya politika*, 2014, No. 1, pp. 101-138].

⁷ HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review. 2015. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf

⁸ Persuasion and Power in the Modern World: House of Lords, Paper 150, Session 2013-14. S.l.: Stationery Office, 2014. 105 p.

⁹ The British Academy. The Art of Attraction. 2014. Mode of access: www.britac.ac.uk/intl/softpower.cfm

¹⁰ The British Council. Influence and Attraction. 2013. Mode of access: www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/influence-and-attraction-report.pdf

Во-первых, страна накопила большой практический опыт в данной сфере. Хотя сама концепция появилась только в 1990-х гг., современная британская политика «мягкой силы» страны опирается на институты и механизмы, которые развивались на протяжении многих десятилетий.

Во-вторых, «мягкая сила» страны рассматривается экспертами и политиками в тесной связи с силой «жесткой», т.е. с экономической и военной мощью. «Мягкая сила» анализируется не просто как абстрактная привлекательность или влияние, но и как способ повысить благосостояние и безопасность граждан Великобритании. Государственные ведомства и негосударственные организации отслеживают экономический эффект связанный с применением «мягкой силы» (например, доходы от экспорта британского образования, издательской деятельности или туризма) и используют полученные данные для обоснования финансирования соответствующих программ.

Наконец, в-третьих, в работе по увеличению британской «мягкой силы» участвуют многочисленные негосударственные акторы: коммерческие компании, неправительственные организации (НПО), бизнес-ассоциации, учреждения культуры, университеты и школы (в том числе, частные), СМИ и известные люди. Таким образом, значительная часть деятельности в этой области реализуется независимо от государства или при его минимальном вмешательстве.

Становление британской политики «мягкой силы»

«Мягкая сила» как опора на привлекательность национальных ценностей, культуры и внешней политики для достижения целей и увеличения влияния страны в мире играла существенную роль в британской внешнеполитической стратегии задолго до появления соответствующего термина.

Как отметил в своей речи, обращенной к выпускникам Дипломатической академии Форин-офиса в феврале 2016 г. принц Уильям, герцог Кембриджский, «многие столетия Британия была нацией, “смотрящей вовне”», за пределы британских островов,

а осознание предназначения и любознательность до сих пор продолжают оставаться движущими силами для экономики, культурного и образовательного экспорта, вооруженных сил и дипломатической службы Соединенного Королевства¹¹.

Автор термина «мягкая сила» Дж. Най выступил в 2013 г. на слушаниях упомянутого выше специального комитета британской Палаты лордов и высоко оценил достижения Великобритании в этой области. Он особо упомянул ведущую роль английского языка на международном уровне, историческое значение британского Содружества наций, внимание мировых СМИ к британской королевской семье, авторитет национальных университетов, а также деятельность правительенного департамента международного развития и таких организаций как Британский совет, Всемирная служба Би-би-си и т.д. Дж. Най считает, что Великобритания является одним из лидеров в области «мягкой силы» и подчеркивает, что страна смогла добиться впечатляющих успехов, имея относительно небольшое население и террииторию¹². Все перечисленные достижения, без сомнения, являются результатом работы, которая велась на протяжении длительного периода времени, а отнюдь не только после появления концепции «мягкой силы».

Колониальное прошлое страны существенно повлияло на процесс становления британской политики «мягкой силы». Британская империя взаимодействовала с многочисленными народами по всему миру и устанавливала свои порядки, создавала административные структуры, распространяла нормы и принципы организации различных общественных и государственных институтов, образовательных учреждений, приобщала людей за пределами страны к своей

¹¹ Rayner, Gordon. Duke of Cambridge Boosts EU ‘In’ Campaign by Praising UK’s ‘outward Looking’ History // *The Telegraph*, 2016, 16 February. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/prince-william/12159781/Duke-of-Cambridge-boosts-EU-In-campaign-by-praising-UKs-outward-looking-history.html>

¹² Soft Power and the UK’s Influence Committee. Oral and Written Evidence. Vol. 2. House of Lords, London, 2014. Pp. 747-760.

культуре и языку. Некоторые институты и механизмы, созданные еще в период Британской империи, функционируют и сейчас. Опыт реализации других инициатив учитывался при создании современных программ.

Так, с 1926 г. по 1933 г. действовало уникальное правительственные агентство «Имперский маркетинговый совет», работа которого была направлена на продвижение товаров Британской империи и включала в себя создание постеров, фильмов, проведение выставок, а также организацию разного рода исследований. Историк британского Открытого университета Карл Хак отмечает, что создание такого совета свидетельствовало о смене приоритетов: от империи, основанной на военном превосходстве, к империи как активному экономическому и культурному сообществу, способствующей процветанию как метрополии, так и колоний¹³.

В 1932 г. было запущено зарубежное вещание национальной общественной корпорации Би-Би-Си (*BBC World Service*), которое было призвано служить «соединяющим и координирующим звеном между разбросанными частями Британской империи»¹⁴. С 1938 г. по апрель 2014 г. зарубежное вещание финансировалось министерством иностранных дел и по делам Содружества (МИД) Великобритании (в российской литературе министерство также часто обозначается как Форин-оффис), однако в 2014 г. такая практика была прекращена¹⁵.

В 1934 г., при поддержке министерства иностранных дел был основан «Британский комитет по отношениям с другими странами», сегодня известный как Британский совет (*British Council*). В 1938 г. открылись

первые отделения этой структуры за рубежом. Британский совет – это общественная организация, зарегистрированная в Англии, Шотландии и Уэльсе в качестве благотворительной. Однако одновременно он является так называемым недепартаментским общественным органом и частично финансируется министерством иностранных дел и по делам Содружества. Организация согласовывает с Министерством свою деятельность и отчитывается перед ним за проделанную работу.

Некоторые авторы отмечают, насколько стабильной оказалась система, созданная в 1930-х гг., даже несмотря на то, что за время, прошедшее с момента ее возникновения, неоднократно производились попытки в большей степени подчинить зарубежную информационную и культурную политику государству¹⁶. Началась и закончилась Вторая мировая война, затем «холодная война», однако организации, которые возникли около 80 лет назад, приспособливались и менялись в соответствии с требованиями времени и продолжают действовать до сих пор. Более того, они, в свою очередь, оказывают важное влияние на британскую внешнюю политику путем лоббирования и формирования повестки дня.

В качестве отдельного этапа, значимого для становления и развития механизмов и инструментов британской «мягкой силы», можно выделить период Второй мировой войны. Так, с 1939 г. по 1941 г. численность персонала Би-Би-Си, занятого в работе на аудитории в других странах, выросла со 103 до 1472 чел. К концу 1940 г. вещание производилось на 34 языках, а к 1945 г. – уже на 45, что превратило организацию в крупнейшую телерадиовещательную корпорацию в мире¹⁷.

В послевоенный период развитие политики, которую сегодня можно назвать

¹³ Hack, Karl. *Selling Empire: The Empire Marketing Board* / Open Learn. The Open University. Mode of access: <http://www.open.edu/openlearn/history-the-arts/history/world-history/selling-empire-the-empire-marketing-board>

¹⁴ Слова генерального директора Сэра Дж. Рейта, сказанные во время первого эфира BBC, цитируются по архиву BBC: Mode of access: <http://www.bbc.co.uk/worldservice/history/timeline.shtml>

¹⁵ BBC World Service. A Licence Fee Funded Service. June 2013. Mode of access: http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/consult/ws01/ws01_positioning.pdf

¹⁶ Brown, Robin. *The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research* / Institute of Communication Studies. University of Leeds. Leeds. UK, 2012.

¹⁷ 1940s // BBC, 2007, 08 February. Mode of access: http://www.bbc.co.uk/worldservice/history/story/2007/02/070122_html_40s.shtml

«мягкой силой», продолжалось. В 1950–1960 гг. был создан ряд комитетов, по исследованию опыта информационной и культурной работы за рубежом: их задачей стала подготовка рекомендаций правительству по вопросам финансирования, географических приоритетов и организации такой деятельности¹⁸.

Одной из новых форм работы стало «техническое содействие», а в дальнейшем «содействие международному развитию». В первую очередь, такая деятельность была сфокусирована на бывших колониях. В 1964 г. после прихода к власти правительства лейбористов Г. Уилсона было сформировано новое министерство зарубежного развития (*Ministry of Overseas Development*). При этом техническое содействие опиралось на созданные в колониальный период административные структуры¹⁹.

Значительную роль в политике «мягкой силы» играла также опора на образование. В 1962 г. Великобритания и США занимали первое место по числу обучающихся в этих странах студентов из развивающихся государств (по 40 тыс. чел. в каждой из стран). Около 5 тыс. британских учителей, в свою очередь, работали в развивающихся странах²⁰. В 1984 г. министерство иностранных дел и по делам Содружества²¹ учредило стипендию для обучения в Великобритании потенциальных будущих лидеров из разных стран мира.

¹⁸ See: Brown, Robin. The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research / Institute of Communication Studies. University of Leeds. Leeds. UK, 2012.

¹⁹ Pacquement, Francois. How Development Assistance from France and the United Kingdom Has Evolved: Fifty Years on from Decolonisation // *International Development Policy | Revue internationale de politique de développement*, 2010, No. 1. Mode of access: <http://poldev.revues.org/137>; DOI : 10.4000/poldev.137

²⁰ British Aid-4. Technical Assistance. A Factual Survey of Britain's Aid to Overseas Development through Technical Assistance. London: The Overseas Development Institute, 1964, 200 p.

²¹ Данное министерство возникло в 1968 г. в результате слияния министерства иностранных дел и министерства по делам Содружества.

Сегодня эта стипендия известна под названием Чивнинг (*Chevening*) и доступна для граждан 160 государств²².

Еще одно направление деятельности, сформировавшееся в 1960-х г., – развитие туризма. В 1969 г. был принят «Акт о развитии туризма» (*Development of Tourism Act*)²³, согласно которому была создана новая структура *British Tourist Authority* сегодня известная как *VisitBritain*. Это агентство действует под руководством правительственного департамента по культуре, СМИ и спорту и отвечает за продвижение внутреннего и въездного туризма в Англии, Шотландии и Уэльсе

Современный этап развития британской политики «мягкой силы» можно начать отсчитывать как с момента окончания «холодной войны», т.е. с начала 1990-х гг., так и с более позднего периода, относящегося к концу 1990-х гг. Второй подход представляется более предпочтительным. После победы партии лейбористов на выборах 1997 г. значительно вырос интерес к позиционированию Британии за рубежом, влиянию страны и ее роли в мире. В это время правительство также пересмотрело подходы к содействию международному развитию и учредило департамент международного развития²⁴. Кроме того, технический прогресс и увеличение доступа к средствам массовой информации, развитие в предыдущие годы радио, телевидения и кинематографа, а к концу XX – началу XXI в. – сети Интернет принципиально изменили многие подходы к внешней политике государств, и создали беспрецедентные возможности для распространения «мягкой силы».

ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Ведущая роль в реализации государственной внешней политики и, в частно-

²² Chevening Scholarships. Mode of access: <http://www.chevening.org>

²³ Development of Tourism Act 1969. The National Archives. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/51>

²⁴ Hall, Ian. Building the Global Network? The Reform of the Foreign and Commonwealth Office under New Labour // *BPIR*, 2013, Vol. 15, pp. 228-245. doi: 10.1111/j.1467-856X.2012.00533.x

сти, политики «мягкой силы» принадлежит премьер-министру. Возглавляемое им правительство отвечает за текущую политику перед Сувереном, парламентом, своей политической партией и в целом перед избирателями.

На сегодняшний день правительство включает в себя 24 министерских и 22 неминистерских департамента, многочисленные агентства, недепартаментские общественные органы и государственные корпорации²⁵. Российский исследователь А.В. Шелепов справедливо отмечает, что основная роль в реализации британской политики «мягкой силы» принадлежит министерству иностранных дел и по делам Содружества, департаменту международного развития и министерству культуры, СМИ и спорта²⁶. Однако можно отметить, что ряд других министерств и около десятка неминистерских структур также в большей или меньшей степени участвуют в планировании, координации, выполнении и оценке работы, связанной с увеличением «мягкой силы» страны.

Министерство иностранных дел и по делам Содружества и дипломатические представительства за рубежом вовлечены практически во все направления деятельности по увеличению «мягкой силы» страны. В «бизнес-плане» министерства на 2011–2015 гг. использование «мягкой силы» указано в качестве одного из пяти приоритетов реформ²⁷. В плане работы министерства на

²⁵ См. официальный сайт правительства Великобритании: <https://www.gov.uk/government/organisations>

²⁶ Шелепов А.В. Зарубежный опыт применения «мягкой силы»: Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т.9, № 2. – С.10-25. [Sheleporov, A.V. Zarubezhnyi opyt primeneniia «miagkoi sily»: Faktory uspekha politiki «miagkoi sily» Velikobritanii (Foreign Experience of Soft Power: Factors of Successful Soft Power Implementation in Great Britain) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika*, 2014, Vol.9, No. 2, pp.10-25].

²⁷ Business Plan 2011–2015, Foreign and Commonwealth Office. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32855/FCO-Business-Plan1.pdf

период с 2015 по 2020 гг. увеличение воздействия «мягкой силы» страны выделено в качестве ключевого компонента задачи «Проецирование нашего глобального влияния» (одной из трех составляющих плана, две другие задачи – это «Защита наших граждан» и «Увеличение нашего благосостояния»)²⁸.

Министерство не только занимается собственно дипломатической работой, взаимодействуя с правительствами других стран и международными организациями, отвечая за связи с общественностью, донося позицию Великобритании по ключевым проблемам и вопросам до партнеров и зарубежных аудиторий и т.п., но и выступает связующим звеном, координатором и исполнителем различных направлений политики «мягкой силы».

Своеобразные взаимоотношения сложились между министерством иностранных дел и департаментом международного развития Великобритании (*DFID*) – еще одним министерским департаментом в структуре правительства. Координация работы двух важнейших, с точки зрения, «мягкой силы», ведомств остается одним из приоритетов работы при правительствах консерваторов и лейбористов, а распределение сфер ответственности между ними не всегда выглядит логичным со стороны. Так, например, МИД отвечает за стипендиальную программу Чивнинг, а также программу стипендий Маршалла для граждан США в то время как стипендии для граждан стран Содружества находится в ведении департамента международного развития. Также МИД напрямую финансирует Вестминстерский фонд развития демократии, основанный в 1992 г. и имеющий статус «недепартаментского общественного органа», хотя его работа скорее относится к сфере международного развития.

Зарубежная деятельность департамента международного развития опирается на сотрудничество с неправительственными

²⁸ Foreign and Commonwealth Office. Single Departmental Plan: 2015 to 2020. 19 February, 2016. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/fco-single-departmental-plan-2015-to-2020/single-departmental-plan-2015-to-2020#2>

организациями – в первую очередь, с ведущими международными организациями со штаб-квартирами в Великобритании, такими как *Oxfam*, Британский Красный Крест, *Care International*, *Save the Children*, британским подразделением «Всемирного фонда дикой природы» (*WWF UK*). Одна из форм сотрудничества с такими структурами представляет собой заключение долгосрочных партнерских соглашений (*Programme Partnership Arrangements, PPA*). Речь идет о возможности бюджетного финансирования текущей деятельности организаций, а не конкретных проектов, что дает международным НПО достаточную степень свободы и возможность гибко подходить к планированию и реализации деятельности за рубежом²⁹.

Министерство культуры, СМИ и спорта, как следует из его названия, отвечает за ключевые, с точки зрения «мягкой силы», ресурсы и активы страны. В его ведении находятся ведущие музеи и культурные организации, такие как Британский музей и галерея Тейт, а также национальные парки, спортивные организации и СМИ, в том числе, Би-Би-Си. Данное ведомство играло центральную роль в организации летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г., а также в запуске первоначально задуманной в качестве дополнения к Олимпиаде межведомственной программы *GREAT Britain* (или *GREAT*). Помимо этого, министерство финансирует две структуры, также работающие на повышение привлекательности Великобритании и Англии в мире: недепартаментские общественные органы *VisitBritain* и *VisitEngland*. Они занимаются продвижением соответствующих туристических направлений в стране и за рубежом и, в свою очередь, взаимодействуют с фирмами, занятых в этой отрасли, и отраслевыми предпринимательскими организациями.

Министерство бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки оказывает поддержку национальным компаниям, в том числе – в их зарубежной деятельности и отвечает за политику в сфере науки и иннова-

ций, профессионального и высшего образования как одного из важнейших ресурсов британской «мягкой силы» (детские сады, школы, а также социальное благополучие детей находятся в ведении министерства образования). Британские университеты традиционно занимают высокие позиции в международных образовательных рейтингах³⁰, и вносят вклад в увеличение «мягкой силы» страны. Не менее важен экономический потенциал высшего образования: так, в 2011 г. доходы страны от экспорта образования составили 17,5 млрд ф. ст.³¹

Ключевая роль в работе по продвижению британских компаний за рубежом, созданию условий для развития экспорта национальных товаров и услуг, а также привлечению зарубежных инвестиций принадлежит неминистерскому департаменту по торговле и инвестициям (*UK Trade and Investment, UKTI*), находящемуся в ведении сразу двух министерств: бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки и МИД.

По сравнению с министерством бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки, роль министерства образования в увеличении «мягкой силы» страны представляется менее значительной. Однако британские школы, как и университеты, участвуют в создании позитивного образа страны. Учеба в школах Соединенного Королевства считается престижной во многих странах мира. Интересен и подход к школьному образованию с точки зрения взаимодействия британских граждан с представителями других стран. Так, комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании Палаты лордов отметил недостаточное внимание, уделяемое изучению иностранных языков, и

³⁰ Так, например, в рейтинге лучших университетов мира QS на 2015/2016 гг., в первой десятке университетов присутствует 4 британских учебных заведения. См.: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2015>

³¹ International Education Strategy: Global Growth and Prosperity. 29 July, 2013. The Department for Business, Innovation and Skills (BIS). London. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/340601/bis-13-1082-international-education-accompanying-analytical-narrative-revised.pdf

²⁹ См. официальный сайт правительства Великобритании: <https://www.gov.uk/programme-partnership-arrangements-ppas>

рекомендовал усилить данное направление в школах Соединенного Королевства³². При обсуждении влияния, которое оказывают национальные «креативные индустрии» за рубежом, комитет рекомендовал правительству усилить программы обучения дизайну и технологиям в британских школах³³.

Роль министерства обороны в реализации политики «мягкой силы» сложно охарактеризовать однозначно. Основная проблема здесь заключается в возможности сочетания «мягкой» и «жесткой» силы. Политика «умной силы», к которой призывает автор концепции Дж. Най, заключается во взаимодополняющем использовании обеих разновидностей силы. Однако на практике достижение такой идеальной ситуации представляется достаточно проблематичным, и использование «жесткой» силы может также привести к уменьшению силы «мягкой». Вместе с тем, стратегические документы британского министерства обороны свидетельствуют о стремлении усилить невоенные механизмы влияния и максимально использовать возможности, связанные с созданием партнерств, продвижением британских идей и ценностей. Выше уже была упомянута опубликованная в 2015 г. Национальная стратегия безопасности, где «мягкой силе» отводится значимая роль, однако и более ранние официальные публикации министерства используют эту концепцию.

Один из ключевых докладов 2010 г., подготовленный министерством обороны для «Стратегического обзора по безопасности», включал особый раздел, посвященный проблеме влияния страны за рубежом: в нем использовался термин «мягкая сила» и говорилось о важности невоенных методов обеспечения национальной безопасности³⁴. В 2013 г. министерство подготовило документ о межправительственном сотрудничестве в области обороны, в котором было

³² Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords, Paper 150, Session 2013-14. S.l., Stationery Office, 2014. P. 106.

³³ Ibid. P. 118.

³⁴ Ministry of Defense. Adaptability and Partnership: Issues for the Strategic Defense Review. 2010. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf

заявлено о необходимости применять существующие ресурсы для достижения влияния, выходящего за рамки «жесткой силы»³⁵. На слушаниях Палаты лордов эксперты отметили, что министерство обороны может играть ключевую роль в продвижении «мягкой силы» за рубежом³⁶.

Наконец, еще два министерских департамента, которые следует перечислить при описании британской политики «мягкой силы» – это Казначейство (*HM Treasury*) и секретариат Кабинета министров (*Cabinet Office*). Первое отвечает за финансовую политику и оказывает существенное влияние на реализацию инициатив в области «мягкой силы». Так, Казначейство сыграло важную роль при принятии решения о продлении финансирования программы *GREAT* на 2013-2014 гг., а также 50%-ном увеличении ее финансирования на 2015-2016 гг., основываясь на проведенном анализе экономической целесообразности программы³⁷. В свою очередь, секретариат Кабинета министров участвует в реализации и координации некоторых программ. В частности, руководство *GREAT* осуществляется именно в рамках данного ведомства.

Министерские департаменты выполняют следующие функции в рамках государственной политики «мягкой силы»: ее планирование, реализацию и мониторинг, межведомственную координацию, а также сотрудничество с негосударственными организациями. Одновременно парламент Великобритании также оказывает значительное влияние на осуществление такой политики и осуществляет контроль над деятельностью правительства. При этом исторически сложившиеся особенности функционирования верхней и нижней палат парламента

³⁵ Ministry of Defence. International Defence Engagement Strategy, 2013. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/73171/defence_engagement_strategy.pdf

³⁶ Humanitarian Intervention Centre (HIC). House of Lords. Soft Power and the UK's Influence Committee. Oral and written Evidence. Vol. 2. Stationery Office, 2014, p. 631.

³⁷ House of Lords. Soft Power and the UK's Influence Committee. Oral and written Evidence. Vol. 2. Stationery Office, 2014, p. 606.

сказываются на специфике их работы.

Палата общин формируется по результатам выборов. Она обсуждает и принимает законодательные акты, а также контролирует деятельность правительства. Действующие в рамках нижней палаты парламента комитеты играют заметную роль в политике «мягкой силы»: они рассматривают вопросы, касающиеся сферы деятельности соответствующих министерских департаментов, и взаимодействуют с ними. Так, комитет по международному развитию анализирует работу соответствующего правительственного департамента. Комитет, ответственный за внешнюю политику, изучает деятельность министерства иностранных дел и по делам Содружества, а также связанных с ним организаций, в том числе, Британского совета. Комитет по культуре, СМИ и спорту осуществляет мониторинг политики, организационных и финансовых вопросов относящихся к деятельности министерства культуры, СМИ и спорта и подотчетных ему структур включая Би-Би-Си. Представители партий, победивших на парламентских выборах, стремятся оказать влияние на вопросы, связанные с увеличением «мягкой силы» страны.

Верхняя палата британского парламента в меньшей степени ограничена сроками полномочий и партийной принадлежностью, а значит, имеет возможность учитывать долгосрочные тенденции и рассматривать «мягкую силу» страны в более широком контексте. Отчет специального комитета Палаты лордов по «мягкой силе» и влиянию Великобритании³⁸ и протоколы его заседаний свидетельствуют о том, что представители британского истеблишмента уделяют большое внимание реализации соответствующей политики в интересах своей страны.

Роль института монархии

Изучая роль «мягкой силы» во внешней политике Великобритании и существующие механизмы и инструменты реализации та-

³⁸ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords. Paper 150, Session 2013-14. S.1.: Stationery Office, 2014, 105 p.

кой политики, невозможно обойти стороной огромное значение института монархии. Монархия воспринимается в мире как отличительная и узнаваемая черта Великобритании, привлекает в страну туристов, вызывает значительный интерес со стороны СМИ. Деятельность отдельных членов британской королевской семьи также работает на увеличение «мягкой силы» и влияния страны. Так, за время своего правления королева Елизавета посетила с официальными визитами 116 стран³⁹. Если в 1990-х гг. трагическая история принцессы Дианы сыграла неоднозначную роль с точки зрения восприятия британской монархии, даже несмотря на активное участие принцессы в благотворительной деятельности, то к 2010-м гг. имидж королевской семьи значительно улучшился. Свадьба принца Уильяма в 2011 г., празднование юбилея правления королевы в 2012 г. и рождение в семье герцога и герцогини Кембриджских двоих детей привлекли огромное внимание за рубежом. По некоторым оценкам, 12% посещений новостных сайтов в мире в июле 2013 г. были связаны с рождением принца Джорджа, а свадьба его родителей в 2011 г. принесла британской экономике дополнительные 2 млрд ф. ст.⁴⁰. По информации министерства иностранных дел и по делам Содружества только юбилей правления королевы Елизаветы был освещен мировыми СМИ с общей аудиторией более 1 млрд человек и привлек в страну около 50 тыс. гостей⁴¹. Празднование 90-летнего юбилея Елизаветы II в 2016 г. также вызвало значительный интерес. Члены королевской семьи поддерживают благотворительные программы и крупные общественные мероприятия, посещают с визитами зарубежные страны, а также участвуют в инициативах правительства, направленных на увеличение «мягкой силы» и влияния страны. На открытии летних Олимпийских игр в Лон-

³⁹ House of Lords. Soft Power and The UK's Influence Committee. Oral and Written Evidence Vol. 1. Stationery Office, 2014, p. 450.

⁴⁰ Stewart, Alastair. Monarchy and Soft Power: The Triumph of Britain without Empire? Mode of access: <http://darrow.org.uk/2014/05/01/monarchy-and-soft-power-the-triumph-of-britain-without-empire>

⁴¹ Ibid.

доне в 2012 г. королева Елизавета II не только выступила в своей официальной роли, но и приняла участие в уникальной постановке, изображающей ее прыжок с парашютом вместе с исполнителем роли Джеймса Бонда британским актером Дэниэлом Крэйгом⁴². В 2013 г. представительницы королевского дома принцессы Беатрисы и Евгения Йоркские приняли участие в туре по Германии, направленном на укрепление торговых и экономических связей и продвижение британской индустрии, культуры, технологий и инноваций в рамках программы GREAT⁴³.

Роль негосударственных акторов в политике «мягкой силы»

Британские эксперты и мозговые центры особо подчеркивают, что государственные инициативы воспринимаются с недоверием, в то время как деятельность бизнеса, образовательных учреждений, деятелей искусства и т.п. не вызывает негативной реакции зарубежных аудиторий. Поэтому значительная часть работы в рамках британской «мягкой силы» сознательно позиционируется как независимая от государства, хотя де-факто правительство и законодательные органы власти имеют решающий голос в этом отношении.

При этом можно отметить, что правительственные и финансируемые правительством структуры, в том числе, Британский совет, зачастую выполняют функцию посредника и проводника на зарубежные рынки для британского бизнеса, образовательных и культурных учреждений. Это согласуется с тенденцией, отмеченной отечественными авторами, когда внешнеполи-

⁴² London 2012: Queen Delighted with James Bond Role in Opening Ceremony // *The Telegraph*, 2012, 28 July. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/sport/olympics/london-2012/9434663/London-2012-Queen-delighted-with-James-Bond-role-in-opening-ceremony.html>

⁴³ Rayner, Gordon. Princesses Beatrice and Eugenie to Work as UK Trade Ambassadors // *The Telegraph*, 2013, 14 January. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/theroyalfamily/9801364/Princesses-Beatrice-and-Eugenie-to-work-as-UK-trade-ambassadors.html>

тическая деятельность страны увязывается с увеличением возможностей для экспорта и инвестиций⁴⁴.

Так, например, Британский совет предлагає услуги по маркетингу для национальных учебных заведений в рамках программы *Services for International Education Marketing (SIEM)*. Программа включает ряд платных и бесплатных сервисов, в том числе ежемесячные брифинги о состоянии рынков и информация о потенциальных возможностях; маркетинговые исследования о перспективах экспорта образования в той или иной стране мире; услуги по продвижению и рекламе для образовательных учреждений на целевых рынках и т.п.

Британское управление по туризму (*VisitBritain*), в свою очередь, сотрудничает с британскими компаниями, занятыми в соответствующей отрасли, а департамент по торговле и инвестициям оказывает поддержку британским экспортерам, а также работает над привлечением иностранных инвестиций.

Программа *GREAT Britain* (или *GREAT*) – один из наиболее показательных примеров инициатив, направленных на усиление межведомственной координации и одновременно привлечения негосударственных акторов к работе по увеличению «мягкой силы». По сути дела, программа эффективно задействовала ценные инструменты «мягкой силы» для продвижения имиджа страны и повышения ее привлекательности за рубежом⁴⁵.

⁴⁴ См., напр.: Грабарь. Я.А. Глава 17. «Экономизация» внешней политики // Дilemmы Британии. В поисках путей развития. Под ред. А.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. – М.: Издательство «Весь мир». – С. 386-396. [Grabar', Ia. A. Ch. 17. «Ekonomizatsiia» vnesheini politiki (“Economization” of Foreign Policy) // Dilemmы Britanii. V poiskakh putei razvitiia. Ed. by A.A. Gromyko, E.V. Anan'eva. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir». Pp. 386-396].

⁴⁵ Кулькова О.С. Проблематика «мягкой силы» и культурной дипломатии в политическом дискурсе современной Великобритании: поиск ориентиров в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 1. – С. 101-138. [Kul'kova, O.S. Problematika “miagkoi sily” i kul'turnoi diplomatiи v politicheskem diskurse sovremennoi

Данная программа была запущена в преддверии летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. В ее реализации приняли участие различные ведомства и организации. Кампанию поддержали представители крупного бизнеса, в том числе: авиакомпания *British Airways*, телекоммуникационная корпорация *BT*, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса люкс *Burberry*, автомобильные компании *McLaren* и *Land Rover Jaguar*; а также известные люди: модельеры Пол Смит и Вивьен Вествуд, основатель международного конгломерата компаний *Virgin Group* Ричард Брэнсон, актриса Джуди Денч и другие. Само слово GREAT обыгрывалось в рекламе и объединило различные направления в рамках кампании: была выпущена линейка коммуникационных материалов (постеров, интернет-баннеров, биллбордов и т.п.) с лозунгами, которые можно прочесть двояко: “*Education is GREAT*”/“*Education is GREAT Britain*” («Образование – это здорово»/«Образование – это Великобритания»), “*Innovation is GREAT*”/“*Innovation is GREAT Britain*”, («Инновации – это здорово»/«Инновации – это Великобритания»), “*Heritage is GREAT*”/“*Heritage is GREAT Britain*” («Наследие – это здорово»/«Наследие – это Великобритания») и т.п.

Согласно официальной формулировке, кампания направлена на то, чтобы вдохновить мир на новое рациональное и эмоциональное восприятие Великобритании в настоящем и будущем, на то, чтобы показать, что Великобритания – наилучшая страна для туризма, инвестиций, получения образования и торговли.

По данным Национального офиса аудита Великобритании, финансирование программы с 2012 г. по 2015 г. составило 113,5 млн ф. ст. При этом доходы от ее реализации за этот период оцениваются в 1,2 млрд ф. ст., а общий доход до 2019-2020 г. должен составить от 1,7 до 1,9 млрд ф. ст.

Velikobritaniia: poisk orientirov v epokhu peremen (Soft Power and Culture Diplomacy in Modern Great Britain: Search for Orientation in Times of Change) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaya politika*, 2014, No. 1, pp. 101-138].

Разработанным в рамках программы брендом GREAT пользуется 17 правительственные департаментов и относящихся к ним организаций. Координационный совет программы возглавляет министр по культуре, СМИ и спорту. По состоянию на март 2015 г., кампанию поддержали 202 коммерческие компании и 164 известных лица. Дополнительное финансирование со стороны бизнеса составило 68 млн ф. ст. (цифра включает в себя как финансовый вклад, так и поддержку в виде товаров или услуг)⁴⁶.

Ведомства, участвующие в программе, оценивают ориентировочные дополнительные доходы от ее реализации. Так, организация *VisitBritain* сообщает о выгодах от использования материалов программы GREAT для развития туризма, Британский совет измеряет влияние кампании размерами дохода от приема иностранных студентов, а Департамент по торговле и инвестициям и Форин-офис отчитываются о поддержке британскому бизнесу и ориентировочной прибыли, полученной благодаря данной программе⁴⁷.

Как показала практика, инициатива GREAT оказалась достаточно успешной. Об этом говорит решение продолжать кампанию, которая первоначально задумывалась как дополнение к Олимпийским играм в Лондоне, и после завершения Олимпиады. Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании в рамках парламентской сессии 2013-2014 гг. заслушал экспертов по данному вопросу, после чего рекомендовал Правительству продолжить реализацию программы, уделяя внимание отдельным культурным мероприятиям, которые потенциально способны положительно повлиять на въездной туризм⁴⁸. Правительство в документе, составленном в ответ на доклад Комитета, сообщило, что благодаря инициативе GREAT экономика страны получила более 500 млн ф. ст. и ожидается, что связанная с

⁴⁶ National Audit Office. Exploiting the UK Brand Overseas. Report. 5 June, 2015. Mode of access: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>

⁴⁷ Ibid. P. 9.

⁴⁸ Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords, Paper 150, Session 2013-14. S.I.: Stationery Office, 2014, p. 117.

данной кампанией дополнительная прибыль за 2013-2014 гг. составит еще 600-800 млн⁴⁹.

* * *

Анализ государственной политики «мягкой силы» Великобритании позволяет отметить присущие ей особенности:

– стремление отталкиваться от **уже существующих преимуществ** и максимально использовать имеющиеся инструменты и механизмы, прежде чем создавать новые;

– большое значение, которое придается **негосударственным акторам**, участвующим в распространении «мягкой силы», и стремление дистанцироваться от государства в работе по ряду направлений;

– отношение к политике «мягкой силы» **как к стратегии, а не тактике**, т.е. акцент на долгосрочной и последовательной реализации всего комплекса мер, относящихся к «мягкой силе», а не на отдельные краткосрочные проекты и программы;

– стремление использовать «мягкую силу» для **повышения безопасности и благосостояния** граждан Великобритании;

– стремление использовать «мягкую силу» для того, чтобы в определенной степени **дистанцироваться** от более широкой сферы влияния под руководством США и от Европейского союза, создать узнаваемый и отличающийся национальный образ Великобритании.

Можно видеть, что в последнее время руководство страны проводит политику, направленную на улучшение координации между различными ведомствами. Ее задача – снизить расходы, избежать дублирования функций, и создать единый и узнаваемый образ и «голос» Великобритании за рубежом.

Наконец, стоит особо отметить, что британские институты апеллируют, в первую очередь, к экономическим выгодам реализуемых программ. Это позволяет обосновывать финансирование такой деятельности

и привлечь значительный объем внебюджетных средств. Кроме того, если измерение и оценка оказанного влияния в рамках политики «мягкой силы» – весьма сложная задача, то оценить экономический эффект и тем самым подтвердить значимость реализуемой работы значительно проще.

Вопросы, связанные с имиджем Великобритании в мире, «мягкой силой», работой государственных ведомств и финансируемых государством институтов (таких, как Британский совет) за рубежом, неизменно увязываются в публичных выступлениях чиновников с темой повышения благосостояния страны и ее граждан. Показательно, что на слушаниях в парламенте и в дискуссиях в СМИ практически отсутствует критика по поводу целесообразности расходов на долгосрочные программы в сфере продвижения английского языка, образования и культуры. Инициативы, направленные на увеличение «мягкой силы», позиционируются не как исключительно имиджевые, а как экономически оправданные.

В то же время программы, реализация которых не увязана напрямую с экономическими выгодами, вызывают значительно больше критики – как со стороны оппозиции, так и в СМИ и в обществе (что фиксируется социологическими опросами). Например, правительство регулярно упрекают в чрезмерно высоких расходах на программы содействия развитию⁵⁰.

Британский опыт представляется весьма интересным для России, ведь поиск путей увеличения «мягкой силы» и одновременно вопросы потенциальных источников экономического роста являются в высшей степени актуальными для нашей страны. Концепция «мягкой силы» вызвала большой интерес у российских политиков и экспертов, однако в

⁴⁹ См. подр.: Харитонова Е.М. Программы содействия международному развитию и национальная безопасность: опыт Великобритании // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2 (49). – С. 29-43. [Kharitonova, E.M. Programmy sodeistviia mezhdunarodnomu razvitiu i natsional'naia bezopasnost': opyt Velikobritanii (Programs of International Development Assistance and National Security: British Experience) // Puti k miru i bezopasnosti, 2015, № 2 (49), pp. 29-43].

отечественной научной литературе и публицистике основное внимание уделяется вопросам влияния, увеличения привлекательности или донесения собственной точки зрения до зарубежной аудитории. Экономический потенциал и возможности государственно-частного партнерства в этой сфере в представляются в меньшей степени изученными. Между тем британский опыт показывает, что активное участие и экономическая заинтересованность негосударственных акторов в работе по увеличению «мягкой силы» (например, в продвижении английского языка, британского образования и культуры) расширяют охват и повышают эффективность таких программ, обеспечивают поддержку инициативам в британском обществе и вносят вклад в экономику страны.

Литература:

Грабарь, Я.А. Глава 17. «Экономизация» внешней политики // Дilemmы Британии. В поисках путей развития. Под ред. А.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. – М.: Издательство «Весь мир». – С. 386-396.

Кулькова О.С. Проблематика «мягкой силы» и культурной дипломатии в политическом дискурсе современной Великобритании: поиск ориентиров в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 1. – С. 101-138.

Харитонова Е.М. Программы содействия международному развитию и национальная безопасность: опыт Великобритании // Пути к миру и безопасности. – 2015. – № 2 (49). – С. 29-43.

Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48-58.

Шелепов А.В. Зарубежный опыт применения «мягкой силы»: Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т.9, № 2. – С.10-25.

1940s // BBC, 2007, 08 February. Mode of access: http://www.bbc.co.uk/worldservice/history/story/2007/02/070122_html_40s.shtml

BBC World Service. A Licence Fee Funded Service. June 2013. Mode of access: http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/consult/wsol/wsol_positioning.pdf

British Aid-4. Technical Assistance. A Factual Survey of Britain's Aid to Overseas Development through Technical Assistance. London: The Overseas Development Institute, 1964, 200 p.

Brown, Robin. The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research / Institute of Communication Studies. University of Leeds. Leeds. UK, 2012.

Business Plan 2011-2015, Foreign and Commonwealth Office. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32855/FCO-Business-Plan1.pdf

uploads/system/uploads/attachment_data/file/32855/FCO-Business-Plan1.pdf

Development of Tourism Act 1969. The National Archives. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/51>

Foreign and Commonwealth Office. Single Departmental Plan: 2015 to 2020. 19 February, 2016. Mode of access: [https://www.gov.uk/government/publications/fco-single-departmental-plan-2015-to-2020#2](https://www.gov.uk/government/publications/fco-single-departmental-plan-2015-to-2020/single-departmental-plan-2015-to-2020#2)

Giles, Keir; Hanson, Philip; Lyne, Roderic; Nixey, James; Sherr, James; Wood, Andrew. The Russian Challenge. Chatham House Report. London: Chatham House, 2015. Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field_field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWood.pdf

Hack, Karl. Selling Empire: The Empire Marketing Board / OpenLearn. The Open University. Mode of access: <http://www.open.edu/openlearn/history-the-arts/history/world-history/selling-empire-the-empire-marketing-board>

Hall, Ian. Building the Global Network? The Reform of the Foreign and Commonwealth Office under New Labour // BIPIR, 2013, Vol. 15, pp. 228-245. doi: 10.1111/j.1467-856X.2012.00533.x

HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review. 2015. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf

House of Lords. Soft Power and the UK's Influence Committee. Oral and written Evidence. Vol. 2. Stationery Office, 2014.

House of Lords. Soft Power and The UK's Influence Committee. Oral and Written Evidence . Vol. 1. Stationery Office, 2014.

Humanitarian Intervention Centre (HIC). House of Lords. Soft Power and the UK's Influence Committee. Oral and written Evidence. Vol. 2. Stationery Office, 2014.

International Education Strategy: Global Growth and Prosperity. 29 July, 2013. The Department for Business, Innovation and Skills (BIS). London. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/340601/bis-13-1082-international-education-accompanying-analytical-narrative-revised.pdf

London 2012: Queen Delighted with James Bond Role in Opening Ceremony // *The Telegraph*, 2012, 28 July. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/sport/olympics/london-2012/9434663/London-2012-Queen-delighted-with-James-Bond-role-in-opening-ceremony.html>

Ministry of Defence. International Defence Engagement Strategy, 2013. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/73171/defence_engagement_strategy.pdf

Ministry of Defense. Adaptability and Partnership: Issues for the Strategic Defense Review. 2010. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf

National Audit Office. Exploiting the UK Brand Overseas. Report. 5 June, 2015. Mode of access: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>

Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. N.Y.: New York Public Affairs, 2004. 191 p.

Nye, Joseph. What China and Russia Don't Get About Soft Power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>

Pacquement, Francois. How Development Assistance from France and the United Kingdom Has Evolved: Fifty Years from Decolonisation // *International Development Policy / Revue internationale de politique de développement*, 2010, No. 1. Mode of access: <http://poldev.revues.org/137>; DOI : 10.4000/poldev.137

Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords, Paper 150, Session 2013-14. S.I., Stationery Office, 2014.

Rayner, Gordon. Duke of Cambridge Boosts EU 'In' Campaign by Praising UK's 'outward Looking' History // *The Telegraph*, 2016, 16 February. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/prince-william/12159781/Duke-of-Cambridge-boosts-EU-In-campaign-by-praising-UKs-outward-looking-history.html>

Rayner, Gordon. Princesses Beatrice and Eugenie to Work as UK Trade Ambassadors // *The Telegraph*, 2013, 14 January. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/theroyalfamily/9801364/Princesses-Beatrice-and-Eugenie-to-work-as-UK-trade-ambassadors.html>

Response to the House of Lords Select Committee Report on Soft Power 2013-14. 48 p. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/response-to-the-house-of-lords-select-committee-report-on-soft-power-2013-14>

Riley-Smith, Ben. David Cameron: Take Pride in Shared Roots // *The Telegraph*, 2014, 08 February. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/scotland/10625976/David-Cameron-take-pride-in-shared-roots.html>

Stewart, Alastair. Monarchy and Soft Power: The Triumph of Britain without Empire? Mode of access: <http://darrow.org.uk/2014/05/01/monarchy-and-soft-power-the-triumph-of-britain-without-empire>

References:

1940s // BBC, 2007, 08 February. Mode of access: http://www.bbc.co.uk/worldservice/history/story/2007/02/070122_html_40s.shtml

BBC World Service. A Licence Fee Funded Service. June 2013. Mode of access: http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/consult/ws01/ws01_positioning.pdf

British Aid-4. Technical Assistance. A Factual Survey of Britain's Aid to Overseas Development through Technical Assistance. London: The Overseas Development Institute, 1964, 200 p.

Brown, Robin. The Four Paradigms of Public Diplomacy: Building a Framework for Comparative Government External Communications Research / Institute of Communication Studies. University of Leeds. Leeds. UK, 2012.

Business Plan 2011-2015, Foreign and Commonwealth Office. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/32855/FCO-Business-Plan1.pdf

Development of Tourism Act 1969. The National Archives. Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1969/51>

Foreign and Commonwealth Office. Single Departmental Plan: 2015 to 2020. 19 February, 2016. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/fco-single-departmental-plan-2015-to-2020/single-departmental-plan-2015-to-2020#2>

Giles, Keir; Hanson, Philip; Lyne, Roderic; Nixey, James; Sherr, James; Wood, Andrew. The Russian Challenge. Chatham House Report. London: Chatham House, 2015. Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWood.pdf

Grabar', Ia. A. Ch. 17. «Ekonomizatsiia» vneshei politiki ("Economization" of Foreign Policy) // Dilemmy Britanii. V poiskakh putei razvitiia. Ed. by A.A. Gromyko, E.V. Anan'eva. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir». Pp. 386-396.

Hack, Karl. Selling Empire: The Empire Marketing Board / OpenLearn. The Open University. Mode of access: <http://www.open.edu/openlearn/history-the-arts/history/world-history/selling-empire-the-empire-marketing-board>

Hall, Ian. Building the Global Network? The Reform of the Foreign and Commonwealth Office under New Labour // *BJPIR*, 2013, Vol. 15, pp. 228-245. doi: 10.1111/j.1467-856X.2012.00533.x

HM Government. National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review. 2015. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf

House of Lords. Soft Power and the UK's Influence Committee. Oral and written Evidence. Vol. 2. Stationery Office, 2014.

House of Lords, Soft Power and The UK's Influence Committee. Oral and Written Evidence . Vol. 1. Stationery Office, 2014.

Humanitarian Intervention Centre (HIC). House of Lords. Soft Power and the UK's Influence Committee. Oral and written Evidence. Vol. 2. Stationery Office, 2014.

International Education Strategy: Global Growth and Prosperity. 29 July, 2013. The Department for Business, Innovation and Skills (BIS). London. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/340601/bis-13-1082-international-education-accompanying-analytical-narrative-revised.pdf

Kharitonova, E.M. Effektivnost' «miagkoi sily»: problema otsevki (Effectiveness of Soft Power: The Problem of Assessment) // *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya*, 2015, No. 6, pp. 48-58.

Kharitonova, E.M. Programmy sodeistviia mezdunarodnomu razvitiu i natsional'naia bezopasnost': opyt Velikobritanii (Programs of International Development Assistance and National Security: British Experience) // *Puti k miru i bezopasnosti*, 2015, № 2 (49), pp. 29-43.

Kul'kova O.S. Problematika «miagkoi sily» i kul'turnoi diplomatiu v politicheskem diskurse sovremennoi Velikobritanii: poisk orientirov v epokhu peremen (Soft Power and Culture Diplomacy in Modern Great Britain: Search for Orientation in Times of Change) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 25: Mezdunarodnye otnosheniia i mirovaya politika*, 2014, No. 1, pp. 101-138.

London 2012: Queen Delighted with James Bond Role in Opening Ceremony // *The Telegraph*, 2012, 28 July. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/sport/olympics/london-2012/9434663/London-2012-Queen-delighted-with-James-Bond-role-in-opening-ceremony.html>

Ministry of Defence. International Defence Engagement Strategy, 2013. Mode of access: <https://www.gov.uk/>

[government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/73171/defence_engagement_strategy.pdf](https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/73171/defence_engagement_strategy.pdf)

Ministry of Defense. Adaptability and Partnership: Issues for the Strategic Defense Review. 2010. Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf

National Audit Office. Exploiting the UK Brand Overseas. Report. 5 June, 2015. Mode of access: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>

Nye, Joseph. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. N.Y.: New York Public Affairs, 2004. 191 p.

Nye, Joseph. What China and Russia Don't Get About Soft Power // *Foreign Policy*, 2013, 29 April. Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power>

Pacquement, Francois. How Development Assistance from France and the United Kingdom Has Evolved: Fifty Years on from Decolonisation // *International Development Policy | Revue internationale de politique de développement*, 2010, No. 1. Mode of access: <http://poldev.revues.org/137>; DOI : 10.4000/poldev.137

Persuasion and Power in the Modern World. House of Lords, Paper 150, Session 2013-14. S.I., Stationery Office, 2014.

Rayner, Gordon. Duke of Cambridge Boosts EU 'In' Campaign by Praising UK's 'outward Looking' History // The Telegraph, 2016, 16 February. Mode of

access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/prince-william/12159781/Duke-of-Cambridge-boosts-EU-In-campaign-by-praising-UKs-outward-looking-history.html>

Rayner, Gordon. Princesses Beatrice and Eugenie to Work as UK Trade Ambassadors // *The Telegraph*, 2013, 14 January. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/theroyalfamily/9801364/Princesses-Beatrice-and-Eugenie-to-work-as-UK-trade-ambassadors.html>

Response to the House of Lords Select Committee Report on Soft Power 2013-14. 48 p. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/response-to-the-house-of-lords-select-committee-report-on-soft-power-2013-14>

Riley-Smith, Ben. David Cameron: Take Pride in Shared Roots // *The Telegraph*, 2014, 08 February. Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/scotland/10625976/David-Cameron-take-pride-in-shared-roots.html>

Shelepor, A.V. Zarubezhnyi opty primeneniia «miagkoi sily»: Faktory uspekha politiki «miagkoi sily» Velikobritanii (Foreign Experience of Soft Power: Factors of Successful Soft Power Implementation in Great Britain) // *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaia ekonomika*, 2014, Vol.9, No. 2, pp.10-25.

Stewart, Alastair. *Monarchy and Soft Power:* The Triumph of Britain without Empire? Mode of access: <http://darrow.org.uk/2014/05/01/monarchy-and-soft-power-the-triumph-of-britain-without-empire>

BRITISH SOFT POWER: COMPARATIVE ANALYSIS OF INSTRUMENTS, MECHANISMS AND PRACTICES

Elena M. Kharitonova

*Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Article history:		Abstract: The article examines today's British soft power goals and objectives, analyses influencing factors, political and institutional aspects. The author focuses on the developing perspectives on the roles and participation of non-state actors soft power policies, the ways of measuring effectiveness of such policies. The author compares the approaches of British executive and legislative bodies towards the concept, brings examples of soft power initiatives in the United Kingdom foreign policy and determines specific features of the British initiatives in comparison with other countries..
<i>Received:</i>	27 June 2016	
<i>Accepted:</i>	15 November 2016	
About the author: Staff Member, Department of International Politics, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences		
e-mail: ekharit@imemo.ru		
Key words: soft power; United Kingdom; foreign policy; cultural diplomacy; monarchy; non-state actors.		

Для цитирования: Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 5-20.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-5-20

For citation: Kharitonova, Elena M. «Miagkaia sila» Velikobritaniii: sravnitel'nyi analiz mekhanizmov, instrumentov i praktik (British Soft Power: Comparative Analysis of Instruments, Mechanisms and Practices) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 5-20.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-5-20

СРАВНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ВЕДУЩИХ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Роман Отмарович Райнхардт

МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

14 апреля 2016

Принята к печати:

1 ноября 2016

Об авторе:

к.э.н., преподаватель, Кафедра дипломатии,
МГИМО МИД России

e-mail: don.reinhardt@mail.ru

Ключевые слова:

экономическая дипломатия; внешнеэкономическая политика; продвижение национального экспорта; привлечение иностранных инвестиций; экономика стран Европейского союза.

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ и общее сопоставление национальных систем экономической дипломатии ведущих стран Европейского союза (Германии, Франции, Великобритании, Италии) по следующим критериям: значение и функции ключевых экономико-дипломатических агентов; полномочия субнациональных регионов как самостоятельных участников внешнеэкономических связей; практика и механизмы «входящей» (в основном, привлечение иностранных инвестиций) и «исходящей» (в основном, продвижение экспорта) экономической дипломатии; кадровая политика и роль «первых лиц» в профильных мероприятиях. На этапе научного синтеза сделаны выводы относительно частных черт, присущих отдельным странам, и общих свойств четырех наиболее развитых экономик Евросоюза в исследуемой области.

В наших предыдущих работах¹ были подробно описаны особенности функционирования национальных систем экономической дипломатии (далее – ЭД) ведущих народнохозяйственных комплексов Европейского союза (ЕС) – Германии, Франции, Великобритании и Италии. Приводимый в настоящей статье компаративный анализ перечисленных систем видится полезным как с теоретической точки зрения (экономико-дипломатическое моделирование), так и в практическом плане в качестве основы для использования передового зарубежного опыта в отечественной практике, а также более эффективного выстраивания отношений с ев-

ропейскими партнерами в рассматриваемой сфере. Последнее видится особенно актуальным в свете продолжающейся «санкционной конфронтации» России и стран ЕС.

Полагаем, что сравнение названных системы методологически оправдано проводить по следующим направлениям:

1) значение и функции ЭД-агентов (министрство иностранных дел (МИД), министерство экономики и ему аналогичные ведомства, внешнеторговые палаты, экспортно-кредитные и страховые агентства, специальные структуры);

2) полномочия субнациональных регионов как самостоятельных участников внешнеэкономических связей (ВЭС);

3) практика и инструменты «входящей» и «исходящей» ЭД (в основном, привлечение инвестиций и продвижение экспорта соответственно)²;

¹ Подробнее см.: Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – С. 99-154. [Astakhov, E.M.; Raynkhhardt, R.O. Gosudarstvennaya podderzhka natsional'nogo biznesa na vneshnikh rynkakh. (State Support for the National Business on Foreign Markets). Moscow: MGIMO-University, 2015. Pp.99-154].

² Автор терминов – нидерландский исследователь П. ван Бергейк. См.: Bergeijk, Peter. van; Groot, Henry de; Yakop, Mina. The Economic Effectiveness of Diplomatic Representation: An

4) кадровая политика и роль «первых лиц» в профильных мероприятиях.

Начиная обозначенную компаративную процедуру с соотнесения роли внешнеполитических ведомств, следует заметить, что как проводники ЭД французский и итальянский МИД предстают в известной степени более активными, чем британский и германский. При прочих равных условиях внешнеполитические ведомства Франции и Италии допустимо назвать ключевыми звеньями национальных ЭД-систем, в то время как в Великобритании и Германии они играют координирующую, но не ведущую роль. Наиболее близкой к модели «мидовской» экономической дипломатии представляется Франция, притом, что процесс перехода к такой модели начался сравнительно недавно (в 2012 г.) и продолжается до сих пор. В практическом плане к ней также тяготеет Италия, где имплементируемая с начала 2010-х гг. концепция «Система Италия» предусматривает наделение внешнеполитического ведомства широким кругом компетенций в рассматриваемой области³.

Вместе с тем, в Итальянской Республике весьма сильным игроком традиционно выступает агентство ITA (до 2011 г. называвшееся ICE), которое можно считать по меньшей мере равноправным партнером МИД. Формально, позиции министерства, разумеется, гораздо прочнее и крепче по сравнению с положением агентства (ранее – института), хотя оба суть государственные ведомства. На деле матричный принцип работы «Система Италия» предполагает сбалансированное разделение труда, равно как и пропорциональное ему распределение полномочий и обязанностей. Исходя из этого, при эффективной смычке вопрос о главенстве в части разработки и реализации

Economic Analysis of its Contribution to Bilateral Trade // *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, No. 1-2, pp.101-120.

³ Райнхардт Р.О. «Система Италия» как пример инновационной экономической дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 6. – С.165-173. [Raynkhhardt, R.O. «Sistema Italii» kak primer innovatsionnoi ekonomicheskoi diplomatii ('Italy System' as a Case of Innovative Economic Diplomacy) // *Vestnik MGIMO-University*, 2015, No. 6, pp. 165-173].

итальянского экономико-дипломатического курса фактически не стоит на повестке. Отсутствие острой межведомственной конкуренции подтверждается высказываниями официальных представителей МИД Италии, говорящих о плодотворности партнерских отношений с коллегами из *ITA*⁴.

В Великобритании министерство иностранных дел наряду с департаментом предпринимательства, инноваций и ремесел (BIS) являются со-кураторами ключевого экономико-дипломатического агента страны – национального агентства *UK Trade & Investment (UKTI)*. Таким образом, в исследуемой области речь идет о тандеме, при этом само *UKTI*, подотчетное и внешнеполитическому и экономическому ведомствам, пользуется значительной автономией при планировании и осуществлении мер, и с административно-правовой точки зрения образует самостоятельную институциональную единицу. Германский МИД также нельзя однозначно охарактеризовать в качестве главного звена национальной системы экономической дипломатии, поскольку сеть дипломатических и консульских загранучреждений – лишь одна из трех опор последней⁵. Следовательно, из рассматриваемых стран ЕС самым репрезентативным экземпляром системы ЭД с главенствующей ролью МИД допустимо назвать Францию; в ФРГ и Соединенном Королевстве функционал внешнеполитических ведомств объективным образом ограничен; Италия на данном поле занимает промежуточное положение.

Роли экономических государственных органов также заметно отличаются друг от друга. Здесь условно наиболее «сильный» игрок – BIS Великобритании, чья значимость практически такая же, как и у МИД. Далее следует Федеральное министерство экономики и энергетики Германии (*BMW*), которое иерархически и финансово полностью кон-

⁴ Ibid.

⁵ Райнхардт Р.О. Современная система экономической дипломатии ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3. – С. 225-231. [Raynkhhardt, R.O. Sovremenaiia sistema ekonomicheskoi diplomatii FRG (The Contemporary System of German Economic Diplomacy) // *Vestnik MGIMO-University*, 2015, No. 3, pp. 225-231].

тролирует работу второй (агентство *GTAI*) и частично третьей (внешнеторговые палаты) опор экономической дипломатии⁶. Менее существенно и в целом сопоставимо положение французского и итальянского экономических ведомств в исследуемой области.

В случае Франции до реформы 2012 г. министерство экономики и финансов, наоборот, было склонно сосредотачивать на себе основной объем экономико-дипломатической работы. Его структурная перестройка (начиная со второй половины 2014 г.) на фоне последовательно растущего влияния МИД в определенной степени привела к временному снижению авторитета. Вместе с тем материальное обеспечение МИД напрямую зависит от политики министерства финансов и государственных счетов, который выступает «правопреемником» ранее единого финансово-экономического ведомства в рамках бюджетной проблематики. В данных условиях дает о себе знать и «унаследованное» от министерства экономики и финансов давнее соперничество с МИД по широкому спектру вопросов, касающихся внешнеэкономического сектора⁷, выражющееся на текущей стадии в нежелании высшего руководства «экономистов» передавать бразды правления «дипломатам». Более того, по косвенным признакам⁸ допустимо судить о продолжающейся политической борьбе и серьезном расхождении мнений лиц, принимающих решения, относительно будущего экономического ведомства в пост-реформенной французской ЭД.

В Италии процесс реорганизации экономико-дипломатической службы протекает более плавно и, как следствие, менее болезненно: сравнительно крепкому положению министерства экономического развития свойственна большая определенность и в новой архитектуре «Система Италия», один

из основных принципов которой означает позиционирование ВЭС как органического продолжения внутреннего рынка, а также – через обратные связи – фактора его интенсивного и экстенсивного развития. С одной стороны, на этой основе производится делегирование компетенций и разделение полномочий: внутренние вопросы – министерству экономического развития, внешние – преимущественно МИД. С другой стороны, согласно тому же видению выстраивается и взаимовыгодная кооперация госслужащих, не видящих друг в друге конкурентов, но уверенных в полезности укрепления межведомственных партнерских контактов⁹.

Такая расстановка сил свидетельствует о коренном изменении ситуации в начале 2010-х гг. по сравнению с прошлым и, в частности, даже с первым десятилетием XXI века¹⁰. Общим трендом, наилуче четко прослеживаемом во Франции и Италии, допустимо назвать усиление роли министерств и особенно государственных внешнеполитических ведомств в ЭД. Подобная динамика наблюдается также в Великобритании и ФРГ, но проявляется более медленно и скрыто в силу эволюционной природы развития рассмотренных институтов, которые не подвергались радикальным реорганизациям в течение последних лет. В целом на современном этапе развития европейского хозяйства и в условиях текущей политической конъюнктуры определенная «министериализация» экономико-дипломатических систем ведущих стран ЕС представляется объективным процессом.

⁹ L'Assemblea di Confindustria e le Sfide per il Made in Italy // *Newsletter: Diplomazia Economica Italiana*, 2014, No. 6, pp. 20-23.; Curzio, Alberto Q. Per Tornare a correre serve più Estero // *Il Sole 24 ORE*, 18.02.2015. Mode of access: <http://www.ilsole24ore.com/art/commenti-e-idee/2015-02-18/per-tornare-correre-serve-piu-estero-072036.shtml?uqid=ABDEUewC>

¹⁰ Ср. Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. – М.: Навона, 2010. – С. 129-135. [Degterev, D.A. Ekonomicheskaiia diplomatiia: ekonomika, politika, parvo (Economic Diplomacy: Economics, Politics, Law). Moscow: Navona, 2010. Pp.129-135.]; Carron de La Carrrière G. La Diplomatie Économique. Le diplomate et le Marché. Paris: Economica, 1998. Pp. 177-199.

Данная тенденция протекает параллельно с укреплением позиций частных агентов и внедрением новых форм взаимодействия с ними, включая механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП). Среди вовлеченных в такого рода проекты структур особого внимания заслуживают внешнеторговые палаты (ВТП): АНК *Deutsche Auslandshandelskammern* (Германия), *CCI France International* (Франция), *British Chambers of Commerce* (Великобритания) и *Camere di Commercio Miste ed Estere* (Италия). В этом ряду наиболее значимыми по своей роли и функциям предстают германские, затем итальянские, французские и, наконец, британские ВТП. Основанием для ранжирования служит общий масштаб деятельности (количество, географический охват, число компаний-членов), годовые темпы прироста перечисленных индикаторов за последние три года, а также набор предлагаемых (в т.ч. на коммерческих началах) услуг.

В историческом плане Германию уместно считать пионером ВТП-практики современного (с конца XIX века) вида, которая в начале 1970-х гг. была определена в качестве одной из трех опор внешнего сектора экономики. На текущей стадии развития страны продолжает оставаться одним из лидеров на данном направлении: в 2012-2014 гг. она ежегодно открывала в среднем по 5 ВТП, увеличивая настолько же количество охваченных рынков¹¹. При этом как к действующим, так и новым ВТП присоединялось около 4000 предприятий в среднегодовом выражении за тот же период. Ввиду того, что указанные организации, будучи объединениями частных рыночных субъектов, от имени и по поручению федерального правительства представляют национальные экономические интересы за рубежом, подотчетны и частично финансируемы министерством экономики и энергетики ФРГ, их вполне допустимо рассматривать в качестве государственно-частного партнерства.

По количественным показателям роста (в среднем на 20-30% ниже) и функционирования, равно как и по спектру услуг, пред-

лагаемых бизнесу, итальянские и французские ВТП уступают германским коллегам. В Италии, с учетом сильных корпоративных традиций и институциональной развитости трехступенчатой «камеральной системы», *Camere di Commercio Miste ed Estere* гармонично вплетаются в «Систему Италия», взаимодействуя со всеми другими ее элементами¹². Примерно такой же порядок работы свойственен и *CCI France International*, однако в последнее время наблюдается некоторое сужение и ограничение их свободы действий со стороны МИД в силу изложенных выше причин.

Что касается Великобритании, то само понятие ВПТ применительно к *British Chambers of Commerce* носит условный характер: названная организация в значительной степени ориентирована на внутренний рынок, а смешанные британско-иностранные учреждения (*British Centres, Chambers of Commerce Abroad, Business Councils* и т.п.), во многих случаях управляются частными лицами или структурами, имея к ней опосредованное отношение. Ранее имевшиеся противоречия между *British Chambers of Commerce* и *UKTI* в настоящее время по большей части преодолены – более того, к 2018 г. указанные агенты планируют совместно реализовать масштабный проект *Export Britain*¹³ по информационно-консультационному обеспечению сети государственных и частных представительств национального бизнеса за рубежом с использованием новейших цифровых технологий. Несмотря на наличие таких стратегий, британские ВТП пока еще не играют столь же важной роли в ВЭС, как германские.

Другие важные неминистерские ЭД-агенты – агентства экспортного кредитования и страхования экспортных кредитов: *Euler-Hermes* (ФРГ), *COFACE* (Франция), *UK Export Finance* (Великобритания), *SACE* (Италия). По показателю валового объема собранных страховых премий (данные за 2014 г.) как основной характеристике бизнеса по управлению рисками среди компаний

¹² *Camere di Commercio Miste ed Estere. Mode of access: <http://www.cameremiste.it/>*

¹³ *Export Britain. Mode of access: <http://exportbritain.org.uk/about-us.html>*

лидирует германское агентство (2270 млн евро.), далее следует французское (1129 млн евро), итальянское (415 млн евро) и британское (120 млн ф. ст. или 167 млн евро)¹⁴. Прямое сравнение их деятельности по другим линиям – в частности, по объему выданных экспортных кредитов, гарантий, а также смежным сервисам – не видится релевантным ввиду сильного различия условий и сроков предоставления таких услуг. Кроме того, в соответствии с законодательствами всех рассматриваемых стран, названные организации не являются монополистами: экспортёры могут как обращаться за кредитом¹⁵, так и приобретать на него страховое покрытие у иных рыночных структур. Оценка приходящихся на перечисленных эконом операторов долей рынка, равно как и изучение специфических черт их функционирования требуют более глубокого анализа, проведение которого выходит за рамки настоящей работы.

Агентства по привлечению иностранных инвестиций в Германии, Франции и Великобритании входят в состав специальных структур по поддержке внешнеэкономиче-

ской деятельности (*GTAI, Business France* и *UKTI* соответственно), в то время как в Италии продолжает существовать отдельный специальный институт – *Invitalia*. Примечательно, что в течение последних лет в трех развитых странах Евросоюза имело место слияние агентств по продвижению экспорта и привлечению инвестиций: в Соединенном Королевстве *UKTI* был образован путем соединения *Trade Partners UK* и *Invest UK* в 2003 г., в ФРГ *GTAI* – слиянием *bfa* и *Invest in Germany* в 2009 г., во Франции *Business France* – слиянием *UBIFRANCE* и *AFII* в 2015 г.

Предполагаем, что организационно-административная конвергенция выражает растущую взаимозависимость соответствующих институтов, а также оправданность их работы под единым координационным началом. Вероятно, одним из стимулов для сближения «экспортёров» и «инвесторов» послужил неудачный опыт функционирования предшественника *UKTI – British Trade International* в 1999-2003 гг., где эти два направления практически не пересекались. Итогом дивергенции стало снижение общей эффективности работы организации и осуществляемых ею мер, что подтолкнуло уполномоченных лиц к принятию решения о ее реструктуризации в ключе налаживания связей между командами по продвижению экспорта и по привлечению инвестиций. Дальнейшая история *UKTI* свидетельствует о действенности данного мероприятия, при этом «britанский кейс» был, по всей видимости, воспринят как показательный пример рисков дезорганизации и нарушения связей внутри экономико-дипломатической системы¹⁶.

Тот факт, что Берлин, а затем и Париж пошли по тому же пути, дает основания судить о наметившемся общем тренде переформатирования комплекса «входящей» и «исходящей» ЭД. Не исключено, что реализация программы *Destinazione Italia* повлечет за собой присоединение *Invitalia* к *ITA* (бывшему *ICE*) или вовсе включение обоих в состав некоторого нового ведомства.

¹⁴ Источники приведенных данных – годовые отчеты компаний за 2014 г., доступные на их официальных сайтах: Euler Hermes Group. Mode of access: <http://www.eulerhermes.com/>; Compagnie française d'assurance pour le commerce extérieur. Mode of access: <http://www.coface.com/>; UK Export Finance. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/organisations/uk-export-finance>; SACE Spa. Mode of access: <http://www.sace.it/>. В случае с Великобританией, в связи с особенностями бухгалтерской и налоговой систем за отчетный период взят 2013-2014 финансовый год (отчетная дата – 31.03.2014 г.), а перевод из национальной валюты в евро произведен автором по среднегодовому курсу. По абсолютному значению и динамике таких важнейших общеэкономических показателей, как объем активов, уставного капитала и финансовый результат (чистая прибыль), ранжирование хозяйствующих субъектов повторяет последовательность настоящего списка (*Euler-Hermes, COFACE, SACE, UK Export Finance*).

¹⁵ Во Франции и Италии значительная доля экспортного кредитования приходится также на кредитно-депозитные кассы – *Caisse des Dépôts et Cassa Depositi e Prestiti* соответственно.

¹⁶ UK Trade & Investment. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/organisations/uk-trade-investment>

Инициативность, полномочия и участие субнациональных регионов рассматриваемых экономик в сфере ВЭС значительно разнятся. По форме административного-территориального устройства три страны (Франция, Великобритания, Италия) суть унитарные государства, в то время как Германия – федерация. По степени децентрализации 16 федеральных земель наиболее автономны не только в части решения внутренних (в т.ч. хозяйственных) вопросов, но и в процессах, связанных с внешним сектором, а также европейской политикой. Из четырех исторических провинций Соединенного Королевства три (кроме Англии) тоже обладают значительной самостоятельностью в данной сфере. Двадцать областей Италии, из которых пять (Валле-д’Аоста, Сардиния, Сицилия, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия) имеют особый статус, наделены действующей Конституцией достаточно широкими компетенциями в области ВЭС. По-прежнему относительно централизованной на фоне других стран, несмотря на новейшие реформы, остается Франция, 18 регионов (до 2016 г. – 27) которой вынуждены согласовывать основные шаги на исследуемом направлении с Парижем.

В Германии ввиду сложившейся структуры народнохозяйственного комплекса наиболее сильными региональными субъектами международных экономических отношений предстают южные (Бавария, Баден-Вюртемберг)¹⁷, западные (Рейнланд-Пфальц, Саар, Северный Рейн-Вестфалия) земли, и города федерального значения (Берлин, Бремен, Гамбург – формально также земли). Северные, и, особенно, т.н. новые земли (территории бывшей ГДР) по сравнению с первыми играют для внешнего сектора ФРГ менее значимую роль. При этом взаимодействие столиц земель и Берлина как административного/координационного

центра осуществляется без специальных институтов по обычным каналам.

В Великобритании самыми активными по выработке и реализации собственного экономико-дипломатического курса предстают шотландцы и северные ирландцы, в несколько меньшем масштабе – уэльсы. Вместе с тем, Лондон, будучи одним из важнейших мировых финансовых центров, при реализации большинства внешнеэкономических мер и операций сосредотачивает принятие решений на себе или выступает в роли посредника. *UKTI* имеет представительства в 9 регионах Англии, крупный (второй по величине после лондонской штаб-квартиры) офис в столице Шотландии г. Глазго, а также отделения в Северной Ирландии и Уэльсе. Именно через данную сеть происходит кооперация центра и периферии в области экономической дипломатии.

В Италии пять названных автономных областей, в числе которых имеет смысл отдельно выделить Сицилию и регион Фриули-Венеция-Джулия, судя по реализуемым и реализованным в течение последних нескольких лет проектам, выступают ключевыми агентами соответствующей категории. Функционирование профильной веб-платформы *Expo Live*, а также агентств *FINEST*, *INFORMEST*, учрежденных властями Фриули-Венеция-Джулия (последние – совместно с регионом Венето), представляется признаком сравнительно высокой экономико-дипломатической активности, которая наблюдается и в других частях страны, но в более ограниченном виде. Конференция Государство-Регионы выступает в роли главного связующего звена в сотрудничестве второго отдела DGSP, специализирующегося на данном участке работы, и уполномоченных органов регионов. Процедурный порядок такой деятельности, доступный на официальном сайте итальянского МИД¹⁸, в целом отличается прозрачностью и конкретностью при описании отдельных инициатив.

Во Франции сильные позиции на международной экономической и национальной ЭД-арене занимают центральный Иль-де-

¹⁷ Ключевые региональные экономико-дипломатические игроки и одновременно пангерманские лидеры – частные агентства *Invest in Bavaria*. Mode of access: <http://www.invest-in-bavaria.com/> и *Baden-Württemberg International*. Mode of access: <http://www.bw-invest.de/>

¹⁸ Farnesina. Ministero Degli Affari Esteri e Della Cooperazione Internazionale. Mode of access: <http://www.esteri.it/mae/it/>

Франс («парижский регион»), а также южные Прованс-Альпы-Лазурный берег (главный город – Марсель) и Лангедок-Руссильон (главный город – Монпелье) с выходом к Средиземному морю. Хотя роль центральной власти в принципе продолжает быть определяющей, названные территории все более действительно принимают участия в процессах, связанных с ВЭС, что проявляется не только на уровне самих регионов, но также департаментов и даже наиболее крупных городов¹⁹. С 2013 г. МИД назначает «послов регионов», основной миссией которых представляется активизация на поприще внешнеэкономических связей административно-территориальных единиц верхнего уровня. Впоследствии предполагается расширение данной практики – как по географическому охвату, так и по широте функций. В целом, дальнейшая постепенная децентрализация видится на современном этапе одним из политических приоритетов²⁰ Французской Республики, в т.ч. применительно к экономической дипломатии.

Общей чертой для всех четырех стран видится то, что основная деятельность их субнациональных регионов фокусируется на привлечении инвестиций. Большинство

¹⁹ Здесь ярким и показательным примером представляется визит мэра г. Ниццы и депутата французского парламента от департамента Приморские Альпы К. Эстрози в Москву в ноябре 2014 г. В условиях сложной геополитической конъюнктуры и очередной эскалации «санкционного противостояния» РФ и ЕС К. Эстрози встретился с отечественными экономистами и политиками, открыто высказался в поддержку России по некоторым вопросам двусторонней и многосторонней повестки: от аргументов в пользу отмены санкций до обоснования необходимости стратегического и торгово-экономического партнерства на уровне стран и городов (Москва-Ницца). См. Estrosi, Christian: «La Russie n'est pas en guerre avec la France ni avec l'Europe» // *RFI*, 13.11.2014. Mode of access: <http://www.rfi.fr/emission/20141113-christian-estrosi-invite-frederic-riviere-jeudi/>

²⁰ Одно из подтверждений его универсальности – наличие министерского портфеля по децентрализации, реформе государства и государственной службы (Ministère de la Décentralisation, de la Réforme de l'État et de la Fonction publique).

(по числу сделок и их стоимости) проектов с участием региональных агентов связаны именно с продвижением соответствующих территорий как бизнес-площадок для иностранных предпринимателей. При этом между ними очень часто наблюдается внутренняя конкуренция за привлекаемые из-за рубежа финансовые и иные материальные ресурсы. До сих пор наибольшее внимание данному вопросу было уделено в Великобритании: еще в начале 2000-х гг. эксперты выражали озабоченность по поводу межрегионального соперничества за инвестиции, видя в нем сдерживающий фактор для развития национальной экономики, который подталкивает потенциальных инвесторов к размещению средств в других странах²¹, но уже к 2010-м гг. в целом возобладало мнение о естественности и пользе данного явления, органично присущего рыночному хозяйству²².

В общем, аналогичным образом обстоит дела и в других рассмотренных народнохозяйственных комплексах, при том, что по индексу открытости стран для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), рассчитываемому ОЭСР, в 2014 г. по убыванию данного показателя они располагались в следующем порядке²³: Германия, Франция, Италия, Великобритания. На протяжении последних пяти лет в указанном рейтинге не наблюдалось кардинальных изменений, касающихся перечисленных игроков, однако еще в начале 2000-х гг. Соединенное Королевство считалось одной из самых «гостеприимных» для зарубежных инвесторов экономик мира²⁴. Что же касается мер продвижения экспорта, то здесь регионы, как правило, уступают место центральным ЭД-институтам.

²¹ Tewdwr-Jones, Mark; Phelps, Nicholas A. Levelling the Uneven Playing Field: Inward Investment, Interregional Rivalry and the Planning System // *Regional Studies*, 2000, No. 5, pp. 429-440.

²² Fallon, Grahame; Cook, Mark. Exploring the Regional Distribution of Inbound FDI in the United Kingdom in Theory and Practice: Evidence from a Five Region Study // *Regional Studies*, 2010, No. 3, pp. 337-353.

²³ OECD / Investment / FDI Regulatory Restrictiveness Index. Mode of access: <http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm>

²⁴ Ibid.

Говоря о соотношении значимости практик «входящей» и «исходящей» экономической дипломатии, допустимо обратить внимание на то, что в последнее десятилетие налицо постепенное смещение акцента от второй в сторону первой. Вплоть до середины 2000-х гг. экономические и дипломатические службы развитых стран ЕС в основном ориентировались на поддержку национальных компаний на зарубежных рынках. С начала 2010-х гг. в риторике государственных органов стал все больше прослеживаться упор на стимулирование движения капиталов, идущих в страну. Обусловленный этим рост ВВП, бюджетных доходов, создание новых рабочих мест и т.д. отныне берутся в качестве одного из основных мерил эффективности национальных экономико-дипломатических систем.

Такая смена приоритетов выражается и в изменении структуры/объемов финансирования мероприятий по продвижению экспорта и привлечению инвестиций, что наиболее четко и явно прослеживается в ежегодных отчетах и корпоративных планах UKTI Великобритании: соотношение долей «экспортеров» и «инвесторов» в валовом объеме ассигнований выросло с 85%:15% в 2004 г. до 55%:45% в 2014 г. За неимением аналогичных открыто доступных данных по другим исследуемым странам²⁵, на основании косвенных признаков (информация порталов МИД и иных национальных госорганов, опросы хозяйствующих субъектов²⁶) в качестве гипотезы постулируем наличие там схожих тенденций.

²⁵ Вследствие этого не представляется возможным и проведение межстранового сравнения финансирования экономической дипломатии, поскольку расходные статьи внутреннего бюджета МИД, представляя собой конфиденциальную информацию, как правило, не публикуются. Судить о динамике средств, выделяемых на экономическую дипломатию, принимая за константу их долю в общем объеме бюджетных ассигнований внешнеполитическим ведомствам, методологически некорректно.

²⁶ Kostecki, Michel; Naray, Olivier. Commercial Diplomacy and International Business // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. April 2007. No. 107. 42 p.

Аутентичный характер национальных экономико-дипломатических моделей проявляется также и в кадровом измерении. В связи с этим следует отметить, что ЭД в значительной степени определяется человеческими ресурсами, вовлеченными в реализацию ее мероприятий. В этом сходятся многие ученые и эксперты – в частности Д. Ли, Д. Хадсон и П. ван Бергейк²⁷. Другая группа исследователей – М. Костеки и О. Наррэй – предлагают даже условную классификацию стилей и «паттернов» поведения экономических дипломатов, проводя разграничение между т.н. бизнес-промоутерами, госслужащими и специалистами широкого профиля²⁸.

«Бизнес-промоутеры» («*business promoters*») ориентируются в первую очередь на удовлетворение потребностей компаний, которые обращаются за их услугами. Им присущ предпринимательский подход, а содержание конкретных действий сродни бизнес-консалтингу («*работа на клиента*»). Для «госслужащих» («*civil servants*») абсолютный приоритет – интересы представляемого ведомства (как правило, МИД или министерства экономики), при этом они предпочитают держаться в стороне от самих деловых переговоров и анализа экономической сущности проблематики. Основная миссия сводится к созданию и укреплению связей между частными и государственными ЭД-агентами («*работа с клиентом*»). «Специалисты широкого профиля» («*generalists*») сочетают черты «бизнес-промоутеров» и «госслужащих», рассматривая поддержку рыночным структурам в виде дополнительной по отношению к своим основным дипломатическим функциям нагрузки. Этот

²⁷ Lee, Donna; Hudson, David. The Old and New Significance of Political Economy in Diplomacy // *Review of International Studies*, 2004, No. 3, pp. 343-360. Bergeijk, Peter. van; Groot, Henry de; Yakop, Mina. The Economic Effectiveness of Diplomatic Representation: An Economic Analysis of its Contribution to Bilateral Trade // *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, No. 1-2, p.105.

²⁸ Kostecki, Michel; Naray, Olivier. Commercial Diplomacy and International Business // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. April 2007. No. 107. 42 p.

подход менее технократичен по сравнению с подходами первых двух типов экономических дипломатов и проявляется в основном на высшем уровне (главы посольств и консульств, реже – советники), поскольку экономическая дипломатия для них – лишь один из многочисленных элементов внешнеполитического курса («работа на всех»).

Не описывая подробно психологический портрет типичного дипломата, которому поручен участок работы, связанный с экономической тематикой, в каждой из исследуемых стран, ограничимся выводами М. Костецкого и О. Наррэя, подкрепленными эмпирическими материалами социологических опросов самих работников и их клиентов. Согласно этой экспертной оценке²⁹, германские и французские экономические дипломаты – преимущественно «госслужащие», в то время как британские попадают в категорию «бизнес-промоутеров»³⁰, а итальянские – «специалисты широкого профиля». Такое видение вполне соответствует описанным практикам и реалиям, а также показательно отражает специфику соответствующих моделей: германцы – медиаторы, обеспечивающие слаженное функционирование трехпорной ЭД-конструкции; «мидовская ЭД» Франции культивирует примерно те же личные качества у ее сотрудников; британцам традиционно в силу национального менталитета свойствен деловой и меркантилистский подход; «Система Италия» сама по себе зиждется на универсальности при поиске синергии для всех участников ЭД-процессов так.

Общим направлением характерологической эволюции представляется отход от концепции «госслужащих» и приближение к «бизнес-промоутерам» или «специалистам широкого профиля» с акцентом на рыночном видении проблем. Важным катализатором этого движения видится практика «cross-fertilization» (в терминах

А. Мерье³¹), выражающаяся в найме сотрудников центрального аппарата государственных уполномоченных ведомств и их загранучреждений из числа представителей бизнес-кругов и наоборот. Другой механизм той же кадровой политики заключается в практике командировок дипломатов сроком до нескольких лет в рыночных структурах, которая позволяет первым лучше понять внутренние процессы, особенности делопроизводства и в целом потребности вторых в поддержке со стороны публичных экономико-дипломатических агентов.

К использованию данного инструмента прибегают все рассмотренные страны: около 20-30% германских дипломатов проходят «производственную практику» на крупных национальных фирмах (*Siemens, BASF* и др.), то же относится к их французским (*Total, BNP Paribas* и др.), британским (*BP plc, Lloyds Banking Group plc* и др.) и итальянским (*ENI, Assicurazioni Generali* и др.) коллегам³². Растет и доля специалистов с экономическим и/или менеджерским образованием (основным или дополнительным) по сравнению с юристами, политологами-международниками и проч. при замещении вакантных должностей МИД указанных стран. Таким образом, допустимо судить об определенной «экономизации» дипломатических служб развитых стран ЕС.

Прежде чем завершить настоящее комплексное сравнение, в кадровом контексте отметим, что практика миссий с участием первых лиц государства приобретает в ЕС на новейшем этапе все больший масштаб. Наиболее активно к ней прибегают Франция и Италия, представляемые в ходе таких деловых поездок президентом, премьер-министром, министром иностранных дел и другими членами правительства. Коллеги указанных должностных лиц в ФРГ и Ве-

²⁹ Ibid.

³⁰ Такой подход не противоречит кодексу поведения британского дипломата (DSR 1: *Diplomatic Service Code of Ethics* 2010 г.) а также другим ключевым нормативно-правовым актам Великобритании в рассматриваемой области (в частности, *Diplomatic and Consular Premises Act 1987, Diplomatic and Other Privileges Act 1971*).

³¹ Mercier, Alexandre. Commercial Diplomacy in Advanced Industrial States: Canada, the UK and the US // Netherlands Institute of International Relations ‘Clingendael’. Discussion Papers in Diplomacy. September 2007, No. 108. 36 p. Дословно – «перекрестное оплодотворение» [частных и публичных агентов ЭД].

³² Ibid.

ликобритании предпочитают действовать на этом поприще в пределах своих стран, направляя за рубеж полномочных спецпредставителей. Однако в целом уместно говорить о повсеместном распространении и активизации визитов на высшем и высоком уровне как инструменте экономической дипломатии ведущих держав Евросоюза.

В *Таб. 1* проведено ранжирование данных характеристик в тех случаях, когда это представляется возможным (см. *Таб. 1*). В

пунктах I-III за исключением подпункта, отражающего позиции агентств экспортного кредитования и страхования экспортных кредитов, экспертная оценка носит во многом субъективный характер и основывается на вышеизложенном анализе, а также обобщении материалов использованных источников. Тем не менее такое сопоставление видится методологически полезным для обобщения проведенного сравнительного анализа.

Таблица 1

Ранжирование основных сравниваемых характеристик национальных систем экономической дипломатии ведущих стран ЕС

	Германия	Франция	Великобритания	Италия
I. Позиции агентов в процессе выработки и реализации ЭД-мероприятий (1 – наиболее сильная, 4 – наименее сильная по сравнению с другими)				
Внешнеполитическое ведомство	3	1	3	2
Экономическое ведомство	2	3	1	3
Внешнеторговые палаты	1	3	4	2
Агентства экспортного кредитования и страхования кредитов ¹	Euler Hermes 1	COFACE 2	UK Export Finance 4	SACE 3
Специальные агентства (год образования)	GTAI (2009) 2	Business France (2015) 4	UKTI (2003) 1	ITA (2011) и Invitalia (2008) 3
Субнациональные регионы	1	3	3	2
II. Степень вовлеченности сотрудников ЭД-служб в деловые переговоры (1 – наиболее вовлечены, 3 – наименее вовлечены по сравнению с другими) ²				
Вовлеченность	3	3	1	2
III. Участие первых лиц (президент/премьер-министр) в выездных ЭД-мероприятиях (1 – наиболее часто, 4 – наименее часто по сравнению с другими)				
Частота	2	1	3	1
IV. Индекс открытости стран для ПИИ, рассчитанный ОЭСР на 2014 г. (1 – закрытая для ПИИ страна, 0 – открытая для ПИИ страны)				
Значение индекса ³	0,023	0,045	0,061	0,052

¹ По валовому объему собранных страховых премий в 2014 г.: Euler Hermes – 2.270 млн евро, COFACE – 1.129 млн евро, SACE – 415 млн евро, UK Export Finance – 167 млн евро.

² На базе исследования М. Костецки и О. Наррэй (Kostecki, Michel; Naray, Olivier. Commercial Diplomacy and International Business // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. April 2007. No. 107. 42 p): значение 1 соответствует «бизнес-промоутер», 2 – «специалисту широкого профиля», 3 – «госслужащему». UK Export Finance – 167 млн евро.

³ OECD/Investment/FDI Regulatory Restrictiveness Index. Mode of access: <http://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm>. Справочно: в среднем по ОЭСР – 0,069, для США – 0,089, для России – 0,181.

Источник: составлено автором

Table 1. Grading Key Compared Characteristics of National Economic Diplomacy Systems in the Leading EU States

Резюмируя, обозначим выявленные единобразные тренды:

- 1) усиление роли министерств и особенно МИД («министериализация»);
- 2) внедрение новых форм взаимодействия с частными агентами, включая механизмы ГЧП (ВТП, экспортно-кредитные и страховые агентства);
- 3) конвергенция вплоть до слияния агентств по продвижению экспорта и привлечению инвестиций;
- 4) повышение автономности субнациональных регионов в ВЭС и их специализация на привлечении инвестиций;
- 5) постепенное смещение акцента в сторону привлечения инвестиций и соответственное перераспределение средств, выделяемых на мероприятия;
- 6) «экономизация» дипломатических служб в части общих подходов к ведению дел, подбору и подготовке персонала;
- 7) распространение визитов на высшем и высоком уровне в качестве инструмента экономической дипломатии.

При том, что рассмотренные процессы протекают «на разных скоростях», их направления в Германии, Франции, Великобритании и Италии практически совпадают.

Литература:

Астахов Е.М., Райнхардт Р.О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 268 с.

Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. – М.: Навона, 2010. – 176 с.

Райнхардт Р.О. «Система Италия» как пример инновационной экономической дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 6. – С.165-173.

Райнхардт Р.О. Современная система экономической дипломатии ФРГ // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 3. – С. 225-231.

A Qui le Commerce Extérieur? La Question n'est (Toujours) pas Tranchée // L'Obs Politique, 03.04.2014. Mode of access: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20140403.OBS2532/a-qui-le-commerce-exterieur-la-question-n'est-toujours-pas-tranchee.html>

Bergeijk, Peter. van; Groot, Henry de; Yakop, Mina. The Economic Effectiveness of Diplomatic Representation: An Economic Analysis of its Contribution to Bilateral Trade // *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, No. 1-2, pp. 101-120.

Caron de La Carrière G. La Diplomatie Économique. Le diplomate et le Marché. Paris: Economica, 1998. 224 p.

Christian Estrosi: «La Russie n'est pas en guerre avec la France ni avec l'Europe» // RFI, 13.11.2014. Mode of access: <http://www.rfi.fr/mission/20141113-christian-estrosi-invite-frederic-riviere-jeudi/>

Curzio, Alberto Q. Per Tornare a Correre Serve più Estero // Il Sole 24 ORE, 18.02.2015. Mode of access: <http://www.ilsole24ore.com/art/commenti-e-idee/2015-02-18/per-tornare-correre-serve-piu-estero-072036.shtml?uid=ABDEUewC>

Fallon, Grahame; Cook, Mark. Exploring the Regional Distribution of Inbound FDI in the United Kingdom in Theory and Practice: Evidence from a Five Region Study // *Regional Studies*, 2010, No. 3, pp. 337-353.

Kostecki, Michel; Naray, Olivier. Commercial Diplomacy and International Business // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. April 2007. No. 107. 42 p.

L'Assemblea di Confindustria e le Sfide per il Made in Italy // Newsletter. *Diplomazia Economica Italiana*, 2014, No. 6, pp. 20-23.

Lee, Donna; Hudson, David. The Old and New Significance of Political Economy in Diplomacy // *Review of International Studies*, 2004, No. 3, pp. 343-360.

Mercier, Alexandre. Commercial Diplomacy in Advanced Industrial States: Canada, the UK and the US // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. September 2007, No. 108. 36 p.

Renaud, Frank. Les Diplomates: Derrière la Façade des Ambassades de France. Paris: Nouveau Monde Editions, 2010. 393 p.

Tewdwr-Jones, Mark; Phelps, Nicholas A. Levelling the Uneven Playing Field: Inward Investment, Interregional Rivalry and the Planning System // *Regional Studies*, 2000, No. 5, pp. 429-440.

References:

A Qui le Commerce Extérieur? La Question n'est (Toujours) pas Tranchée // L'Obs Politique, 03.04.2014. Mode of access: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20140403.OBS2532/a-qui-le-commerce-exterieur-la-question-n'est-toujours-pas-tranchee.html>

Astakhov, E.M.; Raynkhardi, R.O. Gosudarstvennaya podderzhka natsional'nogo biznesa na vnesnih rynkakh. (State Support for the National Business on Foreign Markets). Moscow: MGIMO-University, 2015. 268 p.

Bergeijk, Peter. van; Groot, Henry de; Yakop, Mina. The Economic Effectiveness of Diplomatic Representation: An Economic Analysis of its Contribution to Bilateral Trade // *The Hague Journal of Diplomacy*, 2011, No. 1-2, pp. 101-120.

Caron de La Carrière G. La Diplomatie Économique. Le diplomate et le Marché. Paris: Economica, 1998. 224 p.

Christian Estrosi: «La Russie n'est pas en guerre avec la France ni avec l'Europe» // RFI, 13.11.2014. Mode of access: <http://www.rfi.fr/mission/20141113-christian-estrosi-invite-frederic-riviere-jeudi/>

Curzio, Alberto Q. Per Tornare a Correre Serve più Estero // Il Sole 24 ORE, 18.02.2015. Mode of access: <http://www.ilsole24ore.com/art/commenti-e-idee/2015-02-18/per-tornare-correre-serve-piu-estero-072036.shtml?uid=ABDEUewC>

Degterev, D.A. Ekonomicheskaya diplomatiia: ekonomika, politika, parvo (Economic Diplomacy: Economics, Politics, Law). Moscow: Navona, 2010. 176 p.

Fallon, Grahame; Cook, Mark. Exploring the Regional Distribution of Inbound FDI in the United Kingdom in Theory and Practice: Evidence from a Five Region Study // *Regional Studies*, 2010, No. 3, pp. 337-353.

Kostecki, Michel; Naray, Olivier. Commercial Diplomacy and International Business // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. April 2007. No. 107. 42 p.

L'Assemblea di Confindustria e le Sfide per il Made in Italy // Newsletter. Diplomazia Economica Italiana, 2014, No. 6, pp. 20-23.

Lee, Donna; Hudson, David. The Old and New Significance of Political Economy in Diplomacy // Review of International Studies, 2004, No. 3, pp. 343-360.

Mercier, Alexandre. Commercial Diplomacy in Advanced Industrial States: Canada, the UK and the US // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Discussion Papers in Diplomacy. September 2007, No. 108. 36 p.

Raynkhhardt, R.O. «Sistema Italiia» kak primer innovatsionnoi ekonomicheskoi diplomati (‘Italy System’ as a Case of Innovative Economic Diplomacy // Vestnik MGIMO-University, 2015, No. 6, pp. 165-173.

Raynkhhardt, R.O. Sovremennaia sistema ekonomicheskoi diplomati FRG (The Contemporary System of German Economic Diplomacy) // Vestnik MGIMO-University, 2015, No. 3, pp. 225-231.

Renaud, Frank. Les Diplomates: Derrière la Façade des Ambassades de France. Paris: Nouveau Monde Editions, 2010. 393 p.

Tewdwr-Jones, Mark; Phelps, Nicholas A. Levelling the Uneven Playing Field: Inward Investment, Interregional Rivalry and the Planning System // Regional Studies, 2000, No. 5, pp. 429-440.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-21-32>

A COMPARISON OF NATIONAL ECONOMIC DIPLOMACY SYSTEMS OF THE LEADING EUROPEAN UNION COUNTRIES

Roman O. Raynkhhardt

MGIMO University, Moscow, Russia

Article history:	
<i>Received:</i>	14 April 2016
<i>Accepted:</i>	1 November 2016
About the author: Candidate of Economics, Lecturer, Department for Diplomatic Studies, MGIMO University e-mail: don.reinhardt@mail.ru	Abstract: The article provides a comparative analysis of the leading EU-countries’ (Germany, France, Great Britain and Italy) national economic diplomacy systems in line with the following criteria: role and functions of key economic diplomacy agents; competences of subnational regions as independent foreign economic actors; practice and mechanisms of ‘inward’ and ‘outward’ economic diplomacy (attraction of foreign investments and export promotion respectively); HR-policy as well as the role of country leaders in economic diplomacy measures. The author outlines the country-specific features of the aforementioned systems alongside treats common to all of them.
Key words: economic diplomacy; foreign economic policy; export promotion; investment attraction; economy of European Union countries.	

Для цитирования: Райнхардт Р.О. Сравнение национальных систем экономической дипломатии ведущих стран Европейского союза // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 21-32.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-21-32

For citation: Raynkhhardt, Roman O. Sravnenie natsional'nykh sistem ekonomicheskoi diplomati vedushchikh stran Evropeiskogo soiuza (A Comparison of National Economic Diplomacy Systems of the Leading European Union Countries) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 21-32.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-21-32

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ И ФАКТОРЫ КСЕНОФОБСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ВЕНГРИИ И СЛОВАКИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Илья Николаевич Тарасов

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград, Россия

Информация о статье:	
<i>Поступила в редакцию:</i>	11 июня 2016
<i>Принята к печати:</i>	1 ноября 2016
Об авторе: д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, БФУ им. И. Канта	Аннотация: В Венгрии и Словакии на протяжении 2010-2015 гг. отмечается рост ксенофобских настроений в обществе, активизируются праворадикальные и экстремистские группировки. Цель статьи заключается в сопоставлении наиболее существенных факторов, стимулирующих ксенофобию в двух странах. Предварительно мы предприняли попытку типологизировать праворадикальные организации и выяснить их электоральные характеристики. Наше предположение состоит в том, что деятельность праворадикальных и экстремистских организаций оказывает влияние на формирование ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии, которое обусловлено рядом факторов. В работе использованы эмпирические данные, полученные в ходе социологических опросов, проведенных ведущими исследовательскими центрами Венгрии и Словакии, международными организациями, а также статистические данные органов государственной власти, институтов гражданского общества. Средствами факторного анализа нами определены основные направления и формы деятельности правых радикалов; определено значение социально-экономической динамики развития стран; охарактеризовано отношение общества, закона и правящей элиты к проблемам ксенофобии и правому радикализму. К числу наиболее влиятельных факторов можно отнести: открытую пропаганду националистических идей; конституционный приоритет интересов этнического большинства; парламентский статус праворадикальных партий; попустительство деятельности правых радикалов со стороны правящей элиты, судов и полиции. Сопоставление факторов стимулирующих ксенофобские практики в Венгрии и Словакии отчасти не подтвердило распространенную гипотезу о существенном влиянии экономического кризиса, дефицита образования и политической пассивности на формирование ксенофобских практик в молодежной среде. Кумулятивным социально-экономическим фактором обнаружила себя профессиональная фрустрация провинциальной молодежи.
Ключевые слова: Венгрия; Словакия; правый радикализм; экстремизм; ксенофобия; сравнительный анализ.	

Опираясь на сопоставление экспертных заключений и результаты собственного мониторинга, установлено, что в Венгрии и Словакии на протяжении 2010-2015 гг. усиливается дискриминация цыган, евреев, гомосексуалов и других меньшинств, беженцев, а также бедных и бездомных. Число совершаемых в стране преступлений на почве ненависти снижается незначительно. Отмечается рост ксенофобских настроений

в обществе, активизируются праворадикальные и экстремистские группировки. Одновременно следует указать на ужесточение уголовного законодательства после всплеска насилия на почве ненависти в 2008-2009 годах. Ксенофобские практики ныне в большей степени «переместились» в Интернет-пространство.

Объектом исследования являются праворадикальные организации Венгрии и Сло-

вакии. В качестве предмета нами определено влияние правых радикалов на формирование ксенофобских практик в венгерском обществе. Наша цель заключается в определении наиболее существенных факторов, стимулирующих ксенофобию в Венгрии и Словакии.

Для этого средствами факторного и ивент-анализа, вторичного изучения социологических данных и экспертных оценок нами определены основные направления и формы деятельности правых радикалов; установлена степень лояльности национального законодательства к правому радикализму и ксенофобии; определено значение социально-экономической динамики развития Венгрии и Словакии для воспроизведения ксенофобских практик; выяснено отношение правящей элиты к правому радикализму; установлены некоторые специфические характеристики правоохранительной и судебной практики противодействия правому экстремизму; охарактеризовано отношение общества к проблемам ксенофобии и правому радикализму.

Предварительно мы предприняли попытку типологизировать праворадикальные организации и выяснить их электоральные характеристики.

Для осуществления типологии нами были выдвинуты три критерия: а) деятельность, отраженная в сообщениях общенациональных СМИ в период 2010-2015 гг.; б) отношение к закону; в) организационно-правовая форма (в отношении легальных организаций) / характер структурно-политической иерархии. В рамках данной типологии были условно объединены радикальные¹ и экстремистские² организации (см. Приложение 1 и Приложение 2).

Организации первых трех категорий являются общенациональными, при этом только политическим партиям доступно легальное самодеятельное участие в избирательном процессе. В таблице 1. представлены электоральные показатели Венгерской партии справедливости и жизни (MIEP) и

партии «За лучшую Венгрию» (Jobbik) на выборах в Государственное собрание Венгрии (см. Таб. 1), в таблице 2 – результаты Словацкой национальной партии (СНП) и Народной партии «Наша Словакия» (НПНС) (см. Таб. 2).

Таблица 1

Электоральные показатели праворадикальных партий на выборах в Государственное собрание Венгерской республики
(% голосов в пропорциональном сегменте избирательной системы)

	1990	1994	1998	2002	2006	2010	2014
MIEP		1.6	5.5	4.4	2.2*	0.03	0.04*
Jobbik					2.2*	16.7	20.3

* – в составе избирательной коалиции

Источник данных: <http://psephos.adam-carr.net>
Table 1. *Electoral Data: Right-Wing Parties in National Assembly Elections in Hungary (% of Votes in Proportional Representation System of Hungary)*

Электоральная карта показывает, что «Йоббик» пользуется значительной поддержкой у избирателей, проживающих в средне-населенных городах (30-70 тыс. чел.) северо-восточной части страны (Дьёндёш, Эгер, Хатван, Гёдёллё, Ясберень, Монор и др.).

Таблица 2

Электоральные показатели праворадикальных партий на выборах в Национальный совет Словацкой республики
(% голосов в пропорциональном сегменте избирательной системы)

	1992	1994	1998	2002	2006	2010	2012	2016
СНП	7,93	5,4	9,07	3,3	11,73	5,07	4,55	8,64
НПНС				3,7*		1,33	1,56	8,04

* – в составе избирательной коалиции

Источник данных: <http://psephos.adam-carr.net>
Table 2. *Electoral Data: Right-Wing Parties in National Assembly Elections in Hungary (% of Votes in Proportional Representation System of Hungary)*

Правые радикалы в посткоммунистической Венгрии завоевали симпатии сельских жителей, вытеснив на обочину политической жизни Независимую партию мелких хозяев (НПМХ). На парламентских выборах 1990 г. НПМХ получила 11,4% голосов, а в 2014 – 0,2%. Это произошло за счет «перехвата» патриотической риторики в решении аграрных проблем (приватизация кооперативной соб-

¹ Радикализм – теория и практика применения решительных мер по коренному социальному преобразованию.

² Экстремизм – приверженность крайним взглядам, методам действий.

ственности, продажа земель иностранцам и проч.). В Словакии подобного замещения не было, напротив, националистический электорат эволюционно перешел от Словацкой национальной партии (СНП) к Народной партии «Наша Словакия» (НПНС). Социологи отмечают, что электорат правых радикалов молод – от 18 до 34 лет (в когорте от 35 до 49 число приверженцев идеологии «Йоббик» примерно в два раза меньше, чем среди молодежи, в когорте старше 50 лет – в четыре раза). Учитывая возрастную структуру венгерского общества, мультиплекативный эффект электоральной волатильности при сохранении нынешней институциональной организации политической системы абсолютный суммарный электорат «Йоббик» может достигать 42,3%, а «ядерный» – не менее 6,8%. Аналогичные исчисления в отношении ПННС свидетельствуют о том, что электоральное «ядро» вполне сопоставимо с показателями «Йоббик».

Основные направления и формы деятельности правых радикалов в настоящий момент не связаны с преступлениями против личности на почве ненависти. Праворадикальные движения в двух странах временно отказались от экстремистских акций; те же, которые попытались сохранить свою организационную самостоятельность, были иллегализованы («Венгерская гвардия», «Самооборона (гражданская гвардия) за лучшее будущее», Словацкое национальное единство и др.). Для лидеров «Йоббик», СНП и НПНС важной является деятельность в рамках парламентского мандата (от встреч с избирателями, до законодательных инициатив), что для других радикалов недоступно.

Весьма активна пропаганда националистических и неонацистских взглядов в Интернете. Например «Йоббик» имеет целый ряд своих собственных ресурсов³. Почти каждая группировка располагает своим

³ <http://kuruc.info>, <http://alfahir.hu>, <http://hazai-palya.hu>, <http://demokrata.hu>, <http://hunhir.info>, <http://www.szentkoronaradio.com>, <http://kitartas.mozgalom.org>; Loved and Hated. Commonalities and Differences between the Slovak and Hungarian Far Right / Edited by Sergej Danilov, Tomáš Nociar. Bratislava: Inštitút pre medzikultúrny dialóg, 2012. 64 p.

представительством в Сети. Однако распространение диффамационных материалов в социальных сетях в Венгрии редко.

Негативные изменения в социально-экономической сфере вызвали в 2014-2015 гг. волну протестов, организованную, в основном, леволиберальной оппозицией. Примечательно, что в столицах и крупных городах националистические группы также принимали участие в протестах, но не были их заявителями или организаторами. В качестве организаторов или заявителей шествий и демонстраций правые радикалы чаще выступают в связи с днями памяти исторических событий (15 марта – день начала Венгерской революции (1848), 15 октября – день начала нацистской оккупации (1944), 23 октября – день начала Венгерского восстания (1956) и др.). Акции правых радикалов, как правило, сопровождаются ксенофобскими лозунгами («Венгрия – для венгров!», «Жиды, вон из Венгрии!», «Цыгане грабят Венгрию!» и др.) и экспрессивными действиями (сожжение флага государства Израиль, плевок в еврея, «крымское приветствие» и проч.)⁴. Подобные проявления ксенофобии зафиксированы и в Словакии в ходе мониторинга.

Насилие в отношении меньшинств часто принимает форму вандализма в отношении кладбищ/монументов (34 случая в 2012 г., 60 – в 2013 г. в Венгрии), а также сопряжено с размещением ксенофобских граффити (свастика, перечеркнутая «звезда Давида» и проч. в Словакии).

Патрулирование правыми радикалами и экстремистами цыганских кварталов – относительно новое явление для Венгрии с весьма сомнительной эффективностью для их организаторов. Едва ли не первая из подобных акций в городке Дьёндьёшпата в апреле 2011 г. завершилась столкновениями, привела к возбуждению уголовного дела, и, как итог – к запрету «Гражданской гвардии за лучшее будущее». Венгерское правосудие рассматривает подобные акции как посягательство на функцию государства по охране общественного порядка. Такая практика не

⁴ Kovacs, Andras. Antisemitic Prejudice and Political Antisemitism in Present-Day Hungary // *Journal for the Study of Antisemitism*, 2012, No. 4, p. 446.

было зафиксирована в Словакии за последние 5 лет.

Традиционной формой активности экстремистов является проведение различных музыкальных фестивалей (например, «Венгерский Сигет»), а также поощрение музыкальных коллективов соответствующего идеологического направления⁵. К этой же форме деятельности примыкает организация спортивных клубов, соревнований на локальном уровне, а также некоммерческое распространение символики и различных атрибутов партий, движений, организаций и группировок. «Футбольные демонстрации» случаются крайне редко ввиду жесткого полицейского контроля.

Национальное законодательство Венгрии и Словакии нелояльно к правому радикализму и ксенофобии, но имеет некоторые специфические черты. Прежде всего, речь идет о новой Конституции Венгрии, которая вступила в силу 1 января 2012 года. В ст. 15 конституции говорится о «запрете дискриминации по расовому, половому, религиозному, политическому признаку, а также по цвету кожи, языку, социальному происхождению, имущественному положению и т. д.». Вместе с тем, конституция носит националистический оттенок. Она защищает права человека и признает права меньшинств, однако четко ставит защиту интересов венгерской нации на первое место. Национальные меньшинства представлены в конституции как граждане, «проживающие вместе с венгерской нацией».

Значение социально-экономической динамики развития Венгрии и Словакии для воспроизведения ксенофобских практик оценивается экспертами неоднозначно. Мировой финансовый кризис 2008 г. оказал существенное негативное воздействие на экономику Венгрии. После обвала ВВП в 2009 г. (-6,8%) венгерская экономика демонстрирует неуверенный рост (3,6% в 2014 г.). За последние 4 года уровень безработицы понизился на 2,5%. На 3,3% в 2014 г. выросли реальные доходы населения. Н. Муйжниекс в своем докладе для Совета Европы

определенno указывает, что рост бедности в регионах Венгрии ослабляет демократические стандарты⁶. По данным независимого института *Athena Institute* значительная часть (36%) преступлений на почве ненависти совершилась в Будапеште, население которого испытывает на себе негативные последствия экономического спада гораздо меньше, чем провинция⁷. Большинство исследователей не склонны напрямую связывать проявления ксенофобии с последствиями экономического кризиса. В значительной мере на такие проявления влияет контекст местной ситуации в регионах. Социологи отмечают, что праворадикальные взгляды в Венгрии популярны в моноэкономичных локациях (депрессивные аграрные районы и малые deinдустролизированные города). Немаловажными оказываются внешнеэкономические обстоятельства. «В странах «полупериферии» неонацистские настроения стимулируются экономическим и социальным неравноправием со странами «ядра» и финансовой зависимостью от них»⁸. К числу таких стран внутренней периферии ЕС, безусловно, относится Венгрия. Доля Венгрии в экономике ЕС – 0,72%, а показатель ВВП на душу населения по отношению к среднему по Евросоюзу составляет 75,7% (2013) и в абсолютных цифрах сопоставим с показателем России.

В Словакии ситуация менее драматична. По некоторым показателям социально-экономического развития Словакия опережает Венгрию. Словакия не только значительно лучше справляется с кризисом, но с 1 января 2009 г. вошла в зону евро, выполнив все условия Мaaстрихтского договора⁹. На ули-

⁶ Mudde, Cas. Racist Extremism in Central and Eastern Europe // *East European Politics and Societies*, 2005, No. 19(2), p. 34.

⁷ A Neo-Nazi Party Initiative in Hungary. Paris: *Athena Institute*, 2014. P. 12.

⁸ Пьяных Е.П. Современный нацизм в аспекте глобализации // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 3(27). – С. 72 [Pyanykh, E.P. Sovremennyy natsizm v aspekte globalizatsii (Contemporary Nazism in the Context of Globalization) // *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*, 2015, No. 3 (27), p. 72].

⁹ Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: срав-

⁵ Mudde, Cas. Racist Extremism in Central and Eastern Europe // *East European Politics and Societies*, 2005, No. 19(2), p. 159.

цах венгерских городов появилось много автомобилей со словацкими регистрационными знаками, поскольку словацкое налоговое законодательство оказалось более прозрачным, многие венгры перенесли или самое малое перерегистрировали свои фирмы в юрисдикции Словакии.

Правящая политическая элита Венгрии подспудно благоволит правому радикализму и, одновременно, осторегается его. С 2010 г. премьер-министром Венгрии является Виктор Орбан, чья партия «Венгерский гражданский союз» («Фидес» / *Fidesz*) имеет 2/3 голосов в парламенте. Пришедшие к власти политики решили сконцентрироваться в первую очередь на возрождении национальной идеи. Общеполитической установкой правительства В. Орбана является «исправление международного имиджа Венгрии». «Правительство отвергает все формы проявлений, наносящих ущерб человеческому достоинству», – заявил в апреле 2012 г., выступая в парламенте, В. Орбан. Построение нелиберальной демократии в Венгрии предусматривает в т.ч. установление контроля над «патриотическими» силами со стороны Фидес и их последующую консолидацию, исключающую несанкционированную мобилизацию в сфере этноконфессиональных отношений. В Словакии правящая политическая элита явно и однозначно демонстрирует свое негативное отношение к правому радикализму.

Одна из проблем заключается в том, что правительства Венгрии и Словакии не отслеживают систематически случаи насилия на почве ненависти. Возникает подозрение в манипулировании статистическими данными. Можно проследить условную

нительный анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. – Саратов, 2009. – С. 40 [Tarasov, I.N. Institutsional'noe razvitiye postkommunisticheskikh politicheskikh sistem stran Tsentral'no-Vostochnoi Evropy: srovnitel'nyi analiz (Institutional Development of the Post-Communist Political Systems of Central and Eastern Europe Countries: A Comparative Analysis). Referat of Dissertation for Doctor of Political Science Degree / Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova. Saratov, 2009. P. 40].

связь между интенсивностью политических заявлений политиков, направленных против той или иной религиозной или этнической группы, и ростом ксенофобии в обществе, направленной против этой же группы. Чиновничество, если не поощряет, то, по меньшей мере, попустительствует функционированию различных неонацистских групп, которые маскируют собственную деятельность организацией спортивных или культурно-просветительских акций. Возникает ситуация раздвоенности поведения, когда строгость и даже репрессивность закона нивелируется безразличием и политическим манипулированием.

Своя специфика обнаруживается в правоохранительной и судебной практиках противодействия правому экстремизму. После цыганских погромов в 2008-2009 гг. на востоке и юге Венгрии властями и институтами гражданского общества была проделана большая работа по ужесточению ответственности за преступления на почве ненависти. В 2009-2013 гг. прошли судебные процессы над участниками погромов.

Вместе с тем, имеются серьезные недостатки в применении законов, когда речь идет о преступлениях на почве ненависти. Речь идет о подмене квалификации преступлений на почве ненависти преступлениями на бытовой почве, о высокой степени латентности этих преступлений из-за недоверия жертв к полиции, из-за отказа правоохранительных органов возбуждать такие дела, а также из-за отсутствия статистики, которая позволяла бы судить о масштабах такой преступности. Именно поэтому эксперты затрудняются назвать точное число преступлений на этой почве в стране. Полиция, прокуроры и судебные чиновники неохотно идут на признание ксенофобской мотивации в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений: она явным образом отсутствует в Уголовном кодексе, признается лишь базовая мотивация. Эти проблемы свойственны и венгерскому, и словацкому случаем.

Отношение общества к правому радикализму нетерпимо в случаях преступного поведения, но лояльно к его идеологемам. Венгерское общество в основном прояв-

ляет почти полное безразличие к вопросам ксенофобии, расовой и национальной дискриминации за исключением оппозиционных правозащитных организаций и этнических сообществ. В национальном опросе *100 Global ADL* 41% респондентов по 6 из 11 пунктов выразили ксенофобские суждения¹⁰. В Венгрии мужчины (55%) привержены ксенофобии больше, чем женщины (28%). В возрастном отношении это наиболее характерно для молодых венгров (18-34 года). Наиболее неприязненно к чужакам относятся сторонники «Йоббик» (75%), далее следуют сторонники Фидес (33%) и Венгерской социалистической партии (31%). То есть, ксенофобские настроения свойственны определенной части венгерского общества вне зависимости от партийно-политических предпочтений. Официальные опросы общественного мнения показали, что уровень «неприязни» к иностранцам и представителям национальных меньшинств, проживающим постоянно в стране, увеличился. Самой «нелюбимой» группой меньшинств являются цыгане (по шкале от 1 до 9, отношение к цыганам оценивается на 4). География нападения на цыган показывает, что большинство их совершается на севере и северо-востоке Венгрии. И именно там количество людей, поддерживающих ультраправые партии, гораздо выше. В Словакии экстремистская география иная, и она не знает четкой «привязки»

¹⁰ 100 Global Anti-Defamation League. Mode of access: <http://global100.adl.org/#country/hungary>

к активности ультраправых группировок за исключением Банска-Бистрицкого края.

Деятельность праворадикальных и экстремистских организаций оказывает влияние на формирование ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии, обусловленное рядом факторов. Нами было выделено пять групп факторов, которые могут стимулировать ксенофобию: «исторические», институциональные, социально-экономические, правовые и политические. «Исторические» факторы наименее детерминируют ксенофобские социальные практики. Наиболее сильное влияние оказывают политические факторы, далее следуют социально-экономические и правовые факторы. К факторам, имеющим определяющее значение, мы отнесли открытую пропаганду националистических идей, конституционный приоритет интересов этнического большинства в Венгрии и в Словакии, парламентский статус партии «За лучшую Венгрию», Словацкой национальной партии и Народной партии «Наша Словакия», попустительство деятельности правых радикалов со стороны правящей элиты, судов и полиции. Кроме того, существенным фактором, который может быть отнесен к числу социально-экономических является профессиональная фрустрация провинциальной молодежи.

Приложение 1

Типы праворадикальных организаций, действовавших наиболее активно в 2010-2015 гг.

п/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
I. Политические партии					
1	Венгерская партия справедливости и жизни	1993	Чурка Иштван (1934-2012), Фенивесси Золтан (р. 1949)	Правоконсервативная партия интеллигенции. (не функционирует с 2014 г.)	www.miep.hu
2	За лучшую Венгрию (Йоббик)	2003	Ковач Давид (р. 1976) до 2006, Вона (Зазривец) Габор (р. 1978) с 2006	Возникла на базе молодежной организации МИЕР. Националистическая радикальная. С 2010 – парламентская.	www.jobbik.hu www.jobbik.com
II. Общественные движения					

п/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
3	Движение Pax Hungarica (Венгерский национальный фронт)	1989 2008 - регистрация	Дьёркёш Иштван, Домокос Эндре Янош (р. 1975)	Праворадикальная организация возникла как неонацистская группировка в г. Дьёр. Легализовалась в 2008 году.	http://www.jovonk.info/ http://paxhungarica.org http://kitartas.net/
4	Молодежное движение «64x округов»	2001	Торочкаи (Тот) Ласло (р. 1978), Задьва Гьёрги Дьюла (р. 1976)	Праворадикальная организация. Позиционирует себя как историко-культурная ассоциация сторонников «Великой Венгрии»	http://www.hvim.hu/
5	Движение «Венгерская гвардия»	2007-2009	Вона (Зазривец) Габор (р. 1978)	Военизированное крыло Йоббик. Создание ВГ вызвало в 2008 г. раскол в партии. Деятельность прекращена решением суда.	http://ujmagyargardamozgalom.com/
6	Движение «Венгерский Феникс»	2010	Тибор Бибер Йожеф (р. 1961), Борош Иштван	Праворадикальное движение, возникшее из числа «умеренных» членов Венгерской гвардии	http://www.magyarfonix.hu/
7	Движение «Самооборона за лучшее будущее» (Ассоциация «Гражданская гвардия за лучшее будущее»)	2010-2014	Атилла Ласло, Варна Петер	Праворадикальное движение анти-циганской направленности. С 2011 г. деятельность была блокирована прокуратурой. С 2014 г. функционирует как неформальная группа «Движение венгерской самообороны»	www.magyarvedelmi-mozgalom.com
8	Кровь и честь	1995	Торочкаи (Тот) Ласло (р. 1978), Тыиритян Жолт (р. 1983)	Отделение общеевропейской неонацистской группировки	http://c18hungary.blogspot.ru/
9	Национальная самооборона	2007	Хорват Адам	Экстремистская группировка, действующая в Будапеште и на северо-востоке Венгрии	http://nemzetionvedelem.hu/
10	Пиратская армия	2008	Торочкаи (Тот) Ласло (р. 1978)	Сеть региональных неонацистских групп	http://betyarsereg.hu/
11	Венгерская национальная гвардия	2009	Кесерю Дьюла	Экстремистская организация членов запрещенной «Венгерской гвардии»	http://www.gardamozgalom.org/

IV. Группы футбольных псевдо-болельщиков, региональные политически несвязанные группы

Организация болельщиков ФК «Ференцварош» и проч.

Спортивно-патриотические организации за сохранение традиций

Appendix 1.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Приложение 2

Типы праворадикальных организаций Словакии, действовавших наиболее активно в 2010-2015 гг.

п/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
I. Политические партии					
1	Словацкая национальная партия	1990	Витязослав Мориц (р. 1946), 1990-1991 Йозеф Прокеш (р. 1950), 1991-1992 Людовит Чернак (р. 1951), 1992-1994 Ян Слота (р. 1953), 1994-1999, 2003-2012 Анна Белоусовова (Маликова) (р. 1959), 1999-2003 Андрей Данко (р. 1974), с 2012	После смены руководства в 1999 г. и расколов 2001 и 2011-2012 гг. в партии поделило умеренное направление, что привело к отказу от политического радикализма и поддержки экстремистов.	http://www.sns.sk/
1a	Настоящая Словацкая национальная партия	2001-2003	Ян Слота (р. 1953)	Праворадикальная партия сторонников Я. Слоты. В 2003 г. воссоединилась с СНП.	
2	Партия венгерской общины	1998	Бела Бугар (р. 1958), 1998-2007 Пал Чаки (р. 1956), 2007-2010 Йозеф Беренди (р. 1967), с 2010	До 2012 г. Партия венгерской коалиции. В 1998-2010 гг. – парламентская партия, в 1998-2006 гг. – в составе правительственной коалиции. В 2007-2009 гг. в партии произошел раскол по вопросу о методах достижения автономии словацких венгров и степени их независимости от официального Будапешта. Умеренные во главе с Б. Бугаром образовали новую партию «Мост». С этого времени ПВК/ПВО все больше скатывалась к националистическому радикализму. Позиции партии сильны только в приграничных с Венгрией районах. На местном уровне нередко образуются блоки венгерских партий. После выборов 2016 г. отчуждение венгерских партий усилилось в связи с вхождением партии «Мост» в правящую коалицию вместе с СНП.	www.mkp.sk
3	Народная партия «Наша Словакия»	2000	Мартин Белуски (р. 1988) Марьян Котлеба (р. 1977)	До 2009 г. Партия друзей вина, в 2009-2010 – Народная партия социальной солидарности. В 2008 г. состоялся «захват» партии неонацистами в условиях иллегализации «Словацкого братства». В 2016 г. партия получила 8% голосов и 14 мест в парламенте.	www.naseslovensko.net

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

п/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
4	Нация и справедливость – наша партия	2011	Анна Белоусова (Маликова) (р. 1959)	Правая националистическая партия умеренного толка, образовалась в ходе раскола СНП.	http://www.nas.sk/
5	Путь - Партия патриотов и профессионалов	2013	Владимир Гюртлер (р. 1972)	До 2015 г. партия «Семеро смелых». Региональная партия, действующая в Кошицком крае. Имеет выраженную расистскую идеологию. В 2015 г. получила общенациональную регистрацию, но не смогла выдвинуть своих кандидатов.	http://strana-cesta.sk/
II. Общественные движения					
6	Словацкое национальное единство / Христианская национальная партия	1991	Станислав Панис (р. 1950), Мирослав Шунял (р. 1972) Ян Слота (р. 1953), с 2014	Сотрудничала с СНП, НСНП, затем с НПНС.	http://www.narod.sk/snj
7	Национальная партия «Словацкое братство»	1995	Марьян Котлеба (р. 1977), 2003-2007 Иван Сикора, с 2007	В 2005-2006 гг. действовала как политическая партия. В 2006 г. суд отменил регистрацию партии. В 2008-2009 гг. находилась на нелегальном положении. Ныне действует в формате общественной организации.	https://pospolitost.wordpress.com/
8	Новая свободная Словакия	2000	Петер Басала, Радован Новотны	Организация действует в Прешевском kraе.	http://nss.sk/
9	Союз словацкой молодежи	2002	Славомир Янчок	Организация проповедует панславянские идеи.	http://www.slovenskamladez.org/
10	Словацкое движение возрождения	2004	Роберт Швец (р. 1976)	Штаб-квартира расположена в г. Нитра. На международном уровне со Словацким движением возрождения сотрудничает Русский народный собор.	http://www.sho.sk
III. Неформальные группировки					
11	Словацкий национальный фронт	1993		Возникла в Трнаве. В политической деятельности ориентируется на НПНС и «Словацкое братство». Имеет явную антикоммунистическую и антивенгерскую направленность.	https://www.facebook.com/Slovenský-Národný-Front
12a	Slovakia Hammer Skins	1995	Ян Пахлопник	Национальное отделение международной неонацистской организации. Позиционируется как закрытая элитная группа, направляющая действия скинхедов. Издавало журнал «Белая победа».	
12б	Blood & Honour Division Slovakia	1994	Роберт Подставек	Национальное отделение международной неонацистской организации. Функционируют отделения в Братиславе, Петержалке, Прешове, Кошице. Издавало журналы «1939», «Белая мысль». Занимается организацией концертов.	

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

н/п	наименование	год основания	лидеры	профиль	Информационный ресурс
12в	Combat 18	1995		Группа, ассоциированная с B&H Division Slovakia. Действует в Баньско-Бистрицком крае.	
13	Словацкий рассвет	1995		Возникла в Баньской Штявнице. Движение антицыганской направленности. В настоящее время не ведет активной деятельности.	
14	Нагорный венгерский фронт	1999?	Тамаш Пёрсёк Аттила Мехес Ян Стхлик	Неформальная организация неонацистов, образовавшаяся из числа болельщиков клуба «FC DAC 1904» в г. Дунайска-Стреда. Поддерживает связь с «Движением 64-х округов» в Венгрии.	
15	Национальное сопротивление Словакии	2005		Группировка возникла в Нитре. Активной деятельности не ведет.	
16	Автономные националисты	2007		Неструктурированная общность националистов, присоединяющаяся к акциям более организованных групп.	
17	Группа действия «Бунт Кисуц / Словакии»	2011	Марьян Магат	Молодежное крыло НПНС.	http://vzdorslovensko.sk/
18	Словацкие рекруты	2012	Петер Шврчек (р. 1996), Филип Разга (р. 1980)	Военизированная организация. Действует в нескольких регионах страны. Есть свидетельства о том, что член организации Мартин «Сойка» Кепрта (р. 1989) воевал на стороне ДНР в 2015 году.	www.slovenski-branci.sk

IV. Группы футбольных псевдо-болельщиков, региональные политически несвязанные группы

Организация болельщиков ФК «Слован» (Братислава), «Спартак» (Трнава), «Кошице», «Нитра» и проч.
Спортивно-патриотические организации

Appendix 2.

Литература:

Пьяных Е.П. Современный нацизм в аспекте глобализации // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 3(27).

Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Российский экономический университет им. Г.В Плеханова. – Саратов, 2009.

100 Global Anti-Defamation League. Mode of access: <http://global100.adl.org/#country/hungary> A Neo-Nazi Party Initiative in Hungary. Paris: Athena Institute, 2014. 102 p.

Kovacs, Andras. Antisemitic Prejudice and Political Antisemitism in Present-Day Hungary // Journal for the Study of Antisemitism, 2012, No. 4, pp. 443-467.

Loved and Hated. Commonalities and Differences between the Slovak and Hungarian Far Right / Edited by Sergej Danilov, Tomáš Nociar. Bratislava: Inštitút pre medzikultúrny dialóg, 2012. 64 p.

Mudde, Cas. Racist Extremism in Central and Eastern Europe // East European Politics and Societies, 2005, No. 19(2).

Report by Nils Muižnieks, Commissioner for Human Rights of the Council of Europe following his visit to Hungary from 1 to 4 July 2014. The commissioner – commDH(2014)21, 2014, Vol. 21. 44 p.

References:

100 Global Anti-Defamation League. Mode of access: <http://global100.adl.org/#country/hungary>

A Neo-Nazi Party Initiative in Hungary. Paris: Athena Institute, 2014. 102 p.

Kovacs, Andras. Antisemitic Prejudice and Political Antisemitism in Present-Day Hungary // Journal for the Study of Antisemitism, 2012, No. 4, pp. 443-467.

Loved and Hated. Commonalities and Differences between the Slovak and Hungarian Far Right / Edited by Sergej Danilov, Tomáš Nociar. Bratislava: Inštitút pre medzikultúrny dialóg, 2012. 64 p.

Mudde, Cas. Racist Extremism in Central and Eastern Europe // East European Politics and Societies, 2005, No. 19(2).

Pyanykh, E.P. Sovremennyy natsizm v aspektakh globalizatsii (Contemporary Nazism in the Context of Globalization) // Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya, 2015, No. 3 (27), pp. 72-80.

Report by Nils Muižnieks, Commissioner for Human Rights of the Council of Europe following his visit to

Hungary from 1 to 4 July 2014. The commissioner – commDH(2014)21, 2014, Vol. 21. 44 p.

Tarasov, I.N. Institutsional'noe razvitiye postkommunisticheskikh politicheskikh sistem stran Tsentral'no-Vostochnoi Evropy: srovnitel'nyi analiz (Institutional Development of the Post-Communist Political Systems of Central and Eastern Europe Countries: A Comparative Analysis). Referat of Dissertation for Doctor of Political Science Degree / Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova. Saratov, 2009.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-31-43>

RIGHT-WING RADICALISM AND FACTORS OF XENOPHOBIC SOCIAL PRACTICE IN HUNGARY AND SLOVAKIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Il'ia N. Tarasov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Article history:

Received:

11 June 2016

Accepted:

1 November 2016

About the author:

Dr. of Political Science, Professor, Head of Department of Political Science, Social Technologies and Communications, Immanuel Kant Baltic Federal University

e-mail: ITarasov@kantiana.ru

Key words:

Hungary; Slovakia; Right-wing radicalism; extremism; xenophobia; comparative analysis.

Abstract: In Hungary and Slovakia during 2010-2015 there has been an increase in xenophobic attitudes in society; right-wing and extremist groups are activating there as well. The purpose of this article is to compare the most significant factors which encourage xenophobia. Previously we have identified the types of right-wing organizations and found out their electoral characteristics. We assume that the activities of right-wing extremist organizations influence the formation of xenophobic social practices in Hungary and Slovakia, which arise from the range of factors. In this article we used empirical data gained as a result of public opinion polls conducted by the leading research centers in Hungary and Slovakia, by international organizations, as well as statistics of public authorities and civil society institutions. By means of factor analysis, we identified the main directions and forms of activity of right-wing radicals; determined the value of socio-economic dynamics of the country's development; characterized the attitude of society, the law and the ruling elite to the problems of xenophobia and right-wing radicalism. Among the most influential factors we identified: open propaganda of nationalist ideas; constitutional priority of the ethnic majority interests; parliamentary status of right-wing parties; condoning the activities of right-wing radicals by the ruling elite, the courts and the police. The comparison of factors stimulating xenophobic practices in Hungary and Slovakia didn't confirm the hypothesis of common significant influence of the economic crisis, lack of education and political passivity on the formation of xenophobic practices among young people. The professional frustration of provincial youth discovered itself as a cumulative socio-economic factor.

Для цитирования: Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии и Словакии: сравнительный анализ // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 31-43.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-31-43

For citation: Tarasov, Il'ia N. Pravyi radikalizm i faktory ksenofobskikh sotsial'nykh praktik v Vengrii i Slovaki: srovnitel'nyi analiz (Right-Wing Radicalism and Factors of Xenophobic Social Practice in Hungary and Slovakia: Comparative Analysis) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 31-43.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-31-43

МЕЖДУ СИЛОЙ И ВЛИЯНИЕМ ГОСУДАРСТВ

Алексей Демосфенович Богатуров

МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

2 сентября 2016 г.

Принята к печати:

1 ноября 2016 г.

Об авторе:

д.полит.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

e-mail: alebog2003@yandex.ru

Ключевые слова:

мировая политика; сила; влияние; политическая экспертиза; великие державы; ООН; Россия; неклассовые общества; международные отношения.

Аннотация: Данная статья представляет собой размышление автора о современном состоянии международных отношений в контексте развернувшихся в последнее десятилетие глобальных трендов мирового развития. В частности, статья посвящена проблематике соотношения силы и влияния во внешней политике великих держав с учетом ядерного фактора и протекающих международных кризисов. Автор использует и объясняет понятия «превосходство» и «паритет» для оценки современной трансформации мировой системы и места в нем ключевых региональных и великих держав, включая Россию. В статье также приводится классификация субъектов международного взаимодействия, и анализируется потенциал их влияния на мировую политическую систему, о сценариях развития которой и рассуждает автор.

Какая страна влиятельнее всех в сегодняшнем мире? Угрожает ли человечеству атомная агрессия как возможный финал любого острого кризиса? Или навязывается режим экономических действий? Чьи силы и влияние равнозначны: воздействие державы или их групп с коалицией «мягких», неправительственных субъектов, неоформленных договорами? Ответы на подобные вопросы дать не просто, часто приходится избегать ответов, давая пояснения, что на прямой вопрос можно получить или фатальный ответ, или же обнадеживающие результаты. Промежуточный вариант – не фатальный, но и не обнадеживающий – в принципе, вполне подходящий, так как он дает ощущение *облегчения*, то есть является основой искомого решения.

Другое дело, что это только базовый сценарий, который может дать бесконечное количество промежуточных вариантов и «веер возможностей» в зависимости от прибавленных или ужатых ресурсов, выде-

ляемых на их обеспечение. Но этот сценарий не следует относить только к разряду черновых – неизвестно придется ли его отбросить, как ненужный, или наоборот, будет указано, что он является рабочим, и на его доведении до промежуточной цели (или более продвинутой) стоит сейчас сконцентрироваться. Базовый вариант служит основой будущего развития, который можно будет использовать в зависимости от условий.

Основой решения в принципе должен быть «угаданный проект» резолюции или решения, который обеспечит нейтральное отношение большинства стран с ним ознакомившихся. В нем должен быть абсолютный минимум обвинений или наоборот, тот же минимум восхвалений какой-то страны (группы государств), что-то совершивших или каким-то образом не поступивших в зависимости от идеи основного сценария. Тогда этот проект будет поставлен на международное голосование и далее с ним произойдет то, что положено.

Группа передовых стран

Из всего международного сообщества пять стран имеют признанный международным сообществом статус *великой ядерной державы* – Россия, США, Китай, Британия и Франция. Они являются постоянными членами Совета безопасности ООН и обладают полномочиями *постоянно голосующих* – за, против или воздержавшихся при рассмотрении важных для них проблем. Между ними сохраняется на приемлемых уровнях ядерный паритет, т.е. они обладают сравнимым уровнем атомного оружия, в принципе, хотя количество его и может изменяться¹.

Эти пять государств окружены группой *нелегальных ядерных стран* – Индией, Пакистаном, КНДР и Израилем. Далее следуют страны, не обладающие юридическим правом ядерного взрыва – Германия и Япония – но в принципе способные быстро его обрести благодаря имеющимся технологиям и прочим ресурсам.

Владевших ядерным запасом, но расставшихся с ним, также следует упомянуть: это согласно Лиссабонскому договору такие державы, как Украина, Казахстан и Белоруссия, а также Южно-Африканская Республика. Упомянуть нужно также Бразилию как государство, добровольно прекратившее свое движение к успешному атомному проекту еще в 1990 году.

Ведут военные программы Иран, Мьянма и Турция и поэтому пользуются повышенным вниманием, а российские военные считают их далеко ушедшими вперед в национальных атомных программах. Ряд других государств подпольно продвигаются, успешно или не очень, по ядерному пути².

¹ Кофман М., Сушенцов А. Почему возможна война между великими державами. Валдай. Международный дискуссионный клуб. Москва, апрель 2016. – С. 11. [Kofman, M.; Sushentsov, A. Pochemu vozmozhna voina mezdu velikimi derzhavami (Why Is a War among Great Powers Possible). Valdai. International Discussion Club. Moscow, April 2016. P. 11].

² Количество ядерных боеголовок по странам / Военные технологии. 3 апреля 2016. Режим доступа: <http://informatik-m.ru/vo-techno/kolichestvo-jadernyh-boegolovok-po-stranam.html> [Kolichestvo iadernykh boegolovok po stranam (Nuclear Warheads per State) / *Voennye*

Соотношение голосов при международном голосовании становится гораздо яснее на конкретном примере. Рассмотрим международную расстановку сил во время голосования на сессии Генеральной Ассамблеи ООН по «украинскому парадоксу» Киева от 27 марта 2014 года, поддержавшей целостность Украины («крымский вопрос»). 11 государств проголосовало против резолюции по «крымскому вопросу» (включая Россию), за – 100 (США, Британия, Франция), воздержались – 58 (Китай вошел в их число), не участвовали в голосовании (отсутствовали на сессии) – 24³.

Такой расклад был связан с ядерным статусом государств. «Нелегальные» обладатели ядерного оружия были в этом вопросе «на стороне России»: КНДР – голосовала против, Индия и Пакистан – воздержались, Израиль – не присутствовал на процедуре голосования. «Бывшие ядерные» страны Казахстан и ЮАР примкнули к воздержавшимся, Белоруссия проголосовала «против». Только Украина – «за».

Турция поддержала резолюцию ООН, Мьянма предпочла воздержаться, а делегат Ирана не пришел на голосование.

В «неприсоединившиеся» вошли Бразилия, Индия, Китай и ЮАР – т.е. члены БРИКС⁴. Казахстан, Аргентина, Вьетнам и Египет с колебаниями, но последовали их примеру. Это – «молчаливое, но умное» меньшинство, занимающее большую часть географического пространства мира и его весомую долю в населении. В экономике и политике им противостоят государства, находящиеся под экономико-политическим влиянием западных европейских стран и США.

tekhnologii. April 3, 2016. Mode of access: <http://informatik-m.ru/vo-techno/kolichestvo-jadernyh-boegolovok-po-stranam.html>]

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 62/282. 27 марта 2014 г. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/282@Lang=R [UN General Assembly Resolution № 62/282, March 27, 2014. Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/282@Lang=R]

⁴ BRICS – влиятельная международная организация. По пяти названиям главных членов: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка.

В Совете безопасности ООН такое голосование не прошло, так как в нем установлен строгий режим голосования. США, Британия и Франция проголосовали в духе поддержки Украины, Китай – воздержался, Россия – против. Если хоть один голос из пяти не согласен – резолюция не принята. Кто был *сильнее* и кто *влиятельнее* – Совет безопасности или сессия Генеральной Ассамблеи ООН?

Расстановка сил показала, что влияние в окружении представителей передового лагеря позволило использовать контакты для сглаживания негативных моментов дипломатической жизни. Оказать влияние – получить «да» от неудобного партнера, даже не ставя его в неловкое положение. Убедить воздержаться или не присутствовать во время голосования – большая победа в борьбе за итоги голосования. Она во многом определяет неформальное воздействие на голосующих представителей ряда государств. Сила – категоричный ответ, несущий с собой сомн неприятных или приятных последствий. Таким образом, голосующие страны должны хорошо подумать, прежде чем принять решение.

В лагере передовых стран после Второй мировой войны произошло изменение – вместо «советского» полюса, в 1991 г. появился *российский*. Сначала продолжает существовать своего рода «надлом» – принявшая на себя функции приема полномочий «советского» полюса Россия первое время не вполне функционировала. Потом она постепенно приняла на себя все полномочия, отладила, приспособила их к новому «союзу» – европейско-американо-российскому. И произошла ломка разделения ответственности в ООН в том виде, как она сложилась в годы влияния СССР.

Но в 2014 г. произошел новый переворот – «украинский разлом». Он породил мощные волны взаимной критики США и России. Было неясно, что ожидать от внезапно открывшейся полемики – про- или антироссийских позиций с их сильным западно-украинским напором. Похоже, что политическое управление миром столкнулось с новым изменением, что выразилось в замене двухполюсного мира на трех-

полюсный. Первый полюс – европейско-американский, второй – китайский, третий – российский. Как только такое изменение де-факто произошло, Россия взялась проводить в мире независимый курс.

Надо вспомнить, что «второй мир» периода 1917–1991 гг. был не российским, а «советским», «социалистическим». Оформление в 1972 г. в самостоятельную силу в экономической жизни «революционного» Китая нашло свое отражение в страновой литературе, но в ней не было «сильных» объяснений ни со стороны КНР, ни от ее критиков, подтвердивших бы эту новую тенденцию в исследованиях международных отношений. Сторонники Китая вне этой страны акцентировали внимание на происходящий крен в политике по отношению к государству, а сторонники китаецентризма внутри КНР пытались тщательно складить этот акцент.

«Хронический кризис ООН» с конца 1980-х, породивший книжный вал критических публикаций, не принес конкретных исследовательских результатов. Литераторам было предоставлено право поверхностного критического суждения об ООНовских методах принятия решений как кризисного типа решений международных вопросов: примеры – 1973 г. на Ближнем Востоке или конец 1990 годов в Югославии. В реальности ООН была оборудована виртуозной рецептурой перевода «горячих» проблем в форму «остывающих» или «остывших» вопросов. В этом она не знала себе равных. Форма многоуровневых (Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея) решений давала простые практические рецепты о решении дипломатических проблем, «кризисов жизни», военных угроз, ООНовских проблем жизни, «невозвращенных денег» по проектам ООН, леса, экологии, сокращение биологической протяженности жизни на планете.

Но за всеми этими простыми решениями незримо стояла «ООНовская пятерка», которая все обсудив детально, предварительно *совещательно решала*, принимала решение по важному вопросу, при этом иногда рассуждая об устарелости сохраняемых процедур, но никогда не приступая к пересмотру самого механизма принятия

решений. Жизненные вопросы решались в основном в жанре «пятерки» – попытки выйти за ее рамки приводили к очередному «кризису без кризисного» решения. Однако круг решений расширялся – нужно было идти дальше – появились новые субъекты (международный терроризм), непризнанные государства, стал происходить невиданный ранее обмен в гуманитарной области. Пять стран определяли основу консенсусного решения, за пределами которой может последовать *вето* какой-то из стран. Чтобы уменьшить опасность наложения *вето*, приходилось уменьшать требования, добиваясь согласия одной-трех держав воздержаться, медленно, неформально, через согласования продвигаясь к решению какой-либо проблемы. Так решались проблемы даже в случаях, когда создавалось видимость, что их решить невозможно. Но были, конечно, и такие вопросы, которые решить не удавалось.

Превосходство и паритет

Термин «соотношение сил» заимствовано дипломатами у военных политиков. Исторически оно было привязано к роли потенциала реальной военной силы. Потом добавились понятия экономической мощи, производство возможностей. Сложилось выражение «Мягкая сила – сила, которая работает» («Smart power is a power that works»), – так написал в одной из своих книг профессор американского Гарвардского университета Джозеф С. Най⁵. Постепенно стал доминировать вывод о том, что военная мощь зависит от доступа, притока экономической силы. В последней становятся особенно важными информативный и организационный ресурсы.

Связь, источники материалов могут составлять огромные количества предложений, но это знание – предпосылка высокой организации дела. Надо обладать возможностями и инструментами, чтобы преобразовать организационный ресурс во влияние. В военной науке организационный ресурс назывался полководческим талантом. Фран-

цузский император Наполеон I не случайно говорил, рассуждая о власти, что быть сильнее противника в данный момент и в данном месте⁶, значит переиграть его. Обладать талантом организационного ресурса может означать, что человек выполняет частично компенсирующую роль, восполняет слабое, недостаточное обладание информацией. Поэтому правильная оценка соотношения сил – комплексное понятие, граничащее с категорией превосходства.

Под *паритетом* понимается отсутствие у той и другой стороны явного силового преимущества по одному из видов оружия. Но это понятие не подразумевает симметричности потенциалов. В тенденции качественные характеристики паритета часто заменяют количественными. Вооружения военные разводят на обычные вооружения и оружие массового уничтожения (ОМУ). Если предлагаются сокращения отдельных воинских групп, они делаются в пределах каждой группы раздельно. Как правило, такие предложения не заменяются взаимно, т.е. надо искать для такой замены какие-то завуалированные аргументы.

В обсуждениях 2010-го года по поводу выдвинутых предложений США о согласованных сокращениях ядерных вооружений была высказана подобная позиция России. Она строилась на соображениях о том, что принятие предложений американской делегации поставит ее в положение резкого превосходства над всеми заинтересованными сторонниками по обычным вооружениям⁷. Более того, одновременно нарушалось бы хрупкое равновесие потенциалов между Россией и Китаем что, в свою очередь, резко обострило бы шанс китайско-американского «нового типа отношений великих держав»⁸.

⁶ Тарле Е.В. Наполеон. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. – С. 299. [Tarle, E.V. Napoleon. Moscow: Izd. Akademii nauk SSSR, 1957. P. 299.]

⁷ Harrell, Eben. What to Do about Europe's Secret Nukes // *The Time*, 04.01.2010. Mode of access: <http://www.inopressa.ru>article/07Jan2010/time/dogovor.html>

⁸ Мамонов М.В. Северо-Восточная Азия. Обострение региональной конкуренции / в кн.: Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. – М.: Эксмо, 2015. – С. 241

⁵ Nye, Joseph. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. С. 80.

Превосходство в соотношениях бывает незначительное – 1,5-2:1, значительное – 3:1, подавляющее – 5:1, абсолютное – 10:1. Работают такие соотношения на материальных ресурсах – тогда не важно, или наоборот – фатально, где именно, и в чем обнаруживается выявленное доминирование подавляющего преимущества противника. Соглашения, как правило, считались приемлемыми, если заключались с соотношениями в пользу с «незначительными» перевесом сил одной из сторон, так как он мог уравновешиваться подобным преимуществом в ресурсах с другой.

Информация характеризует совокупность знаний о себе и окружающей среде в совокупности сведений о ней, которая может помочь оптимизации поведения государства. Влияние со стороны окружения на дипломатический процесс может быть *стихийным* и *сознательным*. Первое – опирается на материальные запасы, «имеющиеся под рукой» дает опасность принуждения к выбору поведения человека. Второе имеет в своей основе силу убеждения, форсированное преувеличение или сознательное уменьшение ресурсов пользования окружения. При этом, принуждение несет в себе скрытую угрозу опоры на среду, не способную, скажем, до бесконечности удовлетворять потребности солдата.

Убеждение через дипломатию, пропаганду, интригу нацелено на создание «своего» позитивного образа партнера и негативного – оппоненту. Если удаётся, появляется предпосылка для широкой политической поддержки вашего курса не только солдатами, но и гражданским, в определенных условиях, невоенным населением. Это делается в противоборстве с другими влияниями, которые могут производить соперничающие группы. Только успех в такой борьбе дает основания думать о преимуществе, об информационном превосходстве, которого достигла ваша сторона.

Преимущество имеет всякое государство, которое имеет максимальные сведения

[Mamonov, M.V. Severo-Vostochnaia Azii. Obostrenie regional'noi konkurentsi (North-East Asia. Increasing Regional Competition) / in: Rossii i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushchego. Moscow: Eksmo, 2015. P. 241].

о противнике. О себе оно позволяет собрать лишь малую, минимальную информацию или пытается дезинформировать соперника, повышая вероятность его встречных ложных ходов и ошибок.

Сохраняя государственную тайну, сторона фактически постоянно дезинформирует конкурента, что создает ложные представления, побуждает противника к просчетам, ошибкам. Таким образом, ограничивается его информационный ресурс и повышается неопределенность, неполнота в его знаниях. Функции максимизации информированности о конкуренте и минимизации его информированности о себе выполняют *разведка и контрразведка*.

Информационное превосходство достигается работой, с одной стороны, дипломатии и пропаганды, с другой – спецслужб. Последние, при этом, выполняют вспомогательную роль. Спецслужбы могут помочь только дипломатии, но не пропаганде. Следует разграничивать две эти сферы и планировать их таким образом в будущем – каждое ведомство отвечает только за свое.

Приступая к деликатным переговорам с одной-двумя избранными странами (из «пятерки» и 15-16 других государств, «принесенных» к атомному проекту), бывает важно понять, насколько уверенно они себя чувствуют и как скоро может понадобиться голосовать, используя вето, или наоборот, реагировать в этом вопросе самым неожиданным образом. Важно понять, считает ли оппонент вас говорящим с ним на равных, а этот вопрос неизбежно упирается в общее соотношение сил. Есть «баланс сил» – можно разговаривать, нет – будут прибегать к тактике «неожиданных действий», к поддержке старшего партнера, рисковать «игрой на равных». Это одна из важных сфер международно-политической сферы.

Политика «переговоров с позиции равных» укрепилась в диалоге между пятью странами с 1977 года.⁹ Позиция достигалась

⁹ В январе 1977 г. Л.И. Брежнев сказал в речи перед активом Тульской области о том, что СССР и США могут теперь говорить между собой исходя из положения «на равных». Визит Брежнева в Тулу / Тульские пряники. 4 января 2015. Режим доступа: <https://www.pryaniki.ru>.

совокупностью преимуществ Советского Союза по ряду стратегических вооружений (позиции в Восточной Германии, на Средней Азии и Дальнем Востоке, например). До начала нового десятилетия не было в лексиконе советских дипломатов выражения «баланс сил» – в полностью осмысленном значении *равновесие ядерных и иных стратегических позиций*. С конца 1990 годов представители СССР нарушили «избирательное молчание» и вышли на принципиально новую переговорную позицию, которой их российские преемники, насколько можно судить, придерживаются до сих пор¹⁰. Из этого понимания равенства строится современное понимание отношений между странами пятерки.

Так слагалась неформальная связь в более узком кругу – международная иерархия, под которой подразумевалось неформальное разделение стран на категории, дающая им определенные преимущества и возлагающая на них обязанности, согласно преобладающим представлениям большинства об их способности влиять на международные отношения. В соответствии с этим, страны делились на великие державы, большие, средние, малые и сверхмалые государства. Конечно, это вызывало определенные раздражения, непонимания.

Статусные выражения такого рода могут отсутствовать при формальном наименовании стран, но они могут и присутствовать при официальном объявлении, например, титула главы государства, если оно принимает участие в одном из ваших мероприятий. Во всяком случае, так именовались лица от постоянных членов СБ ООН. До 1972 г. КНР не могла добиться соответствующего статуса, и только после того, когда Тайвань был фактически исключен из числа победителей в войне, ее права «большого» Китая были

[org/view/article/1013752/](https://www.pryaniki.org/view/article/1013752/) [Vizit Brezhneva v Tulu (Brezhnev's Visit to Tula) / *Tul'skie pryaniki*. Lanuary 4, 2015. Mode of access: <https://www.pryaniki.org/view/article/1013752/>]

¹⁰ Дорогу проложил тогда еще бывший молодым дипломатом В.В.Удалов. См.: Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. – 1990. – № 5. – С. 16-25. [Udalov, V.V. *Balans sil i balans interesov* (Balance of Powers and Interests) // *Mezhdunarodnaiia zhizn'*, 1990, No. 5, pp. 16-25].

восстановлены. Россия много уделяла своему статусу после 1991 г., и только усилия ее дипломатии в вопросе наследования СССР постепенно привели к урегулированию этой проблемы с другими постсоветскими республиками.

Цели государственности

Нет полной ясности в самом понятии «политика»: чего в ней больше, международного или внутреннего содержания. Предмет этот междисциплинарный, и в ходе обсуждения решению этого вопроса отдается часть накала полемики. Дискуссии идут, и пока не видно их завершения. По вопросу о содержании политики, заметим, что это, во-первых, искусство управлять борьбой за власть, во-вторых, – умение побеждать в схватке за собственность. Очевидно, это понимание шире охвата только международной политики.

Элитисты считают, что субъекты (главные игроки) политики – лидеры общества, вожди партийной и экономической элиты. Марксисты противостоят им, полагая, что главное – классовый подход, дело в соотношении сил, состояний умов больших социальных общностей. Первые выходят за приделы норм и несколько гипертрофируют героя, вторые – минимизируют его. В эпоху информатизации происходит рост самознания индивидуальной личности, роль «индивидуа – не лидера». Значит ли это, что возрастает массовое, социальное сознание? Вопрос риторический.

Например, в сообществе мира государств в начале XXI векаочно обосновалось *внесуверенные* общности народов, «цивилизация вне государства», террористические анклавы – места, существующие без *нормализации* своих отношений с внешним миром. Против них пыталась развязать борьбу США и страны ЕС. Китай хранил безмолвие, Россия смотрела на афганскую войну 2002 г. – первую такую войну – с большим сомнением, но промолчала. «Пятерка» проявила в целом *«понимающую»* позицию.

Война такого рода была начата в 2002 г. на территории Афганистана. Ее руководство

заявило, что их страна будет поддерживать исламский терроризм и его представителя выходца из Саудовской Аравии Усамы бен Ладена (1957-2011 гг.). Он был главой крупной международной секты исламистов «Аль-Каида», которая развернула настоящую борьбу в районах целиком арабского и исламского мира. Впоследствии тело убитого американцами Усамы бен Ладена было погребено военнослужащими США на дне Аравийского моря, чтобы не дать превратить исламистам его могилу в место поклонения. Возможность появления культа поклонения – вот что было опасным. Секта продолжала вести борьбу в Афганистане, опираясь на свои базы с пакистанской территории. Против них активно действовало правительство США, а также, с меньшими силами, руководство Пакистана и Афганистана, после того, как в результате схваток в него в 2003 г. вошли проамериканские лидеры афганского общества¹¹.

Это военное противостояние получило продолжение во время борьбы США с президентом Ирака С. Хусейном, который был свергнут американскими военнослужащими весной 2003 года. Последовала реформа управления страны – власть получили курды, арабы-шииты и арабы-сунниты. Последние довольствовались меньшей долей, поскольку оказались меньшинством в общем раскладе населения.

Одной из последствий этой войны в 2003 г. была позиция сторонников *суннитского* «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГ) – в южной части иракских северных сирийских районов стран Ирака и Сирии. Не захотев примиряться с курдами и *шиитами*, иракские террористы провинции Анбар решили отвоевать у Сирии часть земель и в соединении с частью иракской территории править ей как новым государством. ИГ стало так действовать с 2013 года, ведя борьбу на рубежах двух государств – Сирии и Ирака. Турция, получавшая доходы с торговли нефтью и перепродаившая ее на турецком рынке, заняла лояльную по-

¹¹ Спецоперация была осуществлена военнослужащими США на территории Пакистана близ г. Абботтабад, где была уничтожена база бен Ладена.

зицию в отношении ИГ. Борьба с террористами велась с конца 2015 года, когда удары по ИГ стали наносить российские военно-воздушные силы в соответствии с соглашением с Сирией¹². Сложилась своего рода неформальная «коалиция» антитеррористических сил, хотя соглашение об образовании такой коалиции и не было заключено.

Захваченная территория была освобождена, включая бывшую «столицу» – сирийский город Эр-Ракка. Борьба продолжается, ее ведут Россия, Сирия и Ирак. США и ЕС осуществляют отдельные маневры, поддерживая своих анти-ИГ и антиправительственных сторонников. Под лозунгом ИГ террористы воюют в Ливане, Афганистане, Алжире, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, Пакистане, и даже в России на территории Северного Кавказа. Вот поэтому, как говорят, борьба на сирийской территории видится из Москвы необходимой.

В общем и целом, война между террористами и государствами продолжается около пятнадцати лет. От одной до пяти стран, входящих в «пятерку» постоянных членов СБ, борются ради интересов всех стран в целом, в интересах всего государственно-центристского мира. Т.е. внесуверенные общности существуют и ставят перед другими государствами проблему – как с ними быть, каким образом вынудить государства и международное сообщество освоить цивилизованный код международного признания и общения. Проблема поставлена, но не получила пока своего разрешения.

Для примирения таких противопоставленных точек зрения в науке применяется *теория бюрократической политики*¹³ – одна из концепций знаменитого Макса Вебера, в которой он объяснял, в нашем случае, вектор правления так называемых «бюргеров». Согласно его утверждениям,

¹² RT опубликовала новые свидетельства о связях Турции с ИГ. 25 апреля 2016. Режим доступа: [https://russian.rt.com/tag/1003](http://russian.rt.com/tag/1003)

¹³ У автора несколько иное словоупотребление. Вебер, Макс. Протестантская этика и дух капитализма. Режим доступа: <http://esocio.narod.ru/lesson01.htm> [Weber, Max. Protestantskaia etika i дух kapitalizma (The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism). Mode of access: <http://esocio.narod.ru/lesson01.htm>]

существует самостоятельный класс субъектов политики в лице всех организаций от госаппарата до общественных движений. Т.е. институты сами по себе считаются политическими субъектами и участвуют в общественном движении.

Стоит избегать абсолютизации отдельных теоретических подходов. Субъекты политики разнородны, их роль вариативна в зависимости от страны, эпохи и психологии. Получается несколько категорий субъектов: персональные (лидеры и активные индивиды), институциональные (организации и их объединения) и социальные группы трудящихся. Сложить из них целое не так просто, чтобы в итоге не получилось просто общности. Суммировав, получится: социальная деятельность, осуществляемая массовыми общностями, организациями, их объединениями, отдельными личностями. Она направлена на сохранение и изменение существующего в государственно-организованном обществе (мировом обществе) порядка, распределения власти и собственности¹⁴. По крайней мере, так формируется власть, которая бывает необходима для наведения порядка в какой-то стране или на месте его в пределах государства.

Говоря о содержательности системы упорядочения положения, стоит помнить о так называемом *триггерном эффекте* (*small-big effect*), под которым понимается «неожиданно смертельный» результат побочного, не фатального воздействия на культурную среду. Имеются в виду карикатуры 2005-2006 гг. на пророка, не имеющие ничего конфликтного между собой – Дании и ЕС, с одной стороны, и Ираном, с другой, но получившие шум большого скандала. В апреле 2016 г. аналогичный скандал разразился между прессой стран ЕС и Турцией. Поводом для него послужило оскорбитель-

¹⁴ Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии / М.А. Хрусталев. – М.: МГИМО-НОФМО, 2008. – С. 104 [Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaiia ekspertiza: ocherki teorii i metodologii (Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology). Moscow: MGIMO-NOFMO, 2008. P. 104].

ное стихотворение в связи с состоявшимся визитом в Брюссель турецкого президента¹⁵. Таких последствий можно ожидать со стороны восточных государств, проявляющих недостаточную терпимость к западным, карикатурным, «насмешливым» традициям печати.

Под *устойчивостью* понимается взвешенная реакция на демонстративный, повышенный уровень выступления какого-либо деятеля по сравнению со средней манерой освещения событий в электронных и печатных органах прессы, радио, а также телевидения. Имеется в виду талант организаторов события быть способным при необходимости противостоять деструктивным воздействиям и попыткам СМИ дестабилизировать общество резкой реакцией на какой-либо визит или выступление. Способность адаптировать нежелательные воздействия, поглощать, подавлять их принято называть *стабильностью* окружающей среды, международной и внутриполитической обстановки.

В условиях стабильности, государство подразумевает, что общество, как правило, производит некие вводимые *обратимые* действия, тактический курс, частичные изменения, законотворчество. И наоборот, употребление радикального термина *развитие* – имеет в виду необратимые сдвиги в системных факторах, стратегический переворот, не имеющий обратной силы. От взаимно обновляющего притока нового до смены цели развития. Регулировать вопросы войны и мира, оборота наркотиков, многосторонние функции, глобальные изменения – в этом цель государства. Политическая деятельность государства универсальна, она соответствует целям страны.

Однако виды государственной деятельности, как правило, противоречат друг другу. Экономическая, культурная и научная

¹⁵ Европейская пресса раскритиковала договоренности ЕС – Турция / ТВЦ, 9 марта 2016. Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/88038> [Evropeiskaia pressa raskritikovala dogovorennosti ES – Turtsiia (European Press Criticized EU-Turkey Agreements) / TVTs, March 9, 2016. Mode of access: <http://www.tvc.ru/news/show/id/88038>]

деятельность страны ориентирована на изменение, производство ресурсов. Военная, правоохранительная и идеологическая – со средоточены на статичности, потреблении недр, консерватизме права. Но эволюционная деятельность и система безопасности в определенной мере взаимно дополняемы. Следовательно, возможно переключение ресурсов между разделительными исходными полномочиями, подключение одних – к другим.

Объектом политической деятельности любого государства является порядок распределения присущей стране власти и собственности. От того, какой – «массовый», «лидерский», «элитный» или «социальный» строй существует внутри общества, – от этого в решающей степени зависит стабильность на планете. Какова структура имеющихся стран – такой будет и мир, порядок в нем, система договоренностей и недоговоренностей, уравновешивающая войну и процветание.

Возьмем для примера лидерский тип организации общества. Все остальные виды оказываются в подчиненном к нему состоянии. В массовом обществе власть обретает сильный вождь, потом он постепенно начнет делиться ею, чтобы не порождать противоречия. В государстве создается порядок *моноцентричности* распределения власти и собственности. Все исходит от личности, узкого круга его ближайших сторонников и родственников. Монополия на власть порождает диктатуру, вооруженное насилие. Внешняя политика такого государства не способна идти на урегулирование противоречий способом переговоров, взаимных уступок, терпимости – т.е. быть мирной.

Организованные иначе общества смотрят на внешнеполитическую диктатуру отрицательно, негативно. Постепенно среди них складывается альянс недовольных таким подходом, и начинает вырисоваться тень коалиции противодействия без подписания обязанностей сторон. Складывается своего рода альянс неформальной борьбы за смягчение, ликвидацию «монополии на центр», диктатуры.

В мире в целом дело обстоит сложнее – в разные времена, дело складывалось не одинаково. «Право сильного» звучит снова,

но во многом иначе, чем оно произносилось на протяжении 1991-2013 гг. в ООН во время гибели СССР и занявшего с той поры неполные четверть века восстановления потенциальных возможностей Москвы. «Мнение большинства» в пределах «пятерки» перестало, точнее, перестает доминировать. Появляется иная позиция – негласно, не подчеркивая, но ясно обозначенная *мнением* в соответствии с точкой зрения правительства России. Так обстоит дело, когда дело касается чистой политики.

По части права собственности – дело обстоит сложнее. Государства имеют право владеть территорией, населением, сосредоточенными там ресурсами земли и вод. Перераспределение – ключ к новой войне, в ходе которой не исключен обмен расово-этническими гражданами, владениями, недрами, а затем наступит снова длительный мир. Уступки ничем не регламентированы, это предмет для длинных, упорных переговоров. Здесь нет «монополии», а есть порядок перераспределения права стран, фирм, компаний, монополий. Мир *полицентричен* в тенденции, во всяком случае, насколько дело идет о собственности, о праве владеть.

Целью деятельности государства может быть ломка, изменение или, напротив, сохранение существующего на данный момент порядка. В зависимости от этого, возникают большие и малые противоречия – их степень зависит от степени радикальности установок в данный момент. Радикализм перетекает в экстремизм, демократический пуранизм – в насильтвенную демократизацию; идеологический пуранизм – чистота религиозных фундаменталистов – в крестовые походы и джихад, экстремизм – в массовый террор и войну. Попытки провести кодификацию насилия в странах (и мире) в целом лишь частично успешны. Но правила есть – законы о полиции, конституции, устав ООН, конвенции и просто установленные договорами практики.

Сфера деятельности в мировом обществе существуют, их две – государственно организованное общество и мировое сообщество-общество. Второе «облачается» в форму первого, тогда как в основе первого лежат установления, принятые много лет

назад. В специальной академической литературе разделяются внутренняя и внешняя политики. Большинство авторов склонно думать, что обе сферы деятельности являются паритетными, «взаимозаменяемыми» – то есть, выступают на равных. Другие – не такое меньшинство – мыслители полагают, что приоритетна из них внутренняя¹⁶. Внешняя политика, думают они, являются ресурсозатратной, ее чрезмерное форсирование ведет к подрыву органичной, наложенной жизни. На определенных этапах эта задача становится приоритетней, правящий слой принимает специальные, нерациональные, но форс-мажорные решения.

Неклассовые общества

Существует на мировой арене два типа анализа – частный (единичный) и общесистемный. Под первыми мы имеем в виду анализ *внешних политик* конкретных государств. Граждане чувствуют себя обложенными легальностью стран, международными системами отношений между государствами. Под вторыми подразумеваются, собственно, *области взаимодействия наций*, государств, людей, внесистемные связи между обществами, не организованными в форме стран.

Надо разделять субъекты, ведущие внешнюю политику и статусы, которые поддерживают мероприятия внешней связи, но сами не имеют степени соответствующей рангу политики страны, дипломатическому статусу страны. Политику проводят только государства и межгосударственные организации, так как только в лице страны и созданных им структур международный потенциал внешнего воздействия соединяется с легитимностью в форме государственного суверенитета или договора между суверенными государствами. Во всех других случаях слово «политика» имеет переносное, непрямое, косвенное значение. Не бывает

внешней политики не суверенного образования, для него употребляются словосочетания «внешние связи», «трансграничные отношения».

Это положение, правда, подвергается сомнениям по трем линиям. Во-первых, по линии непризнанных государств. Во-вторых, по линии Евросоюза, представители которого действуют наряду с государствами в ряде случаев, хотя ЕС – не государство и не международная организация – со всех точек зрения, кроме юридической. В-третьих, в конституции Бельгии написано, что провинции могут выполнять внешнеполитические функции наряду с органами федеральной власти. Элементы такого рода есть в частях, касающихся прав провинций Канады и Индии¹⁷.

Государства остаются главным субъектом международных отношений в той мере, в которой они обладают монополией на силу, а она пока не теряет своего значения в мире. Другое дело, что она перестает быть единственным инструментом внешней деятельности. Просто сфера применения силы в современной мире становится избирательной, узкой. Одновременно растет роль других материальных (экономики, технологии) и нематериальных (информация, интеллект) регуляторов политики.

¹⁷ Денильханов И.С. Международные связи субъекта федерации: опыт современных государств. – С. 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru>pdf/2015/1/1216.pdf> [Denil'khанов, I.S. Mezhdunarodnye sviazi sub»ekta federatsii: opyt sovremennykh gosudarstv (Constituent States of Federations and International Relations: Modern States' Experience). P. 2. Mode of access: [http://www.science-education.ru>pdf/2015/1/1216.pdf\]. Конституция Бельгии / Конституции государств Европейского Союза. – М., 1987. – С. 108 \[Konstitutsiiia Bel'gii \(Belgium Constitution\) / in: Konstitutsiiia gosudarstv Evropeiskogo Soiuza. Moscow, 1987. P. 108\]; Дасуев М.Л. Институциональные аспекты международного участия бельгийских регионов в контексте российского федерализма // Власть. – 2014. – № 1. – С. 150 \[Dasuev, M.L. Institutsiional'nye aspekti mezhdunarodnogo uchastiia bel'giiskikh regionov v kontekste rossiiskogo federalizma \(Institutional Aspects of International Relations of Belgium Regions in the Context of Russian Federalism\) // *Vlast'*, 2014, No. 1, p. 150.\].](http://www.science-education.ru>pdf/2015/1/1216.pdf)

¹⁶ Morgenthau, Hans. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1948. P. 48; Киссинджер, Генри. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С. 93 [Kissinger, Henr. Diplomatiiia (Diplomacy). Moscow: Lademir, 1997. P. 93].

Дипломатия в некотором роде «отрывается» от внешней политики в том смысле, что ей могут заниматься все, включая негосударственные субъекты. *Дипломатия* – совокупность вежливых приемов, при помощи которых субъекты добиваются своих целей в сфере внешних связей, не прибегая к силе напрямую. Внешняя политика – осознанная систематическая (не всегда) деятельность в интересах достижения целей государства в сфере международных отношений (политикоформирующего слоя, элиты). Она может включать в себя неформальную дипломатию, но не наоборот.

В отечественной школе государство рассматривалось как классовое образование, «орудие господствующего класса». Но со временем эта жесткая, не допускающая изменений трактовка стала смягчаться. Современное развитое государство выступает скорее инструментом общественного компромисса между социальными субъектами, составляющими основу его общественной структуры. Компромисс достигается, как правило, с преобладанием интересов какой-то одной группы, и неравномерного представительства в общем интересе всех групп и слоев. Демократический процесс – это постоянная борьба за изменение пропорций этого представительства. Это относится к внешней и внутренней политике изъявляющих волю государств. В иных странах процесс перераспределения акцентов происходит рывками (революции) или искусственно тормозится.

Межгосударственные субъекты остаются важным элементом общения. Государства медленно, постепенно создают блоки и союзы, либо распускают их – ради целей укрепления могущества, приобретения новых экономических выгод, устарелости концепции блока. Их роль была очень высокой, но с годами она стала относительно падать. Привлекательность союзов – в delegировании государствами ресурсов друг другу на определенных условиях и в чрезвычайных ситуациях. Ресурсы бывают самые разные, в том числе пространственные, водные, воздушные.

Негосударственные субъекты международных отношений – это институты и

организации, которые не обладают политическим суверенитетом (правом выступать в политике от имени своих стран), но развивают деятельность вне территории той страны, в которой они созданы или зарегистрированы. Сюда относятся компании и политические движения, не имеющие ограниченной привязки к государственной территории; террористические, конфессиональные, этнические, культурные и компьютерные. Это действующие субъекты международной сферы, которые не имеют легального права выступать от имени своих стран. Они, как правило, имеют свои фирмы, сплоченные в большие организации, выходящие на международный уровень.

Субгосударственные общины – организованные, но избирательно, в пределах нескольких пластов. Субъекты, действующие в пределах общества, но не представляющие его целиком. В наше время это явление достигло довольно широких слоев населения, занимающихся всеми видами деятельности. Слой делится на *территориальные* (локально ограниченные), *дисперсные* (неограниченные территорией или вездесущие) и явления смешанного типа.

К территориальным субъектам относятся провинции, претендующие на отделение от страны исторического вхождения и добивающиеся международного престижа в новом качестве. Пример такого рода – «Ичкерия» (на территории Чеченской Республики) в 1993-2000-х годах добивавшейся признания ее статуса с точки зрения официальной России. Аналогично, фактический независимый, населенный большинством армян Карабах (после конфликтов 1992-1994), но не имеющий обоснованной позиции в независимости или объединении с Арменией – с точки зрения Республики Азербайджан, к которой он юридически относится как территория. Так же Абхазия, «незаконно» претендовавшая (с 1994 г.) на полноценный статус независимости. Такая точка зрения не получает понимания Республики Грузия, зато в 2008 г. (после войны грузинского правительства с Южной Осетией) Абхазия получила со стороны России официальное признание ее прав и полномочий. С 1960-х годов народ Дарфура имеет ту же пробле-

му в отношениях с правительством Судана, часть территории которого он представляет. Отношения поддерживаются соглашениями между Хартумом и местными военизированными группировками¹⁸.

Легче обстоит дело с общинами дисперсной категории, не ограниченными четкими территориями владения какой-либо группировкой. Эти люди, как правило, живут связанно, в больших городах, образуя общины. Прежде всего речь идет о социальных (определенные виды обслуживания, выделяющие их из окружающей массы – врачи, лавочники, портные, книголюбы) или этно-конфессиональных своеобразных чертах населения (иудаизм в католической или протестантской стране; православные, работающие в торговле или обслуживании исламского населения).

Трансгосударственные субъекты отличаются от межгосударственных тем, что они не являются продуктами активности правительства. Они сами, стихийно начинают действовать одновременно на территории многих государств-соседей одновременно. В одних случаях субъекты пользуются легальными правами и ведут признаваемую законом деятельность, не посягая при этом на политический статус. Примером такого рода служит деятельность транснациональных корпораций (ТНК) – например, нефтяных. Но в других случаях они действуют нелегально, незаконно (наркотики, работторговля, террористы). Наконец, в отдельных случаях они действуют на грани легальной и нелегальной деятельности – примером их деятельности служат альтерглобалисты или «зеленые».

Трансгосударственные субъекты разнятся между собой по признаку наличия или отсутствия политических претензий – по этому признаку «зеленые» давно и до-

вольно прочно завоевали место в борьбе за симпатии избирателей. ТНК, как правило, не претендуют открыто на политическую власть. В отличие от них, террористы часто на нее посягают. Политические движения (социалистический интернационал, альтерглобалисты) занимают среди них промежуточное место.

* * *

Очевидно, что если бесконечно перебирать в уме важные деловые решения на международном уровне, то это уведет от ответа на главный вопрос: кто сильнее или кто влиятельнее в политике на данный момент? Ответ будет, вероятно, уклончивым – зависит от запроса, от кого он исходит. Паритет есть, и все, кажется, твердо намерены его в будущем сохранить. Но при этом важно все хорошо отработать в процедуре и строго ее придерживаться. Новые проблемы и ответы на классические проблемы будут, конечно, появляться, а их приоритетность – меняться. Давайте наберемся терпения. Ответ на поставленный вопрос упирается в отношения между *реальными* силами в борьбе за управление политическими процессами и теми, кто оформляет эти реальные силы. Проблема в том, что никто не хочет это явно показывать – налицо завуалированная расстановка сил.

Выяснение соотношения паритета и превосходства у противостоящих сторон – задача важная, но ответ на этот вопрос будет меняться со временем. Повседневное, колеблющееся состояние паритета и превосходства постоянно несколько меняется и находится в промежутке между оптимумом и превосходством одной из стран. Можно к этому состоянию привыкнуть, но можно и не согласиться с ним – тогда все силы будут брошены на преодоление, компенсации такого вакуума силы, формирование своего рода резерва для возможного будущего. Выбор остается свободным, и стороны решают его в одиночку только за себя.

Литература:

Вебер, Макс. Протестантская этика и дух капитализма. Режим доступа: <http://esocio.narod.ru/lesson01.htm>

Визит Брежнева в Тулу / Тульские пряники. 4 января 2015. Режим доступа: <https://www.pryaniki.org/view/article/1013752/>

¹⁸ Манойло А.В. Кто стоит за Гражданской войной в Южном Судане? // Мир и политика, 10 мая 2010. Режим доступа: <http://mir-politika.ru/221-kto-stoit-za-grazhdanskoi-voinoi-v-yuzhnom-sudane.html> [Manojlo, A.V. Kto stoit za Grazhdanskoj vojnoj v Juzhnom Sudane? (Who Is Responsible for Civil War in South Sudan?) // *Mir i politika*, May 10, 2010. Mode of access: <http://mir-politika.ru/221-kto-stoit-za-grazhdanskoi-voinoi-v-yuzhnom-sudane.html>].

Дасуев М.Л. Институциональные аспекты международного участия бельгийских регионов в контексте российского федерализма // Власть. – 2014. – № 1. – С. 150.

Денильханов И.С. Международные связи субъекта федерации: опыт современных государств. – С. 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru>pdf/2015/1/1216.pdf>

Европейская пресса раскритиковала договоренности ЕС – Турция / ТВЦ, 9 марта 2016. Режим доступа: <http://www.tvc.ru/news/show/id/88038>

Количество ядерных боеголовок по странам / Веневые технологии. 3 апреля 2016. Режим доступа: <http://informatik-m.ru/vo-techno/kolichestvo-jadernyh-boegolovok-po-stranam.html>

Конституция Бельгии / Конституции государств Европейского Союза. – М., 1987. – С. 108.

Киссинджер, Генри. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – С. 93.

Кофман М., Сушенцов А. Почему возможна война между великими державами. Валдай. Международный дискуссионный клуб. Москва, апрель 2016. – С. 11.

Мамонов М.В. Северо-Восточная Азия. Обострение региональной конкуренции / в кн.: Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего. – М.: Эксмо, 2015. – С. 241.

Манойло А.В. Кто стоит за Гражданской войной в Южном Судане? // Мир и политика, 10 мая 2010. Режим доступа: <http://mir-politika.ru/221-kto-stoit-za-grazhdanskoi-voinoi-v-yuzhnom-sudane.html>

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 62/282, 27 марта 2014 г. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/282&Lang=R

Тарле Е.В. Наполеон. – М.: Изд. Академии наук СССР, 1957. – С. 299.

Удалов В.В. Баланс сил и баланс интересов // Международная жизнь. – 1990. – № 5. – С. 16-25.

Хрустальев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии / М.А. Хрустальев. – М.: МГИМО-НОФМО, 2008. – С. 104.

Harrell, Eben. What to Do about Europe's Secret Nukes // The Time, 04.01.2010. Mode of access: <http://www.inopressa.ru>article/07Jan2010/time/dogovor.html>

Morgenthau, Hans. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Pease. New York: Knopf, 1948. P. 48

Nye, Joseph. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. P. 80.

References:

Dasuiev, M.L. Institutsional'nye aspekty mezhdunarodnogo uchastija bel'giiskikh regionov v kontekste rossiiskogo federalizma (Institutional Aspects of International Relations of Belgium Regions in the Context of Russian Federalism) // *Vlast'*, 2014, No. 1, p. 150.

Denil'khanov, I.S. Mezhdunarodnye sviazi sub'ekta federatsii: opyt sovremennoykh gosudarstv (Constituent States of Federations and International Relations: Modern States' Experience). P. 2. Mode of access: <http://www.science-education.ru>pdf/2015/1/1216.pdf>

Европейская пресса раскритиковала договоренности ЕС – Турции (European Press Criticized EU-Turkey Agreements) / ТВТ, March 9, 2016. Mode of access: <http://www.tvc.ru/news/show/id/88038>

Harrell, Eben. What to Do about Europe's Secret Nukes // The Time, 04.01.2010. Mode of access: <http://www.inopressa.ru>article/07Jan2010/time/dogovor.html>

Khrustalev, M.A. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii (Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology). Moscow: MGIMO-NOFMO, 2008. P. 104.

Kissinger, Henri. Diplomatia (Diplomacy). Moscow: Ladamir, 1997. P. 93.

Kofman, M.; Sushentsov, A. Pochemu vozmozhna voina mezhdu velikimi derzhavami (Why Is a War among Great Powers Possible). Valdai. International Discussion Club. Moscow, April 2016. P. 11.

Kolichestvo iadernykh boegolovok po stranam (Nuclear Warheads per State) / Voennye tekhnologii. April 3, 2016. Mode of access: <http://informatik-m.ru/vo-techno/kolichestvo-jadernyh-boegolovok-po-stranam.html>

Konstitutsiiia Bel'gii (Belgium Constitution) / in: Konstitutiiii gosudarstv Evropeiskogo Soiuza. Moscow, 1987. P. 108.

Mamonov, M.V. Severo-Vostochnaia Azii. Obostrenie regional'noi konkurentsi (North-East Asia. Increasing Regional Competition) / in: Rossiiia i mir v 2020 godu. Kontury trevozhnogo budushchego. Moscow: Eksmo, 2015. P. 241.

Manojlo, A.V. Kto stoit za Grazhdanskoy vojnoy v Juzhnom Sudane? (Who Is Responsible for Civil War in South Sudan?) // Mir i politika, May 10, 2010. Mode of access: <http://mir-politika.ru/221-kto-stoit-za-grazhdanskoi-voinoi-v-yuzhnom-sudane.html>

Morgenthau, Hans. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Pease. New York: Knopf, 1948. P. 48

Nye, Joseph. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. P. 80.

Tarle, E.V. Napoleon. Moscow: Izd. Akademii nauk SSSR, 1957. P. 299.

Udalov, V.V. Balans sil i balans interesov (Balance of Powers and Interests) // Mezhdunarodnaia zhizn', 1990, No. 5, pp. 16-25.

UN General Assembly Resolution № 62/282, March 27, 2014. Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/68/282&Lang=R

Vizit Brezhneva v Tulu (Brezhnev's Visit to Tula) / Tul'skie prianiki. Lanuary 4, 2015. Mode of access: <https://www.pryaniki.org/view/article/1013752/>

Weber, Max. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma (The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism). Mode of access: <http://esocio.narod.ru/lesson01.htm>

BETWEEN POWER AND
INFLUENCE OF STATES

Alexei D. Bogaturov

MGIMO University, Moscow, Russia

Article history:	
<i>Received:</i>	2 September 2016
<i>Accepted:</i>	1 November 2016
About the author:	
Dr. of Political Science, Professor, Distinguished Researcher of Russia e-mail: alebog2003@yandex.ru	Abstract: The author considers the contemporary state of affairs in international relations in the context of accelerating global trends of world development of the latest decade. In particular, the article deals with the issue of correlation between power and influence in foreign policies of great powers, taking into consideration the nuclear factor and current international crises. The author resort to and explains the notions of "supremacy" and "parity" to analyze the on-going transformation of world system and the role of key regional and great powers, including Russia, in this process. The article also proposes the typology of subjects in international interaction, as well as the potential of their influence on world political system, whose development scenarios is in the focus of author's attention.
Key words:	
World Politics, power, influence, political expertise, great powers, UN, Russia, no-class society, International Relations.	

Для цитирования: Богатуров А.Д. Между силой и влиянием государств // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 44-57.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-44-57

For citation: Bogaturov, Alexei D. Mezhdu siloi i vlianiem gosudarstv (Between Power and Influence of States) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 44-57.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-44-57

ЕВРАЗИЙСТВО И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ТУРЦИИ*

Павел Вячеславович Шлыков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Информация о статье:	Аннотация: В статье в сравнительной перспективе анализируется трансформация евразийства как геополитического концепта и динамика отношения турецкой политической элиты к идеям евразийской интеграции в 1990-е и 2000-е гг. Для Турции, как и для России – географическая составляющая понятия «Евразии» и «евразийства» не выступает доминантной характеристикой этого концепта. В турецкой общественно-политической мысли евразийство уникальным образом объединило в себе черты разных идеологий – пантюркизма, панисламизма, тюркизма и неоосманизма – каждая из которых предлагала для Турции свой путь к региональному лидерству. В рамках полифонии трактовок и подходов к евразийству в Турции содержательно оформились два магистральных направления – концепт Евразии как географического мета-пространства и турецкие версии евразийской/неоевразийской идеологии. Географическое понятие Евразии стало использоватьсь в разных конфигурациях (в частности, Афро-Евразия) чаще всего для обозначения особой «центральной» роли Турции в обширном регионе, объединяющем пространство современного Ближнего и Среднего Востока, Балкан, Центральной Азии и Кавказа. Тем самым концепт Евразии стал универсальным инструментом в руках общественных деятелей и политиков, которые стремились доказать «исключительное геополитическое значение» Турции для глобальной мир-системы.
<i>Поступила в редакцию:</i>	3 августа 2016 г.
<i>Принята к печати:</i>	15 ноября 2016 г.
Об авторе: к.и.н., доцент, Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В.Ломоносова e-mail: shlykov@iaas.msu.ru	
Ключевые слова: Турция; Россия; geopolитика; евразийство; пантюркизм; неоосманизм; исламизм; политическая культура.	

* Основные идеи настоящей статьи были представлены на IX Конвенте РАМИ «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs национальные интересы» в МГИМО МИД РФ 27 октября 2015 г. Автор выражает искреннюю благодарность своим коллегам за высказанные замечания и предложения.

Турция находится в самом центре Афро-Евразии. У этой центральной позиции – очевидные издержки в виде рисков окружающей нестабильности и колоссальные преимущества: непрерывность географического пространства дает доступ ко многим регионам. Именно это я называю «стратегической глубиной»...

Ахмет Давутоглу¹

Если рассматривать понятие Евразии как преимущественно географическую сущность, Турция – и в современных республиканских границах, и исторических, османских – по праву может считаться евразийской страной. Однако для Турции, как и для России – географическая составляющая понятия «Евразии» и «евразийства» никогда не выступала доминантной характеристикой этого концепта. Более того, сам эпитет «евразийская страна» по отношению к Турции довольно редко использовался. Отчасти это было вызвано тем, что с момента провозглашения республики в 1923 г., кемалистское правительство и его преемники стремились всячески подчеркнуть прозападный курс развития страны «выбор в пользу Запада и Европы вместо Востока и Азии»². Геополитические позиции Анкары также выстраивались по оси прозападной ориентации, а провозглашенный М.К. Ататюрком лозунг «Мир в своей стране – мир во всем мире» предполагал отказ от любых реваншистских проектов и естественное удаление от тюрков советской Средней Азии и Кавказа. Тенденция

¹ Выступление А. Давутоглу на 28-й конференции, повешенной турецко-американским отношениям 2 июня 2009 г. (первый месяц пребывания А. Давутоглу на посту главы турецкого МИД) [Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009) / Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/minster_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa]

² Tellal, Erel. Türk Dış Politikasında Avrasya Seçeneği // *Uluslararası İlişkiler*, 2005, Vol. 2, Iss. 5, p. 50.

на отчуждение от тюркского мира СССР оказалась довольно продолжительной, а после Второй мировой войны получила новый импульс – Турция стала членом НАТО, что автоматически определило ее в стан геополитических противников Советского Союза и еще больше отдалило от региона.

Лишь после распада СССР и крушения биполярного мира евразийство как геополитический концепт получил развитие в Турции. Появление в 1991 г. на политической карте мира пяти независимых Центрально-азиатских и кавказских государств, основная масса населения которых этнически и в языковом плане была очень близка Турции (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан), а также кризис в отношениях Анкары с Брюсселем (в 1989 г. заявка Анкары на вступление в ЕЭС была фактически заморожена) способствовали новому прочтению евразийства в Турции³. Интерес к евразийству объяснялся стремлением ответить на вызовы постбиполярного мира, определить новые внешнеполитические ориентиры и цели для Турции. Все это настойчиво подталкивало турецкий истеблишмент к выработке более активной внешней политики. Едва получившие независимость государства Центральной Азии и Кавказа в этом плане выглядели хорошим естественным полигоном для испытания на практике новой внешней политики, особенно учитывая тот факт, что к тому времени Турция укрепила свои исторические, поли-

³ О политике Турции на постсоветском пространстве см.: Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012 – 278 с. [Urazova, E.I. Turtsiiia segodnia: ekonomicheskoe sotrudничestvo so stranami Iuzhnogo Kavkaza i Tsentral'noi Azii (Turkey Today: Economic Cooperation with the States of South Caucasus and Central Asia). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2012. 278 p.]; Winrow, Gareth M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, 1995. 53 p.; Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian States // *The Middle East Journal*, 1993, Vol. 47, Iss. 4, pp. 593-610.

тические, религиозные, языковые и культурные связи с постсоветскими республиками Центральной Азии и Кавказа⁴.

Интерес Турции к региону детерминировался ценностными и прагматическими факторами. К первой категории можно отнести культурно-психологическую предрасположенность: и средства массовой информации, и общественное мнение Турции крайне позитивно восприняли развитие дружбы с тюркскими народами Центральной Азии и Кавказа⁵. Ко второй – традиционные геополитические расчеты повысить значение Турции в глазах Запада и создать конкретные сферы влияния в регионе на базе тесных связей с независимыми тюркскими республиками.

Ожидаемо, что популярным в то время лозунгом стала «Турецкая модель», т.е. стремление конвертировать существующий в Турции опыт социального и политического развития в некий условный рецепт политического и экономического успеха и процветания для постсоветских тюркских республик⁶. В 1991-1994 гг. Анкара, воодушевленная перспективой переноса «турецкой модели» на почву дружественных тюркских республик, открыла «высокий сезон» государственных визитов разного уровня в страны Центральной Азии и Кавказа, готовя плацдарм для масштабных политических, экономических и культурных проектов. Турция стала не только первым государством, признавшим независимость постсоветских республик, но и стремилась выступить их главным политическим и экономическим партнером. Ради осуществления этой задачи Турция мобилизовала все возможные средства – запустила масштабные инвестиционные проекты, предоставила возможность военным проходить стажировки в

⁴ Kut, Şule. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power / Edited by Barry Rubin & Kemal Kirişçi. Istanbul: Boğaziçi University Press, 2002. Pp. 8-10.

⁵ См.: Değişen Dünya ve Türkiye // *Milliyet*, 12/12/1991, s. 12, 19. Mode of Access: http://gazetarsisivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari_tm2BCwIolnBK62fQPT2F8w_x3D_x3D

⁶ Mango, Andrew. Turkish Model // *Middle Eastern Studies*, 1993, Vol. 29, Iss. 4, pp. 726-757.

турецких военно-учебных центрах, начала выделять гранты и стипендии студентам из университетов тюркских республик, открыла специальное местное вещание турецких радио- и телеканалов, а явившаяся на тот момент еще государственной компания «Турецкие авиалинии» запустила прямые рейсы из Стамбула в столицы Центрально-азиатских республик. Только за первые три года после провозглашения независимости в центрально-азиатские республики с турецкой стороны было совершено 1170 официальных визитов, подписано более 140 партнерских соглашений⁷.

Премьер-министр Сулейман Демирель активно продвигал идеи евразийства и Евразии, которую он определил как «регион, населенный преимущественно тюрками и простирающийся от Адриатического моря до Великой китайской стены»⁸. Президент Тургут Озал провозгласил XXI столетие «веком тюрок», озвучив тем самым надежды, питаляемые Турцией по отношению к тюркским республикам Центральной Азии и Кавказа⁹. Судьба Тургута Озала была примечательной в контексте его «евразийского» курса во внешней политике – президент скончался от сердечного приступа сразу после изнурительного турне по странам Центральной Азии весной 1993 г. В определенном смысле смерть Озала была символичным доказательством больших ставок, которые сделала Анкара на перспективу своего лидерства в Евразии.

Фокусирование евразийского дискурса Турции на постсоветских тюркских республиках неизбежно привело к возрождению и эволюции турецкого пантюркизма, вновь ставшего в 1990-е гг. влиятельной нацио-

⁷ См.: Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian States // *The Middle East Journal*, 1993, Vol. 47, Iss. 4, pp. 603; Aydin, M. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // *Central Asian Survey*, 1996, Vol. 2, Iss. 15, p. 162.

⁸ Выдержки из речи Сулеймана Демиреля см.: *Cumhuriyet*, 24/02/1992. О появлении нового макро-региона Евразии см.: Avrasya sekilleniyor // *Milliyet*, 1/11/1992, s. 11.

⁹ Речь Тургута Озала на первом саммите тюркских государств в Анкаре см.: Zirvede sıkıntı // *Milliyet*, 31/10/1992, s. 1.

нальной идеологией. Славословия в адрес «турецкой модели», которые часто звучали из уст президентов и высших чиновников центральноазиатских государств, активность Турции в организации регулярных саммитов глав постсоветских тюркских республик – все это настораживало Москву, исторически крайне болезненно относившуюся к влиянию пантюркизма на собственные национальные меньшинства¹⁰. Беспокойство России вызывало и то обстоятельство, что главный современный теоретик пантюркизма в Турции – лидер турецкой Партии националистического действия Альпарслан Тюркеш сопровождал Сулеймана Демиреля во время его первых официальных визитов в регион в апреле 1992 г., а также оказывал явное влияние на формулирование официальной политики Анкары в регионе.

Националистические мотивы играли не последнюю роль и в научной концептуализации Евразийства турецкой общественно-политической мыслью. Яркий пример – создание в 1993 г. в Турции фонда поддержки экономических, социальных и культурных исследований «Евразия – один» («Avrasya Bir»), целью которого была провозглашена экспансия турецкого влияния («продвижение турецкости») и укрепление социально-культурных связей между Турцией и турецким миром¹¹. При поддержке фонда начал издаваться ежеквартальный научный журнал «Евразийское досье» («Avrasya Dosyasi»), а в 1999 г. был создан Евразийский стратегический исследовательский центр (*Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi – ASAM*)¹². На-

ционалистические мотивы проявились и в географическом описании Евразии как региона, охватывающего территории от Венгрии, включающего всю территорию Балкан, Турции, Кавказа, Центральной Азии, Ирана, России, Украины, Афганистана, Пакистана и простирающегося до Монголии¹³. Иными словами география турецкой Евразии – это территории с большим субстратом тюркского населения. При этом официальная Анкара устами высокопоставленных чиновников постоянно отвергала обвинения в пантюркизме как «необоснованные»¹⁴. В такой позиции была известная доля лукавства. Ведь организуемые националистами конференции и встречи – вроде Ассамблеи Тюркских государств и обществ – хотя и не получали формального признания и одобрения в Турции, но при этом ведущие турецкие политики – Тургут Озал, Сулейман Демирель, Тансу Чиллер и др. – участвовали в них, и причем довольно активно¹⁵.

Таким образом, тюркизм – если не пантюркизм – играл ключевую роль в политике Турции на постсоветском пространстве. В отличие от пантюркизма, несущего в себе совершенно отчетливый заряд экспансионаизма, тюркизм выглядел более мягкой и мирной идеологией, ориентирующемся прежде всего на духовное и культурное единство тюрок и тюркского мира¹⁶. Неслучайно многие турецкие исследователи определяли внешнюю политику Анкары в более прагматическом ключе «не как проявление пантюркизма, а как выражение региональных притязаний и амбиций в сфере экономики, политики и культуры»¹⁷. Сулейман Деми-

¹⁰ Президент Узбекистана Ислам Каримов в ходе визита в Турцию в декабре 1991 г. сказал, что Узбекистан смотрит на Турцию как на «старшего брата». Президент Киргизстана Аскар Акаев в ходе своего визита в Турцию в декабре 1991 г. был не менее комплиментарен, заявив, что Турция – это «путеводная звезда тюркских республик» [см.: Winrow, Gareth M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, 1995, p. 13].

¹¹ Aras, Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Turkish Studies*, 2000, Vol. 1, Iss. 1, p. 50.

¹² ASAM прекратил свою деятельность в 2009 г., столкнувшись с серьезными финансовыми трудностями.

¹³ Özdağ, Ümit. Türkiye'nin Türk Dünyası Politikasının Teorik Çerçeve // *Asya-Avrupa*, 1/12/2004, s. 23.

¹⁴ Выдержки из заявления Сулеймана Демиреля (Türk Kurultayı İzmir'de başladı // *Milliyet*, 21/10/1994, s. 19).

¹⁵ Aras, Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Turkish Studies*, 2000, Vol. 1, Iss. 1, p. 50.

¹⁶ Özdoğan, Günay Göksu. Turan'dan 'Bozkurt'a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931-1946). İstanbul: İletişim Yayınları, 2002. S. 26.

¹⁷ Ersanlı, Büşra. Türkiye'nin Dış İlişkilerinde Türkçülük ve Avrasya // Bağımsızlıklarının 10. Yılında Türk Cumhuriyetleri: Azerbaycan, Kazakistan, Kırgızistan, Özbekistan, Türkmenistan /

рель, занявший пост президента после смерти Тургута Озала и в определенном смысле унаследовавший обозначенный Озалом политический курс, придерживался схожих взглядов на тюркизм как прагматическую политику, нацеленную на подпитывание сотрудничества между государствами региона¹⁸. В одном из многочисленных интервью Сулейман Демирель даже теоретически развернул свое видение прагматического тюркизма: «Само понятие пантюркизм, – отмечал Демирель, – существует исключительно в словарях и энциклопедиях... Когда мы говорим тюркский мир, это не означает, что все, кто является тюрком по происхождению жаждут стать гражданами одного государства. Они стремятся к сотрудничеству и взаимодействию»¹⁹.

Обозначенный и сформулированный Демирелем прагматический подход к тюркизму и евразийству оказал большое влияние на турецкий истеблишмент, а главное – сместил акценты в официальных трактовках Евразии. Концепт Евразии стал восприниматься как трамплин для вступления Турции в ЕС и новое окно возможностей для повышения политического веса Анкары в глазах Запада. Неслучайно, что в период наращивания контактов с постсоветскими тюркскими государствами в первой половине 1990-х гг. этот тренд никем не рассматривался как альтернатива отношениям Турции с Евросоюзом²⁰. Даже наоборот, руководители страны – подобно Демирелю, подчеркивали потенциал Турции для Европы как «окна в Евразию», рассчитывая, что тесные связи и хорошие отношения с тюркскими республиками могут быть конвертированы в дополнитель-

Ed. Emine Gürsoy-Naskali, Erdal Şahin. Haarlem: SOTA 2002, s. 149-154.

¹⁸ Выдержки из выступлений и интервью Сулеймана Демиреля (*Milliyet*, 13/02/1993, 2/09/1994).

¹⁹ TBMM'yi yoğun gündem bekliyor // *Milliyet*, 31/08/1994, s. 17; См.: Landau, Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company, 1995. P. 194.

²⁰ Ersanlı, Büşra. Can Eurasia Be an Identity Issue for Turkish Foreign Policy? // Turkish Views on Eurasia / editor İsmail Soysal, assistant editor Sevşen Aslantepe. Istanbul: Foundation for Middle East and Balkan Studies, 2001. P. 122.

ный стимул принятия Турции в ЕС²¹. Этим, по-видимому, можно во многом объяснить стремления турецких политиков изобразить Турцию как «мост» между Европой и Азией, через который и ЕС, и США могли бы более эффективно выстраивать и развивать свои отношения с постсоветскими государствами региона²².

Однако, несмотря на увлечение Анкары «практическим евразийством», достаточно скоро стало очевидно, что политического и экономического потенциала Турции явно недостаточно для помощи тюркским государствам в преодолении их внутренних проблем, а также налаживания тесного политico-экономического сотрудничества. Турция, конечно, сыграла важную роль в политической судьбе тюркских республик, введя их в клуб различных региональных и международных организаций, однако иллюзии в отношении универсальности «турецкой модели» и ее применимости для постсоветских государств очень быстро рассеялись. Во-первых, руководители этих республик тяготели больше к авторитаризму, чем к демократии и весьма настороженно относились к ее экспансии. Во-вторых, турецкая экономика испытывала серьезные проблемы, которые ко времени кризиса 1994 г. достигли определенного апогея. Кроме того, преодолев период апатии Россия стала прилагать усилия для возвращения в зону своего традиционного влияния и провозгласила особую политику по отношению к «ближнему зарубежью», т.е. территориям, ранее входившим в состав Советского Сою-

²¹ Выступление Сулеймана Демиреля на саммите тюркских государств (*Moskova'ya Altı Cevap* // *Milliyet*, 20/10/1994, s. 1; *Rusya'ya karşı ortak tavır* // *Milliyet*, 20/10/1994, s. 19).

²² Выступление Сулеймана Демиреля на открытии пленарного заседания Великого национального собрания Турции в сентябре 1994 г. [T.B.M.M. Tutanak Dergisi. Cilt: 65, 1-inci Birleşim, 1.9.1994 Perşembe, s. 16-32 / Türkiye Büyük Millet Meclisi Resmi İnternet Sitesi. Mode of Access: <https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d19/c065/tbmm19065001.pdf>; Demirel, Süleyman. The Compatibility of Islam, Democracy and Secularism // *Perceptions*, 1997, Vol. 2, Iss. 2. Mode of Access: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/SuleymanDemirel1.pdf>

за. Символами провала турецкого сценария для постсоветских республик Центральной Азии и Кавказа можно считать, с одной стороны, свержение в 1993 г. протурецкого президента Азербайджана Абульфаза Эльчибека, с другой – так и не реализованный проект создания тюркского политического и экономического союза. Обаяние «турецкой модели», таким образом, оказалось, существенно слабее российского влияния на регион²³.

Очевидная ограниченность потенциала турецкого влияния на регион вызвала переоценку евразийского вектора внешней политики Турции, смещение акцентов в сторону экономики и энергетики – превращение турецкого евразийства в геоэкономический концепт. Особенно рельефно это проявилось во второй половине 1990-х гг., когда, с одной стороны, Россия, а с другой – Запад озабочились созданием в регионе сети трубопроводов для транспортировки нефти и газа. Москва стремилась всеми силами сохранить свое исключительное право на контроль над природными ресурсами региона, в то время как Запад активно продвигал проекты, с одной стороны, подрывающие «энергетическую монополию» России, с другой – вовлекающие в «Большую игру» Турцию с ее стратегическим геополитическим положением (нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, Западно-Восточный энергетический коридор и др.).

Примерно в это же время Анкара начала продвигать идею Турции как «мирового энергетического хаба» – инфраструктурного терминала для транспортировки центрально-азиатских и каспийских энергоресурсов на Запад. Президент Сулейман Демирель и его министр иностранных дел Исмаил Джем²⁴ с конца 1990-х гг. стали постоянно повторять тезис о новой геоэкономической роли Турции в Евразии, предусматривающей строительство трубопроводов по территории Турции, для того чтобы республики Центральной Азии и Кавказа смогли обеспечить себе политическую и экономическую независимость от России.

²³ Kut, Gün. Elçibey'in Sonu, Türkiye Modelinin Sonudur // *Cumhuriyet*, 24/06/1993.

²⁴ Исмаил Джем возглавлял турецкий МИД с 1997 по 2002 гг.

Демирель возлагал большие надежды на потенциальную роль Турции в «Евразийском проекте», одну из главных составляющих которого он видел в выстраивании нового уровня связей между Европой и Азией посредством разветвленной системы нефтегазопроводов²⁵. Исмаил Джем, в свою очередь, видел для Турции существенно более сложную роль в Евразии. Джем говорил о «Евразийском миропорядке», для которого Турция должна стать центром за счет «своей двуединой идентичности – уникальной принадлежности одновременно и к Азии, и к Европе»²⁶. Следуя этой логике, он не видел никакого противоречия между стремлением Турции к членству в ЕС и ее «осевой и решающей» ролью «центра Евразии», обе эти амбициозные задачи по своей сути дополняли друг друга²⁷. В определенном смысле Исмаил Джем предвосхитил внешнеполитическую модель и «стратегическое видение» геополитической роли Турции, взятые на вооружение правительством Партии справедливости и развития (ПСР) во второй половине 2000-х гг.

Прагматизм Турции в евразийском проекте отчетливо проявился и в стремлении Анкары преодолеть взаимное отчуждение с Россией. Сближение очевидно приобрело поступательное направление после визита российского премьера Виктор Черномырдина в Турцию в 1997 г. и подписания специального соглашения о прокладке газопровода по дну Черного моря – «Голубой поток»,

²⁵ Подробнее см.: Türkiye'nin Türk dünyasında 'ağabey' değil 'ekonomik partner' olduğu vurgulandı // *Milliyet*, 6/10/1999, s. 18.

²⁶ Киреев Н.Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций / Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – С. 247-248 [Kireev, N.G. Rossiisko-turetskie otnosheniiia v kontekste evraziiskikh kontseptsiii (Russian-Turkish Relations in the Context of Eurasian Concepts) / Rossiisko-turetskie otnosheniiia: istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy (Russian-Turkish Relations: History, Current Situation, and Prospects). Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2003, pp. 247-248].

²⁷ Cem, İsmail. Turkey in the New Century: speeches and texts (1995-2001) / İsmail Cem. Rustem: Nicosia, Mersin 2001. P. 60.

по которому Россия обязалась поставить в Турцию 364,5 млрд куб. м газа в 2000-2025 гг. Российско-турецкое сближение стало еще очевидней с приходом к власти В. Путина в 2000 г. Примечательно, что поступательное развитие российско-турецких отношений непосредственно отразилось на прочтении евразийского проекта в Турции и переоценке концепта Евразии во внешней политике Анкары. Так, в 2001 г. глава турецкого МИДа Исмаил Джем предложил создание стратегического партнерства Москвы и Анкары в Центральной Азии для совместной работы в области региональной безопасности²⁸. Инициатива Джема впоследствии была зафиксирована в совместном документе – «Плане действий по сотрудничеству в Евразии», подписанным в ноябре 2001 г. в Нью-Йорке²⁹. Символичной была сама дата подписания документа – осень 2001 г. в российско-турецких отношениях была периодом тесного сотрудничества по Афганистану и активной помощи США в борьбе с терроризмом, в том числе и в афганской войне. Иными словами, евразийский проект как составляющая внешней политики Турции и российско-турецкого партнерства не нацеливался против Запада, как предполагало прочтение евразийства турецкими националистами.

Совсем иное видение евразийства формулировали турецкие ультралевые и ультраправые националисты, стремившиеся привнести в этот концепт свои традиционные ценности и подходы – резко антизападническую риторику и примат конституционных принципов кемализма, особенно тех из «шести стрел», которые с 1980-х гг. стремительно теряли свои позиции – этатизма и лаицизма³⁰. Доминантой в ультранациона-

листических трактовках евразийства стала идея объединения стратегической оси Турция – Россия совместно с другими евразийскими странами против Запада в широком смысле (т.е. США и ЕС). В этом отношении турецкие националисты в своих подходах к евразийству были близки российским неоевразийцам, также апеллирующим к необходимости объединения евразийских государств под эгидой борьбы с гегемонией США и Запада.

Во второй половине 1990-х гг. лево-националистическое, антиимпериалистическое и кемалистское прочтение евразийства было характерно для политиков, близких к Демократической левой партии (ДЛП) Бюлента Эджевита – основной партии коалиционных правительств 1999-2002 гг. В 1996-1998 гг. официальный печатный орган ДЛП журнал «Национальный» (*“Ulusal”*) опубликовал большое количество статей о евразийстве в контексте социалистической, националистической и кемалистской мысли в Турции.

Известный турецкий писатель левых взглядов Атилла Ильхан также увлекся поиском новых прочтений и актуальных смыслов классического евразийства, видя в нем большой потенциал для антиимпериалистических теорий. Атилла Ильхан фокусировался на динамике политических отношений между Ататюрком и Лениным и «исламском марксизме» татарского националиста Мирсаида Султан-Галиева³¹. Однако наиболее известным пропагандистом идей «кемалистского евразийства» в Турции стал лидер ультралевой Рабочей партии Турции (РПТ) Догу Перинчек³². В многочисленных статьях Перинчека в партийных газетах и журналах – «Теория» (*“Teori Dergisi”*), «Проповедование» (*“Aydinlik”*) и др. – «евразийский выбор» и «евразийские возможности» формулируются как националистический и антиамериканский проект, альтернатив-

²⁸ Acar, Özgen. Ankara-Moskova-Orta Asya Stratejik Üçgeni // *Cumhuriyet*, 11/09/2001.

²⁹ См.: Rusya Federasyonu ile Türkiye Cumhuriyeti arasında Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı (İkili İşbirliğinden Çok Boyutlu Ortaklığa) / Rusya Federasyonu'nun Türkiye Büyükelçiliği. Mode of Access: http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html

³⁰ Подробнее о периоде подъема ультранационалистов в Турции в 2000-е гг. см.: Uslu, Emrullah. Ulusalçılık: The Neo-nationalist Resurgence in Turkey // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, Iss. 1, pp. 73-97.

³¹ İlhan, Attilâ. Sultan Galiyef: Avrasya'da Dolaşan Hayalet / Attilâ İlhan. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2000. 320 s.

³² Akçalı, Emel; Perinçek, Mehmet. Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey // *Geopolitics*, 2009, Vol. 14, Iss. 3, pp. 550-569.

ный традиционной прозападной политике Турции³³. Популяризация евразийства Догу Перинчеком не сводилась исключительно к публицистике, он также выступил организатором ряда конференций, посвященных евразийству, самая известная из которых – стамбульский форум 1996 г., привлекший большое количество участников из левых, социалистических и коммунистических партий Европы и Азии³⁴.

Поиск альтернативных прочтений евразийства в Турции – отчасти следствие все возраставшего в то время разочарования в «европейском проекте» и неудач на пути интеграции в Европейский союз. Хотя в 1999 г. Брюссель присвоил Турции статус страны-кандидата, переговорный процесс о полноправном вступлении в ЕС долгое время не мог сдвинуться с мертвой точки из-за диаметрально противоположных позиций Анкары и Брюсселя по курдскому урегулированию и кипрскому вопросу. Политические требования Брюсселя оказались настолько неприемлемы для Анкары, что тогдашний генеральный секретарь Совета национальной безопасности Турции генерал Тунджер Кылынч публично выступил с предложением о создании «стратегической оси» России, Турции и Ирана в противовес «неприемлемым требованиям ЕС»³⁵. И правительство, и Генштаб Турции ожидаемо отвергли подобные инициативы, однако заявление Т. Кылынча очень хорошо показало наличие сильного «евразийского лобби» в среде военной элиты Турции.

В начале 2000-х гг., когда идеи «евразийского союза» с Россией в Турции приобрели популярность и поддержку на самом высоком уровне, конфигурация политической власти в стране резко изменилась – парламентские выборы 2002 г. привели к власти

нового игрока, созданную осенью 2001 г. Партию справедливости и развития Р.Т. Эрдогана. Набрав 34,7%, ПСР получила право формировать однопартийное правительство без оглядки на политических конкурентов и потенциальных партнеров. Отсутствие необходимости искать компромиссы с оппонентами и союзниками развязало ПСР руки по многим вопросам политического курса, в том числе и во внешней политике. Архитектором внешнеполитического курса правительства ПСР стал профессор А. Давутоглу – известный специалист по международным отношениям. Внешнеполитическая доктрина, которую выдвинул А. Давутоглу, базировалась на идее превращения Турции в «центральную державу» мировой политики путем многоходового расширения влияния Турции на глобальном и региональном уровне, а главное – позитивного решения всех проблемных вопросов со странами – непосредственными соседями Турции³⁶. Свои идеи А. Давутоглу изложил на страницах книги «Стратегическая глубина»³⁷, в которой попытался пропустить сквозь призму турецких интересов и турецкой общественно-политической мысли традиционные геополитические теории, а также обосновывал необходимость примирения Турции со странами «османского ареала» и

³⁶ Davutoğlu, Ahmet. *Türkiye Merkez Ülke Olmalı // Radikal*, 26/02/2004. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>

³⁷ В основе внешней политики Турции 2000-х гг. были положены шесть принципов, сформулированных в программной работе Ахмеда Давутоглу «Стратегическая глубина» [Davutoglu, Ahmet. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / Ahmet Davutoglu. İstanbul: Küre Yayımları*, 2001. 584 s]. Первый принцип – определение баланса между свободой и безопасностью. Второй – «обнуление проблем» с соседями, т. е. усиленное вовлечение всех региональных сил в конструктивное взаимодействие. Третий – эффективная дипломатия в отношении соседних регионов (интенсификация взаимовыгодного сотрудничества в сфере безопасности, политики, экономики и культуры). Пятый – эффективное использование международных форумов и новых инициатив для придания импульса решению вопросов, представляющих взаимный интерес (ООН, НАТО, ОИК и др.). Шестой – создание «нового образа Турции» через общественную дипломатию.

³³ Подборка статей Догу Перинчека, см.: Perinçek, Doğu. *Avrasya Seçenek: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika / Doğu Perinçek*. İstanbul: Kaynak, 1996. 136 s.

³⁴ См.: Perinçek, Mehmet. *Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği / Mehmet Perinçek*. Ankara: Bilgi, 2006. S. 139-141.

³⁵ Kilinç: AB'den destek yok, Doğu'ya bak // *Hürriyet*, 07/03/2002. Mode of Access: <http://www.hurriyet.com.tr/kilinc-abden-destek-yok-doguya-bak-58353>

развития отношений с мусульманскими государствами³⁸.

Внимание к территориям и регионам, входившим в состав Османской империи, исламистская идентичность самой ПСР – эти факторы заставили политических обозревателей говорить о «неоосманизме» во внешней политике Турции Р.Т. Эрдогана³⁹. Неоосманизм как внешнеполитическая концепция традиционно ассоциировалась с Тургутом Озалом, именно он впервые в политической истории республиканской Турции открыто заговорил о практическом использовании османского наследия в выстраивании отношений с соседними странами и регионами⁴⁰.

Однако правительство ПСР официально отвергала обвинения в неоосманской внешней политике, сам А. Давутоглу также подчеркивал, что в его концепции «стратегической глубины» нет подобного понятия. Р.Т. Эрдоган же обращал внимания оппонентов на то, что его правительство целиком и полностью сконцентрировалось на переговорном процессе о вступлении Турции в ЕС. И активность, с которой Анкара включилась в программу гармонизации законодательства в соответствии с требованиями Брюсселя – казалось, не давали повода сомневаться в искренности премьера.

Российско-турецкое сближение в 2000-е гг. не сбавило обороты и только усилилось после того как турецкий парламент 1 марта 2003 г. проголосовал против размещения на турецкой территории американских солдат для проведения операций в Ираке. В конце 2004 г. Путин совершил государственный визит в Турцию (визиты подобного уровня не совершались 32 года), по итогам которого было объявлено о выводе двусторонних отношений на «уровень много-

планового стратегического партнерства»⁴¹. Ощутимые успехи в развитии двусторонних отношений Москвы и Анкары подтолкнули турецкие СМИ к новым интерпретациям «евразийского проекта». Некоторые журналисты стали говорить о том, что российско-турецкие отношения – это пример «формирующегося альянса» против Запада и однополюсной внешней политики Вашингтона⁴². Другие – увидели в этом желание Москвы включить Турцию в т. н. «Евразийскую ось», создаваемую Россией, Китаем, Индией и Ираном⁴³. Подтверждением этого отчасти служила информация о желании Анкары получить статус государства-наблюдателя в ШОС⁴⁴. Перечисленные факты способствовали появлению новых трактовок евразийства в Турции, которое стало приобретать все больше антизападное звучание и воспринималось как возможный геополитический проект России и Турции.

В самой Турции в середине 2000-х гг. стали распространяться, приобретать известность и популярность идеи неоевразийства. В 2003 г. вышел перевод на турецкий язык известной книги А.Г. Дугина «Основы геополитики»⁴⁵ (на сегодняшний день она выдержала уже восемь изданий в Турции). В последующие годы в Турции наблюдался очевидный всплеск интереса к евразийству – появляется новая научно-публицистическая литература, посвящен-

³⁸ Davutoğlu, Ahmet. Stratejik Derinlik / Ahmet Davutoğlu. İstanbul: Küre Yayımları, 2001, s. 52-58.

³⁹ Подробнее см.: Sözen, Ahmet. A Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // *Turkish Studies*, 2010, Vol. 11, Iss. 1, pp. 107-108.

⁴⁰ Подробнее см.: Yavuz, Hakan. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // *Middle East Critique*, 1998, Vol. 7, Iss. 12, pp. 19-41.

⁴¹ Русya'dan Çin'e bir örgüt // *Radikal*, 12/08/2007. Mode of Access: http://www.radikal.com.tr/ek_haber.php?ek=r2&haberno=7341

⁴² Dugin, Aleksandr. Rus Jeopolitiği: Avrasyacı Yaklaşım / Aleksandr Dugin. İstanbul: Küre, 2003. 391 s.

ная как классическому «архивному», так актуальному евразийству⁴⁶, А.Г. Дугин стал узнаваемой медийной фигурой в Турции благодаря своим интервью и публичным встречам с Д. Перинчеком, а также публичной поддержке турецких националистов в их осуждении политики Запада по вопросу войны в Ираке и «кипрской проблеме». В 2000-е гг. А.Г. Дугин – постоянный гость многочисленных научно-практических конференций с участием высокопоставленных турецких чиновников, дипломатов, военных и политиков. Он даже нанес визит в Турецкую Республику Северного Кипра в 2004 г. и провел встречи с руководством непризнанной республики, как если бы он выступал в роли официального представителя России⁴⁷.

Возросший интерес к евразийству в Турции позволил ряду исследователей говорить о «турецком евразийстве» как новом геополитическом дискурсе, отличном от российского неоевразийства⁴⁸. И действительно, внимательный анализ евразийской риторики в России и Турции отчетливо показывает наличие явных расхождений в прочтении «евразийского проекта». Так, если А.Г. Дугин постоянно говорил о «Евразийской империи» во главе с Россией, то в риторике турецких националистов под евразийством подразумевался антизападный проект, главная цель которого – защита турецкого «национального государства». У турецкого евразийства нет исторических и философско-теоретических основ, в отличие от российского евразийства, опирающегося на мощную идеологическую и теоре-

⁴⁶ İlhan, Suat. Türklerin Jeopolitiği ve Avrasyacılık / Suat İlhan. Ankara: Bilgi, 2005. 220 s.; Çeçen, Anıl. Türkiye ve Avrasya. Ankara: Fark, 2006; *Journal of Academic Studies – Euro/Asia*. Special Issue 6/23 (2004-2005).

⁴⁷ Laruelle, Marlène. Russo-Turkish Rapprochement through the Idea of Eurasia: Alexander Dugin's Networks in Turkey // The Jamestown Foundation Occasional Paper (April 2008). Mode of access: <http://www.jamestown.org/uploads/media/Jamestown-LaruelleRussoTurkish.pdf>

⁴⁸ Külebi, Ali. The Forgotten Option: Turkish Eurasianism // *Hürriyet Daily News*, 23/08/2006. Mode of Access: <http://www.hurriyedailynews.com/the-forgotten-option-turkish-eurasianism.aspx?pageID=438&n=the-forgotten-option-turkish-eurasianism-2006-08-23>

тическую базу, уходящую корнями в начало XX столетия.

Важно также, что турецкая общественно-политическая мысль отнюдь не едина в своих трактовках евразийства. Очевидные различия существуют в подходах к политическому наполнению «актуального евразийства» в Турции. Ультралевые националисты во главе с Д. Перинчеком были более близки к идею союза с неоевразийцами России ради создания антизападного «геополитического блока». В то время как правые националисты выступали с апологией пантюркистского евразийства, антироссийского по своей сути и видящего своей целью восстановление исторического влияния Турции на регион Кавказа и Центральной Азии. Примечательно, что один из лидеров турецких националистов Д. Бахчели постоянно критиковал российские неоевразийские проекты, называя евразийство Дугина «европейством» (*Avrasyacılık*)⁴⁹.

Неясность содержания турецкого евразийства подтолкнула отдельных исследователей искать его интерпретации в деятельности международного миссионерского движения Ф. Гюлена, несмотря на секулярный характер турецкого национализма⁵⁰. Движение Ф. Гюлена подвергалось довольно жесткой критике со стороны националистов в 2000-е гг. за открытую поддержку курса на десекуляризацию Турции⁵¹. Еще один предмет критики

⁴⁹ Bu sistem “Yeni Avrasyacılık” değil “Yeni Avrasyacılık”tır / *Zaman*, 10/12/2004 (в рамках гонений на оппозиционные и независимые СМИ в Турции 5 марта 2016 г. крупнейшая общенациональная газета “Zaman” и ее англоязычная версия “Today's Zaman” были переданы во внешнее государственное управление, с этого же дня on-line архив всех публикаций “Zaman” и “Today's Zaman”, вышедших до 4 марта 2016 г., перестал быть доступен пользователям сети Интернет).

⁵⁰ Imanov, Vügar. Avrasyacılık: Rusya'nın Kimlik Arayı. İstanbul: Küre Yayınları, 2008. S. 328-334.

⁵¹ Подробнее см.: Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 31-60 [Shlykov, P.V. Voennaya Ehlita v Politicheskoy Sisteme Tureckoj Respubliki (Military Elite in the Political System of Turkey) // Elity stran Vostoka (Elites of the East Countries). Moscow: Kluch-S, 2011. Pp. 31-60];

движения – уже за пределами Турции – создание и постоянное расширение сети учебных заведений в тюркских республиках, ранее входивших в состав СССР⁵². Хотя в этих учебных заведениях («гюленовских школах») обеспечивался достаточно высокий по западным образцам уровень преподавания, а само движение Ф. Гюлена было известно своими умеренными исламскими взглядами, эти школы вызывали нескрываемое раздражение у светски-ориентированной политической элиты центрально-азиатских стран, особенно в Узбекистане⁵³.

Причина, по которой турецкое евразийство нередко связывают с движением Ф. Гюлена состоит в том, что в ряде известных проектов Ф. Гюлена широко использовалась евразийская риторика. Так, в 1998 г. движение создает «идейно-культурную и интеллектуальную платформу» под названием «Диалог Евразия» (*Diyalok Avrasya Platformu, Uluslararası Düşünce ve Kültür Platformu*), в рамках которой должны были объединиться писатели, журналисты и ученые из России, Турции и постсоветских республик. Однако говорить о том, что «евразийская платформа» Гюлена представляла самостоятельную версию турецкого евразийства было бы преувеличением. Во-первых, главная цель «Диалога Евразия» состояла в налаживании межкультурного взаимодействия («диалога»), а не объединения на основе политической или религиозной идентичности. А во-вторых, в «платформу» сразу же стали собирать людей, придерживающихся диаметрально противоположных политических и идеологических взглядов.

Шлыков П.В. Куда идет Турция: метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. – №1 (53), январь–март 2013. – с. 58-75 [Shlykov, P.V. Kuda Idet Turciya: Metamorfozy Prozapadnogo Kursa Razvitiya (Where is Turkey Heading for? Metamorphoses of pro-Western Course of Development) // *Contemporary Europe*, 2013, No. 1 (53), pp. 58-75].

⁵² Подробнее см.: Balci, Bayram. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // *Religion, State and Society*, 2003, Vol. 31, Iss. 2, pp. 151-177.

⁵³ Подробнее см.: Yanık, Lerna K. The Politics of Educational Exchange: Turkish Education in Eurasia // *Europe-Asia Studies*, 2004, Vol. 56, Iss. 2, pp. 300-301.

В конце 2000-х гг. с назначением на пост министра иностранных дел А. Давутоглу произошла серьезная коррекция внешнеполитического курса Анкары – как на идеологическом/стратегическом, так и на тактическом уровнях, что должно было отразиться и на подходах к евразийству и евразийской интеграции в Турции. У нового руководителя МИД, по-видимому, не было своей четко сформулированной «евразийской программы», поэтому связанные с евразийством сюжеты не вошли в арсенал авангардных проектов, сам А. Давутоглу нечасто высказывался насчет евразийства, однако идея не сошла с повестки дня. В 2010 г., выступая на форуме Совета по внешнеэкономическим отношениям Турции (*Diş Ekonomik İlişkiler Kurulu – DEİK*) в Анкаре, Давутоглу заявил о необходимости создания союза Евразийских государств. Помимо малосодержательной риторики о Евразии как «естественном источнике мира и процветания в глобальном масштабе», исторической близости между странами региона, связанными Великим шелковым путем и пр., А. Давутоглу заострил внимание на перспективности воссоединения западной и восточной частей Евразии с целью создания нового «канала взаимодействия между странами-экспортерами и странами-импортерами энергоресурсов», что сделает Евразию «локомотивом мировой экономики»⁵⁴. Неслучайно, еще в 2004 г. А.Г. Дугин отмечал в своем интервью турецким журналистам, что советники Р.Т. Эрдогана по внешней политике «сознают потенциал Евразии»⁵⁵.

Однако геополитическая концептуализация Евразии у А. Давутоглу оказалась отличной от распространенной модели. В своих доктринальных текстах А. Давутоглу определил Турцию как «центральную страну», т.е. некую точку отсчета, что предполагает определенную систему геополитических координат, в рамках которой первый концентрический круг охватывает Ближний Восток и Северную Африку, а Центральная Азия отодвигается на второй план. Неслучайно

⁵⁴ Подробнее о предложении Ахмета Давутоглу создать «Евразийский союз» см.: *Today's Zaman*, 5/02/2010.

⁵⁵ Dugin: Turkiye ve Avrasya // *Zaman*, 18/07/2004.

чайно макрорегион, для которого Турция должна считаться центральной, Давутоглу обозначает как «Афро-Евразия»⁵⁶. Налицо расширение традиционного представления о Евразии, характерного для предшествующего поколения турецких политиков в 1980-е и 1990-е гг., включавших в него Кавказ и Центральную Азию, и попытка использовать категории известной концепции хартленда английского географа и «отца геополитики» Х. Маккиндерса (1861-1947)⁵⁷. Позиционирование Турции как центральной страны региона должно было решить задачу повышения ее статуса на шкале глобальных игроков. Популяризация идей А. Давутоглу – наиболее известная книга которого «Стратегическая глубина» выдержала рекордные 108 изданий⁵⁸ – превратили его в оракула геополитической роли Турции XXI в. Между тем, концепцию «центральной страны» нельзя в полной мере назвать прорывной и новаторской. Эта метафора часто звучала из уст политиков в 1960-е и 1970-е гг., пользовалась очевидной поддержкой в среде военной элиты⁵⁹. Неслучайно «Белая книга» по военным вопросам обороны, обнародованная в 2000 г. Министерством национальной обороны, характеризует Турцию буквально как страну, расположенную «в центре регионов, соединяющих Европу с Азией, Черным морем, Кавказом, Каспием и т.д.»⁶⁰. Однако концепт А. Давутоглу все же ощутимо отличался

⁵⁶ Davutoğlu, Ahmet. Türkiye Merkez Ülke Olmalı // *Radikal*, 26/02/2004. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>

⁵⁷ Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. – 1995. – № 4. – с. 162-170 [Mackinder, Halford John. Geograficheskaiia os' istorii (Geographical Axis of History) // *Polis*, 1994, No. 4, pp. 162-170]; Mackinder, Halford John. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Middlesex: Penguin Books, 1944.

⁵⁸ См. данные издательства Kure Yayınları. Mode of access: <http://www.kureyayinlari.com/>

⁵⁹ См.: Bilgin, Pınar. Only Strong States Can Survive in Turkey's Geography: The Uses of "Geopolitical Truths" in Turkey // *Political Geography*, 2007, Vol. 26, Iss. 7, pp. 748-749.

⁶⁰ Defense White Paper 2000. Mode of access: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/154907/ipublicationdocument_singledocument/8be48d28-5065-40d4-a82c-8f001350113e/en/Turkey_2000eng.pdf

от прежних попыток простой констатации «центрального географического положения» Турции. В формулировках геополитической роли Турции XXI в., в риторике лидеров правящей ПСР, публикациях и выступлениях А. Давутоглу все отчетливее звучала тема ностальгии по османскому прошлому⁶¹. Сколь искусственными бы ни были инсинуации на тему неоосманизма, факт их появления и тиражирования – следствие очевидного стремления преодолеть ограниченность своего геополитического влияния. Как подчеркивал один из крупных функционеров ПСР, а ныне директор аналитического центра СТРАТИМ С. Кыныкыоглу: «обширная география от Боснии до Крыма, от Карабаха до Ирака – все это составляет османское геополитическое пространство»⁶². Под влиянием идей неоосманизма внешнеполитические амбиции Турции распространились на большую по охвату территорию мусульманского мира, преодолев сконцентрированность на тюркских республиках Центральной Азии и Кавказа, как это было ранее.

Начальный период «арабской весны» оказался крайне показательным для характеристики внешнеполитического курса Анкары. Несмотря на наращивание своего влияния в регионе и важность «турецкой модели» как отправной точки социально-политических реформ, стали очевидными пределы внешнеполитического потенциала Турции, до какого рубежа Анкара может позволить себе дойти, действуя самостоятельно. События в Ливии 2011-2012 гг. продемонстрировали, что повышение эффективности внешней политики требует от Турции кооперации и солидаризации с Западом. Сирийский кризис обнажил пределы эффективности турецкой стратегии «мягкой силы» (как в экономической, так и дипломатической сферах), когда Эрдоган, считавшийся в 2000-е гг. большим другом Башара Асада, не смог убедить сирийского лидера в необходимости реформ. Высокий уровень активности Турции в контексте «арабской

⁶¹ См.: Kalin, İbrahim. Turkey and the Middle East: Ideology or Geo-Politics? // *Private View*, 2008, Vol. 13, p. 26.

⁶² Kimiklioğlu, Suat. The Return of Ottomanism // *Today's Zaman*, 20/03/2007.

весны» – с самого начала драматических событий зимой 2011 г. и вплоть до сегодняшнего дня – укрепил многих наблюдателей в наличии у правительства Эрдогана особого интереса в регионе арабо-мусульманского Ближнего и Среднего Востока⁶³.

Ближневосточный крен во внешней политике Турции и соответствующая доминанта в расширенной трактовке Евразии и евразийской политики ставил развитие отношений Турции с Россией и странами Центральной Азии в прямую зависимость от показательных успехов социально-экономического прогресса страны в 2000-е гг., «имиджевого эффекта»⁶⁴. При этом сконцентрированность исключительно на арабском Востоке – по сути, представляет собой демонтаж как собственно светской кемалистской Турции с ее внешнеполитическими ориентирами⁶⁵, так и искажение османского наследия, которое и в географическом и geopolитическом плане существенно шире⁶⁶. В определенном смысле это было выражением «цивилизационной geopolитики», реализацией идеи о большом потенциале, заложенном в пограничном положении Турции на стыке христианской и мусульманской цивилизации⁶⁷. В 2000-е гг. Анкара довольно последовательно старалась действовать в рамках «цивилизационной парадигмы». Еще в 2005 г.

⁶³ См., например: Altunışık, Meliha B.; Martin, Lenore G. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP // *Turkish Studies*, 2011, Vol. 12, Iss. 4, pp. 569-587.

⁶⁴ См.: Aras, Bülent; Fidan, Hakan. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination // *New Perspectives on Turkey*, 2009, No. 40, pp. 202-203.

⁶⁵ Criss, Nur Bilge. Dismantling Turkey: The Will of the People? // *Turkish Studies*, 2010, Vol. 11, Iss. 1, pp. 45-58.

⁶⁶ Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism" // *Turkey Analyst*, 2009, Vol. 2, No. 8. Mode of access: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>

⁶⁷ Bilgin, Pınar. A Return to "Civilizational Geopolitics" in the Mediterranean? Changing Geo-Political Images of the European Union and Turkey in the Post-Cold War Era // *Geopolitics*, 2004, Vol. 9, No. 2, pp. 269-291.

Р.Т. Эрдоган вместе со своим испанским визави – премьер-министром Испании Р. Сапатеро выступили с инициативой «Альянса цивилизаций» как альтернативного механизма борьбы с экстремизмом посредством налаживания межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога (причем магистральное направление деятельности альянса – уменьшение трений между Западом и миром ислама). В том же 2005 г. оформились и лидерские амбиции Турции в Организации исламского сотрудничества (до 2011 г. – Организации Исламской конференции) – главной международной структуры исламского мира, в составе которой находятся все постсоветские турецкие республики и Россия имеет статус наблюдателя: на пост генерального секретаря ОИС/ОИК был избран турецкий дипломат и ученый-историк Э. Ихсаноглу⁶⁸.

Процесс укоренения модели «цивилизационной geopolитики» трансформировал распространенный в Турции концепт Евразии, в котором все большее значение стали обретать страны Ближнего Востока, оттесня с ведущих позиций постсоветские Кавказ и Центральную Азию. Конечно, активность Турции на постсоветском пространстве впечатляет – регулярные государственные визиты в страны Центральной Азии и Кавказа турецких государственных и политических деятелей, расширение масштабов деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА), подчиненного в 1999 г. непосредственно премьер-министру; масштабные частные инициативы, подобные форуму «Внешнеторговый мост Турция – Евразия», «Евразийским экономическим саммитам» и др. Однако существует и другая статистика: как подсчитали турецкие исследователи, до прихода на пост министра иностранных дел Давутоглу в 2009 г., главы турецкого МИД в правительствах ПСР (сначала Абдуххах Гюль, затем Али Бабаджан) совершили восемь визитов в Иран и Сирию и лишь один в Азербайджан – страну, являющуюся клю-

⁶⁸ Экмеледдин Ихсаноглу занимал пост генерального секретаря Организации исламского сотрудничества с 1 января 2005 г. по 31 декабря 2013 г.

чевым союзником Анкары в регионе⁶⁹. Деятельность ТИКА, долгое время прочно ассоциировавшаяся с проектами в тюркских республиках Центральной Азии и Кавказа, стала расширять географию своей активности, включив в ее орбиту необъятный Африканский континент. Главные инструменты «мягкой силы» турецкой внешней политики – телеканал *TRT Avaz*, созданный в 2009 г. на базе прежнего *TRT Avrasya*, перестал быть сугубо региональным каналом, вещающим только на Центральную Азию и Кавказ (как это было в случае *TRT Avrasya*), а выступает полноценным международным каналом с охватом стран Ближнего и Среднего Востока. В перечне этих фактов можно увидеть фрагменты нового видения Евразии, которое оформилось в конце 2000-х гг. с идеями А. Давутоглу о Турции как «центральной стране» не только для тюркских республик на постсоветском пространстве, но и стран Большого Ближнего Востока – Афро-Евразии.

* * *

Первая половина 1990-х гг. – период, когда активный характер внешней политики Турции по отношению к постсоветским республикам Центральной Азии и Кавказа давал немало поводов утверждать о наличии у Турции своей версии евразийского проекта. Сейчас, когда богатая и неоднозначная парадигма событий 1990-х гг. оказалась на некотором удалении, позволяющем наметить первые выводы, можно согласиться лишь с тем, что идеологические соображения, действительно, определяли политику Анкары на постсоветском пространстве, однако лишь до некоторой степени. Баланс ценностных и прагматических подходов в geopolитических расчетах Турции едва ли смешался в пользу идеологии. И сама новая концепция Евразии, которая постепенно выкристаллизовывалась в последние два с лишним десятилетия, едва ли детерминировалась исключительно политико-идеологическими

⁶⁹ Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism" // *Turkey Analyst*, 2009, Vol. 2, No. 8. Mode of access: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>

соображениями. Динамика становления турецкого понимания Евразии обратно пропорциональна интенсивности, а скорее даже успешности переговорного процесса с ЕС: Евразия как geopolитический проект начинает активно дискутироваться в Турции именно в тот момент, когда перспективы вступления в Евросоюз снизились до критического уровня, а Турция оказалась вынужденной искать альтернативные глобальные интеграционные проекты. Поэтому локомотивом развития «турецкого евразийства» стала не идеология, а прагматические интересы. Однако тема евразийства с 1990-х гг. постоянно находится в фокусе общественного внимания, дискутируется в СМИ, фигурирует в выступлениях политических деятелей в самых разных контекстах от создания новой модели отношений со странами Центральной Азии до geopolитических ориентиров Турции на ближайшую перспективу.

Внимание к евразийской проблематике сделало ее звучание в Турции полифоничным, разные политические силы формулировали свои подходы и трактовки евразийства. Содержательно оформились два магистральных направления – концепт Евразии как географического мета-пространства и турецкие версии евразийской/неоевразийской идеологии. Географическое понятие Евразии стало использоваться в разных конфигурациях (в частности, Афро-Евразия) политиками и публицистами чаще всего для обозначения особой «центральной» роли Турции в обширном регионе, объединяющем пространство современного Ближнего и Среднего Востока, Балкан, Центральной Азии и Кавказа. Тем самым концепт Евразии стал универсальным инструментом в руках общественных деятелей и политиков, которые стремились доказать «исключительное geopolитическое значение» Турции для глобальной мир-системы. Идеология евразийства в этом смысле обрела более ограниченное распространение и применение, став в 2000-е гг. совокупностью идей о необходимости сближения Турции с Россией и дистанцирования от Запада.

При этом в исторической перспективе последних 25 лет – в рамках континуума постбиполярного мира – концепты Евразии

и евразийства в Турции динамически менялись, демонстрируя удивительную гибкость. В 1980-е и до середины 1990-х гг. Евразия ассоциировалась практически исключительно с тюркскими республиками Центральной Азии и Кавказа. Это было временем, когда парагосударственной идеологией был тюрко-исламский синтез, и тюркизм использовался Анкарой инструментом продвижения влияния Турции в регионе. Для националистических и ультранационалистических партий и политических организаций (как Партия националистического действия Алпарсана Тюркеша и Девлете Бахчели) первая половина 1990-х гг. были периодом наивысшей активности в распространении идей тюркизма и пантюркизма. Характеризуя этот этап развития евразийских идей в Турции, его можно назвать идеалистическим.

Однако примат духовно-культурной и исторической близости Турции с тюркскими республиками Центральной Азии и Кавказа в формировании geopolитической стратегии Турции на постсоветском пространстве вскоре сменился pragmatическим подходом с доминантой взаимных экономических интересов. Турция стала позиционировать себя как успешную модель социально-экономического и политического развития, применимую для новых независимых государств Центральной Азии и Кавказа. Для Анкары эта стратегия важна была не только в аспекте развития многоуровневых отношений с постсоветскими республиками, но и с точки зрения повышения своего статуса в иерархии мировых держав, поскольку в случае успеха geopolитическое значение Турции в глазах Запада вырастало бы на порядок. Таким образом, евразийство периода второй половины 1990-х характеризуется тактическим pragmatismом: Турция переформулирует евразийскую повестку своей внешней политики, однако Евразия в ней становится не конечной целью, а всего лишь промежуточной остановкой на пути в Евросоюз и клуб Западных держав.

К концу 1990-х гг. pragmatism подходит к концепту Евразии ощутимо усиливается пропорционально повышению геоэкономических интересов Турции в регионе. Появление разнообразных проектов

энергетических коридоров по транспортировке ресурсов из тюркских республик на внешние рынки через территорию Турции задает условия для пересмотра или коррекции евразийской политики, теперь Евразия становится самостоятельной геоэкономической ценностью для Турции, соответственно меняется и характер pragmatических стратегий Анкары в Евразии.

В 2000-е гг. с приходом к власти ПСР Реджепа Эрдогана к сугубо экономическим интересам на постсоветском пространстве добавились политico-идеологические смыслы. Причем это был не возврат к пантюркистским идеям прошлого, а вычерчивание новой системы координат и провозглашение новых ценностей. Сближение с Россией и наращивание с ней взаимовыгодного сотрудничества стали одной из важных составляющих этого периода развития концепта Евразии в Турции (на неофициальном уровне ознаменовавшего процессом распространения идей неоевразийства), однако доминантой стала новая стратегия внешней политики сnostalgia по имперскому прошлому и реминисценциями «османского geopolитического пространства». При этом идеология не вытеснила геоэкономический pragmatism конца 1990-х гг. и нацеленность на максимизацию своих экономических интересов.

Иной регистр звучанию концепта Евразии в 2000-е гг. придала «цивилизационная geopolитика», ставшая одной из краеугольных основ политической доктрины «стратегической глубины» Ахмета Давутоглу. Сегодня Евразия и евразийская политика для Турции – это уже не только тюркские республики, ранее входившие в состав Советского Союза, а модель мира с Турцией как «центральным государством» макрорегиона Афро-Евразии.

Литература:

Киреев Н.Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций / Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М.: Институт востоковедения РАН, 2003. – С. 247-248.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. – 1995. – № 4. – с. 162-170.

Уразова Е.И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012 – 278 с.

Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 31-60.

Шлыков П.В. Куда идет Турция: метаморфозы про-западного курса развития // Современная Европа. – №1 (53), январь-март 2013. – с. 58-75.

Acar, Öğen. Ankara-Moskova-Orta Asya Stratejik Üçgeni // *Cumhuriyet*, 11/09/2001.

Akçaltı, Emel; Perinçek, Mehmet. Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey // *Geopolitics*, 2009, Vol. 14, Iss. 3, pp. 550-569.

Altunışık, Meliha B.; Martin, Lenore G. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP // *Turkish Studies*, 2011, Vol. 12, Iss. 4, pp. 569-587.

Aras, Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Turkish Studies*, 2000, Vol. 1, Iss. 1.

Aras, Bülent; Fidan, Hakan. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination // *New Perspectives on Turkey*, 2009, No. 40, pp. 202-203.

Avrasya sekiliniyor // *Milliyet*, 1/11/1992.

Aydın, M. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // *Central Asian Survey*, 1996, Vol. 2, Iss. 15.

Balci, Bayram. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // *Religion, State and Society*, 2003, Vol. 31, Iss. 2, pp. 151-177.

Baran, Zeyno. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. Front Cover. S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute, 2005. Pp. 103-118.

Bilgin, Pınar. A Return to "Civilizational Geopolitics" in the Mediterranean? Changing Geo-Political Images of the European Union and Turkey in the Post-Cold War Era // *Geopolitics*, 2004, Vol. 9, No. 2, pp. 269-291.

Bilgin, Pınar. Only Strong States Can Survive in Turkey's Geography: The Uses of "Geopolitical Truths" in Turkey // *Political Geography*, 2007, Vol. 26, Iss. 7, pp. 748-749.

Bu sistem "Yeni Avrasyacılık" değil "Yeni Avrasyacılık"tır / *Zaman*, 10/12/2004.

Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism" // *Turkey Analyst*, 2009, Vol. 2, No. 8. Mode of access: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>

Çeçen, Anıl. Türkiye ve Avrasya. Ankara: Fark, 2006.

Cem, İsmail. Turkey in the New Century: speeches and texts (1995-2001) / İsmail Cem. Rustem: Nicosia, Mersin 2001. P. 60.

Criss, Nur Bilge. Dismantling Turkey: The Will of the People? // *Turkish Studies*, 2010, Vol. 11, Iss. 1, pp. 45-58.

Davutoğlu, Ahmet. Stratejik Derinlik / Ahmet Davutoğlu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, s. 52-58.

Davutoglu, Ahmet. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / Ahmet Davutoglu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

Davutoglu, Ahmet. Türkiye Merkez Ülke Olmalı // *Radikal*, 26/02/2004. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>

Defense White Paper 2000. Mode of access: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/154907/1publicationondocument_singledocument/8be48d28-5065-40d4-a82c-8f001350113e/en/Turkey_2000eng.pdf

Değişen Dünya ve Türkiye // *Milliyet*, 12/12/1991, s. 12, 19. Mode of Access: http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari/tm2BCwloInBK62fQPT2F8w_x3D_x3D

Demirel, Süleyman. The Compatibility of Islam, Democracy and Secularism // *Perceptions*, 1997, Vol. 2, Iss. 2. Mode of Access: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/SuleymanDemirel1.pdf>

Dugin, Aleksandr. Rus Jeopolitiği: Avrasyacı Yaklaşım / Aleksandr Dugin. İstanbul: Küre, 2003. 391 s.

Dugin: Türkiye ve Avrasya // *Zaman*, 18/07/2004.

Ersanlı, Büşra. Can Eurasia Be an Identity Issue for Turkish Foreign Policy? // *Turkish Views on Eurasia* / editor İsmail Soysal, assistant editor Sevşen Aslantepe. İstanbul: Foundation for Middle East and Balkan Studies, 2001.

Ersanlı, Büşra. Türkiye'nin Dış İlişkilerinde Türkçülük ve Avrasya // Bağımsızlıklarının 10. Yılında Türk Cumhuriyetleri: Azerbaycan, Kazakistan, Kırgızistan, Özbekistan, Türkmenistan / Ed. Emine Gürsoy-Naskalı, Erdal Şahin. Haarlem: SOTA 2002, s. 149-154.

İlhan, Attila. Sultan Galiyef: Avrasya'da Dolaşan Hayalet / Attila İlhan. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2000. 320 s.

İlhan, Suat. Türklerin Jeopolitiği ve Avrasyacılık / Suat İlhan. Ankara: Bilgi, 2005. 220 s.

İmanov, Vügar. Avrasyacılık: Rusya'nın Kimlik Arayışı. İstanbul: Küre Yayınları, 2008. S. 328-334.

Kalın, İbrahim. Turkey and the Middle East: Ideology or Geo-Politics? // *Private View*, 2008, Vol. 13, p. 26.

Kılıç: AB'den destek yok, Doğu'ya bak // *Hürriyet*, 07/03/2002. Mode of Access: <http://www.hurriyet.com.tr/kilinc-abden-destek-yok-doguya-bak-58353>

Kimlikoğlu, Suat. The Return of Ottomanism // *Today's Zaman*, 20/03/2007.

Külebi, Ali. The Forgotten Option: Turkish Eurasianism // *Hürriyet Daily News*, 23/08/2006. Mode of Access: <http://www.hurriyedailynews.com/the-forgotten-option-turkish-eurasianism.aspx?pageID=438&n=the-forgotten-option-turkish-eurasianism-2006-08-23>

Kut, Gün. Elçibey'in Sonu, Türkiye Modelinin Sonudur // *Cumhuriyet*, 24/06/1993.

Kut, Şule. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power / Edited by Barry Rubin & Kemal Kirişçi. İstanbul: Boğaziçi University Press, 2002. Pp. 8-10.

Landau, Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company, 1995. P. 194.

Laruelle, Marlène. Russo-Turkish Rapprochement through the Idea of Eurasia: Alexander Dugin's Networks in Turkey // The Jamestown Foundation Occasional Paper (April 2008). Mode of access: <http://www.jamestown.org/uploads/media/Jamestown-LaruelleRussoTurkish.pdf>

Mackinder, Halford John. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Middlesex: Penguin Books, 1944.

Mango, Andrew. Turkish Model // *Middle Eastern Studies*, 1993, Vol. 29, Iss. 4, pp. 726-757.

Moskova'ya Altı Cevap // *Miliyet*, 20/10/1994.

Özdağ, Ümit. Türkiye'nin Türk Dünyası Politikasının Teorik Çerçevesi // *Asya-Avrupa*, 1/12/2004.

Özdoğan, Günay Göksu. Turan'dan 'Bozkurt'a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931-1946). İstanbul: İletişim Yayınları, 2002.

Perinçek, Doğu. Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika / Doğu Perinçek. İstanbul: Kaynak, 1996. 136 s.

Perinçek, Mehmet. Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği / Mehmet Perinçek. Ankara: Bilgi, 2006. S. 139-141.

Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian States // *The Middle East Journal*, 1993, Vol. 47, Iss. 4, pp. 593-610.

Rusya Federasyonu ile Türkiye Cumhuriyeti arasında Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı (İkili İşbirliğinden Çok Boyutlu Ortaklığa) / Rusya Federasyonu'nun Türkiye Büyükelçiliği. Mode of Access: http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html

Rusya'ya karşı ortak tavır // *Milliyet*, 20/10/1994.

Rusya'dan Çin'e bir örgüt // *Radikal*, 12/08/2007. Mode of Access: http://www.radikal.com.tr/ek_haber.php?ek=r2&haberno=7341

Sözen, Ahmet. A Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // *Turkish Studies*, 2010, Vol. 11, Iss. 1, pp. 107-108.

Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009) / Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/minister_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa

T.B.M.M. Tutanak Dergisi. Cilt: 65, 1-inci Birleşim, 1.9.1994 Perşembe, s. 16-32 / Türkiye Büyük Millet Meclisi Resmi Internet Sitesi. Mode of Access: <https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d19/c065/tbmm19065001.pdf>

Taşpinar, Ömer. Batı'ya Kızgınlık Büyüyor // *Radikal*, 27/07/2005. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/yorum/batiya-kizginlik-buyuyor-753072/>

TBMM'yi yoğun gündem bekliyor // *Milliyet*, 31/08/1994, s. 17.

Tellal, Erel. Türk Dış Politikasında Avrasya Seçenegi // *Uluslararası İlişkiler*, 2005, Vol. 2, Iss. 5, p. 50.

Türk Kurultayı İzmir'de başladı // *Milliyet*, 21/10/1994.

Türkiye'nin Türk dünyasında "ağabey" değil 'ekonomik partner' olduğu vurgulandı // *Milliyet*, 6/10/1999.

Ushu, Emrullah. Ulusalçılık: The Neo-nationalist Resurgence in Turkey // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, Iss. 1, pp. 73-97.

Winrow, Gareth M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, 1995. 53 p.

Yanık, Lerna K. The Politics of Educational Exchange: Turkish Education in Eurasia // *Europe-Asia Studies*, 2004, Vol. 56, Iss. 2, pp. 300-301.

Yavuz, Hakan. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // *Middle East Critique*, 1998, Vol. 7, Iss. 12, pp. 19-41.

Zirvede sıkıntı // *Milliyet*, 31/10/1992.

References:

Acar, Özgen. Ankara-Moskova-Orta Asya Stratejik Üçgeni // *Cumhuriyet*, 11/09/2001.

Akçalı, Emel; Perinçek, Mehmet. Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey // *Geopolitics*, 2009, Vol. 14, Iss. 3, pp. 550-569.

Altunışık, Meliha B.; Martin, Lenore G. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP // *Turkish Studies*, 2011, Vol. 12, Iss. 4, pp. 569-587.

Aras, Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Turkish Studies*, 2000, Vol. 1, Iss. 1.

Aras, Bülent; Fidan, Hakan. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination // *New Perspectives on Turkey*, 2009, No. 40, pp. 202-203.

Avrasya sekilleriniyor // *Milliyet*, 1/11/1992.

Aydın, M. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // *Central Asian Survey*, 1996, Vol. 2, Iss. 15.

Balçıcı, Bayram. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // *Religion, State and Society*, 2003, Vol. 31, Iss. 2, pp. 151-177.

Baran, Zeyno. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. Front Cover. S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute, 2005. Pp. 103-118.

Bilgin, Pınar. A Return to "Civilizational Geopolitics" in the Mediterranean? Changing Geo-Political Images of the European Union and Turkey in the Post-Cold War Era // *Geopolitics*, 2004, Vol. 9, No. 2, pp. 269-291.

Bilgin, Pınar. Only Strong States Can Survive in Turkey's Geography: The Uses of "Geopolitical Truths" in Turkey // *Political Geography*, 2007, Vol. 26, Iss. 7, pp. 748-749.

Bu sistem "Yeni Avrasyacılık" değil "Yeni Avrusyacılık"tır // *Zaman*, 10/12/2004.

Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism" // *Turkey Analyst*, 2009, Vol. 2, No. 8. Mode of access: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>

Çeçen, Anıl. Türkiye ve Avrasya. Ankara: Fark, 2006.

Cem, İsmail. Turkey in the New Century: speeches and texts (1995-2001) / İsmail Cem. Rustem: Nicosia, Mersin 2001. P. 60.

Criss, Nur Bilge. Dismantling Turkey: The Will of the People? // *Turkish Studies*, 2010, Vol. 11, Iss. 1, pp. 45-58.

Davutoğlu, Ahmet. Stratejik Derinlik / Ahmet Davutoğlu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, s. 52-58.

Davutoglu, Ahmet. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / Ahmet Davutoglu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

Davutoğlu, Ahmet. Türkiye Merkez Ülke Olmalı // *Radikal*, 26/02/2004. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>

Defense White Paper 2000. Mode of access: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/154907/ipublicationdocument_singledocument/8be48d28-5065-40d4-a82c-8f001350113e/en/Turkey_2000eng.pdf

Değişen Dünya ve Türkiye // *Milliyet*, 12/12/1991, s. 12, 19. Mode of Access: http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari/tm2BCwlolnBK62fQPT2F8w_x3D_x3D_

Demirel, Süleyman. The Compatibility of Islam, Democracy and Secularism // *Perceptions*, 1997, Vol. 2, Iss. 2. Mode of Access: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/SuleymanDemirel1.pdf>

Dugin, Aleksandr. Rus Jeopoliği: Avrasyacı Yaklaşım / Aleksandr Dugin. İstanbul: Küre, 2003. 391 s.

Dugin: Türkiye ve Avrasya // *Zaman*, 18/07/2004.

Ersanlı, Bülşen. Can Eurasia Be an Identity Issue for Turkish Foreign Policy? // Turkish Views on Eurasia / editor İsmail Soysal, assistant editor Sevşen Aslantepe. İstanbul: Foundation for Middle East and Balkan Studies, 2001.

Ersanlı, Büşra. Türkiye'nin Dış İlişkilerinde Türkçülük ve Avrasya // Bağımsızlıklarının 10. Yılında Türk Cumhuriyetleri: Azerbaycan, Kazakistan, Kırgızistan, Özbekistan, Türkmenistan / Ed. Emine Gürsoy-Naskalı, Erdal Şahin. Haarlem: SOTA 2002, s. 149-154.

İlhan, Attilâ. Sultan Galiyef: Avrasya'da Dolaşan Hayal / Attilâ İlhan. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayımları, 2000. 320 s.

İlhan, Suat. Türklerin Jeopolitiği ve Avrasyacılık / Suat İlhan. Ankara: Bilgi, 2005. 220 s.

Imanov, Vügar. Avrasyacılık: Rusya'nın Kimlik Arayışı. İstanbul: Küre Yayınları, 2008. S. 328-334.

Kalın, İbrahim. Turkey and the Middle East: Ideology or Geo-Politics? // *Private View*, 2008, Vol. 13, p. 26.

Kılinc: AB'den destek yok, Doğu'ya bak // *Hürriyet*, 07/03/2002. Mode of Access: <http://www.hurriyet.com.tr/kilinc-abden-destek-yok-doguya-bak-58353>

Kınıklıoğlu, Suat. The Return of Ottomanism // *Today's Zaman*, 20/03/2007.

Kireev, N.G. Rossiisko-turetskie otnoshenija v kontekste evraziiskikh kontseptsi (Russian-Turkish Relations in the Context of Eurasian Concepts) / Rossiisko-turetskie otnoshenija: istorija, sovremennoe sostojanie i perspektivy (Russian-Turkish Relations: History, Current Situation, and Prospects). Moscow: Institut vostokovedenija RAN, 2003, pp. 247-248.

Külebi, Ali. The Forgotten Option: Turkish Eurasianism // *Hürriyet Daily News*, 23/08/2006. Mode of Access: <http://www.hurriyetdailynews.com/the-forgotten-option-turkish-eurasianism.aspx?pageID=438&n=the-forgotten-option-turkish-eurasianism-2006-08-23>

Kut, Gün. Elçibey'in Sonu, Türkiye Modelinin Sonudur // *Cumhuriyet*, 24/06/1993.

Kut, Şule. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power / Edited by Barry Rubin & Kemal Kirişçi. İstanbul: Boğaziçi University Press, 2002. Pp. 8-10.

Landau, Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company, 1995. P. 194.

Laruelle, Marlène. Russo-Turkish Rapprochement through the Idea of Eurasia: Alexander Dugin's Networks in Turkey // The Jamestown Foundation Occasional Paper (April 2008). Mode of access: <http://www.jamestown.org/uploads/media/Jamestown-LaruelleRussoTurkish.pdf>

Mackinder, Halford John. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Middlesex: Penguin Books, 1944.

Mackinder, Halford John. Geograficheskaja os' istorii (Geographical Axis of History) // Polis, 1994, No. 4, pp. 162-170.

Mango, Andrew. Turkish Model // Middle Eastern Studies, 1993, Vol. 29, Iss. 4, pp. 726-757.

Moskova'ya Altı Cevap // *Miliyet*, 20/10/1994.

Özdağ, Ümit. Türkiye'nin Türk Dünyası Politikasının Teorik Çerçevesi // *Asya-Avrupa*, 1/12/2004.

Özdoğan, Güney Göksu. Turan'dan 'Bozkurt'a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931-1946). İstanbul: İletişim Yayımları, 2002.

Perinçek, Doğu. Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika / Doğu Perinçek. İstanbul: Kaynak, 1996. 136 s.

Perinçek, Mehmet. Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratığı / Mehmet Perinçek. Ankara: Bilgi, 2006. S. 139-141.

Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian

States // *The Middle East Journal*, 1993, Vol. 47, Iss. 4, pp. 593-610.

Rusya Federasyonu ile Türkiye Cumhuriyeti arasında Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı (İkili İşbirliğinden Çok Boyutlu Ortaklığa) / Rusya Federasyonu'nun Türkiye Büyükelçiliği. Mode of Access: http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.htm

Rusya'ya karşı ortak tavır // *Miliyet*, 20/10/1994.

Rusya'dan Çin'e bir örgüt // *Radikal*, 12/08/2007. Mode of Access: http://www.radikal.com.tr/ek_haber.php?ek=r&haberno=7341

Shlykov, P.V. Kuda İdet Turciya: Metamorfozy Prozapadnogo Kursa Razvitiya (Where is Turkey Heading for? Metamorphoses of pro-Western Course of Development) // *Contemporary Europe*, 2013, No. 1 (53), pp. 58-75.

Shlykov, P.V. Voennaya Ehliita v Politicheskoy Sisteme Tureckoj Respubliki (Military Elite in the Political System of Turkey) // Elity stran Vostoka (Elites of the East Countries). Moscow: Kluch-S, 2011. Pp. 31-60.

Sözen, Ahmet. A Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // *Turkish Studies*, 2010, Vol. 11, Iss. 1, pp. 107-108.

Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009) / Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/minster_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa

T.B.M.M. Tutanak Dergisi. Cilt: 65, 1-inci Birleşim, 1.9.1994 Perşembe, s. 16-32 / Türkiye Büyük Millet Meclisi Resmi İnternet Sitesi. Mode of Access: <https://www.tbmm.gov.tr/tutanaklar/TUTANAK/TBMM/d19/065/tbmm19065001.pdf>

Taspınar, Ömer. Batı'ya Kızgınlık Büyüyor // *Radikal*, 27/07/2005. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/yorum/batiya-kizginlik-buyuyor-753072/>

TBMM'yi yoğun gündem bekliyor // *Milliyet*, 31/08/1994, s. 17.

Tellal, Erel. Türk Dış Politikasında Avrasya Seçeneği // *Uluslararası İslâkiler*, 2005, Vol. 2, Iss. 5, p. 50.

Türk Kurultayı İzmir'de başladı // *Milliyet*, 21/10/1994.

Türkiye'nin Türk dünyasında 'ağabey'değil 'ekonomik partner' olduğu vurgulandı // *Milliyet*, 6/10/1999.

Urazova, E.I. Turtsia segodnia: ekonomicheskoe sotrudnichestvo so stranami Iuzhnogo Kavkaza i Tsentral'noi Azii (Turkey Today: Economic Cooperation with the States of South Caucasus and Central Asia). Moscow: Institut vostokovedenija RAN, 2012. 278 p.

Uslu, Emrullah. Ulusalçılık: The Neo-nationalist Resurgence in Turkey // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, Iss. 1, pp. 73-97.

Winrow, Gareth M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, 1995. 53 p.

Yanık, Lerna K. The Politics of Educational Exchange: Turkish Education in Eurasia // *Europe-Asia Studies*, 2004, Vol. 56, Iss. 2, pp. 300-301.

Yavuz, Hakan. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // *Middle East Critique*, 1998, Vol. 7, Iss. 12, pp. 19-41.

Zirvede sıkıntı // *Milliyet*, 31/10/1992.

EURASIANISM AND EURASIAN INTEGRATION IN THE POLITICAL IDEOLOGIES AND PRACTICE OF TURKEY

Pavel V. Shlykov

Moscow State University, Moscow, Russia

Article history:	
<i>Received:</i>	3 August 2016
<i>Accepted:</i>	15 November 2016
About the author: Candidate of History, Associate Professor, Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University e-mail: shlykov@iaas.msu.ru	Abstract: The papers analyses transformations of Turkish Eurasianism as a geopolitical concept and attitudes of Turkish political elite towards ideas of Eurasian integration in the 1990s and first decade of the 2000s in comparative perspective. For both Russia and Turkey the geographical dimensions of Eurasia and Eurasianism itself has never been a core characteristic of this concept. In the Turkish socio-political thought Eurasianism combined features of different ideologies (Pan-Turkism, Pan-Islamism, Turkism and Neo-Ottomanism), which offer diverse strategies for Turkey's regional leadership. Within this polyphony of interpretations and approaches towards Eurasianism in Turkey two theoretical trends became the most prevailing: the first one is a concept of Eurasia as a geographical meta-region, the second one comprises various Turkish versions of Eurasian / Neo-Eurasian ideologies. Turkish politicians and ideologists began to use geographical concept of Eurasia in different configurations (like Afro-Eurasia) mostly to define the special "central" role of Turkey in the vast region of modern Middle East, the Balkans, Central Asia, and the Caucasus. Thus the concept of Eurasia became a universal instrument for both politicians and public intellectuals trying to prove the exceptional geopolitical significance of Turkey for the global world-system.
Key words: Turkey; Russia; geopolitics; Eurasianism; Pan-Turkism; Neo-Ottomanism; Islamism; political culture.	

Для цитирования: Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 58-76.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76

For citation: Shlykov, Pavel V. Evraziystvo i evraziiskaia integratsiia v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii (Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 58-76.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76

ПОЛИТИКА КИТАЯ В АРКТИКЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Валерий Николаевич Конышев

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Мария Артуровна Кобзева

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

16 июня 2016

Принята к печати:

1 ноября 2016

Об авторах:

Конышев В.Н., д.полит.н., профессор,
Кафедра теории и истории
международных отношений, СПбГУ

e-mail: konyshев06@mail.ru

Кобзева М.А., магистр международных
отношений, СПбГУ

e-mail: markob@inbox.ru

Ключевые слова:

Китай; Арктика;
политические традиции;
стратегия; политика.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности политики Китая в Арктике с учетом их связи с политическими и культурными традициями, имеющими давнюю историю. Неоднозначности в оценках наименний и перспектив политики Китая в Арктике во многом связаны с недостаточным учетом этого обстоятельства западными экспертами. Китай имеет долгосрочные интересы в Арктике, имеющие экономическое и стратегическое измерение, что делает актуальной задачу понять те факторы, которые влияют на принятие решений и политический курс КНР.

Авторы считают, что современная внешняя политика Китая как в целом, так и на арктическом направлении, формируется под влиянием таких факторов, как сочетание «мягких» и «жестких» методов влияния, сохранение достаточно острых противоречий между элитами в политическом руководстве КНР, долгосрочный характер стратегического планирования. Для внешней политики Китая характерно избегание конфликтов путем выживания благоприятных условий и создания необходимых материальных и политических предпосылок для изменения ситуацию в свою пользу.

В соответствии с этим, на арктическом направлении для современной политики Китая характерно стремление добиваться стратегической цели по доступу к ресурсам региона сразу по многим направлениям. К важнейшим из них относятся пересмотр правового статуса Арктики в пользу превращения ее в «достояние человечества», активное участие в работе международных организаций и в двустороннем межгосударственном сотрудничестве, избегание открытого противостояния с арктическими государствами, политика пошаговых мер, направленная на постепенное выдавливание конкурентов.

Введение

Китай за последние несколько лет закрепил за собой статус постоянного участника освоения Арктики, что, несомненно, влияет на развитие международных отношений в этом регионе. В то же время, эксперты не сходятся в оценках последствий происходящих перемен. Одна из причин этого связана со спецификой внешней политики Китая, которая не укладывается в западные

стереотипы и предполагает изучение политической и историко-культурной традиции этой страны. В противном случае возникает соблазн воспринимать Китай как нечто «иное», как заведомо враждебного актора международных отношений¹ – в духе со-

¹ Ping, Su; Lanteigne, Marc. China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions // *Journal of China and International Relations*, 2015, Vol. 3, No. 1, p. 2.

временных веяний постпозитивизма², который несовпадающую идентичность считает источником политической враждебности. Подобный подход Марк Нуттэлл и Клаус Доддс в своей книге описали как полярный ориентализм³, что можно в узком смысле определить как непонимание политических установок методов Китая по достижению политических целей. В данной статье мы попытаемся ответить на вопросы: в чем проявляется и с чем связана противоречивость в восприятии арктической политики Китая; какие условия влияют на принятие решений по внешней политике; как отражаются политические и культурные традиции на политике Китая в Арктике?

Противоречивость в оценках перспектив политики Китая в Арктике

Вопрос о потенциальной угрозе со стороны Китая для стабильности международных отношений в Арктике – не праздный. За этим стоит, прежде всего, ускоренное развитие и рост влияния КНР в глобальном масштабе. Продолжающийся на фоне спада мировой экономики планомерный экономический рост в течение нескольких десятилетий, позволил Пекину защищать собственные интересы уже практически на всех континентах, выстраивая собственную глобальную инфраструктуру, которая начинает формироваться, в том числе, в Арктике. Для КНР жизненно важна диверсификация поставок ресурсов, как по источникам, так и по маршрутам доставки, необходимая для дальнейшего устойчивого развития экономи-

ки Китая. Неслучайно, инициатива «Новый шёлковый путь», пролегающая через Европу, затрагивает и арктическое направление⁴. Уже сейчас экономическое присутствие Китая на территории циркумполярных стран оказывает заметное влияние на политику в регионе. Некоторые северные государства попали в частичную зависимость от КНР, как, например, Норвегия, которая была вынуждена пойти на политические уступки Китаю во время конфликта 2010 г., чтобы возобновить необходимый уровень взаимодействия⁵.

Неопределенность в понимание арктической политики Китая вносит противоречивая риторика лидеров и ведущих экспертов Китая. С одной стороны, они представляют позицию КНР как мирную, основанную на равноправии и уважении международных норм, с другой, напротив, выдвигают жесткие тезисы об интернационализации природных богатств и водных путей Северного Ледовитого океана как «достояния всего человечества»⁶.

Опасения о потенциальной враждебности Китая связаны и с непростыми отношениями

⁴ Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. – № 1 (28). – 2015. – С. 55 [Komissina, I.N. Arkticheskiy vektor vnesheiny politiki Kitaya (The Arctic Vector of China's Foreign Policy) // *Problemy natsional'noy strategii*, 2015, No. 1 (28), p. 55].

⁵ Тулупов Д. Членство Китая в Арктическом совете. 19.06.2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1986#top [Tulupov, D. Chlenstvo Kitaya v Arktycheskom sovete (The Membership of China in the Arctic Council) 2013. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1986#top].

⁶ Saran, Shyam. India's Stake in Arctic Cold War // *The Hindu*, 02.02.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/article2848280.ece>; Li, Zhenfu. Obstacles to China's Participation in the International Arctic Route Mechanism and Countermeasures // *Navigation of China*, 2009, No. 32, Vol. 29, Part 1, pp. 98-103; Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока. – 2012, – №. 6. – С. 43 [Konyshhev, V.N., Sergunin, A.A. Strategii stran Vostochnoy Azii v Arktyke (Strategies of East Asian countries in the Arctic) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2012, No. 6, p. 43].

² Конышев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун великих дебатов? // Полис (Политические исследования). – 2013, – №2. – С.69-70 [Konyshhev, V.N., Sergunin, A.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: kanun velikikh debatov? (Theory of International Relations: the Eve of the Great Debate?) // *Polis (Politicheskiye issledovaniya)*, 2013, No. 2, pp. 69-70].

³ Dodds, Klaus; Nuttall, Mark. The Scramble for the Poles: Contemporary Geopolitics in the Arctic and Antarctic. Cambridge: Polity Press, 2015. Mode of access: [https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/the-scramble-for-the-poles\(fd114c89-9ae3-496f-b63f-0643ed8beda2\).html](https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/the-scramble-for-the-poles(fd114c89-9ae3-496f-b63f-0643ed8beda2).html)

между Вашингтоном и Пекином как в АТР, так и в глобальном масштабе. Тема вызова гегемонии США со стороны Китая преподносится многими СМИ, во многом с подачи американской стороны, как тренд на глобальную дестабилизацию международных отношений⁷. Однако прежде необходимо дать оценку существующему разнообразию мнений в отношении Китая в Арктике, среди которых нет приверженности к одной какой-либо парадигме. Это позволит яснее понять преимущества и недостатки выбранной теории в дальнейшем.

Обращаясь к экспертным оценкам, необходимо отметить, что перспектива политики Китая в Арктике оценивается неоднозначно. Часть экспертов подчеркивает, что в пользу политики сотрудничества со стороны Китая говорит приоритетность экономической выгоды как главного мотива арктической политики. Именно поэтому Китай придаёт большое значение устойчивому развитию собственной страны без втягивания во внешнеполитические конфликты. Экономическая значимость Арктики для КНР объясняется растущей потребностью Китая в ресурсах, поэтому Китай вряд ли будет стремиться в такой сложный для себя исторический момент идти на риск эскалации конфликта вообще где бы то ни было⁸, и, тем более, в столь отдалённом и экстремальном по климатическим условиям районе.

Важным доводом в пользу перспектив сотрудничества является факт вполне успешного двустороннего сотрудничества со странами Арктики, включая реализацию масштабных экономических проектов с участи-

⁷ Lanteigne, Marc. China's Strategies in the Arctic: Emerging Economic Diplomacy. Video from Norsk utenrikspolitisk institutt NUPI channel. Live: September 25, 2014. Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=9AJmv8F3RiU>; Diplomatic and Consular List Ministry for Foreign Affairs of Iceland. Department of Protocol. Reykjavík, June 2015. Mode of access: http://www.utanrikisraduneyti.is/media/MFA_pdf/Diplomatic-list---June-2015.pdf

⁸ Husenicová, Lucia. The China Threat Theory Revisited: Chinese Changing Society and Future Development // *Panorama of Global Security Environment*. Bratislava: CENAA, 2012. Pp. 553-565. Mode of access: <http://cenaa.org/analysis/the-china-threat-theory-revisited-chinese-changing-society-and-future-development/>

ем северных стран⁹. Более того, интерес к такому сотрудничеству взаимный, в частности, со стороны малых арктических государств¹⁰ по освоению природных ресурсов, по судоходству, по оказанию Китаем политической поддержки в рамках арктической политики. Так, вступлению КНР в Арктический совет предшествовала деятельность посла Исландии Гуннара Палссона, который в 2004 г. являлся старшим должностным лицом Арктического совета и совершил ряд поездок в КНР. Этот визит также подтолкнул Пекин рассмотреть возможность получения статуса наблюдателя в Арктическом совете¹¹. Исландия живо откликнулась на предложение Китая по строительству глубоководного порта, правда, позже инициатива была заблокирована с участием США и Великобритании.

Перспектива сотрудничества с Китаем способствует и сложившееся в политической практике восприятие Арктики как территории диалога, площадки для выработки согласованных международно-правовых принципов межгосударственного взаимодействия. Учёные Капула и Миккола отмечают, что Заполярье зачастую как бы выпадает из общего круга проблем международных отношений¹².

⁹ Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. – № 1 (28). – 2015. – С. 65 [Komissina, I.N. Arkticheskiy vektor vnesheyny politiki Kitaya (The Arctic Vector of China's Foreign Policy) // *Problemy natsional'noy strategii*, 2015, No. 1 (28), p. 65].

¹⁰ Балакин В.И. Стратегия Китая в Арктике и Антарктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск № 17, том 17, 2012. – С. 231-232. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-v-arktike-i-antarktike#ixzz3rZWnS5x1> [Balakin, V.I. Strategiya Kitaya v Arktike i Antarktike (China's Strategy in the Arctic and Antarctic) // *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istorya i sovremennost'*, 2012, No. 17, Vol. 17, pp. 231-232. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-v-arktike-i-antarktike#ixzz3rZWnS5x1>].

¹¹ Jensen, Leif; Hønneland, Geir. Handbook of the Politics of the Arctic. Cheltenham: Edward Elgar publishing Limited, 2015. P. 388.

¹² Käpälä, Juha; Mikkola, Harri. On Arctic Exceptionalism Critical Reflections in the Light of the Arctic Sunrise Case and the Crisis in Ukraine. Vol. 85, FIIA Working Paper, April 2015. P. 4.

Другая часть учёных не видит перспективу гармоничного сотрудничества с Китаем без посягательств с его стороны на права других государств – или, по крайней мере, попыток изменения международного статуса Арктики в свою пользу. Высказываются мнения даже о возможности конфликта в Арктике с участием Китая. Существующие территориальные споры, а также неурегулированное законодательство при растущей экономической и геополитической конкуренции делают хрупким баланс сил в Заполярье и увеличивают риски конфронтации. Так, например, финский военный эксперт В. Виртанен считает, что решение в пользу России относительно принадлежности шельфа вплоть до хребта Ломоносова вызовет ужесточение правил доступа иностранных судов в океан, что противоречит интересам многих стран и, в частности КНР¹³. При этом оценки угроз и способов реализации собственных интересов Китаем у экспертов значительно расходятся.

Одни отмечают экономическое и геостратегическое значение Арктики для Китая, которые и послужат причиной повышения его политической активности. В этом плане со временем Арктика будет играть всё большее значение для Китая. В настоящее время Китай собирает силы для более плотного участия в освоении арктических ресурсов и маршрутов: формирует инфраструктуру, наращивает технологический и кадровый потенциал. В дальнейшем следует ожидать попыток Китая продемонстрировать готовность отстаивать свои интересы, в том числе с помощью военно-морского флота¹⁴.

¹³ Virtanen, Vesa. The Arctic in World Politics. The United States, Russia, and China in the Arctic – Implications for Finland. Harvard University, July 17, 2013. P. 81, 87. Mode of access: <http://projects.iq.harvard.edu/files/fellows/files/virtanen.pdf>

¹⁴ Wright, David C. The Panda Bear Readies to Meet the Polar Bear: China Debates and Formulates Foreign Policy Towards Arctic Affairs and Canada's Arctic Sovereignty. Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. March, 2011. P. 6. Mode of access: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/cdfa1/pages/42/attachments/original/1413673951/The_Panda_Bear_Readies_to_Meet_the_Polar_Bear.pdf?1413673951

В то же время, в политике Китая присутствуют и более сдержаные тенденции, которые формируются балансированием между двумя составляющими: ревизионистской и адаптивной. Последняя предполагает опору на методы дипломатии и участие в законотворческом процессе по арктической политике. В этом плане Китай заинтересован в региональной стабильности, а конфликт вероятен только лишь в связи с чрезвычайным обстоятельствами. Возможность участия КНР в военном конфликте снижают не только сопутствующие экономические риски и общенациональное устремление к экономическому процветанию, но и отсутствие технических возможностей вести полномасштабную военную деятельность в Заполярье¹⁵. В связи с этим политика Китая по Арктике оценивается как «мягко-ревизионистская»¹⁶, направленная на реализацию национальных интересов, исходя из наибольшей экономической выгоды и по возможности мирного решения проблем. Еще одно обстоятельство в пользу более умеренной политики Китая связано с тем, что внутри страны и в АТР в настоящее время накопилось чересчур много других противоречий, которые требуют внимания¹⁷. Наконец, не стоит преувеличивать роль Арктики в глобальной стратегии Китая. Об этом говорит довольно скромное финансирование исследований Заполярья и отсутствие официальной арктической стратегии государства. Кроме того, Пекин не обладает существенными правовыми и политическими ресурсами в Арктике, что также ослабляет возможность реальной экспансии¹⁸.

¹⁵ Jakobson, Linda. China Prepares for an Ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*, 2010, No. 2, p. 3.

¹⁶ Rainwaters, Shiloh. Race to the North: China's Arctic Strategy and Its Implications // *Naval War College Review*, 2013, Vol. 66, No. 2, pp. 63.

¹⁷ Liu, Qianqian. China's Rise and Regional Strategy: Power, Interdependence and Identity // *Cambridge journal of Chinese studies*, 2010, Vol. 5, No. 4, pp. 79. Mode of access: <http://journal.acs-cam.org.uk/data/archive/2010/201004-article7.pdf>

¹⁸ Jakobson, Linda; Lee, Seong-hyon. The North East Asian States' Interests in the Arctic and Possible Cooperation with the Kingdom of Denmark Armed Conflict and Conflict Management Programme, SIPRI, April 2013.

В понимании действительных намерений и возможностей Пекина до сих пор существует дилемма: на сколько важна Арктика для Китая и как именно он будет отстаивать собственные интересы в ней? Прежде чем дать оценку китайской арктической политике, необходимо затронуть ту идейную и институциональную основу, которая питает политическую традицию современной КНР.

Некоторые особенности, влияющие на формирование политики Китая

Во внешней политике Китая на любом направлении обнаруживается влияние факторов, имеющих отношение не только к современности, но и к весьма отдаленным историческим временам. Причудливое сочетание традиции и современности порой создает такие повороты в китайской политике, которые оказываются неожиданными или непонятными для западных партнеров.

«Мягкие» и «жесткие» методы управления. В целом можно выделить две основные позиции, которые проявляют себя на протяжении веков и находят своё непосредственное воплощение в современной арктической политике КНР. Первая позиция – это те принципы управления, которые можно отнести к методам мягкой силы. Именно они зачастую подразумеваются, когда разговор заходит о «китайской философии». Эти методы неизменно привлекают внимание научного сообщества, поскольку глубоко связаны с его культурным наследием. На основе этих идей в настоящее время строится официальная риторика КНР на внешнеполитической арене, а также происходит попытка создания особой, «китайской теории международных отношений». Так, за «красивыми» лозунгами, например, идеи «мирного развития Китая», описанной Ху

P. 12; Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // *Beijing Law Review*, 2015, No.6, pp. 199-207. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/blr>

Цзиньтао на XVII съезде КПК¹⁹ стоят не только стремление создать имидж, приемлемый в международном сообществе, но и реальная историческая основа.

Упомянутые идеи берут своё начало в конфуцианстве, мифических и даосских представлениях о мироустройстве. Внешняя политика доцинского императорского Китая, хотя и развивавшаяся нестабильно, прерываемая борьбой за власть династий, тем не менее, во многом носила ритуальный характер и проявлялась, например, в виде системы «номинального данничества»²⁰, когда от «варваров», окружающих империю, не требовалось непосредственного подчинения, а только время от времени приношение даров императору, в обмен на которые они получали не менее щедрые подарки. Ценности и преимущества мирного развития традиционно не связывались с военно-силовой экспансией. «Мягкий путь» Китая был и до сих пор ориентирован на обеспечение и удержание благополучия государства без насилиственного захвата территории или милитаризации страны, поскольку в русле конфуцианской философии – это «ошибочное управление», «путь невежественного правителя»²¹.

¹⁹ Кузнецов А.А. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений // *Политическая концептология*. – 2014. – №3. – С. 166-177 [Kuznecov, A.A. «Mirnoe razvitiye Kitaja» i nekotorye problemy sovremennoj teorii mezhdunarodnyh otnoshenij («Peaceful Development of China» and Some Problems of Modern International Relations Theory) // *Politicheskaja konceptologija*, 2014, No. 3, 2014, pp. 166-177].

²⁰ Черных И. Кризис маньчжурской власти в Китае (цивилизационный ракурс) // Китайська цивілізація: традиції та сучасність. – Київ, 2009. – С.114–117. Режим доступа: http://www.sinologist.com.ua/ukr/Ch_civil/2009/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%85.pdf [Chernykh, I. Krizis man'chzhurskoy vlasti v Kitaye (tsivilizatsionnyy rakurs) (The Crisis of the Manchu Government in China (Civilizational Perspective)) // Kitays'ka tsivilizatsiya: traditsii ta suchasnist'. Kiev, 2009. pp. 114-117. Mode of access: http://www.sinologist.com.ua/ukr/Ch_civil/2009/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%85.pdf].

²¹ Конфуций. Суждения и беседы / Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус,

Другой, противоположной составляющей, являются методы жёсткой силы. На протяжении истории они не раз обеспечивали прорывные результаты в сжатые сроки, зачастую, сопровождаемые большими жертвами среди населения. К ним можно отнести легизм, одну из древнейших практик управления государством, появившуюся в эпоху Воюющих царств, а также милитаристское наследие Китая, воплотившееся в период правления династии Цин, последней, самой большой империи Китая. В эту эпоху значительно трансформировался способ государственного управления и внешней политики, ранее строившего своё развитие на основе конфуцианских идей о долгге и благородстве. Являя собой милитаризованную империю, Цин проводила захватническую внешнюю политику, а также регулировала внутреннюю с помощью власти военной элиты.

Распад просуществовавшей в течение 268 лет империи в начале двадцатого века сменила гражданская война, а затем правительство во главе с Мао Цзэдуном, идеи которого, во многом, сопрягались с политикой Цинов. Тогда под коммунистическими лозунгами появилась цель воссоздания былой мощи Китая, попранной Западом и войной. При этом, экспансия при Мао, как и при маньчжурах, рассматривалась как естественный способ развития страны²². Преемником идей

2011 – С.109, 149, 150 [Confucius. Suzhdeniya i besedy (Judgements and Conversation). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. Pp. 109, 149, 150].

²² Жданов В. Л. Концепция «трех миров» Мао Цзэдуна в контексте традиционных политических доктрин Китая: диссертация кандидата политических наук: 23.00.01 Екатеринбург, 2005. – 188 с. Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/kontseptsiya-trekh-mirov-mao-tszeduna-v-kontekste-traditsionnykh-politicheskikh-doktrin-kita#ixzz3qnZyv217>.

Мао о пути Китая стал Дэн Сяопин, предложивший стратегию развития, а за ним и все последующие руководители. И хотя курс внешней политики на этапе восстановления экономики носил миролюбивый характер, амбициозные цели по воскрешению было-го величия не теряют своей актуальности и управляют внешнеполитическим курсом по сей день. Это подтверждает и позиция современного главы Китая Си Цзиньпина, предложившего идею «китайской мечты» (возрождение великой нации).

Противоречия между элитами. Действующий Председатель и его команда, во многом, придерживаются идеи «Красного императора»²³, и проводят политику по реанимации образа Мао Цзэдуна и воскрешению коммунистической риторики²⁴. Важно при этом то, что Си тесно связан с НОАК и является представителем шеньсийской про-армейской группировки, которая проводит нынешнюю экспансионистскую политику, призванную восстановить исторические права Китая²⁵. В то же время, контрольный пакет китайской экономики находится в руках Комитета по развитию и реформам при Госсовете КНР, возглавляемого более прозападным и либерально настроенным премьером Ли Кэцянем, одним из лидеров «комсомольцев»²⁶.

²³ Лидеры китайских государств встретились впервые с 1945 года. 07.11.2015 г. Режим доступа: <http://south-insight.com/node/217651> [Lideri kitayskikh gosudarstv vstretilis' vpervyye s 1945 goda (Leaders of the Chinese States meet for the First Time since 1945) November 07, 2015. Mode of access: <http://south-insight.com/node/217651>].

²⁴ Владимиров Н. Си Цзиньпин – биография лидера Китая, 14.05.2015. Режим доступа: <http://south-insight.com/xijinping> [Vladimirov, N. Si Tszin'pin – biografiya lidera Kitaya (Xi Jinping – the Biography of Chinese Leader), May 14, 2015. Mode of access: <http://south-insight.com/xijinping>].

²⁵ Китайские СМИ: Россия передала Китаю пять квадратных километров территории // Аналитическое интернет-издание «Южный Китай» 06.11.2015. Режим доступа: <http://south-insight.com/5km> [Kitayskiye SMI: Rossiya peredala Kitayu pyat' kvadratnykh kilometrov territorii. (Chinese Media: Russia Handed over to China Five Square Kilometers of the Territory). November 06, 2015. Mode of access: <http://south-insight.com/5km>].

²⁶ Государственные СМИ КНР: «Россия зашла в тупик» – об итогах визита Медведева

Кроме этого в Китае существуют и другие конкурирующие за власть влиятельные группы, играющие важную роль в процессе принятия решений. Тем не менее, тенденция борьбы наступательных инициатив Китая и, в то же время, стремления выстраивать мирное экономическое сотрудничество, явно проявляются во многих сферах внешней политики, включая Арктику (противоречия политических заявлений²⁷, одновременно ревизионистский характер политики и стремление сохранить статус-кво). Стоит отметить, что о противоречиях действий КНР в Заполярье говорят часто, при этом не описывая логику таких метаний, однако именно обращение к культурно-исторической традиции позволяет увидеть эту взаимосвязь.

Важно заметить, что, несмотря на идеиные и институциональные противоречия, связанные с выбором методов достижения целей – с помощью мягкой силы и экономического развития или с применением жёсткой силы и военного вмешательства – конечная цель в любом случае остаётся единой – достижение могущества «Срединного государства», с естественным расширением зоны влияния, а значит, наступлением на зоны влияния других акторов. Поэтому противоречия в выборе методов реализации арктической стратегии не отменяют целостного курса, направленного на открытие новых геополитических и экономических возможностей для КНР.

Особенности стратегического планирования. В Китае веками складывается культура стратегического планирования, которое обеспечивает неуклонное движение к

в Китай. Режим доступа: <http://south-insight.com/node/217839> [Государственное СМИ КНР: «Россия зашла в тупик» – об итогах визита Медведева в Китай (State Chinese Media: «Russia has Reached a Deadlock» – on the Results of Medvedev's Visit to China). February 29, 2016. Mode of access: <http://south-insight.com/node/217839>].

²⁷ Saran, Shyam. India's Stake in Arctic Cold War // *The Hindu*, 02.02.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/article2848280.ece>

цели на весьма длительную перспективу²⁸. В связи с этим необходимо упомянуть три важнейшие составляющие современной политики КНР и их влияние на формирование арктической политики: Большая стратегия, тринаццатая пятилетка, как её составляющая, и обновлённая Военная доктрина.

Большая стратегия, рассчитанная до 2020 года, к которому Китай должен превратиться в крупнейшую мировую державу²⁹, предполагает постепенный переход к активному внешнеполитическому курсу для защиты национальных интересов³⁰, расширение экономического присутствия в мире³¹, постепенное продвижение собствен-

²⁸ Трактаты о военном искусстве. Сунь-Цзы, У-Цзы / Пер. с кит., предисловие и комментарии Н.И. Конрада. – М.: АСТ: Астрель, СПб: Terra Fantastica, 2011. – С. 35 [Traktaty o voyennom iskusstve. Sun'-Tszy, U-Tszy. Transl. by N.I. Konrada (The Art of War. Sun Tzu, Wu Tzu. The Translation from Chinese, Introduction and Comments by Conrad N.I.). Moscow: AST: Astrel, St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011, p. 35].

²⁹ Ху Аньган. Китай и мир к 2030 г. Институт современного Китая, Университет Цинхуа. Презентация в Институте Дальнего Востока РАН. – Москва. 01.02.2012. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2012.02.01_Hu_Angang/HU_Angang_China_in_2030-1.pdf [HuAngang. Kitay i mir k 2030 g. Institut sovremennoego Kitaya, Universitet Tsinkhua. Prezentatsiya v Institute Dal'nego Vostoka RAN (China and the world by 2030. Institute of Contemporary China, Tsinghua University. The Presentation in the Institute for Far Eastern Studies, Russian academy of Science, Moscow), 2012. Mode of access: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2012.02.01_Hu_Angang/HU_Angang_China_in_2030-1.pdf].

³⁰ Бергер Я. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей. // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 1. Режим доступа: http://www.globalization.su/lib/articles/berger/1167414809.html#_edn10 [Berger, Ya. Bol'shaya strategiya Kitaya v otsenkah amerikanskikh i kitayskikh issledovatelyey (China's Grand Strategy in the Estimates of American and Chinese Researchers) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2006, No. 1. Mode of access: http://www.globalization.su/lib/articles/berger/1167414809.html#_edn10].

³¹ Ким В. С., Бокhan Я. А. Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях // Политические науки. Востоковедение. – 2012. – Вып. 12. – С. 3. [Kim, V.S.; Bokhan, N.A. Transformatsiya strategii «myagkoy sily» KNR v

ных интересов методами мягкой силы во избежание возможной конфронтации³². Хотя Большая стратегия не направляет своё внимание непосредственно на арктическую политику, она является основой для разработки военно-морской доктрины, а та, в свою очередь, касается арктической политики.

В части Большой стратегии, которая охватывает период тринадцатой пятилетки на 2016-2020 годы, отдельно прописано намерение Китая принимать активное участие в законотворческих инициативах в Арктике³³. Помимо этого, в ряде других пунктов плана обозначен приоритет разработки и внедрения экологически чистых технологий и мониторинга окружающей среды, которые, в свою очередь, являются важными составляющими политики Китая в Арктике. Это, несомненно, говорит о твёрдом намерении Китая принимать в ближайшие годы по-прежнему активное участие в арктической политике.

Хотя Большая стратегия не претерпит изменений до 2020 года (а новый подобный документ пока не опубликован), в 2015 году произошло заметное событие: руководством КНР были внесены существенные изменения в военную доктрину страны, а также проведено масштабное реформирование вооружённых сил. Эти изменения

современных usloviyakh. (The transformation of China's strategy of «soft power» in the modern world) // *Politicheskiye nauki. Vostokovedeniye*, 2012, No. 12, p. 3].

³² О дипломатии Китая. Особенности и специфика китайской дипломатии в новых условиях. Статья Посла КНР в РК г-на Чжоу Сяопэя для журнала «Дипломатический курьер» 05.09.2005. Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/dsdc/emb/210333.htm> [O diplomatií Kitaya. Osobennosti i spetsifika kitajskoy diplomatií v novykh usloviyakh. Stat'ya Posla KNR v RK g-na Chzhou Syaopeya dlya zhurnala «Diplomaticeskiy kur'yer» (On the China's Diplomacy. Features and Specificity of the China's Diplomacy in the New Environment. The Article of the Chinese Ambassador to Kazakhstan Mr. Zhou Xiao Pei for the magazine «Diplomatic Express»), 2005. Mode of access: <http://kz.china-embassy.org/rus/dsdc/emb/210333.htm>].

³³ Highlights of Proposals for China's 13th Five-Year Plan. November 4, 2015. Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm

некоторые эксперты назвали революцией в военном деле с китайской спецификой³⁴.

В обновлённой военной доктрине Китая от 2015 года, в которой провозглашается цель перейти от оборонительной тактики к возможному ведению боевых действий вне территориальных вод страны, Арктика не упомянута³⁵, также как и вообще северные территории. Эта Белая книга, продолжая идеи предыдущих выпусков 2010 и 2013 года, в то же время поясняет изменившееся международное положение и возросшую напряжённость в Южно-Китайском море как важнейший геополитический приоритет для КНР. В то же время, реализация этой доктрины, предполагает защиту интересов Китая в открытом море, а значит, не исключает возможность ведения военных действий и в Заполярье. Неслучайно, ряд экспертов подчёркивает, что именно Арктика стала одной из причин изменения военной и военно-морской стратегий Китая с регионального на глобальный уровень³⁶.

Расширение контроля над прилегающими морскими акваториями и выход на просторы Мирового океана – важнейшая составляющая военной стратегии КНР³⁷, а также основа создания глобальной системы морской торговли с «китайской спецификой», в которую вписан и «Северный шёл-

³⁴ Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // *Beijing Law Review*, 2015, No.6, pp. 199-207. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/blr>

³⁵ Document: China's Military Strategy. May 26, 2015. Mode of access: <http://news.usni.org/2015/05/26/document-chinas-military-strategy>

³⁶ Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // *Beijing Law Review*, 2015, No.6, p. 202. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/blr>

³⁷ Chen, Zhiming. La Stratégie Militaire «Asymétrique de la Chine – Logique et Conséquences. Revue Etude Internationals. 2010. XLI, pp. 547-569 Mode of access: <http://www.erudit.org/revue/ei/2010/v41/n4/045562ar.pdf>

ковый путь». Хотя Арктика сегодня не является для Китая приоритетной областью, на которой сосредоточены главные усилия страны, очевидна серьёзность намерений по освоению ресурсов Арктики на дальнюю перспективу. При этом потенциальную возможность участия китайских военных в конфликтах за Северным полярным кругом не отрицают пока не только западные учёные, но и военные Китая³⁸.

Вышесказанное позволяет утверждать, что Китай готовит условия для наступательной политики в арктическом направлении, стремясь к расширению собственных возможностей, зон влияния, к экономическому и стратегическому превосходству. Определенная противоречивость, которая имеет корни в политической и культурной традиции, а также проявляется и в современной системе принятия решений, не отменяет дальних стратегических целей, в которые вписывается доступ к ресурсам Арктики.

Особенности арктической политики Китая

Политику Китая можно характеризовать как многонаправленную по содержанию и гибкую по методам и средствам достижения целей. Китай стремится перехватить и трансформировать любые дипломатические, экономические, экологические, научные, международно-правовые инициативы для продвижения своих национальных интересов. Пекин не намерен получить контроль над конкретной территорией, как это происходит в АТР. КНР заинтересована в расширении прав на судоходство (возможность свободного прохода по СМП), свободе ведения хозяйственной деятельности на арктических территориях (например, на архипелаге Шпицберген), возможности долгосрочной аренды земельных участков для добычи полезных ископаемых или иных целей (инцидент 2011 г. в Исландии).

Во всех перечисленных случаях существует противоречие местных законов международной законодательной базе, к которой апеллирует Китай. Это означает, что

³⁸ Jakobson, Linda. China Prepares for an Ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*, 2010, No. 2, p. 52.

в определённых условиях он не преминет предложить или поддержать инициативу пересмотра таких законов или, возможно, создать прецедент, способствующий изменению существующих правил. Об этом же говорит интерпретация Китаем Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в рамках Большой стратегии. Китай интерпретирует понятия, описывающие воздушное и водное пространство Арктики вне территориальных вод, как принадлежащее всему миру, а, значит, и Китаю³⁹.

Китайские эксперты полагают, что наилучшей тактикой КНР для продвижения интересов в Арктике, во избежание ненужной конфронтации, является выжидательная позиция, во время которой необходимо принимать постоянное участие в создании новых правовых механизмов, не упуская благоприятные возможности⁴⁰. Экспансия, в данном случае, ведётся с помощью мягких методов, но не потому, что это исключение из правил, а поскольку Арктика, согласно военной доктрине, – это не передовая линия, как АТР, а стратегический рубеж, где пока возможно лишь «уступчивое и бережливое» отстаивание интересов. Основным тактическим приёмом арктической политики КНР является постоянное присутствие на территории Заполярья или, иными словами, использование пространства. Сюда входит как проведение масштабного двустороннего сотрудничества с северными странами, так и попытки краткосрочного и долгосрочного

³⁹ Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // *Beijing Law Review*, 2015, No.6, p. 205. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/bl>

⁴⁰ Li, Zhenfu. Obstacles to China's Participation in the International Arctic Route Mechanism and Countermeasures // *Navigation of China*, 2009, No. 32, Vo1. 29, Part 1, p. 101; Jakobson, Linda. China Prepares for an Ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*, 2010, No. 2, p. 2; Dan, Wang; Jie, Wang; Hao, Zhang. Study of Arctic Waterway Transit Policy and Its Development on Circumpolar Nations and Regions (环北极国家与地区的北极航道通行政策及其发展趋势分析) // *Chinese Journal of Polar Research*, 2015, Vol. 27, No. 1, pp. 80-81.

территориального закрепления в ходе реализации различных проектов.

Подобная особенность внешней политики, свойственная китайскому менталитету, была отмечена Г. Киссинджером⁴¹. В противовес открытому и стремительно-му столкновению, китайская традиция предполагает длительную партию, достижение преимущества в которой происходит путём постепенного освоения территории, закрытия путей для противника и перехвата инициативы для победы. Китай постепенно увеличивает свою вовлечённость в международные проекты, стремясь получить большее пространство для манёвра в Арктике. Проведение многостороннего и комплексного сотрудничества, с одной стороны, позволяет, избегая привязки к какой-либо территории, выстраивать альтернативную логистику для реализации экономических проектов, а с другой – открывает путь для продвижения собственных интересов. Такой метод ведения политики способен принести КНР выгоду даже в случае серьёзного изменения баланса сил, поскольку интересы и присутствие Китая окажутся повсюду. Указанная особенность должна учитываться при выработке политических решений, связанных с КНР. Китай не рассматривает страны как союзников по политическим или иным соображениям, а исходит в своих планах из того, что в данном сотрудничестве будет способствовать реализации его национальных интересов.

Постоянное присутствие КНР в Арктике совмещается и с активным участием Китая в организации новой транспортной системы – по примеру судоходства в Индийском океане, где КНР удаётся, не занимаясь непосредственно наращиванием военного потенциала, налаживать выгодные в экономическом и военном отношении контакты за счёт строительства портов на всей протяжённости судоходных маршрутов. Точно так же и судоходные маршруты Арктики, пока слабо освоенные Китаем, могут контролироваться и через проливы и прилегающие,

более тёплые моря, где находятся порты доставки трансарктических грузов. Так, Китай активно развивает собственные северные порты, а также арендует прилегающие порты соседних стран – например, порт Рацзин в Северной Корее⁴².

Основным лейтмотивом арктической политики для КНР является экономическая выгода. Экономическими рычагами управления Китай умело пользуется для продвижения собственных интересов. Эту особенность регулярно подчёркивают лидеры КНР, настаивая на том, что Китай, в отличие от США, не стремится навязывать другим странам свою культуру или политическую систему, а действует вовне исключительно в целях экономического развития и процветания собственного государства.

Хотя Китай готов участвовать также в природоохранной и научной деятельности в Арктике, наибольшие суммы вкладываются им в сферу логистики и добычи энергоресурсов. При этом страна стремится участвовать в разнообразных международных проектах, включая производство оборудования для добычи ресурсов, строительство путепроводов, шахт, оборудование портов. Здесь важно заметить, что энергетические компании КНР, хотя и проявляют некоторую независимость от государства, тем не менее, находятся под контролем правительства страны⁴³, а значит их усилия направлены на осуществление государственного плана. Вместе с тем, экономика накладывает и ограничение на сотрудничество Китая в Арктике. Экспансия Китая имеет свои пределы, обусловленные рамками экономической выгоды, выходить за которые Китай не предпола-

⁴² Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // *Beijing Law Review*, 2015, No.6, pp. 204. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/blr>

⁴³ Virtanen, Vesa. The Arctic in World Politics. The United States, Russia, and China in the Arctic – Implications for Finland. Harvard University, July 17, 2013. P. 56. Mode of access: <http://projects.iq.harvard.edu/files/fellows/files/virtanen.pdf>

⁴¹ Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2013. – С. 38-41 [Kissinger, G. O Kitaye (On China). Moscow, 2013: Astrel', pp. 38-41].

гает. Именно эти границы обуславливают относительную нерешительность КНР в процессе участия в инвестиционных проектах в России⁴⁴, отмечаемую многими исследователями.

Осторожная позиция Китая может изменить свой характер в случае перемен в мировой экономике. Так, можно с уверенностью предполагать, что дальнейшее участие и степень вовлечённости Китая в международные отношения в Арктике будет зависеть, прежде всего, от мировых цен на нефть и возможностей её добычи: прогнозируемому в будущем росту цен будет сопутствовать соответствующее увеличение активности арктической политики КНР и повышение уровня двусторонних отношений со странами Заполярья.

Основным правилом в ходе проведения арктической политики КНР является соблюдение международного законодательства. Китай не интересуют политические режимы или непосредственное владение территорией. Его стремление – это, прежде всего, право на совместное владение и контроль ресурсов, а также осуществление полярного судоходства. Однако, несмотря на заинтересованность в пересмотре ряда международных актов, нарушение международного законодательства и ущемление суверенитета других стран не в интересах КНР, что регулярно подчёркивают должностные лица Китая⁴⁵. Это связано, прежде всего, с

⁴⁴ Коростиков М. Уроки китайского. Почему за прошедший год России не вполне удалось “поворот на Восток”. 08.02.2016 Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2906658> [Korostikov, M. Uroki kitayskogo. Pochemu za proshodshiy god Rossii ne vpolne udalsya «povorot na Vostok» (Chinese Lessons. Why Did Last Year's Russian «Turn to the East» is not Successful Indeed). February 08, 2016. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2906658>].

⁴⁵ Китай приветствует решение АС о предоставлении статуса наблюдателя – официальный представитель МИД КНР. 15.05.2013. Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2013-05/16/c_132385274.htm [Kitay privetstvuyet resheniye AS o predostavlenii statusa nablyudatelya – ofitsial'nyy predstavitei' MID KNR. (China welcomes the decision of the AC to provide the observer status – official representative of the

тем, что предполагаемое нарушение Китаем международного права станет угрозой целостности его суверенитета: внутренние сепаратистские явления в Китае способны катастрофически повлиять на дальнейшее будущее страны.

В связи с этим, как бы ни складывались международные отношения в Арктике, КНР, продвигая инициативы по пересмотру ряда законов, будет отстаивать приоритет международного права. С другой стороны, Китай участвует и в конструировании легитимности своей причастности к Арктике. В частности, с подачи учёных привнося в дискурс понятие «Стран Центральной Арктики»⁴⁶ и «стран, близких к Арктике»⁴⁷, к которым, по их мнению, относится КНР. Такие понятия, если они будут приняты международным сообществом, в дальнейшем, могут способствовать продвижению интересов КНР, если станут общепринятыми терминами.

Военная составляющая в Арктической политике Китая не столь заметна, поскольку Китай не обладает достаточными ресурсами для этого, а кроме того, милитаризация в Арктике противоречит долгосрочным экономическим планам КНР. Но, не выходя за рамки международного права, Китай периодически проводит военные учения, в том числе, и в акватории за Северным полярным кругом⁴⁸, что позволяет говорить о намерении Китая защищать свои интересы, в том числе, на столь отдалённых территориях. Однако в таких случаях Китай педантично следует Конвенции ООН по морскому праву, показывая свою приверженность соблюдению законодательства.

Такой подход позволяет Китаю избегать конфронтации в сложном для себя регионе,

Ministry of Foreign Affairs) May 15, 2013. Mode of access: http://russian.news.cn/china/2013-05/16/c_132385274.htm]

⁴⁶ Caiming, Y.; Li, M. Challenges of Arctic Security Issues and Regional Security Governance (北冰洋安全問題與區域安全治理之挑戰) // *Soochow Political Sciences*, 2011, Vol. 29, Part 1, p. 115.

⁴⁷ Jakobson, Linda. China Prepares for an Ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*, 2010, No. 2, p. 16.

⁴⁸ Bennett, Mia. Chinese Naval Ships Near Aleutians highlight history of Asian Presence in North Pacific. September 10, 2015. Mode of access: <http://cryopolitics.com/category/chinatrade/>

развивать двусторонние отношения с арктическими странами, получая максимальную выгоду, а также на законных правах участвовать в международных отношениях в регионе, проводить научные исследования, изучать возможности полярного судоходства и добычи полезных ископаемых, готовить штат специалистов. Хотя само по себе соблюдение законодательства не свидетельствует в пользу экспансии, всё вышесказанное даёт возможность понять, что именно следование международным правилам для Китая является условием долгосрочной экспансии в регионе.

Заключение

Заинтересованность Китая в Арктике носит долговременный характер, поскольку ресурсы и судоходные маршруты способны существенно расширить стратегические преимущества Китая, в том числе в конкурентной борьбе в АТР. В связи с этим Китай не отступит от достигнутых в Арктике результатов и будет продолжать принимать активное участие в арктической политике.

Арктическая политика Китая является частью внешнеполитической стратегии, направленной на расширение глобального присутствия и влияния. Однако в связи с географической удалённостью и труднодоступностью территории, недостаточно развитой инфраструктурой и приоритетностью иных задач, пока она проводится с помощью «мягкой силы». При этом активность Китая в арктической политике сдерживается решением более приоритетных задач внутри страны и в АТР.

В формировании стратегии КНР в Арктике важную роль играют исторически сложившиеся политические и культурные традиции Китая, что необходимо учитывать при прогнозировании возможных вариантов её развития. При этом видимые противоречия относительно способа решения тех или иных задач не отменяют долговременной и целенаправленной политики, призванной обеспечить возрождение величия «Срединного государства».

Основными особенностями арктической политики Китая в Арктике являются выжидательный характер действий с целью перехвата

инициативы и постоянное присутствие в регионе, проявляющееся в комплексном участии во всех сферах от экономического до культурного и научного сотрудничества. При этом лимитирующим фактором для реализации проектов КНР в Арктике является экономическая выгода, и, одновременно с этим, именно экономика представляет собой главный инструмент влияния Китая на арктические страны.

Китаю придерживается двойственной позиции. С одной стороны, это педантичное следование международным правилам как гаранта стабильной вовлечённости в арктические международные отношения, с другой, неотступное стремление изменить правовой режим Арктики в свою пользу под флагом ее перевода в статус «общечеловеческого достояния».

В ближайшие годы военное присутствие КНР в Арктике маловероятно как по военно-техническим, так и по стратегическим возможностям. В то же время, очевидно, что модернизация военно-морского флота Китая направлена на то, чтобы контролировать не только прилегающие моря, но и присутствовать в Мировом океане, включая северные моря.

Литература:

Балакин В.И. Стратегия Китая в Арктике и Антарктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск № 17, том 17, 2012. – С. 227-241. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-v-arktike-i-antarktike#ixzz3rZWnS5x1>

Бергер Я. Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей. // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 1. Режим доступа: http://www.globalization.su/lib/articles/berger/1167414809.html#_edn10

Владимиров Н. Си Цзиньпин – биография лидера Китая, 14.05.2015. Режим доступа: <http://south-insight.com/xijipin>

Государственные СМИ КНР: «Россия зашла в тупик» – об итогах визита Медведева в Китай. Режим доступа: <http://south-insight.com/node/217839>

Жданов В.Л. Концепция «трех миров» Мао Цзэдуна в контексте традиционных политических доктрина Китая: диссертация кандидата политических наук: 23.00.01 Екатеринбург, 2005. – 188 с. Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/kontsepsiya-trekh-mirov-mao-tszeduna-v-kontekste-traditsionnykh-politicheskikh-doktrin-kita#ixzz3qnZyv217>

Ким В.С., Бахан Я.А. Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях // Политические науки. Востоковедение. – 2012. – Вып. 12. – С. 17-20.

Киссинджер Г. О Китае. – М.: Астрель, 2013.

Китай приветствует решение АС о предоставлении статуса наблюдателя – официальный представитель МИД КНР. 15.05.2013. Режим доступа: http://russian.news.cn/china/2013-05/16/c_132385274.htm

Китайские СМИ: Россия передала Китаю пять квадратных километров территории // Аналитическое интернет-издание «Южный Китай» 06.11.2015. Режим доступа: <http://south-insight.com/5km>

Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. — № 1 (28). — 2015. — С. 54-73.

Конфуций. Суждения и беседы / Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011 – С.109, 149, 150.

Конышев В.Н., Сергунин А.А. Стратегии стран Восточной Азии в Арктике // Проблемы Дальнего Востока. – 2012, – №. 6. – С. 35-48.

Конышев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун великих дебатов? // Полис (Политические исследования). – 2013, – №2. – С.66-78.

Коростиков М. Уроки китайского. Почему за прошедший год России не вполне удался «поворот на Восток». 08.02.2016 Режим доступа: <http://www>.

kommersant.ru/doc/2906658
Кузнецов А.А. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений // Политическая концептология. – 2014. – №3. – С. 166–177.

№5. – С. 166-177
Лидеры китайских государств встретились впервые с 1945 года. 07.11.2015 г. Режим доступа: <http://south-insight.com/node/217651>

О дипломатии Китая. Особенности и специфика китайской дипломатии в новых условиях. Статья Помсла КНР в РК г-на Чжоу Сяопэя для журнала «Дипломатический курьер» 05.09.2005. Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/dszc/emb/t210333.htm>

Трактаты о военном искусстве. Сунь-Цзы, У-Цзы. / Пер. с кит., предисловие и комментарии Н.И. Конрада. — М.: ACT: Астрель, СПб: Terra Fantastica, 2011. — 606 с.

Тулупов Д. Членство Китая в Арктическом совете. 19.06.2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1986#top

Ху Аньган. Китай и мир к 2030 г. Институт современного Китая, Университет Цинхуа. Презентация в Институте Дальнего Востока РАН. – Москва. 01.02.2012. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2012.02.01_Hu_Angang/HU_Angang_China_in_2030-1.pdf [Hu Angang, Kitay i mir k 2030 g. Institut sovremenennogo Kitaya, Universitet Tsimkhua. Prezentatsiya v Institute Dal'nego Vostoka RAN (China and the world by 2030. Institute of Contemporary China, Tsinghua University. The Presentation in the Institute for Far Eastern Studies, Russian academy of Science, Moscow), 2012. Mode of access: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2012.02.01_Hu_Angang/HU_Angang_China_in_2030-1.pdf.

Черных И. Кризис маньчжурской власти в Китае (цивилизационный ракурс) // Китайська цивілізація: традиції та сучасність. – Київ, 2009. – С.114-117. Режим доступа: http://www.sinologist.com.ua/ukr/Ch_civil/2009/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D1%85.pdf [Chernykh, I. Krizis man'chzhurskoy vlasti v Kitaye (tsivilizatsionnyi rakurs) (The Crisis of the Manchu Government in China (Civilizational Perspective)) // Kitays'ka tsivilizatsiya:

traditsiї ta suchasnist’. Kiev. 2009. pp. 114-117. Mode of access: http://www.sinologist.com.ua/ukr/Ch_civil/2009/%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BB%D1%85.pdf.

Bennett, Mia. Chinese Naval Ships Near Aleutians highlight history of Asian Presence in North Pacific. September 10, 2015. Mode of access: <http://cryopolitics.com/category/chinatrade/>

Caiming, Y.; Li, M. Challenges of Arctic Security Issues and Regional Security Governance (北冰洋安全問題與區域安全治理之挑戰) // *Soochow Political Sciences*, 2011, Vol. 29, Part 1, pp. 113-177.

Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // Beijing Law Review, 2015, No.6, pp. 199-207. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/blr>

www.scp.org/journals
Chen, Zhiming. La Stratégie Militaire "Asymétrique de la Chine – Logique et Conséquences. Revue Etude Internationals. 2010. XLI, pp. 547-569. Mode of access: <http://www.erudit.org/revue/ei/2010/v41/n4/045562ar.pdf>

Dan, Wang; Jie, Wang; Hao, Zhang. Study of Arctic Waterway Transit Policy and Its Development on Circumpolar Nations and Regions (环北极国家与地区的北极航道通行政策及其发展趋势分析) // *Chinese Journal of Polar Research*, 2015, Vol. 27, No. 1, pp. 74-82.

Diplomatic and Consular List Ministry for Foreign Affairs of Iceland. Department of Protocol. Reykjavík, June 2015. Mode of access: <http://www.utanrikisraduneyti.is/media/MFA.pdf/Diplomatic-list---June-2015.pdf>

Document: China's Military Strategy. May 26, 2015. Mode of access: <http://news.usni.org/2015/05/26/document-chinas-military-strategy>

Dodds, Klaus; Nuttal, Mark. The Scramble for the Poles: Contemporary Geopolitics in the Arctic and Antarctic. Cambridge: Polity Press, 2015. Mode of access: [https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/the-scramble-for-the-poles\(fd114c89-9ae3-496f-b63f-0643ed8peda2\).html](https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/the-scramble-for-the-poles(fd114c89-9ae3-496f-b63f-0643ed8peda2).html)

Enslow, Rachel. China, Norway and Offshore Wind Development. A Win-Win Wind Relationship? // *Azure International*, Beijing, March 8, 2010. 60 p.

Highlights of Proposals for China's 13th Five-Year Plan.
November 4, 2015. Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm

Husenicová, Lucia. The China Threat Theory Revisited: Chinese Changing Society and Future Development // *Panorama of Global Security Environment*. Bratislava: CENAA, 2012. Pp. 553-565. Mode of access: <http://cenaa.org/analysis/the-china-threat-theory-revisited-chinese-changing-society-and-future-development/>

Jakobson, Linda; Lee, Seong-hyon. The North East Asian States' Interests in the Arctic and Possible Cooperation with the Kingdom of Denmark Armed Conflict and Conflict Management Programme, SIPRI, April 2013.

Jakobson, Linda. China Prepares for an Ice-free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security, 2010, No. 2.

Jensen, Leif; Honneland, Geir. *Handbook of the Politics of the Arctic*. Cheltenham: Edward Elgar publishing Limited, 2015.

Käylä, Juha; Mikkola, Harri. On Arctic Exceptionalism. Critical Reflections in the Light of the Arctic Sunrise Case and the Crisis in Ukraine. Vol. 85, FIIA Working Paper, April 2015.

Lanteigne, Marc. China's Strategies in the Arctic: Emerging Economic Diplomacy. Video from Norsk utenrikspolitisk institutt NUPI channel. Live: September 25, 2014. Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=9AJmv8F3RiU>

Li, Zhenfu. Obstacles to China's Participation in the International Arctic Route Mechanism and Countermeasures // *Navigation of China*, 2009, No. 32, Vol. 29, Part 1, pp. 98-103.

Liu, Qiangqian. China's Rise and Regional Strategy: Power, Interdependence and Identity // *Cambridge journal of Chinese studies*, 2010, Vol. 5, No. 4, pp. 76-92. Mode of access: <http://journal.acs-cam.org.uk/data/archive/2010/201004-article7.pdf>

Ping, Su; Lanteigne, Marc. China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions // *Journal of China and International Relations*, 2015, Vol. 3, No. 1.

Rainwaters, Shiloh. Race to the North: China's Arctic Strategy and Its Implications // *Naval War College Review*, 2013, Vol. 66, No. 2, pp. 62-82.

Saran, Shyam. India's Stake in Arctic Cold War // *The Hindu*, 02.02.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/article2848280.ece>

Virtanen, Vesa. The Arctic in World Politics. The United States, Russia, and China in the Arctic – Implications for Finland. Harvard University, July 17, 2013. Mode of access: <http://projects.iq.harvard.edu/files/fellows/files/virtanen.pdf>

Wright, David C. The Panda Bear Readies to Meet the Polar Bear: China Debates and Formulates Foreign Policy Towards Arctic Affairs and Canada's Arctic Sovereignty. Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. March, 2011. P. 1-10. Mode of access: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/cdfai/pages/42/attachments/original/1413673951/The_Panda_Bear_Readies_to_Meet_the_Polar_Bear.pdf?1413673951

References:

Balakin, V.I. Strategiya Kitaya v Arktike i Antarktike (China's Strategy in the Arctic and Antarctic) // *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istochnika i sovremennoost'*, 2012, No. 17, Vol. 17, pp. 227-241. Mode of access: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-kitaya-v-arktike-i-antarktike#ixzz3rZWnS5x1>

Bennett, Mia. Chinese Naval Ships Near Aleutians highlight history of Asian Presence in North Pacific. September 10, 2015 Mode of access: <http://cryopolitics.com/category/chinatrade/>

Berger, Ya. Bol'shaya strategiya Kitaya v otsenakh amerikanskih i kitayskih issledovatelye (China's Grand Strategy in the Estimates of American and Chinese Researchers) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2006, No. 1. Mode of access: http://www.globalization.su/lib/articles/berger/1167414809.html#_edn10

Caiming, Y.; Li, M. Challenges of Arctic Security Issues and Regional Security Governance (北冰洋安全問題與區域安全治理之挑戰) // *Soochow Political Sciences*, 2011, Vol. 29, Part 1, pp. 113-177.

Cassotta, Sandra; Hossain, Kamrul; Ren, Jingzheng; Goodsite, Michael E. Climate Change and China as a Global Emerging Regulatory Sea Power in the Arctic Ocean: Is China a Threat for Arctic Ocean Security? // *Beijing Law Review*, 2015, No.6, pp. 199-207. Mode of access: <http://www.scirp.org/journal/blr>

Chen, Zhiming. La Stratégie Militaire "Asymétrique de la Chine – Logique et Conséquences. Revue Etude

Internationals. 2010. XLI, pp. 547-569. Mode of access: <http://www.erudit.org/revue/ei/2010/v41/n4/045562ar.pdf>

Chernykh, I. Krizis man'chzhurskoy vlasti v Kitaye (tsivilizatsionnyy rakurs) (The Crisis of the Manchu Government in China (Civilizational Perspective)) // Kitays'ka tsivilizatsiya: traditsii ta suchasnist'. Kiev. 2009. pp. 114-117. Mode of access: http://www.sinologist.com.ua/ukr/Ch_civil/2009/%D0%A7%D0%BD%D1%80%D0%BD%D0%BD%D0%85.pdf

Confucius. Suzhdeniya i besedy (Judgements and Conversation). Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. Pp. 109, 149, 150.

Dan, Wang; Jie, Wang; Hao, Zhang. Study of Arctic Waterway Transit Policy and Its Development on Circumpolar Nations and Regions (环北极国家与地区的北极航道通行政策及其发展趋势分析) // *Chinese Journal of Polar Research*, 2015, Vol. 27, No. 1, pp. 74-82.

Diplomatic and Consular List Ministry for Foreign Affairs of Iceland. Department of Protocol. Reykjavik, June 2015. Mode of access: http://www.utanriksraduneyti.is/media/MFA_pdf/Diplomatic-list--June-2015.pdf

Document: China's Military Strategy. May 26, 2015. Mode of access: <http://news.usni.org/2015/05/26/document-chinas-military-strategy>

Dodds, Klaus; Nuttall, Mark. The Scramble for the Poles: Contemporary Geopolitics in the Arctic and Antarctic. Cambridge: Polity Press, 2015. Mode of access: [https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/the-scramble-for-the-poles\(fd114c89-9ae3-496f-b63f-0643ed8beda2\).html](https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/the-scramble-for-the-poles(fd114c89-9ae3-496f-b63f-0643ed8beda2).html)

Enslow, Rachel. China, Norway and Offshore Wind Development. A Win-Win Wind Relationship? // *Azure International, Beijing*, March 8, 2010. 60 p.

Gosudarstvennyye SMI KNR: «Rossiya zashla v tupik» – ob itogakh vizita Medvedeva v Kitay (State Chinese Media: "Russia has Reached a Deadlock" – on the Results of Medvedev's Visit to China). February 29, 2016. Mode of access: <http://south-insight.com/node/217839>

Highlights of Proposals for China's 13th Five-Year Plan. November 4, 2015. Mode of access: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm

Hu Angang. Kitay i mir k 2030 g. Institut sovremennoogo Kitaya, Universitet Tsinkhua. Prezentatsiya v Institute Dal'nego Vostoka RAN (China and the world by 2030. Institute of Contemporary China, Tsinghua University. The Presentation in the Institute for Far Eastern Studies, Russian academy of Science, Moscow), 2012. Mode of access: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/2012.02.01_Hu_Angang/HU_Angang_China_in_2030-1.pdf

Husenicová, Lucia. The China Threat Theory Revisited: Chinese Changing Society and Future Development // *Panorama of Global Security Environment*. Bratislava: CENAA, 2012. Pp. 553-565. Mode of access: <http://cenaa.org/analysis/the-china-threat-theory-revisited-chinese-changing-society-and-future-development/>

Jakobson, Linda. China Prepares for an Ice-free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security, 2010, No. 2.

Jakobson, Linda; Lee, Seong-hyon. The North East Asian States' Interests in the Arctic and Possible Cooperation with the Kingdom of Denmark Armed Conflict and Conflict Management Programme, SIPRI, April 2013.

Jensen, Leif; Hønneland, Geir. Handbook of the Politics of the Arctic. Cheltenham: Edward Elgar publishing Limited, 2015.

Käpylä, Juha; Mikkola, Harri. On Arctic Exceptionalism Critical Reflections in the Light of the Arctic Sunrise Case and the Crisis in Ukraine. Vol. 85, FIIA Working Paper, April 2015.

Kim, V.S.; Bokhan, N.A. Transformatsiya strategii «myagkoy sily» KNR v sovremennykh usloviyakh. (The transformation of China's strategy of "soft power" in the modern world) // *Politicheskiye nauki. Vostokovedeniye*, 2012, No. 12, pp. 17-20.

Kissinger, H. O Kitaye (On China). Moscow, 2013: Astrel'.

Kitay privetstvuyet resheniye AS o predostavlenii statusa nablyudatelya – ofitsial'nyy predstaviteль MID KNR. (China welcomes the decision of the AC to provide the observer status – official representative of the Ministry of Foreign Affairs) May 15, 2013. Mode of access: http://russian.news.cn/china/2013-05/16/c_132385274.htm

Kitayskiye SMI: Rossiya peredala Kitayu pyat' kvadratnykh kilometrov territorii. (Chinese Media: Russia Handed over to China Five Square Kilometers of the Territory). November 06, 2015. Mode of access: <http://south-insight.com/5km>

Komissina, I.N. Arkticheskiy vektor vneshey politiki Kitaya (The Arctic Vector of China's Foreign Policy) // *Problemy natsional'noy strategii*, 2015, No. 1 (28), pp. 54-73.

Konyshov, V.N., Sergunin, A.A. Strategii stran Vostochnoy Azii v Arktike (Strategies of East Asian countries in the Arctic) // *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2012, No. 6, pp. 35-48.

Konyshov, V.N., Sergunin, A.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: kanun velikikh debatov? (Theory of International Relations: the Eve of the Great Debate?) // *Polis (Politicheskiye issledovaniya)*, 2013, No. 2, pp. 66-78.

Korostikov, M. Uroki kitayskogo. Pochemu za proshedshiy god Rossii ne vpolne udalsya "povorot na Vostok" (Chinese Lessons. Why Did Last Year's Russian "Turn to the East" is not Successful Indeed). February 08, 2016. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2906658>

Kuznetsov, A.A. «Mirnoe razvitiye Kitaja» i nekotorye problemy sovremennoj teorii mezhdunarodnyh otnoshenij ("Peaceful Development of China" and Some Problems of Modern International Relations Theory) // *Politicheskaja konceptologija*, 2014, No. 3, 2014, pp. 166-177.

Lanteigne, Marc. China's Strategies in the Arctic: Emerging Economic Diplomacy. Video from Norsk utenrikspolitisk institutt NUPI channel. Live: September 25, 2014. Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=9AJmv8F3RiU>

Li, Zhenfu. Obstacles to China's Participation in the International Arctic Route Mechanism and Countermeasures // *Navigation of China*, 2009, No. 32, Vol. 29, Part 1, pp. 98-103.

Lideri kitayskikh gosudarstv vstretilis' v pervyye s 1945 goda (Leaders of the Chinese States meet for the First Time since 1945) November 07, 2015. Mode of access: <http://south-insight.com/node/217651>

Liu, Qianqian. China's Rise and Regional Strategy: Power, Interdependence and Identity // *Cambridge journal of Chinese studies*, 2010, Vol. 5, No. 4, pp. 76-92. Mode of access: <http://journal.acs-cam.org.uk/data/archive/2010/201004-article7.pdf>

O diplomatii Kitaya. Osobennosti i spetsifika kitayskoy diplomatii v novykh usloviyakh. Stat'ya Posla KNR v RK g-na Chzhou Syaopeya dlya zhurnala «Diplomaticeskiy

kur'yer» (On the China's Diplomacy. Features and Specificity of the China's Diplomacy in the New Environment. The Article of the Chinese Ambassador to Kazakhstan Mr. Zhou Xiao Pei for the magazine "Diplomatic Express"), 2005. Mode of access: <http://kz.china-embassy.org/rus/dsdc/emb/t210333.htm>

Ping, Su; Lanteigne, Marc. China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions // *Journal of China and International Relations*, 2015, Vol. 3, No. 1.

Rainwaters, Shiloh. Race to the North: China's Arctic Strategy and Its Implications // *Naval War College Review*, 2013, Vol. 66, No. 2, pp. 62-82.

Saran, Shyam. India's Stake in Arctic Cold War // *The Hindu*, 02.02.2012. Mode of access: <http://www.thehindu.com/opinion/op-ed/article2848280.ece>

Traktaty o voyennom iskusstve. Sun'-Tszy, U-Tszy. Transl. by N.I. Konrada (The Art of War. Sun Tzu, Wu Tzu. The Translation from Chinese, Introduction and Comments by Conrad N.I.). Moscow: AST: Astrel, St. Petersburg: Terra Fantastica, 2011. 606 p.

Tulupov, D. Chlenstvo Kitaya v Arkticheskem sovete (The Membership of China in the Arctic Council) 2013. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1986#top

Virtanen, Vesa. The Arctic in World Politics. The United States, Russia, and China in the Arctic – Implications for Finland. Harvard University, July 17, 2013. Mode of access: <http://projects.iq.harvard.edu/files/fellows/files/virtanen.pdf>

Vladimirov, N. Si Tszin'pin – biografiya lidera Kitaya (Xi Jinping – the Biography of Chinese Leader), May 14, 2015. Mode of access: <http://south-insight.com/xijinping>

Wright, David C. The Panda Bear Readies to Meet the Polar Bear: China Debates and Formulates Foreign Policy Towards Arctic Affairs and Canada's Arctic Sovereignty. Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. March, 2011. P. 1-10. Mode of access: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/cdfai/pages/42/attachments/original/1413673951/The_Panda_Bear_Readies_to_Meet_the_Polar_Bear.pdf?1413673951

Zhdanov, V.L. Kontsepsiya "trekh mirov" Mao TSzeduna v kontekste tradisionnykh politicheskikh doktrin Kitaya. Cand. diss. (The Concept of Mao Zedong's "Three Worlds" in the Context of Traditional Political Doctrines of China. Cand. dissertation). Yekaterinburg, 2005. Mode of access: <http://www.dissercat.com/content/kontsepsiya-trekh-mirov-mao-tszeduna-v-kontekste-traditsionnykh-politicheskikh-doktrin-kita#ixzz3qnZyv217>

CHINA'S POLICY IN THE ARCTIC: TRADITION AND MODERNITY

Valery N. Konyshov

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Mariia A. Kobzeva

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Article history:

Received:

16 June 2016

Accepted:

1 November 2016

About the author:

Valery N. Konyshov, Dr. of Political Science,
Professor, Department of Theory and History
of International Relations, Saint-Petersburg State University

e-mail: konyshov06@mail.ru

Mariia A. Kobzeva, MA in International Relations,
Saint-Petersburg State University

e-mail: markob@inbox.ru

Key words:

China; Arctic; tradition; strategy; policy.

Abstract: The article describes the features of China's policy in the Arctic region, taking into account their relationship with the political and cultural traditions, which have a long history. Ambiguities in the assessments of intentions and prospects of China's policy in the Arctic is largely due underestimation of ties by the Western experts. The authors believe that the current China's foreign policy in general and toward the Arctic, in particular, is formed under the influence of such factors as the combination of «soft» and «hard» methods of management, existing sharp contradictions between the elites in the political leadership of the state, and the tradition of long-term planning in strategy. In accordance with this, the Arctic dimension of modern China foreign policy, seeks to achieve the strategic goal of access to the resources of the region in many directions simultaneously. The most important instruments include the revision of the legal status of the Arctic, an active part in the work of international organizations and active bilateral inter-state cooperation, avoiding open confrontation, “waiting” policy and incremental measures aimed at the gradual squeezing of competitors.

Для цитирования: Конышев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 77-92.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92

For citation: Konyshov, Valery N.; Kobzeva, Mariia A. Politika Kitaia v Arktike: traditsii i sovremennost' (China's Policy in the Arctic: Tradition and Modernity) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 57-92.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В АРКТИКЕ

Дмитрий Викторович Стрельцов

МГИМО МИД России, Институт востоковедения РАН,
г. Москва, Россия

Информация о статье:	
<i>Поступила в редакцию:</i>	19 августа 2016
<i>Принята к печати:</i>	15 ноября 2016
Об авторе: д.и.н., профессор, заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН	Аннотация: Статья посвящена государственной политике современной Японии в отношении Арктики. Японское правительство поставило достаточно четкие и конкретные цели по активизации усилий страны в экономическом освоении Арктического региона. Среди приоритетов арктической политики были обозначены такие ее направления, как развитие морских коммуникаций, освоение углеводородных месторождений арктического шельфа, морской промысел, а также сохранение и приумножение морских биоресурсов.
Ключевые слова: Арктика; Япония; Северный морской путь; окружающая среда; Полярный кодекс; биоресурсы.	<i>Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-03-00602)</i>

Не имея собственного выхода в Арктику, Япония проявляет в последние годы повышенный интерес к этому региону мира. Это связано, прежде всего, с тем, что Япония является крупнейшей морской державой. Ее благополучие и процветание зависит от глобальной свободы мореплавания, стабильности и безопасности морских торговых коммуникаций, единства мирового торгово-экономического пространства, неотъемлемой частью которого является Арктика, все активнее втягивающаяся в глобальные торгово-экономические процессы.

Арктические маршруты морских перевозок приобретают для Японии особый смысл по некоторым причинам. Прежде всего, Северный морской путь, соединяющий Японию с Европой, с которой государство связывают наиболее интенсивные торговые потоки, оказывается на 40% короче,

чем традиционный южный маршрут через Суэцкий канал. Так, маршрут из Иокогамы в Роттердам по южному пути составляет 20742 км, по северному – 12038 км. Это означает существенную экономию времени и топлива, что удешевляет перевозки и повышает привлекательность северного маршрута. Например, если на южный путь требуется 40 дней пути, то на южный – лишь 25¹.

К тому же южный маршрут сопряжен с дополнительными рисками: судам приходится идти через Южно-Китайское море, в котором в последние годы произошло обострение международной обстановки в связи с территориальными спорами, а также через Молуккский пролив, где свою остроту сохраняет проблема морского пиратства. Северный морской путь, проходящий вдоль ар-

¹ Майнити симбун, 19.02.2015 [Mainichi Shimbun, February 19, 2015].

ктического побережья одной лишь России, в этом смысле представляется гораздо более безопасным.

Еще одним важным мотивом, определяющим повышенный интерес Японии к Арктике, является проблема энергетической безопасности. В Арктическом регионе содержится 13% разведанных мировых запасов нефти и до 30% природного газа. Между тем 42% первичного энергобаланса Японии приходится на нефть, 80% которой поступает с Ближнего Востока по небезопасному южному маршруту². После аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г., когда перед Японией остро встал вопрос о диверсификации источников поставок, политическим руководством страны была поставлена цель повышения доли Японии в месторождениях за рубежом.

Свою роль в мотивации Японии, обладающей передовым научно-техническим потенциалом, играет ее подход к Арктике как к общечеловеческому достоянию, которое нуждается в защите и сбережении.

Как указывается в документе «Арктическая политика Японии», принятым в октябре 2015 г. Штабом по океанской политике – межведомственном органе, созданном в 2007 г. для координации государственной политики, в отношении проблем моря – «от Японии требуется признать как скрытые возможности Арктики, так и ее уязвимость в отношении изменений окружающей среды. Проводя долгосрочное прогнозирование и политику, основанную на использовании науки и технологий, в которых Япония занимает передовые позиции, и Япония должна играть ведущую роль в устойчивом развитии Арктики в интересах мирового сообщества»³.

Речь в первую очередь идет о достижениях страны в сфере климатологии, ме-

теорологии, экологии и сейсмологии. Инициировавшая Киотский протокол Япония традиционно придает огромное значение вопросу о глобальных последствиях проблем глобального потепления, одним из существенных аспектов которой являются ускоряющиеся процессы таяния льда в арктических водах и сокращения площади ледяного покрова в Арктике.

Особое место в ряду проблем Арктики, ставших предметом серьезной озабоченности в Японии в связи с ее стремлением наращивать морские перевозки по СМП, являются экологические риски, обострившиеся в связи с увеличением транспортных перевозок через арктические воды. Речь, в частности, идет о потенциальной опасности от разливов нефти и нефтепродуктов, а также от утечек различных загрязняющих веществ на маршрутах следования морских судов. Особая опасность от таких инцидентов связана с тем, что в холодной арктической зоне процессы естественного разложения углеводородов и самоочищения окружающей среды происходят существенно медленнее, чем в других широтах.

Получая многие ценные виды морепродуктов с полярных широт, Япония озабочена также защитой морских биоресурсов арктического бассейна. Позиция Японии основана на понимании единства мировой биосистемы, разрушение которой Япония чувствует особенно болезненно в силу исторических, культурно-цивилизационных и географических причин.

Имеются у Токио мотивы пристально следить за ситуацией в Арктике, связанные с соображениями национальной безопасности. Пока Япония не видит прямых угроз свободе мореплавания в регионе и не вырабатывает стратегических планов направления военно-морских сил самообороны для конвоирования и защиты японских судов. Риски для Японии заключаются в том, что экономическое освоение Арктики, в частности, открытие новых морских маршрутов и запуск проектов по освоению природных ресурсов, могут вызвать существенные конфликты между отдельными странами.

Япония предвидит, что интенсификация мореплавания в арктических водах неизбеж-

² Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

³ Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. P. 2. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

но приведет к изменению стратегического баланса в регионе, так как при нарастающем потеплении климата Северный Ледовитый океан окажется удобным для навигации гораздо более широкого класса военных судов, чем ныне. Иными словами, Япония предвидит ситуацию, когда Арктика из своего рода фона, «бэкграунда» стратегической ситуации в мире, станет прямой ареной военной конфронтации, а при определенных условиях «первой линией обороны» в противостоянии между отдельными государствами, в частности, между США, с одной стороны, и Россией – с другой.

Японию волнуют также попытки Китая закрепиться в Арктике в качестве отдельного стратегического актора. Например, эксперт Японского института международных проблем при МИД Японии Х. Асари указывает на опасности, связанные с возможностью размещения Китаем в Арктике подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами JL-2 SLBM (*submarine-launched ballistic missile*), а также с расширением на арктический бассейн сферы навигации атомных ракетоносцев класса SSBM (*ship, submersible, ballistic missile, nuclear-powered*). По мнению Х. Асари, это позволит Китаю держать с помощью JL-2 под прицелом всю материковую территорию США, обеспечивая его эффективными средствами второго удара, что в свою очередь затрагивает жизненные интересы безопасности уже самой Японии, которая находится под прикрытием «ядерного зонтика» США. В связи с этим, экспертом выдвигается рекомендация по укреплению стратегического сотрудничества с Вашингтоном в деле слежения за балансом сил в Арктике, и в частности, усиления мер по укреплению противоракетной обороны и системы противолодочного патрулирования, особенно в отношении ключевых точек, например, проливов Соя и Цугару. Кроме того, речь идет о налаживании японо-американского сотрудничества в проведении операций по спасению на море⁴.

⁴ Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. P.7-8. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

В свою очередь, по мнению американского военного аналитика Л. Лэрда, переход Японии к концепции «динамичной обороны» в связи с актуализацией для нее факторов китайской и северокорейской угрозы ставит на повестку дня задачу разработки политики «двойного якоря» (*twin anchor policy*), основанной на доступе к акваториям Арктики и Индийского океана. Эксперт отмечает, что обеспечение такого доступа оказывается не под силу самой Японии и требует ее тесного взаимодействия с США, особенно в сфере контроля, наблюдения и сбора разведывательной информации⁵.

Основы арктической политики Японии

В Японии отсутствует какой-либо государственный орган, который бы проводил консолидированную арктическую политику или считался бы головным в реализации такой политики по отношению к прочим министерствам и ведомствам. Отдельные вопросы этой политики разбросаны по сферам компетенции следующим министерствам и ведомствам:

- Министерство образования и науки (*Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology*) занимается научными исследованиями Арктики;
- Министерство иностранных дел (*Ministry of Foreign Affairs*) отвечает за внешнеполитические аспекты арктической политики;
- Министерство земель, инфраструктуры и транспорта (*Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism*) ведает политикой государства в отношении мирового океана, а также сферой морских перевозок⁶.

Для практических целей арктической политики японское правительство содержит три ледокола: «Сиракэ», «Соя» и «Тэсио». Ледокол «Сиракэ» находится под управлением Морских Сил самообороны Японии, в связи с чем существуют юридические ограничения

⁵ Laird, Robbin. Japan Re-Shapes Its National Security Strategy. Pp. 94-95. Mode of access: <http://breakingdefense.com/2014/01/japan-re-shapes-its-national-security-strategy>

⁶ Tonami, Aki; Watters, Stewart. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts. Pp. 94-95. Mode of access: http://www.arcticyearbook.com/images/Articles_2012/Tonami_and_Watters.pdf

на его использование, обозначенные Законом о Силах самообороны. В настоящее время ледокол «Сирасэ» может использоваться только как судно снабжения для антарктических исследований, проводимых Национальным институтом полярных исследований. Ледоколы «Соя» и «Тэсио» принадлежат службе береговой охраны Японии и используются только в качестве судов для патрулирования акваторий к северу острова Хоккайдо.

В апреле 2013 г. кабинет министров Японии одобрил «Базовый план по океанской политике»⁷, в котором впервые были сформулированы руководящие принципы исследовательской политики Японии по отношению к Арктике: наблюдение за Арктикой и изучение арктических проблем, налаживание международного сотрудничества в Арктике, изучение экономической целесообразности освоения Северного морского пути.

Для разработки комплексной стратегии Японии по отношению к Арктике в июле 2013 г. было организовано «Совещание министерств и ведомств по арктическим вопросам», в которое вошли представители секретариата кабинета министров, канцелярии кабинета министров, министерства общих дел и коммуникаций, министерства сельского хозяйства, водного и морского промысла, министерства экономики, торговли и промышленности, министерства науки, культуры и образования, министерства национальных земель и транспорта, министерства защиты окружающей среды, а также министерства обороны. В рамках совещания, которое провело уже более 10 заседаний, проводится обмен информацией и подготовка концепции Арктической политики Японии.

В октябре 2015 года Япония обнародовала первую комплексную концепцию государственной политики в арктическом бассейне. Документ под заголовком «Арктическая политика» (*“Arctic policy”*)⁸ был представлен

в Рейкьявике на собрании международной неправительственной организации Arctic Circle. «Базовым планом» определяются стратегические постулаты арктической политики Японии на таких направлениях, как сфера дипломатии, национальной безопасности, защиты окружающей среды, транспорта, развития ресурсов, информации и коммуникаций, науки и техники. Комплексный характер этой политики обеспечивается взаимодействием правительства, промышленности и научного сообщества. Документ ставит перед Японией цель с помощью активной арктической политики способствовать решению проблем, стоящих перед всем международным сообществом.

«Арктическая политика» ставит следующие задачи:

- С глобальной точки зрения максимально использовать потенциал Японии в области науки и техники;
- В полной мере учитывать особенности арктической экосистемы, которая отличается большей уязвимостью и более низкой способностью к самовосстановлению;
- Обеспечивать верховенство права и содействовать международному сотрудничеству мирным и упорядоченным образом;
- Уважать право коренных народов Арктики на защиту традиционного экономического и социального уклада;
- Уделять всестороннее внимание ситуации в сфере безопасности в Арктическом регионе;
- Стремиться к тому, чтобы социальная и экономическая ситуация находилась в гармонии с климатическими и экологическими изменениями в Арктике;
- Добиваться экономических возможностей для использования арктического морского пути и для освоения арктических ресурсов.

Планом ставятся конкретные задачи в сфере исследований Арктики: создание сетевого исследовательского сообщества в самой Японии, всемерное содействие развитию международного сотрудничества, включая организацию международных конференций в самой Японии и направление японских ученых на международные форумы за рубеж, выдвижение инициатив

⁷ Basic Plan on Ocean Policy. April 2013. Mode of access: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_je.pdf

⁸ Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

по проведению двусторонних конференций по Арктике со всеми заинтересованными странами, а также активизация вклада Японии в различные международные научные академические сообщества по арктическим исследованиям, включая *Arctic Circle, Arctic Frontiers* и проч.⁹ Кроме того, предполагается расширение сети наблюдательных станций в арктических странах.

Япония имеет давнюю историю участия в полярных исследованиях. Однако с 1957 г. Япония в основном концентрировалась на исследованиях Антарктиды. Активный исследовательский интерес к Арктике со стороны Японии стал проявляться с 1990 г., когда был основан Международный комитет арктической науки (*IASC*)¹⁰. В то же году государственный Национальный институт полярных исследований (*The National Institute of Polar Research, NIPR*) выступил учредителем Исследовательского центра арктической природы (*The Arctic Environment Research Center, AERC*). Институт имеет собственную обсерваторию в Сvalбарде (Шпицберген, Норвегия) и проводит несколько сравнительных исследовательских проектов по проблемам Арктики. В числе реализованных Национальным институтом полярных исследований проектов – исследования нижних слоев атмосферы в полярных широтах, проблем магнитной сферы и солнечных лучей в полярных широтах, процессов миграции льдов в арктическом бассейне, изменений экосистем Арктики и проч.¹¹

При этом если указанный институт занимается в основном материковыми исследованиями, Японское агентство по исследованию в области науки и технологий земли и моря (*Japan Agency for Marine-Earth Science and Technology, JAMSTEC*) занимается об-

ширной исследовательской программой океанических исследований Северного полушария. Агентство проводит совместно с США обширную программу морских исследований Арктики. В 1998 г. было проведено первое плаванье в Северном Ледовитом океане японского океанографического судна «Мирай», после чего указанным агентством было осуществлено более десяти арктических экспедиций и реализован целый ряд иных крупных исследовательских проектов по арктическим проблемам¹².

В свою очередь, Японское агентство аэрокосмических исследований (*Japan Aerospace Exploration Agency, JAXA*) проводит программу спутниковых наблюдений, обеспечивающую мониторинг циркуляции океанической воды, эффекта парниковых газов и т.д. Имеется в Японии также Фонд исследований океанической политики (*The Ocean Policy Research Foundation, OPRF*), которая является мозговым центром и лоббистской организацией для японской судоходной отрасли и смежных с ней отраслей промышленности. Фонд проводит ряд исследовательских проектов по Арктике, особенно относительно Северного морского пути.

Для реализации исследований природной среды Арктики в Японии создан специализированный исследовательский Консорциум (*Japan Consortium for Arctic Environmental Research, JCAR*). 30 марта 2015 года консорциумом был опубликован долгосрочный план арктических исследований. Планом определяются четыре основные целевые установки для реализации исследований¹³:

1. Лучшее понимание феномена глобального потепления и его механизмов в арктическом регионе, а также улучшение методики прогнозирования этих процессов;

2. Изучение биоразнообразия земных и морских экосистем, а также антропогенного

⁹ Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. P. 8. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

¹⁰ Ohnishi, Fujio. The Process of Formulating Japan's Arctic Policy: From Involvement to Engagement. P. 2. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=174278>

¹¹ National Institute of Polar Research. Mode of access: <http://www.nipr.ac.jp/english/research/project.html>

¹² Ohnishi, Fujio. The Process of Formulating Japan's Arctic Policy: From Involvement to Engagement. P. 2. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=174278>

¹³ Long-Term Plan for Arctic Environmental Research. P. 3. Mode of access: http://www.jcar.org/menu06/documents/longterm-e20150330_summary.pdf

воздействия на эти системы, не ограниченное процессами глобального потепления;

3. Масштабное исследование арктической природной среды, включая геокосмические исследования;

4. Мониторинг, моделирование и интеграция различных видов арктических исследований в единую концепцию, позволяющую осуществить прорывные исследования в области окружающей среды.

Проведенные Японией наблюдения со спутника, полевые данные океанографических и материковых исследований позволили получить новое понимание экологической ситуации Арктики. Успеху немало способствовал высокий технологический уровень японской исследовательской и научной аппаратуры, и прежде всего измерительных приборов и анализаторов. Большую роль играло и то, что к работам удалось привлечь ведущих японских экспертов в области арктических исследований. Таким образом, японские ученые внесли существенный вклад в исследование экологических изменений в Арктике.

Япония активно участвует в работе крупнейших международных организаций, занимающихся арктическими исследованиями: Международного комитета по арктической науке (*The International Arctic Science Committee, IASC*), Азиатского форума полярных исследований (*The Asian Forum for Polar Sciences, AFoPS*), а также различных международных исследовательских программах, развернутых после проведения в 2007-2008 гг. Международного года полярных исследований (*The International Polar Year, 2007-2008 IPY2007-2008*).

В апреле 2015 г. в Японии прошла Неделя арктической науки (*The Arctic Science Summit Week, ASSW*) – наиболее авторитетной и представительной международной конференции по исследованию Арктики¹⁴. В ходе форума было продемонстрировано растущее понимание того, что изменения в Арктике будут иметь последствия не только для окружающей среды, но и для экономики, политики и общества всех стран мира, в том числе и неарктических.

¹⁴ The Arctic Science Summit Week 2015. Mode of access: <https://mice.jtbgmt.com/assw2015>

Арктическая политика Токио в международных организациях

В своей практической политике по отношению к Арктике Япония придает особое значение необходимости создания стабильной прочной и безопасной международной среды. Япония исходит из того, что Северный ледовитый океан является общечеловеческим достоянием, а его экономическое освоение должно быть взаимовыгодным для всех участников. Япония, не имея собственного арктического побережья и, соответственно, не обладая территориальными правами на арктический бассейн, выступает за решение всех правовых вопросов, касающихся Арктики, в рамках существующей системы международного права, основу которой применительно к данному бассейну составляет Конвенция ООН по морскому праву¹⁵.

Ключевым термином в подходе Токио служит понятие «общих интересов», противопоставляемых партикулярным «эгоистическим» интересам арктических стран. Под «общими интересами» («*commons*») понимаются признанные в глобальном масштабе, а не только сообществом арктических государств, нормы и правила поведения, основанные на международном праве¹⁶.

Перед японской дипломатией ставится задача инициирования шагов по созданию и установлению подобных норм в арктическом бассейне. Япония стремится к тому, чтобы «общие интересы» в Арктике были признаны всем мировым сообществом, а нормы поведения стран в этом регионе были одобрены на уровне крупных и влиятельных международных организаций с максимальным числом участников. В этой связи Токио ставит перед собой задачу выдвижения инициативы по определению тех норм Международной конвенции по морскому праву

¹⁵ Tonami, Aki; Watters, Stewart. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts. P. 99. Mode of access: http://www.arcticyearbook.com/images/Articles_2012/Tonami_and_Watters.pdf

¹⁶ Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. P. 2. Mode of access: https://www2.jjia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

1982 г., которые применимы к Арктике, а также разработки новой системы правового регулирования деятельности в Арктике, основанной на указанной конвенции и иных действующих ныне нормах международного права¹⁷. Иными словами, Япония заинтересована в установлении более демократичных и транспарентных «правил игры» в арктическом бассейне.

Япония при этом выделяет те страны арктического бассейна, которые выдвигают «чрезмерные», с ее точки зрения, претензии на обладание эксклюзивными правами по отношению к Арктике. Эти страны нередко становятся объектом критики Токио за «злоупотребление» своими особыми правами, установленными статьей 234 Конвенции 1982 г., в соответствии с которой они могут устанавливать собственные нормы и правила, направленные на предотвращение, снижение и контроль загрязнения моря проходящими судами, а также получать плату за проводку судов и их навигационное обслуживание. В частности, в Японии можно слышать мнение о «недостаточной обоснованности» тарифов на соответствующие услуги, установленных Россией. Определенное недовольство высказывают в Японии и позицией Канады, которая считает огромные акватории Арктики своими внутренними водами, используя для этого метод прямых исходных линий¹⁸.

Не являясь арктическим государством, Япония подала заявку на получение статуса наблюдателя в Арктическом совете еще в июле 2009 года, а с 2013 г. пользуется этим статусом в числе прочих одиннадцати неарктических стран. В соответствии с уставом организации она активно участвует в работе рабочих групп совета, направляет представителей правительства и исследователей и активно участвует в работе различных

мероприятий организации, включая Встречи старших должностных лиц по арктическим вопросам (*Senior Arctic Officials (SAO) Meeting*), рабочие группы и т.д. Имея статус наблюдателя, Япония претендует на роль своего рода посредника между членами Совета и прочими странами мира, не входящими в эту организацию¹⁹.

Ставя перед собой задачу повышения роли страны в решении вопросов по Арктике, Япония прилагает большие усилия для активного отстаивания своих интересов в Арктике в рамках тех международных организаций, сфера деятельности которых охватывает арктический бассейн. Так, например, в связи с необходимостью обеспечения безопасности навигации, защиты окружающей среды и создания надежной системы ликвидации последствий экологических катастроф Япония стремится активно участвовать в разработке Полярного кодекса в рамках Международной морской организации (*IMO*)²⁰.

Большую значимость для Японии имеют арктические вопросы и в повестке дня Большой семерки, где объективно проявляется противостояние между арктическими США и Канадой с одной стороны и неарктическими странами в лице Японии, Великобритании, Франции и Германии с другой. Япония поднимает тему Арктики и в двусторонних форматах – в рамках диалога с Россией и США, с иными арктическими странами, входящими в Арктический совет.

Экономические интересы Японии в Арктике

Экономические интересы Японии в Арктике касаются двух основных направлений деятельности: освоения Северного морского пути (СМП) и разработки природных ресурсов арктического бассейна – углеводородов и биоресурсов моря.

¹⁷ Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. P. 10. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

¹⁸ Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. P. 6. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

¹⁹ Japan-U.S. Arctic Strategy and Policy Workshop. March 5-7, 2015 / International Arctic Research Center. Mode of access: <http://www.iarc.uaf.edu/jp/workshops/2015/japan-usa-arctic-strategy-and-policy-workshop>

²⁰ Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. P. 8. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

Усиление интереса Японии к Северному морскому пути наблюдается с начала 2010-х гг., когда вдоль северного побережья России стал наблюдаться существенный рост навигационной активности. Мощный стимул для практических действий был дан Токио летом 2012 г., когда китайский ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон») совершил прохождение по Северному морскому пути и вышел в Атлантический океан – именно тогда Япония приложила максимум усилий, чтобы вступить в Арктический совет хотя бы на правах наблюдателя. В декабре 2012 г. зафрахтованный «Газпромом» российский танкер «Обь» впервые доставил в Японию через Севморпуть СПГ из Норвегии²¹. Министерство государственных земель и коммуникаций Японии провело в 2013 г. специальное исследование правовой основы использования Севморпути, что явилось свидетельством заинтересованности японской стороны в освоении этого маршрута. В числе прочего рассматривались конкретные вопросы, касающиеся экономической состоятельности морских грузоперевозок, включающих контейнеры, СПГ, а также автомобили²².

Однако остается ряд серьезных проблем, затрагивающих интересы японских морских компаний. Так, в Японии выказывают недовольство тем, что помимо услуг ледокольного флота, иностранные суда должны платить высокие транзитные тарифы, установленные российской стороной, применение которых на данном этапе де-

лает товарные поставки через СМП экономически недостаточно привлекательными. Другой претензией является необходимость уведомлять российские власти о предстоящем плавании за три месяца²³. Кроме того, японским судоходным компаниям невыгодно содержать судна ледового класса, которые из-за короткого сезона навигации используются неполный год²⁴. Большую проблему для использования Севморпути, по мнению японской стороны, составляет также нестабильность погодных условий, плохое состояние служб метеорологического оповещения и особенно недостаток информации о миграции льдов, создающий большие трудности для навигации. Японию тревожит также неудовлетворительное состояние российских портов, гаваней и иных объектов инфраструктуры морских перевозок СМП, а также имеющиеся ограничения на прием крупнотоннажных кораблей российскими гаванями восточнее Мурманска в случае непредвиденных обстоятельств²⁵. На данном этапе японские эксперты делают однозначный вывод о том, что Арктика пока еще не готова для безопасной и надежной навигации²⁶.

Тем не менее, есть и позитивная информация. В рамках проекта «Ямал СПГ» к 2017 г. планируется строительство 10 ледоколов для транспортировки сжиженного газа, которые станут самыми крупными судами, построенными специально для арктических условий. Среди судоходных компаний, которые займутся перевозками СПГ,

²¹ Газпром. Успешная поставка СПГ по Северному морскому пути из Норвегии в Японию. Зачем? // Кипинфо. 7.12.2012. Режим доступа: <http://kipinfo.ru/news/?id=4584> [Gazprom. Uspeshnai postavka SPG po Severnomu morskому puti iz Norvegii v Iaponiui. Zache? (Gasprom. Successful Delivery Compressed Natural Gas across Northern Sea Route from Norway and Japan. What for?) // Kipinfo, 7.12.2012. Mode of access: <http://kipinfo.ru/news/?id=4584>]

²² Хоккёкукай – ни кансиру торикуми-ни цуйтэ (О подходе к Арктике). Режим доступа: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sanyo/dai14/siryous3.pdf> [Khokkekukai – ni kansuru torikumi-ni tsuite (On Arctic Approach). Mode of access: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sanyo/dai14/siryous3.pdf>]

²³ Sinclair, Jasmin. Japan and the Arctic: Not so Poles Apart. P. 44. Mode of access: http://www.iarc.uaf.edu/sites/default/files/node/4484/japan_and_the_arctic_not_so_poles_apart_sincla_96785.pdf

²⁴ Ohnishi, Fujio. The Process of Formulating Japan's Arctic Policy: From Involvement to Engagement. P. 4. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=174278>

²⁵ Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. P. 6. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

²⁶ Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. P. 5. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

фигурирует японская *Mitsui OSK*. В январе 2014 г. *Yamgaz SNC* заключило контракт с японской *Yokogawa Electric* на поставку интегрированных систем управления и безопасности (ICSS) для проекта «Ямал СПГ». В свою очередь, японская компания *JGC Corp.* получила контракт на проектирование, поставку оборудования, материалов и комплектующих, строительство и ввод в эксплуатацию комплекса по подготовке и сжижению природного газа на базе Южно-Тамбейского месторождения на Ямале²⁷. Имеются сообщения и о том, что налаживание регулярного морского сообщения между Японией и Европой по северному пути через СМП произойдет уже с 2018 г.²⁸

Японской стороной ставятся задачи по поиску технических решений, касающихся освоения Севморпути и Северо-Западного прохода, по разрешению экологических проблем в связи с предстоящей навигацией, по проработке вопроса о финансовой окупаемости северного маршрута и о проведении его серьезного научного планирования. В этой связи ставится задача использования мощного японского технологического потенциала. Речь идет, например, о создании системы слежения за миграцией льдов, о налаживании системы навигационного оповещения, об активном использовании информации японских метеорологических спутников.

Однако окончательный вывод о целесообразности участия Японии в освоении СМП пока еще не сделан. По мнению японских экспертов, многое будет зависеть от того, будут ли установленные Россией нормы и правила полностью соответствовать международным стандартам, включая Конвенцию ООН по морскому праву. С этой точки зрения, ключевым вопросом является подготовка Полярного кодекса под эгидой Международной морской организации. Кроме того, Япония будет осно-

вываться в своем решении и на том, удастся ли к моменту старта навигации общими усилиями наладить надежную систему наблюдения за дрейфом льдов и метеопрогнозирования.

Имеется в вопросе о СМП еще и геополитическая сторона дела. Например, известный японский эксперт Н. Симотомаи придает большое значение тому факту, что северный маршрут из Японии в Европу будет проходить вдоль Курильских островов, где между Россией и Японией остается нерешенной проблема территориального размежевания²⁹. В этой связи делается вывод о том, что для успеха данного проекта необходимо сперва стабилизировать международно-политическую ситуацию вокруг курильской проблемы.

Важным вопросом, в практической плоскости вставшим перед Японией в контексте проблемы Арктики, является вопрос о ее участии в освоении нефтегазовых месторождений арктических шельфов, – вопрос, относящийся к сфере ее энергетической безопасности. Это связано с тем, что удержание доли в месторождениях материкового шельфа позволило бы Японии снизить финансовые риски, связанные с высокой волатильностью цен на углеводородное сырье. Япония, кроме того, в перспективе может выступить как активный покупатель газа Арктики. Повышение доли Японии на рынке спотовых контрактов СПГ, получаемого с арктических шельфов, как ожидается, будет способствовать стабилизации мирового газового рынка, привязанного к рынку нефтяному.

Стабилизирующее начало, связанное с фактором Японии, заключается и в том, что спрос на газ в Европе – основном потребителе арктического газа – сильно зависит от времени года: зимой (в отопительный сезон) он возрастает, летом – падает. Япония же, являющаяся крупнейшим потребителем СПГ в мире, летом, наоборот, наращивает потребности в газе, так как пик его потреб-

²⁷ Проект «Ямал СПГ». Режим доступа: <http://www.pro-gas.ru/gas/jamal/> [«Yamal SPG» Project. Mode of access: <http://www.pro-gas.ru/gas/jamal/>]

²⁸ Симотомаи Нобуо. Путин ва адзия-о мэдзасу. (Путин стремится в Азию). Токио, 2015. С. 203 [Simotomai, Nobuo. Putin va adzia-o medzasu (Putin Strives to Asia). Tokyo, 2015. P. 203].

²⁹ Симотомаи Нобуо. Путин ва адзия-о мэдзасу. (Путин стремится в Азию). Токио, 2015. С. 203. [Simotomai, Nobuo. Putin va adzia-o medzasu (Putin Strives to Asia). Tokyo, 2015. P. 203].

бления приходится на самую сильную жару, когда в стране на полную мощность работают кондиционеры³⁰.

Подключение Японии к проектам освоения арктических шельфов ставит на повестку дня вопрос о практическом использовании ее технологического опыта и финансовых возможностей. Особенно востребованными являются японские технологии в деле строительства промышленных объектов в экстремальных условиях и условиях высокой сейсмической активности. Япония могла бы рассчитывать на получение крупных заказов на строительство специальных судов, адаптированных к условиям Севморпути, включая танкеры и суда навигационного обеспечения, на поставки специального оборудования для разработки арктических шельфов.

* * *

Таким образом, Япония рассматривает Арктику как исключительно важную сферу, затрагивающую ее жизненно важные интересы. Знаковым явлением последнего десятилетия явилось то, что активность Японии по отношению к Арктике сместилась из чисто научно-исследовательской плоскости в плоскость конкретных экономических интересов, а научные разработки было решено поставить на службу делу решения задач сфере экономической безопасности. Японское правительство поставило достаточно четкие и конкретные цели по активизации усилий страны в экономическом освоении Арктического региона. Среди приоритетов арктической политики были обозначены такие ее направления, как развитие морских коммуникаций, освоение углеводородных месторождений арктического шельфа, морской промысел, а также сохранение и приумножение морских биоресурсов.

Другим качественным сдвигом в политике Японии стало то, что Токио обозначил свое намерение играть более активную роль в определении регионального порядка в Арктике и возможного «сопряжения» установ-

³⁰ Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. P. 4. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

ленных там правил и норм интересам неарктических стран.

Литература:

Газпром. Успешная поставка СПГ по Северному морскому пути из Норвегии в Японию. Зачем? // Кипинфо. 7.12.2012. Режим доступа: <http://kipinfo.ru/news/?id=4584>

Проект «Ямал СПГ». Режим доступа: <http://www.pro-gas.ru/gas/jamal/>

Симотомаи Нобую. Путин ва адзиа-о мэдзасу. (Путин стремится в Азию). Токио, 2015.

Хоккёкукай – ни кансиру торикуми-ни цүйтэ (О подходе к Арктике). Режим доступа: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sanyo/dai14/siryous3.pdf>

Basic Plan on Ocean Policy. April 2013. Mode of access: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_je.pdf

Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy" Projects. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

Japan-U.S. Arctic Strategy and Policy Workshop. March 5-7, 2015 / International Arctic Research Center. Mode of access: <http://www.iarc.uaf.edu/jp/workshops/2015/japan-usa-arctic-strategy-and-policy-workshop>

Laird, Robbin. Japan Re-Shapes Its National Security Strategy. Mode of access: <http://breakingdefense.com/2014/01/japan-re-shapes-its-national-security-strategy>

Long – Term Plan for Arctic Environmental Research. Mode of access: http://www.jcar.org/menu06/documents/longterm-e20150330_summary.pdf

Ohnishi, Fujio. The Process of Formulating Japan's Arctic Policy: From Involvement to Engagement. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=174278>

Sinclair, Jasmin. Japan and the Arctic: Not so Poles Apart. Mode of access: http://www.iarc.uaf.edu/sites/default/files/node/4484/japan_and_the_arctic_not_so_poles_apart_sincla_96785.pdf

Tonami, Aki; Watters, Stewart. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts. Mode of access: http://www.arcticyearbook.com/images/Articles_2012/Tonami_and_Watters.pdf

References:

Basic Plan on Ocean Policy. April 2013. Mode of access: https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/kihonkeikaku/130426kihonkeikaku_je.pdf

Gazprom. Uspeshnaya postavka SPG po Severnomu morskому puti iz Norvegii v Iaponiiu. Zache? (Gazprom. Successful Delivery Compressed Natural Gas across Northern Sea Route from Norway and Japan. What for?) // Kipinfo. 7.12.2012. Режим доступа: <http://kipinfo.ru/news/?id=4584>

Hideki, Asari. Recommendations for Japan's Diplomacy "Arctic Governance and Japan's Diplomatic

Strategy" Projects. Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/2012_arctic_governance/08e-recommendations.pdf

Japan's Arctic Policy. October 16th, 2015 / The Headquarters for Ocean Policy. Mode of access: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[ENG\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[ENG].pdf)

Japan-U.S. Arctic Strategy and Policy Workshop. March 5-7, 2015 / International Arctic Research Center. Mode of access: <http://www.iarc.uaf.edu/jp/workshops/2015/japan-usa-arctic-strategy-and-policy-workshop>

Khokkekukai – ni kansuru torikumi-ni tsuite (On Arctic Approach). Mode of access: <https://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/sanyo/dai14/siryou3.pdf>

Laird, Robbin. Japan Re-Shapes Its National Security Strategy. Mode of access: <http://breakingdefense.com/2014/01/japan-re-shapes-its-national-security-strategy>

Long-Term Plan for Arctic Environmental Research. Mode of access: http://www.jcar.org/menu06/documents/longterm-e20150330_summary.pdf

Ohnishi, Fujio. The Process of Formulating Japan's Arctic Policy: From Involvement to Engagement. Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lang=en&id=174278>

Simotomai, Nobuo. Putin va adzia-o medzasu (Putin Strives to Asia). Tokyo, 2015.

Sinclair, Jasmin. Japan and the Arctic: Not so Poles Apart. Mode of access: http://www.iarc.uaf.edu/sites/default/files/node/4484/japan_and_the_arctic_not_so_poles_apart_sincla_96785.pdf

Tonami, Aki; Watters, Stewart. Japan's Arctic Policy: The Sum of Many Parts. Mode of access: http://www.arcticyearbook.com/images/Articles_2012/Tonami_and_Watters.pdf

Yamal CNG Project. Mode of access: <http://www.progas.ru/gas/jamal/>

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103>

JAPAN'S ARCTIC POLICY

Dmitry V. Streletsov

MGIMO University, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article history:

Received:

19 August 2016

Accepted:

15 November 2016

About the author:

Dr. of History, Professor,
Head of the Department of Oriental Studies,
MGIMO University; Leading Researcher,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences

e-mail: dmstrl@gmail.com

Key words:

Arctic region; Japan; Northern Sea Route;
environment; Polar Code; bioresources

Abstract: The article is devoted to the public policy of modern Japan in the Arctic. The Japanese government has put forward clear and well-specified targets of the intensification of Japan's efforts in the economic development of the Arctic region. Among the priorities of the Arctic policy one should mention such areas as the development of maritime transportation, development of hydrocarbon deposits of the Arctic shelf, sea fishing, as well as the preservation and increase of the sea bioresources.

Acknowledgements: The article is prepared with support of Russian Humanitarian Science Foundation: No. 16-03-00602.

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Политика Японии в Арктике // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 93-103.

DOI: [10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103)

For citation: Streletsov, Dmitry V. Politika Iaponii v Arktike (Japan's Arctic Policy) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 93-103.

DOI: [10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-93-103)

МОДЕЛИ РУКОВОДСТВА «ДЕЛОВОЙ ДВАДЦАТКИ»: ВОЗМОЖНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ

Алиса Андреевна Прохорова

Российский союз промышленников и предпринимателей,
г. Москва, Россия

Александр Николаевич Шохин

Российский союз промышленников и предпринимателей,
НИУ Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

23 сентября 2016

Принята к печати:

15 ноября 2016

Об авторах:

Прохорова А.А., главный специалист,
Управление международного
сотрудничества, Российский союз
промышленников и предпринимателей

e-mail: ProkhorovaAA@rspp.ru

Шохин А.Н., д.э.н., Президент
Российского союза промышленников и
предпринимателей; профессор,
Президент Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);
заведующий Кафедрой теории и практики
взаимодействия бизнеса и власти, НИУ
ВШЭ

e-mail: ShokhinAN@rspp.ru

Ключевые слова:

«Деловая двадцатка»; «Группа двадцати»;
глобальное управление;
международное объединение;
международное бизнес-сообщество;
глобальный экономический рост.

Аннотация: В статье проведен анализ деятельности и структуры приоритетной аутрич-группы «Группы двадцати» (G20) – «Деловой двадцатки» (B20). «Группа двадцати» – один из ведущих неформальных международных экономических институтов, которых по сравнению с количеством международных организаций пока немного, но которые при этом обладают достаточным потенциалом, чтобы оказывать реальное влияние на разрабатываемую и реализуемую на уровне мирового сообщества политику. Деятельность B20 направлена на содействие развитию стабильного, устойчивого экономического роста, что, в свою очередь, должно способствовать увеличению рабочих мест, и представление и защита интересов национальных деловых участников-сообществ диалога с G20. Одна из основных целей B20 – такое воздействие на повестку дня и итоговые обязательства G20, которое позволяет учитывать консолидированные интересы мирового бизнес-сообщества, так как основные участники аутрич-группы – бизнес-ассоциации, руководители крупных корпораций, консалтинговых организаций. Подход к организации работы B20 в разные годы различался, однако, за семилетнюю историю диалога с G20 постоянного формата B20 не сложилось, и единообразного, переходящего от председателя к председателю механизма представления интересов бизнеса в «Двадцатке» на данный момент нет. Исследование различных моделей организации деятельности «Деловой двадцатки» позволило определить основные элементы института, на которые возложены руководящие функции: Председатель «Деловой двадцатки», «Тройка», Председатель и сопредседатели Рабочих групп. Предложены возможные способы их оптимизации в соответствии с критерием эффективности, который определен вовлеченностью бизнес-сообщества в разработку рекомендаций, обеспечением максимальной включенности рекомендаций деловых кругов в итоговые документы «Группы двадцати», возможностью последующей имплементации принимаемых на Саммитах решений.

Введение

Классификация межгосударственных объединений экономико-финансовой направленности, возникших в результате кризисных процессов, в соответствии с крите-

риями универсальности мандата и широты представительства, позволяет выделить два типа объединений: межгосударственные институты с международной правосубъек-

тностью – международные организации и межгосударственные объединения «клубного» типа¹.

«Группа двадцати» (G20)² сегодня является ведущим представителем неформальных международных экономических институтов, которых на данный момент относительно немного (по сравнению с количеством международных организаций), но которые при этом обладают достаточным потенциалом, чтобы оказывать реальное влияние на разрабатываемую и реализуемую на уровне мирового сообщества политику. Роль подобных объединений, несмотря на большое количество «жестких» и межгосударственных организаций с международной правосубъектностью³, с каждым годом становится все более очевидной и значимой. Но выполнение международными неформальными институтами своих решений и обязательств без сотрудничества не только с этими организациями⁴, но и с иными заинтересованными сторонами – «аутрич» группами, трудно было бы назвать максимально эффективным, соответствующим в полной мере имеющемуся у них потенциалу. К «аутрич»-группам относятся страны, которые не являются членами неформального клуба, но ввиду необходимости решения общих с «клубными» институтами про-

блем сотрудничающие в конкретном случае с «двадцаткой»⁵, представители бизнеса (B20⁶), гражданское общество (C20) и его отдельные сегменты (W20, Y20), экспертные и академические круги (*Think-20, Science-20*), профсоюзные объединения (L20). Формат «аутрич» не является обязательным или официально-закрепленным. Так как G20 концентрируется в основном на экономической тематике, есть основания полагать, что именно «Деловая двадцатка» – наиболее важная аутрич-группа, которая работает непосредственно по линии приоритетной повестки объединения.

Основной миссией «Деловой двадцатки» является содействие развитию стабильного, устойчивого экономического роста, что, в свою очередь, должно способствовать увеличению рабочих мест, и представление и защита интересов национальных деловых сообществ, выстраивающих диалог с «Группой двадцати»⁷. Основные участники «Деловой двадцатки» – бизнес-ассоциации, руководители крупных корпораций, консалтинговых организаций. Ассоциации промышленников и предпринимателей, входящие в состав приоритетного «аутрич»-партнера, в своих странах являются признанными лидерами, способными полноценно представлять интересы делового сообщества в диалоге с государственной властью, а также мобилизовывать силы частного сектора в поддержку механизма функционирования «Деловой двадцатки». Участие в работе B20 добровольно и не налагает на бизнес-ассоциации, корпорации или бизнес-лидеров финансовые или иные обязательства. B20, как G20, не имеет постоянного секретариата и учреждается из года в год по приглашению Председателя G20. Подход к организации деятельности B20 в разные годы различался, неизменным остается

¹ Прохорова А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2016. – № 1. – С.21-37. [Prokhorova, A. K voprosu o klassifikatsii mnogostoronnikh mezhdunarodnykh ob"edinenii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, 2016, No 1, pp.21-37].

² Официально, англ.: The Group of Twenty, major advanced and emerging economies, G20. Также используются термины «Большая двадцатка», «Двадцатка».

³ Деление международных институтов глобального управления на «жесткие» и «мягкие» объединения клубного типа (Summitry Institutions) предложена и проанализирована в магистерской диссертации Прохоровой А. на тему «The Role of Business in the Activities of Plurilateral Summitry Institutions (the «Group of Twenty» Case Study)», защищенной в НИУ ВШЭ в 2015 г.

⁴ Участниками рабочего процесса G20 также являются, например, МВФ, Группа Всемирного Банка, ОЭСР, ВТО, МОТ.

⁵ Страна-председатель обладает правом пригласить к участию в G20 несколько «аутрич»-стран.

⁶ Официально, англ: Business 20, B20. Также используется термин «Деловая двадцатка».

⁷ Официальный сайт российской «Деловой двадцатки» (B20 Official Site) / Миссия, задачи и состав B20. Режим доступа: <http://b20russia.com/ru/about-b20/миссия,-задачи-и-состав-b20.html>

завершение деятельности аутрич-группы передачей лидерам «Группы двадцати» разработанных при участии значительного числа руководителей бизнеса из разных стран мира рекомендаций.

Чтобы рекомендации бизнеса были максимально учтены G20 необходимо, выстроить эффективное взаимодействие. Одна из основных конкретных целей работы B20 – такое воздействие на повестку дня и итоговые обязательства G20, которое позволяет учитывать интересы бизнес-сообщества. Содержание деклараций G20 с 2008 по 2015 годы указывает на то, что B20 стала важной частью института G20 – около трехсот рекомендаций бизнеса за семь лет были включены в документы G20. Это свидетельствует о том, что, несмотря на наличие ряда существующих особенностей института, связанных, в том числе, с различными моделями взаимодействия G20 и B20, диалог может быть продуктивным. Однако, за семилетнюю историю этого диалога постоянного формата B20 не сложилось, и единообразного, переходящего от Председателя к Председателю механизма представления интересов бизнеса в «Двадцатке» на данный момент нет. В связи с тем, что модели ее работы в разные годы были различны, представляет интерес их анализ на предмет оптимальной институализации. Хотя, фиксированный формат взаимодействия бизнеса и власти в рамках G20 вряд ли будет закреплен жесткими правилами, исследование использованных моделей «Деловой двадцатки» позволяет выделить основные формирующие структуру B20 элементы и дать рекомендации для последующих «Двадцаток» в вопросах оптимальной их конструкции. Данная статья посвящена важной составляющей института – руководству «Деловой двадцатки».

Национальные практики институализации руководства «Деловой двадцатки»

Ежегодная работа «Деловой двадцатки» ведется под руководством *Председателя* – национальной бизнес-ассоциации и, соответственно, ее лидера, консорциума из нескольких деловых объединений или же крупного предпринимателя. Председатель

B20 назначает Шерпу – ответственное за организацию текущей работы и сотрудничество с партнёрами по «Деловой двадцатке» лицо, утверждает кандидатуры на посты Председателей и сопредседателей Рабочих групп (РГ)⁸, формируемых на годовой период. К общим задачам, которые стоят перед Председателем B20, вне зависимости от тех или иных особенностей и нововведений, можно отнести: ответственность за консолидацию позиции делового сообщества в рамках глобальной дискуссии по актуальным проблемам международного развития, обеспечение плодотворного качественного диалога бизнеса с глобальными лидерами для поиска эффективных решений по линии экономических задач «Группы двадцати», обеспечение непрерывного и последовательного участия полномочных представителей бизнес-сообщества в подготовке рекомендаций для G20 при параллельном сотрудничестве с другими «аутричами».

Анализ показывает, что на сегодняшний день постоянство в процедуре назначения Председателя B20 отсутствует. Первая попытка вовлечь мировое бизнес-сообщество в работу «Группы двадцати» состоялась в Великобритании в 2009 году. На лондонском Саммите G20, когда актуальными были вопросы, связанные с выходом из финансово-кризиса, основной акцент был сделан на необходимости предпринятия действий по предотвращению глобальной рецессии, дефляции, а также укреплению финансового сектора. Накануне саммита «Группы двадцати», по инициативе Конфедерации британской промышленности⁹, состоялась встреча представителей бизнеса, где каждый смог высказать свое предложение по глобальным экономическим вопросам и подробно обсудить их с Министром по делам бизнеса и инноваций Великобритании П. Менделсоном. Затем лидеры встретились с премьер-министром Гордоном Брауном для представления своих позиций¹⁰. По-

⁸ Рабочие или Целевые группы (Task forces)

⁹ Confederation of British Industries, CBI

¹⁰ «Нам нужен постоянно действующий механизм включенности в выработку решений G20». Review Саммит B20 / Коммерсант.ru, 19.06.2013. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2213499>

скольку Россия тогда была единственным членом «Двадцатки» – не членом Всемирной торговой организации (ВТО), то естественно, что российский бизнес поставил вопрос о скорейшем завершении процесса присоединения России к ВТО. Данная встреча была проведена по образу и подобию взаимодействия «Большой восьмерки» и «Деловой восьмерки», которые начали сотрудничество в 2007 году (с 2014 г. – «Деловая семерка»).

В 2010 году на саммит G20 в Торонто главы государств самостоятельно назначали и делегировали по три представителя от национального бизнеса стран-членов – была заимствована практика взаимодействия с деловыми кругами, применяемая в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС). АТЭС в 1995 году формализовало отношения с бизнесом, создав Деловой консультативный совет (ABAC, англ. *Business Advisory Council*), который со временем стал одним из ключевых рабочих органов. Традиционно в АВАС от каждой страны входит три представителя национального бизнеса, при этом единого механизма отбора представителей в Деловой совет не существует, каждая экономика АТЭС сама определяет условия членства, соответствующие административные процедуры и способы поддержки деятельности своих представителей. На саммитах АТЭС Деловой совет представляет лидерам доклад с итоговыми рекомендациями, разработанными членами АВАС в сотрудничестве с экспертами из государственных структур.

Корейская В20 формат председательства расширила, и хотя формальное руководство было за бизнес-ассоциацией (*Federation of Korean Industries*), по существу, ее работа была сведена к минимуму, за счет ведущей роли профессиональных консультантов, которые готовили повестку дня и разрабатывали проекты соответствующих рекомендаций, а также формировали перечень и состав

[«Nam nuzhen postoianno deistvuiushchii mekhanizm vkluchennosti v vyrobku reshenii G20». Review Summit B20. (“We Need a Permanent Mechanism of Engagement in Decision-Making”) / *Kommersant.ru*, 19.06.2013. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2213499>]

Рабочих групп. Среди этих консультантов ведущую роль играла *McKinsey&Company* – международная консалтинговая компания, которая имеет большой опыт работы во всех основных отраслях промышленности и в приоритетных областях бизнеса, государственных учреждениях и некоммерческих организациях. Также важную роль при разработке рекомендаций играла Международная торговая палата (*International Chamber of Commerce, ICC*)¹¹ и ее Консультативная группа (*ICC's G20 Advisory Group*), которая представляет собой платформу для взаимодействия бизнеса на глобальном уровне, с тем чтобы на постоянной основе вносить свой вклад в работу G20. В Консультативную группу ICC входят 30 руководителей крупнейших компаний¹². Активно участвовал в работе и Всемирный экономический форум (*The World Economic Forum, WEF*) – независимая международная организация, занимающаяся разработкой предложений по улучшению состояния мирового сообщества путем привлечения политических, научных бизнес-лидеров для формирования глобальных, региональных и отраслевых актуальных повесток дня и выработки соответствующих решений. Добавим, что частично механизм АТЭС был использован вновь на Саммите В20 в Сеуле: лидеры стран G20 были «распределены» для дискуссий по 12 круглым столам, сформированным в соответствии с направлениями работы Рабочих групп. Таким образом, главы государств были вынуждены обсуждать не все приоритеты В20 (или, как минимум, те, которые были им интересны в соответствии с теми или иными конкретными обстоятельствами), а только вопросы одной из 12 «выпавшей» им фактически по решению консультантов групп. Так, например, Д.А. Медведев участвовал в дискуссии круглого стола по малому и среднему бизнес-

¹¹ ICC – крупнейшая международная бизнес-ассоциация, которая выступает от имени тысяч компаний-членов организации в более чем 120 странах мира, защищая и продвигая интересы каждого сектора частного предпринимательства, основной миссией ICC является содействие международной торговле и инвестициям.

¹² The ICC: G20 business scorecard. Executive Summary. Second edition. April 2013.

су, где модератором выступал Стивен Грин, вице-Председатель ICC (что свидетельствовало о стремлении консультантов координировать работу «Деловой двадцатки»)¹³. Неслучайно поэтому уже на Саммите в Каннах многие главы государств предпочли встречу с бизнесом уже по широкой повестке дня. Так, во Франции Д.А. Медведев предпочел кратко выступить по всем темам – получилась полноценная дискуссия между деловыми кругами с лидером G20 на тему глобальной политики и роли России. Однако это взаимодействие носило все же формат диалога с лидером, а не передачи разработанных консолидированным международным деловым сообществом рекомендаций.

Существующий сегодня формат, когда от бизнес-сообщества стран «Группы двадцати» делегируются национальный представитель «Деловой двадцатки» (будь то глава ведущего делового объединения, в т.ч. крупный CEO, представляющий интересы ведущих бизнес-ассоциаций страны), который на протяжении года руководит процессом работы международного делового сообщества над рекомендациями, стал в полной мере функционировать на последующих Саммитах G20. На текущий момент институт B20 получил значительное развитие и с точки зрения подготовки рекомендаций. На встрече в Торонто от бизнеса была, своего рода, лишь реакция и обсуждение рекомендаций «Группы двадцати». В Сеуле состоялось обсуждение предложений, подготовленных консультантами. В последующие же годы процесс подготовки рекомендаций претерпел изменения, включив в себя длительную подготовительную работу с несколькими этапами предварительных дискуссий. На сегодняшний день технология включает в себя участие бизнеса в начальном этапе, этапе формулирования рекомендаций, и нескольких стадиях их предварительного обсуждения перед вынесением «на суд» лидеров «Группы двадцати». Таким образом, деловое сообщество стран «Двадцатки» стало принимать активное участие в подготовке рекомендаций, и, главное, уровень адреса-

тов результатов работы «Деловой двадцатки» повысился – появился механизм представления интересов и консолидированных позиций бизнеса лидерам «Двадцатки»¹⁴.

К моменту французского председательства данная трансформация была закреплена, также как и вопрос выбора между бизнес-ассоциацией или CEO для назначения в качестве руководителя национальной B20. Председателем B20 была назначена ведущая бизнес-ассоциация MEDEF во главе с ее Президентом Л. Паризо, то есть французское руководство опробовало модель, когда ведущая бизнес-ассоциация возглавляет «Деловую двадцатку». Участники B20 поддержали эту схему, в том числе по причине успешного функционирования в данном формате «Деловой восьмерки». Однако, закрепить данный механизм не удалось, уже в следующем году президент Мексики Ф. Кальдерон назначил известного бизнесмена А. Рамиреса на должность руководителя мексиканской B20, обобщив два варианта руководства. В 2013 году, в год российского председательства, была использована модель 2011 года, когда приоритетную роль играли именно деловые ассоциации стран G20. Председательство в B20 перешло к Российскому союзу промышленников и предпринимателей (РСПП), к участию в работе были приглашены бизнес-ассоциации стран G20, способные консолидировать интересы и ресурсы национального бизнеса, вспомогательную роль играли также международные организации (Международная торговая палата, Международная организация работодателей, Всемирный экономический форум, BIAC OECD¹⁵), консультанты.

¹⁴ «Нам нужен постоянно действующий механизм включенности в выработку решений G20». Review Саммит B20 / Коммерсант.ru, 19.06.2013. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2213499> [«Nam nuzhen postoianno deistvuiushchii mekhanizm vkluchennosti v vyrabotku reshenii G20». Review Summit B20. (“We Need a Permanent Mechanism of Engagement in Decision-Making”) / *Kommersant.ru*, 19.06.2013. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2213499>]

¹⁵ Консультативный комитет по бизнесу и предпринимательству ОЭСР (сокр. BIAC, англ. The Business and Industry Advisory Committee to the OECD)

¹³ ICC. Mode of access: <http://www.iccwbo.org/global-influence/g20/icc-and-g8-g20/icc-activities-for-the-seoul-g20-summit/>

Австралийцы в течение 2013 года тесно сотрудничали с российской «Деловой двадцаткой», чему способствовало раннее назначение руководства B20, но важная составляющая механизма взаимодействия B20 и G20 изменилась вновь – правительство Австралии назначило Председателем главу *Westfarmers Ltd.* Р. Гайдера, также была сформирована «депутация» бизнеса из 25 предпринимателей, которая представляла интересы австралийских деловых кругов в B20. Отметим, что этому могло способствовать и то обстоятельство, что в Австралии три ведущие бизнес-ассоциации: Торгово-промышленная палата Австралии (*The Australian Chamber of Commerce and Industry*), Союз промышленников Австралии (*The Australian Industry Group, Ai Group*), Австралийская федерация работодателей и промышленников (*The Australian Federation of Employers and Industries, AFEI*). Можно полагать, что в силу того, что ни одну из названных ассоциаций нельзя назвать доминирующей, Председателем был назначен крупный «нейтральный» предприниматель, а руководство всех трех бизнес-объединений вошли в состав руководства «Деловой двадцатки» (правда, на равных с остальными членами основаниях). В турецком бизнес-сообществе преобладало мнение, что на роль Председателя B20 должна претендовать одна из бизнес-ассоциаций, которых в стране несколько¹⁶. В результате полномочие руководить B20 в середине 2014 года было делегировано Союзу палат и товарных бирж Турции (ТОВВ) и ее Президенту – Р. Хисарчилиоглу, который, приступив к исполнению обязанностей, привлек к работе в «Деловой двадцатке» и другие ведущие турецкие деловые объединения.

Китай выбрал аналогичный – институциональный вариант руководства – Председателем B20 был утвержден Совет со-

¹⁶ Turkish Industrialists and Businessmen Association (Turkish: Türk Sanayicileri ve İşadamları Derneği, TÜSİAD), Independent Industrialists and Businessmen Association (Turkish: Müstakil Sanayici ve İşadamları Derneği, MÜSİAD), The Confederation of Businessmen and Industrialists of Turkiye (Turkiye İşadamları ve Sanayicileri Konfederasyonu, TUSKON)

действия международной торговле Китая (CCPIT) во главе с Я. Ценвеем. В рамках немецкого председательства в «Группе двадцати» в 2017 году «Деловой двадцатки» использована модель консорциума – совместного руководства трех крупнейших бизнес-объединений страны: Федерального объединения немецкой промышленности (*President of the Bundesverband der Deutschen Industrie, BDI*), Федеральное объединение союзов работодателей Германии (*Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände, BDA*) и Объединение торгово-промышленных палат Германии (*Deutsche Industrie- und Handelskammertag, DIHK*). Видимо, для демонстрации «равноудаленности» Председателем B20 назначили не одного из трех руководителей бизнес-ассоциаций, а уважаемого и нейтрального Ю. Херауса (Председатель Наблюдательного совета компании *Heraeus Holding GmbH*, Председатель *UNICEF* в Германии). Эти три объединения будут играть роль исполнительного комитета B20, в сфере ответственности которого – принятие всех важных решений на основе консенсуса, а Секретариат B20, возглавляемый Шерпой B20, отвечает за выполнение организационных функций. Очевидным плюсом данного подхода является обеспечение возможности практически равноправного руководства процессом работы «Деловой двадцатки» посредством консорциума. *BDI*, возможно, немного в большей степени будет руководить процессом (так как Шерпа является руководителем международного подразделения *BDI*), однако это не вызывает на данный момент сомнений в положительных результатах по координации всех участников процесса – бизнес-ассоциация высоко ценится деловым сообществом, как на национальном, так и на международном уровнях.

Таким образом, даже статистически (См. Таб. 1), назначение бизнес-ассоциации в качестве Председателя B20 выигрывает по отношению к руководству крупным предпринимателем, который назначается в личном качестве. Это объяснимо не только с точки зрения ресурсных возможностей деловых объединений, способности консолидировать как национальное, так и между-

народное бизнес-сообщество, но также с точки зрения обеспечения преемственности и последовательности в работе B20 даже после смены страны-председателя, о чём более подробно будет сказано далее. И дело не только и не столько в статистическом

факте – поскольку решения B20 также как и G20 принимают консенсусом, для руководства этим процессом больше подходит бизнес-ассоциация (их консорциум), способная обеспечить соблюдение принципа «одна страна – один голос».

Таблица 1

Председательство «Деловой двадцатки»

Страна	Председатель «Деловой двадцатки»
Корея (РК), 2010 год	Г-н Чан-Су ХО Председатель Корейской федерации промышленников (Chairman of the Federation of Korean Industries (FKI))
Франция, 2011 год	Г-жа Лоранс Паризо Президент Движения Предприятий Франции (President of the Movement des Entreprises de France (MEDEF))
Мексика, 2012 год	Г-н Александро Рамирес Исполнительный директор «Синеполис» (Managing Director of Cinepolis)
Россия, 2013 год	Г-н Александр Шохин Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) (President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP))
Австралия, 2014 год	Г-н Ричард Гайдер Исполнительный директор ООО «Вестфармерс». (Managing Director of Westfarmers Ltd.)
Турция, 2015 год	Г-н Рифат Хисарджыклюоглу Президент Союза палат и товарных бирж Турции (President of the Union of Chambers and Commodity Exchanges of Turkey (TOBB))
Китай, 2016 год	Г-н Джианг Зенгвей Председатель Совета содействия международной торговле Китая (Chairman of the China Council for the Promotion of International Trade, CCPIT)
Германия, 2017 год	Г-н Юрген Хераус Совместное председательство (консорциум) Федерального объединения немецкой промышленности (Bundesverband der Deutschen Industrie, BDI), Федеральное объединение союзов работодателей Германии (Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände, BDA) и Объединение торгово-промышленных палат Германии (Deutsche Industrie- und Handelskammertag, DIHK)

Table 1. B20 Presidency

Важной составляющей института является *Шерпа «Деловой двадцатки»* – доверенное лицо Председателя, отвечающее за контакты с коллегами из зарубежных стран, координацию разрабатываемых рекомендаций и подготовку саммита аутрич-группы. В обязанности Шерпа входит участие в промежуточных рабочих встречах с коллегами из делового сообщества. Одна из наиболее ответственных задач, которая стоит перед Шерпой «Деловой двадцатки», – налаживание сотрудничества и поддержание постоянного взаимодействия с Шерпами G20, министрами финансов, труда, торговли, а также представителями Рабочих групп «Группы двадцати».

Следующий не менее важный элемент руководства «Деловой двадцатки» – механизм «Тройки». В рамках «Тройки» B20 осуществляется трехстороннее взаимодействие, регулярные консультации, как на уровне руководства, так и на рабочем уровне, между ассоциациями, которые представляют текущую страну-председателя, ранее предшествовавшую страну, а также будущую страну-председателя. На «Тройку» в B20 возлагается, своего рода, обязанность по реализации принципа преемственности, прозрачности и последовательности в работе «Деловой двадцатки», она ведет работу по вопросам стратегических целей и задач текущего председательства в B20, составов

Рабочих групп, общего, а также детализированного плана действий B20 на предстоящий год, предварительной версии рекомендаций B20 до того, как они передаются лидерам G20. Также «Тройка» занимается вопросами, которые выходят за рамки сферы ответственности национальных руководств¹⁷.

Так как преемственность, постоянство используемого механизма и инструментов представления интересов и работы B20 в целом – условие успешной эффективной деятельности аутрич-группы, удачной практикой, с точки зрения функционирования механизма «Тройки», является пример российского председательства, когда особое внимание было уделено укреплению организационных основ B20 на будущее и согласование их с коллегами из Австралии и Турции – Председателями «Группы двадцати» в 2014 и 2015 году соответственно. На пресс-конференции 29 ноября 2013 года в Москве, где подводились основные итоги российского Председательства в «Группе двадцати», были намечены приоритетные направления будущего участия России в работе G20 по линии «Тройки». Опираясь на опыт проделанной работы, Председатель российской B20 подытожил, что механизм «Тройки» позволил координировать работу между прошлым, текущим и будущим председательствами, реально заработав как раз в 2013 году. Это относилось как к самой «Большой двадцатке», так и B20, и именно благодаря сотрудничеству в «Тройке» с австралийскими и турецкими партнерами, российское председательство смогло в полной мере внести вклад в повышение эффективности взаимодействия B20 и G20¹⁸.

¹⁷ «Партнерство «Деловой двадцатки» и «Группы двадцати» для роста и занятости». Рекомендации «Деловой двадцатки», 2013 [Partnership of B20 and G20 for Growth and Employment. B20 Recommendations, 2013].

¹⁸ «А.Н. Шохин: нужно принять трехлетнюю стратегию сотрудничества G20 и B20» Председательство России в G20 / РИА Новости, 26.11.2013. Режим доступа: <https://ria.ru/interview/20131126/979811248.htm> [«A.N. Shokin: nuzhno primiat' trekhletniuiu strategiuiu sotrudnichestva G20 i B20» Predsedatel'stvo Rossii v G20 (A. Shokin: We Need 3-Year Strategy for B20-G20 Partnership) //

Благодаря полноценному функционированию «Тройки» принцип преемственности в «Двадцатке» был сохранен и в 2015 году: ключевые предложения B20 в рамках турецкого председательства во многом базировалось на ключевых австралийских рекомендациях B20, которые, в свою очередь, основаны на положениях «Белой книги» переданной глобальным лидерам в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. Р. Хисарджы-клыоглу подчеркнул важность преемственности в процессе деятельности B20: «Мы собираемся начать работу с рекомендаций B20 Австралии, сначала провести исследование, как именно мы можем улучшить эти рекомендации, после чего сосредоточимся на их реализации»¹⁹. Стороны согласовали подход к содержанию «двадцаточного» процесса, отметив, что они практически совпадают, что, в свою очередь, является залогом тесного сотрудничества в период Председательства Турции в B20²⁰.

Китайское руководство B20 на «kick-off meeting»²¹ в январе 2016 года в Пекине подтвердило, что «Тройка» – важный элемент. Отметим, что на этой встрече присутствовали не только турецкий Председатель B20, но также и представитель будущей немецкой «Деловой двадцатки» на уровне потенциальной Шерпы. Участие в дискуссии Шерп (от России, Австралии, Турции, Китая и Германии), где, в том числе, обсуждались механизмы обеспечения преемственности деятельности B20, вплоть до возможности создания секретариата (идея, которую продвигает австралийская Шерпа B20 Р. Миллнер, который не имеет другой весомой аргументированной возможности «сохраниться»

¹⁷ RIA Novosti, 26.11.2013. Mode of access: <https://ria.ru/interview/20131126/979811248.html>

¹⁹ ICC Helps Launch 2015 B20 Turkey Process in Istanbul. Istanbul, 15 December 2014. Mode of access: <http://www.iccwbo.org/News/Articles/2014/ICC-helps-launch-2015-B20-Turkey-process-in-Istanbul>

²⁰ Официальный сайт российской «Деловой двадцатки» (B20-Russia Official Site) / Режим доступа (Mode of access): <http://b20russia.com/ru/press/item/915-brisbane.html>

²¹ Первая официальная «стартовая» встреча представителей B20 после перехода полномочий к новому Председателю B20.

в качестве активной части процесса), только подчеркивает серьезное отношение к данному вопросу. Однако о том, что в рамках немецкого председательства в «Группе двадцати» в 2017 году «Деловой двадцаткой» будут руководить сразу три ведущие бизнес-ассоциации страны стало известно только за два месяца до Саммита G20 и B20 в г. Ханчжоу – в июле 2016 года, что вновь не позволило включиться немецкому председательству в работу «Тройки» заранее.

Еще одно структурное звено «Деловой двадцатки» – руководство *Рабочих групп*. Рабочая группа – ответственная за подготовку рекомендаций структура, возглавляемая представителем председательствующей в G20 страны и сопредседателем/сопредседателями из другой страны, что способствует соблюдению принципа преемственности. Состав РГ обычно формируется с учетом мнения членов B20 и обеспечивает соблюдение географического и отраслевого принципов участия бизнес-сообщества.

Российская практика служит хорошим примером – в рамках работы B20 ключевые бизнес-организации и ведущие глобальные компании вели активную работу в разных РГ, что обеспечило консолидацию интересов представителей национальных бизнес-сообществ стран G20. Важно подчеркнуть, Рабочими группами руководили ведущие предприниматели, которые занимают ключевые посты в РСПП (по профилю и направлению своей рабочей деятельности), что позволило им выступать от имени национального бизнес-сообщества. Причем, это были не просто крупные предприниматели, а признанные «консолидаторы» позиций национального бизнеса по соответствующим направлениям (что, в свою очередь, подразумевало их публичную позицию в ведущих бизнес-ассоциациях страны), обладающие также и заслуженным признанием в международных деловых кругах, как в плане деятельности их компаний, так и в личном плане. Подчеркнем, что для последовательной реализации соответствующей роли бизнес-ассоциации Бюро Правления РСПП принято решение наделить выбранных руководителей РГ, которые не являлись по должности членами Бюро или Вице-

президентами РСПП – полномочиями Вице-президентов (А.Е. Бугров, К.А. Дмитриев).

Так, в РГ «Торговля как фактор роста» пост Председателя занимал А.А.Мордашов, член Бюро РСПП, Председатель Комитета по интеграции, торгово-таможенной политике и ВТО РСПП, Генеральный директор ОАО «Северсталь», в австралийской РГ, посвященной вопросам торговли, бывший российский Председатель был приглашен на пост сопредседателя. Аналогичная ситуация с РГ «Создание рабочих мест, занятость и инвестиции в человеческий капитал», которую в 2013 году возглавлял Д.М. Якобашвили, член Бюро РСПП, Председатель Комитета по корпоративной социальной ответственности и демографической политике, один из основателей и основной собственник компании «Вимм-Биль-Данн» (в 2011 году «Вимм-Биль-Данн» была приобретена корпорацией *PepsiCo* за \$5,7 млрд. Это стало что одной из самых успешных международных сделок, крупнейшей сделкой *PepsiCo* за пределами Северной Америки и крупнейшей зарубежной инвестицией в несырьевой рынок России). В 2014 году Д.М. Якобашвили стал сопредседателем австралийской РГ по вопросам человеческого капитала. РГ «Финансовая система – восстановление доверия и роста» в 2013 году руководил А.Л. Костин, член Бюро Правления РСПП, Президент–Председатель правления Банк ВТБ (ПАО), и в следующем году он стал сопредседателем австралийской финансовой группы. В РГ «Инвестиции и инфраструктура» Председателем был вице-президент РСПП К.А. Дмитриев, Генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ), который в последствии занял пост сопредседателя в аналогичной австралийской РГ.

Турецкое Председательство B20 последовало российскому примеру – Председатели и сопредседатели Рабочих групп «фиксировали» не только принадлежность к частному бизнесу, а также и публичную позицию, представляя ведущие деловые ассоциации. Например, в РГ по занятости: А. Коч, член правления *Koç Holding*, член правления Совета по внешнеэкономическим связям Турции (*DEIK*), Вице-президент *TUSIAD*; РГ

по борьбе с коррупцией: Э. Жейтиноглу, Председатель Промышленной палаты Коджаели, в РГ по малому и среднему предпринимательству: М. Юртер, член правления *Afyon Energy*, бывший Президент Торгово-промышленной палаты Афьона, Председатель Комитета по иностранным делам ТОВВ. Таким образом, в состав депутатии от бизнеса вошли руководители ведущих деловых-ассоциаций.

Австралийцы в 2014 году и китайцы в текущем 2017 году на должности руководителей РГ пригласили *CEO* ведущих транснациональных компаний, однако деловые ассоциации напрямую к работе привлечены не были. Как мы уже отмечали, австралийские деловые ассоциации были привлечены к работе «Деловой двадцатки» в минимальном объеме – через включение трех их руководителей в личном качестве в депутатию из 25 человек.

В 2016 году руководители РГ были назначены по представлению *CCPIT*: М. Янмин, Президент *China Life Insurance (Group) Company*, Джек Ма, Исполнительный директор *Alibaba Group*, Р. Хонгбин, Председатель *China National Machinery Industry Corporation*. Российский и турецкий опыт по назначению представителей ведущих деловых объединений сопредседателями РГ напрямую воспроизведен не был, но значительной положительной инициативой китайского руководства B20 стала четкая фиксация двух видов «партнёров»: «*knowledge partners*» – интеллектуальных партнеров (*The Boston Consulting Group, PricewaterhouseCoopers*) и «*network partners*» – партнёров сетевых (*The International Chamber of Commerce, World Economic Forum, International Organization of Employers, The Institute of International Finance*).

Обратим внимание на факт, что антикоррупционная повестка из-за часто встречающегося несоответствия тем РГ в разные Председательства в год России звучала, как «Открытость и противодействие коррупции», и ее Председателем был назначен А.Е. Бугров, вице-президент РСПП, сопредседатель Комитета по развитию конкуренции РСПП, с 1993 по 2002 гг. – исполнительный директор от Российской Федерации в Групп-

пе Всемирного банка, вице-президент ГМК «Норильский никель». В год Австралии она трансформировалась в *The Anti-Corruption Working Group (ACWG)*, полноценное учреждение которой изначально не подразумевалось, вместо этого было запланировано использование механизма «*cross-cutting*» (или же «*cross-thematic*» – так называемых, «сквозных тем»), однако потом Рабочая группа все же была создана и формально – под Председательством М. Эндрю, бывшего исполнительного директора *KPMG*. При таком сумбурном механизме формирования РГ было уже трудно продвинуть российского сопредседателя. Китайская B20 учредила также пять РГ (инфраструктура, финансы, торговля и инвестиций, развитие малого и среднего бизнеса, занятость) и Антикоррупционный форум (вместо РГ), что в некотором смысле повторило австралийский опыт по антикоррупционной теме и турецкий опыт по проведению международного Форума малого и среднего предпринимательства (*World SME Forum (WSF)*) вместо РГ. Добавим, что для поддержания постоянства в работе B20, удалось продвинуть двух представителей российских компаний в качестве сопредседателей и членов китайских РГ (А. Костин в финансовой РГ, К. Дмитриев в РГ по инфраструктуре).

В рамках стартовавшего немецкого председательства B20 акцент сделан на следующих темах: Торговля и инвестиции, Энергетика, климат и Эффективное использование ресурсов, Финансирование роста и инфраструктуры, Диджитализация, Занятость и образование. Также новое руководство B20 планирует использовать механизм «сквозных тем» – это Ответственное ведение бизнеса и борьба с коррупцией, Малые и средние предприятия. Состав руководства РГ будет известен в ближайшее время, но уже сейчас подтверждено назначение на позиции сопредседателей в РГ по торговле и инвестициям А.А. Мордашова, а в «сквозной теме» по борьбе с коррупцией – А.Е. Бугрова.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент модель руководства B20 формируется не на основе устоявшейся единообразной модели, но с учетом зна-

чительной национальной специфики. Хотя определенные тенденции все же складываются. Поэтому есть возможность, и даже необходимость, рассмотреть пути оптимизации структур руководства «Деловой двадцатки» с целью повышения эффективности деятельности не только аутрич-группы, но и «Группы двадцати» в целом.

Направления оптимизации руководства «Деловой двадцатки» с целью повышения эффективности

Национальное руководство «Деловой двадцатки»

Национальный Председатель B20, Шерпа и руководители РГ от страны Председателя формируют, своего рода, *Национальное руководство «Деловой двадцатки» (B20 National Executive Management)*. Данный принцип использовался в России. К ведению Национального руководства относятся следующие вопросы: разработка концепции (стратегических целей и задач) деловых кругов в рамках Председательства страны в «Деловой двадцатке», утверждение состава Рабочих групп и назначение сопредседателей, разработка общего календарного плана деятельности B20 на период руководства и осуществление контроля за его выполнением, регулярное обновление информации о работе аутрич-группы, утверждение проектов разрабатываемых рекомендаций, обеспечение регулярного взаимодействия с экспертами, средствами массовой информации и другими аутрич-группами «Группы двадцати».

Не посягая на «право на самоопределение», считаем, что, если бы использовался унифицированный механизм взаимодействия сторон, продуктивность диалога с лидерами правительства G20 была бы выше. Всегда существует риск, что может возобладать национальная специфика бизнеса, когда ежегодно меняющиеся форматы представления мнения бизнеса лидерам G20 отрицательно скажутся на качестве диалога.

Анализ показал, что тенденция по назначению Председателем B20 бизнес-ассоциации с каждым годом укрепляется.

При этом на сегодняшний день мы можем говорить уже о нескольких подходах к реализации данной модели, кроме классического назначения руководителем одной крупнейшей деловой ассоциации страны во главе с ее лидером.

Так, есть турецкий пример добровольной консолидации, когда после назначения Председателем B20 ТОВВ к работе в «Деловой двадцатке» привлеклись три других ведущих национальных деловых объединений. В 2016 году обозначилась иная – немецкая – практика, когда вместо ожидаемой схемы с назначением *BDI*, которая в предыдущие годы «вела» работу по представлению голоса немецкого бизнес-сообщества в «Группе двадцати», а также «Группе семи/восьми», был создан консорциум из трех ведущих бизнес-ассоциаций, где *BDI* является «ядром» в силу других факторов (Секретариат B20 во главе с Шерпой функционирует на его площадке). Этот вариант удачен и в связи с тем, что позволяет Федеральному Правительству избежать обвинений в ангажированности, которые могут возникнуть в ходе избирательной кампании в сентябре 2017 года, когда Германии предстоят парламентские выборы.

Таким образом, механизм представления интересов деловых кругов G20 посредством, например, консорциума основных ведущих бизнес-объединений страны, с лидером – одним из их руководителей (как в год Турции), либо нейтральной фигурой (практика Германии), в качестве институционального *Председателя B20* с нашей точки зрения является наиболее эффективным. В случае, когда в стране одна крупная бизнес-ассоциация (*MEDEF*, например) – соответственно, целесообразна делегация полномочий Председателя B20 именно ей. Бизнес-ассоциация способна обеспечить максимальный охват и глубину консолидируемых интересов делового сообщества, что, в свою очередь, повышает общую вовлеченность широких предпринимательских кругов в разработку рекомендаций и увеличивает потенциальный процент их включения в итоговые документы G20.

В случаях, когда Председателем назначается руководитель бизнес-ассоциации,

это позволяет ему далее, и по истечении своих полномочий, опираясь на ресурсы делового объединения, быть включенным в работу B20. Переход аутрич-группы на постоянной основе на механизм председательства национальной бизнес-ассоциаций позволяет обеспечить соблюдение принципа «одна страна-один голос», в случаях, когда в стране несколько влиятельных бизнес-объединений (например, Австралия, Турция). Национальное деловое сообщество каждой страны «Группы двадцати» при таком подходе формирования повестки и рекомендаций B20 вынужденно консолидировать свои позиции. Организация, председательствующая в B20 должна брать на себя обязанность разрабатывать надлежащий механизм, позволяющий сформировать консолидированную позицию и представительство интересов всех деловых объединений, представленных на национальном уровне.

В случае с Председателем – *CEO* крупной национальной компании, нельзя гарантировать, что будет обеспечен максимальный охват интересов бизнес-сообщества. В том числе в силу того, что велика вероятность, что практически весь процесс разработки рекомендаций будет делегирован профессиональным консультативным организациям, как это было в год мексиканского председательства под руководством А. Рамиреса. Также практика показала, что когда руководителями национальной «Деловой двадцатки» были главы бизнес-ассоциаций, их участие в мероприятиях последующих председательств активно продолжается. В случае с национальным Председателем – крупным предпринимателем картина складывается иная. После сложения полномочий в B20 практически «пропали» из поля зрения B20, сконцентрировавшись на управлении своей компанией (Р. Гайдер), сведя участие в дальнейшей работе B20 к минимуму (А. Рамирес). Можно полагать, что в обоих случаях снижению активности или вовсе прекращению работы этих предпринимателей в B20, в определенной степени, способствовал и политический фактор: смена президента в Мексике (1 декабря 2012 года на должность вступил новый президент) и правительства в Австралии (с 2013 по 2015

годы сменилось несколько премьеров). В результате, предприниматели, руководившие B20, «ушли в тень» вместе с назначившей их властью, и их участие в работе аутрич-группы практически прекратилось.

Стоит отметить, что, если руководит «Деловой двадцаткой» *CEO* крупной компании, то его Шерпа, скорее всего, – также сотрудник той же корпорации. Высока вероятность, что и Шерпа после сложения полномочий может быть также «потеряна из виду» вместе с руководителем, как в случае с мексиканской – М. Урутиа, Директором по стратегическому планированию в *Cinepolis* – компании Председателя B20 А. Рамиреса. Если же Председатель B20 – деловое объединение, в котором обычно есть руководитель Департамента международного сотрудничества или вице-президент по международному сотрудничеству, то обязанности Шерпы, как правило, делегируются ему. И после сложения бизнес-ассоциацией официальных полномочий руководителя B20, участие Шерпы в последующей работе B20, в силу ее профессиональной деятельности в деловом объединении может быть более основательным и стабильным. Например, от немецкого делового сообщества такого рода представителем уже несколько лет является г-жа Сторми-Анника Милднер, руководитель Департамента внешнеэкономической политики *BDI*, – Шерпа B20 в 2017 году. К слову, Шерпа австралийцев Р. Милднер, Старший советник в компании *UBS*, не пропускает мероприятия B20, активно лоббируя создание постоянного секретариата, чтобы, как уже было отмечено ранее, оставаться в процессе и «закрепиться» в B20.

Необходимо отметить, что в любом случае, соблюдение принципа консенсуса в работе «Деловой двадцатки» необходимо, вне зависимости от статуса Председателя B20, будь то крупный *CEO* или же лидер делового объединения. Хотя именно бизнес-ассоциации, консолидирующие мнение национального бизнеса, обладающие большим шансом на обеспечение и поддержание преемственности в работе B20, способны обеспечить принятие того или иного решения посредством всеобщего обсуждения. При этом правило консенсуса легче реализовать

на практике, когда действует принцип «одна страна-один голос».

В качестве подтверждения факта работы «Деловой двадцатки» с учетом мнения всех участников, можно привести пример, когда в год российского председательства Федерации экономических организаций Японии (*Nippon Keidanren*) попросила сделать в рекомендациях РГ «Инновационное развитие как глобальный приоритет» оговорку, что по вопросу, который касается продажи квот на выбросы вредных газов, у них своя, несовпадающая с общим мнением, позиция²². Это было зафиксировано в итоговых рекомендациях B20 – «Белой книге».

Один из наиболее актуальных вопросов, касающийся эффективной организации работы B20, – вопрос формирования состава/структуры *Рабочих групп*, а также приоритетов их деятельности. В целом, в составе РГ нужно искать компромисс между структурой G20 и B20, в случаях, когда бизнес хочет, отстаивая свои приоритеты и акценты, всторяться в работу «Группы двадцати». Если бизнес изначально соглашается с приоритетами, которые выстраиваются правительствами, то и в рекомендациях нет особого смысла (кроме комментариев по документам G20). Состав (количество) РГ определяется компромиссом между интересами самого бизнес-сообщества и интересами «Группы двадцати». Формирование состава/структуры РГ – это отдельная тема, которая заслуживает самостоятельного рассмотрения. В настоящей статье акцент делается на механизме формирования Руководства каждой Рабочей группы. Можно предложить формировать его исходя из «формулы» = национальный Председатель + сопредседатели из «Тройки» + «knowledge partner» (международный консультант) + «network partner» (международная «сетевая» организация). Тогда в рамках каждой конкретной Рабочей группы будет представитель Национального руководства в лице ее Председателя, а также члены международного руководства – дополняющие Председателя сопредседате-

ли из «Тройки», плюс «network partner» и «knowledge partner».

Также невозможно формирование Рабочих групп без включения в них крупных *CEO* – они могут представить «свежий взгляд» на тот или иной вопрос и обеспечить консолидацию интересов международного делового сообщества по конкретной теме. Отметим, что есть смысл не фиксировать жесткими правилами количественный состав руководства РГ, а определить лишь правила формирования его «ядра». Поэтому данная «формула» носит рекомендательный характер – предложена «панель» потенциальных претендентов в сопредседателей, позволяющая Председателю самостоятельно определять и назначать количество сопредседателей, в зависимости от масштабности, сложности и насыщенности предстоящей работы в каждой конкретной группе, в то же время обеспечивая в их деятельности преемственность.

Международное руководство «Деловой двадцатки»

Складывающаяся на данный момент практика работы B20 показывает, что в том или ином формате каждый Председатель старается собрать на одной площадке представителей международных деловых кругов для совместной работы над стратегией и рекомендациями аутрич-группы, обсуждения тех или иных актуальных вопросов.

Одним из таких форматов было учреждение постоянно-действующего механизма консультаций, мониторинга и исполнения рекомендаций в виде специально-созданной международной структуры – B20 Coalition. Согласно первоначальному замыслу 2013 года, объединение создавалось в качестве площадки, в которую должны были входить все ведущие деловые ассоциации стран G20, имевшие соответствующие полномочия от правительств представлять бизнес-сообщества своих стран в «двадцаточном» процессе²³. Однако формирование B20 Coalition пошло не по этой схеме: не было уделено должного внимания ведущей роли национального председательства –

²² “Achieving a Low Carbon Society of Global Scale”, Chapter 6, Keidanren / Keidanren. Mode of access: https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2013/003_commitment.pdf

²³ About B20 Coalition / B20 Coalition. Mode of access: <http://www.b20coalition.org>

ния в бизнес-двойке в текущем руководстве B20 Coalition. Несмотря на то, что B20 Coalition была задумана в надежде на то, что бизнес-ассоциации будут играть главную роль в консолидации интересов бизнеса, и механизм «Тройки» и ротационного председательства (Председатель B20 текущего года), возобладал слишком жесткий механизм управления, свойственный организациям. Вместо того, чтобы объединять ассоциации на основе координационного механизма и способствовать таким образом постоянному повышению эффективности работы B20, B20 Coalition стала организацией со своими постоянными руководящими органами, где роль бизнес-ассоциации страны-председателя сводилась к минимуму, а сама B20 Coalition претендовала на роль постоянного Секретариата B20. Таким образом, уже в период российского (РСПП даже вышел из B20 Coalition), и далее – австралийского, турецкого председательств B20 Coalition перестала быть востребованной, не оправдав ожидания, и в настоящий момент все больше представляет собой, скорее, информационный ресурс, нежели координационный механизм. В качестве альтернативы российское Председательство предложило создать, своего рода, международный координационный комитет – *«International steering committee*, куда входили бы, согласно первоначальному замыслу, все руководители национальных бизнес-ассоциаций B20 и Руководители РГ «Деловой двадцатки». Эта структура и должна была играть одну из главных ролей в формировании основных повесток, разработки и обсуждения рекомендаций, осуществлении контроля за исполнением обязательств. Ождалось, что это будет мягкий «ответ» на «жесткую» конструкцию B20 Coalition, который сможетнейтрализовать ее проявившиеся недостатки. Реализовать эту схему удалось в процессе публичного формирования приоритетов и обсуждении рекомендаций B20 через подготовку «Зеленой» и «Белой» книг. Последующие председательства следующие подходы: в 2014 году Австралия созвала CEO Forum, Турция в 2015 году инициировала создание Международного Делового консультативного совета (*International Business Advisory Council, IBAC*). В рамках немецко-

го председательства будет функционировать «Деловой адвокативный совет» (*Business Advocacy Caucus, BAC*), к участию в котором приглашены руководители РГ, крупнейших компаний и бизнес-ассоциаций стран «Группы двадцати».

Таким образом, подходы к решению данной задачи различались, у каждой из инициатив были свои достоинства и недостатки, одно остается неизменным – осознание необходимости создания международной площадки для укрепления связей и консолидации интересов и позиций деловых сообществ стран «Группы двадцати» – учреждения в том или ином формате Международного руководства «Деловой двадцатки» (*B20 International leadership*). Международное руководство может действовать как в виде некого «руководящего ядра» в расширенном составе для обеспечения продуктивной работы консультативного механизма (т.е. организации площадок для публичных обсуждения по образу IBAC, CEO Forum, BAC).

«Ядро» Международного руководства B20 целесообразно формировать из членов «Тройки» (то есть, бывшего, текущего и будущего Председателей B20), а также Председателей и сопредседателей РГ «Тройки», с приглашением на него *«knowledge partners»* (консультантов) и *«network partners»* (международных организаций, чья роль признана всеми участниками B20 (как BIAC, МОР, ICC)). Также следует рассматривать возможности расширения узкого основного состава руководства главными национальными бизнес-ассоциациями стран G20, которые были/будут/могут быть назначены Председателем B20²⁴ (к сожалению, этого нельзя

²⁴ К примеру, такие влиятельные региональные объединения деловых кругов, как: Движение предприятий Франции (MEDEF); Канадская торгово-промышленная палата (CCC); Торговая палата США; Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП); Союз немецких промышленников (BDI); «Деловая Европа» BusinessEurope; Деловой союз Южной Африки (BUSA); Конфедерация индийской промышленности (СII); Федерация корейской промышленности (FKI); Confindustria (Италия); Ассоциация турецких промышленников и бизнесменов (TUSIAD);

предугадать), при условии предоставления соответствующего интеллектуального и организационного ресурсов CEO крупных международных компаний.

Подобного рода структура могла бы вносить полноценный вклад в глобальный рост и создание рабочих мест посредством обеспечения единого голоса бизнес-сообществ в диалоге с G20, оказания положительного влияния на политиков на совместных совещаниях, предлагая конструктивные и жизнеспособные бизнес-ориентированные позиции по экономическим, социальным и финансовым вопросам из повестки G20, поддержания постоянства повесток дня от одного председательства G20/B20 к другому, способствования проведению мониторинга исполнений обязательств G20.

Если говорить о создании постоянного Секретариата «Деловой двадцатки», то данную структуру целесообразно формировать из Шерп, которые, в случае с одновременным соблюдением принципа председательства в B20 бизнес-ассоциации, могут взять на себя обязанности рабочего координирующего органа (что будет коррелировать с практикой работы Шерп «Группы двадцати»). Подобного рода Секретариат может, как минимум, отслеживать процесс ежегодного переподтверждения участия в B20 национальных бизнес ассоциаций и делегируемых от них представителей, а также информировать бизнес-сообщество B20 о соответствующих изменениях состава участников. В случае, если механизм рабочего координационного взаимодействия Шерп дополнен активной работой «сильной» председательствующей бизнес-ассоциации, и, соответственно, Международное руководство является мощ-

Национальная промышленная конфедерация Бразилии (CNI); Группа промышленников Австралии (AIG); Промышленный союз Аргентины (UIA); Конфедерация британской промышленности (CBI); Китайский совет по содействию международной торговле (CCPIT); Мексиканский Совет предпринимателей по внешней торговле, инвестициям и технологиям (COMCE); Совет Торгово-промышленных палат Саудовской Аравии (CSC); Keidanren (Федерация бизнес-организаций Японии); Торгово-промышленная палата Индонезии (Kadin Indonesia) и пр.

ным институтом, который опирается на широкую членскую базу, эффективно консолидирует интересы бизнеса, использует имеющиеся ресурсы, способствует разработке и обсуждению рекомендаций, а также их последующему «адвокатированию», то, вероятней всего, передача функций на аутсорсинг (например, Консультативному комитету по бизнесу и предпринимательству ОЭСР (BIAC, англ. *The Business and Industry Advisory Committee to the OECD*) или же учреждение отдельных площадок по образу B20 Coalition, не представляются необходимыми. В случае, если бизнес-ассоциация страны-председателя недостаточно «сильная» и не обладает необходимым для эффективного руководства аутрич-группой количеством ресурсов, возможна передача выполнения соответствующих функций на аутсорсинг и обращение к BIAC (ICC, WEF) с просьбой разделить бремя функции и обязанностей по организации работы «Деловой двадцатки». В случае с Председателем B20 – крупным предпринимателем порядок действий может быть аналогичным. Но в обоих случаях нежелательна передача на аутсорсинг профессиональным консультантам субстантивных вопросов, формирования приоритетов B20, составов РГ и пр.

Отметим еще один аспект, почему важна площадка для встреч лидеров глобального бизнеса – становится возможным последующий запуск механизма «адвокатирования». Национальный бизнес по результатам обсуждения на площадке B20 должен успевать «добраться» до своих правительств и информировать о вопросах, которые были затронуты на этой площадке. Данная функция – не только «нагрузка» на Национальное руководство, которое должно «пробивать» рекомендации на уровне своего лидера, но и Международного руководства, которое обеспечивает «адвокатирование» по дополнительным каналам.

В любом случае, для полноценного функционирования подобной международной структуры необходимым условием является назначение правительством каждой страны «Группы двадцати» ведущей национальных бизнес-ассоциаций (их консорциума) на роль национального координатора «двадцаточного» процесса и Пред-

седателя B20 в целом. При этом перечень бизнес-объединений-членов B20 может быть «гибким» (пример: турецкие *TUSAID, TOBB, TUSK, MUSIAD*). Есть смысл приглашать в формирующуюся таким образом B20 community не одну бизнес-ассоциацию от страны, а все главные бизнес-объединения, но с соблюдением принципа «одна страна – один голос». Принцип консолидации подразумевает, что смена правительства и президентов одной из стран G20 может привлечь за собой только смену национального лидера B20 в B20 community, но участие консолидированных национальных деловых кругов останется неизменным. То есть, при смене в стране правящей партии, которая может сопровождаться сменой лояльности бизнес-объединений к власти, представитель в B20 может быть сменен, но участие в B20 community всех национальных бизнес-ассоциаций должно быть сохранено. Предусмотреть данную возможность важно, так как смена «предпочтительных» национальных бизнес-объединений происходит достаточно часто, и если не договориться «на берегу» об условиях «существования» Международного руководства B20, то полноценно встроить ее в работу «Деловой двадцатки» и обеспечить эффективное функционирование аутрич-группы будет сложнее. Альтернативная схема – формирование консорциума ведущих бизнес-ассоциаций (опыт Германии) с нейтральным или меняющимся руководителем национальной B20.

«Тройка» B20 в данном случае должна поддерживать механизм преемственности, быть ответственна за донесение до следующей «Двадцатки» своих оценок (что удалось сделать, что – не удалось, какая практика была успешной, какие моменты, наоборот, требуют доработки). Поддерживаемый «Тройкой» принцип преемственности должен быть одним из центральных с тем, чтобы каждое следующее председательство не начинало свою работу «с нуля». Как было отмечено, турецкий TOBB, китайский CCPIT, немецкое объединение из трех деловых-ассоциаций были назначены только в середине года и таким образом не смогли включиться в работу с партнерами на ранней стадии, «пропустив» около полутора работы в качестве члена «Тройки». Только

австралиец Р. Гайдер был назначен Председателем B20 своевременно (за год до начала официально председательства – в декабре 2012 года). Поэтому не только теоретически, но и практически «Тройку» B20 можно сформировать заранее с максимально-возможным ранним назначением следующего Председателя B20 так, чтобы третий член «Тройки» присоединялся к коллегам с самого начала предшествующего председательства, а не с финального мероприятия предшествующего года. С этим призывом есть смысл обращаться к главам государств G20. Преимуществом раннего назначения «Тройки» является также и возможность соответствующего более раннего формирования Рабочих групп, или, как минимум, обсуждение и достижение предварительных договоренностей об основных рабочих направлениях в последующем году. Добавим, что взаимодействие внутри «Тройки», организовать легче в случае, когда передача полномочий происходит от руководителя к руководителю бизнес-ассоциации, а не от предпринимателя – к бизнес-объединению или, тем более, от одного предпринимателя – к другому. Это будет, в свою очередь, способствовать укреплению структуры – бизнес-ассоциации заинтересованы в продолжении участия работы в B20 и после по результатам своего председательства и готовы продвигать его результаты и достижения.

Предложенная «формула» руководства Рабочих групп (национальный Председатель + сопредседатели из «Тройки» + «knowledge partner» (международный консультант) + «network partner» (международная «сетевая» организация) имеет еще одну важную составляющую международную составляющую.

Есть смысл использовать опыт французского руководства B20 по вовлечению в деятельность РГ бизнес-ассоциаций, не являющихся членами «Тройки». Сформировав основной перечень РГ, бизнес-объединение *MEDEF* пригласило все основные бизнес-ассоциации B20 определиться, какие РГ им интересны с точки зрения возможного со-председательства. Одновременно была озвучена просьба назначить от имени бизнес-ассоциаций крупных предпринимателей для со-руководства РГ по соответствующим

темам, что, в том числе, подразумевало со-действие в сопровождении работы группы. Имеет смысл поддержать данный подход: включение в работу крупных *CEO* (тем более с опытом председательства/сопредседательства в предыдущих РГ) позволит не только максимально консолидировать интересы ми-рового бизнес-сообщества по конкретным направлениям, но также обеспечить необхо-димый уровень финансовой и организацион-ной поддержки деятельности РГ.

Также важна фиксация публичного ста-туса руководителей РГ (их аффилирован-ности с ведущими бизнес-ассоциациями). РСПП в 2013 году и ТОВВ в 2015 году сде-лали на этом акцент и подчеркнули публич-ную позицию руководства Рабочих групп. Китайцы не подчеркивали аффелированно-сти Руководитеle РГ с CCPIT или другими бизнес-ассоциациями, но будем надеяться, в 2017 году немецкое председательство вновь будет фиксировать публичный статус пред-принимателей, как лиц, которые могут кон-солидировать интерес делового сообщества по соответствующему направлению.

Нельзя забывать о необходимости обе-спечения постоянства и преемственности в Рабочих группах, и, соответственно, в B20 в целом, поэтому было бы целесообразно РГ назначать двух сопредседателей с соблюде-нием принципа «Тройки», то есть бывшего и будущего Председателя данной РГ (когда это представляется возможным – в случаях с наиболее «стабильными» ежегодно возоб-новляемыми повестками). И, при соблюдении своевременного назначения сопредседателей и, по-возможности, поддержания постоянно-го состава групп, есть вероятность, что меха-низм «Тройки» сможет значительно повысить эффективность деятельности Рабочих групп. Добавим, что, помимо сопредседателей из «Тройки», обязанность по поддержанию пре-емственности могут брать на себя *CEO* круп-ных компаний. Так, в случае невозможности назначения сопредседателя из «Тройки», его можно «скомпенсировать», делегировав дан-ные обязанности бывшим Председателям Ра-бочих групп, которые продолжают принимать активное участие в их деятельности или *CEO* из страны-следующего председателя (тогда будут увеличены шансы на сохранение РГ).

Выводы

Анализ различных моделей организации дея-тельности «Деловой двадцатки» позволил определить основные элементы института с руководящими функциями: Председателя B20, «Тройку», Председателя и сопредседателей Ра-бочих групп. Исследование перечисленных элемен-тов руководства «Деловой двадцатки» позволило предложить возможные способы их оптимизации в соответствии с критериями эффективности, которые можно определить через максимальную вовлеченность бизнес-сообщества в разработку рекомендаций, обе-спечение высокого уровня инкорпорированных рекомендаций деловых кругов в итоговые до-кументы «Группы двадцати», а также возмож-ностью мониторинга имплементации прини-маемых на саммитах «Группы 20» решений.

Также, есть основания полагать, что оптимальный вариант устройства B20, при котором возможно достижение должной вовлеченности бизнеса в разрабатываемые предложения и высокого, но не формального, а «заслуженно-высокого» процента включе-ности рекомендаций в итоговые документы «Группы двадцати», предполагает совмеще-ние: национального руководства с опорой на национальную бизнес-ассоциацию (ассоци-ации) и международного, опирающегося на «Тройку» и расширенный вариант междуна-родного руководства, через структуру типа Международного консультативного совета «Деловой двадцатки», который способен подключить к дискуссиям максимальноши-рокое представительство мирового делового сообщества для формирования проектного пакета рекомендаций.

Для того, чтобы данный механизм ра-ботал слаженно и мог оказывать реальное положительное влияние на эффективность работы как «Деловой двадцатки», так и «Группы двадцати» в целом, лидеры стран G20 должны определить и закрепить осно-вополагающие принципы формирования и правила работы «Деловой двадцатки» как основной аутрич-группы. Такого рода декла-рация должна стать настоящей рекомен-дацией каждому последующему Председа-телю соблюдать и поддерживать следующие принципы функционирования B20:

1. При назначении руководства «Деловой двадцатки» обращаться к помощи крупного национального делового объединения или же консорциума ведущих бизнес-ассоциаций страны, с лидером – одним из их руководителей или нейтральной (равноудаленной) фигурой.

2. Своевременно формировать и оглашать состав Национального руководства «Деловой двадцатки»: Национального Председателя B20, Шерпу и руководителей Рабочих групп от страны-председателя. Важно сделать это до передачи полномочий от предшествующей «Деловой двадцатки», чтобы представители Национального руководства еще до формального начала работы проработали и огласили названия и состав Рабочих групп. Тогда, к моменту *«kick-off meeting»* (который по традиции по традиции проходит в декабре, так как официальное председательство начинается с декабря) члены B20 могли предложить своих сопредседателей РГ, а также сформировать состав Международного руководства и начать активную работу по подготовке рекомендаций «Деловой двадцатки».

3. Поддерживать функционирование механизма «Тройки» с целью обеспечения преемственности и последовательности в работе «Деловой двадцатки». В том числе через своевременное, то есть как минимум за год до передачи официальных полномочий, оглашение имени третьего члена «Тройки» – будущего руководителя «Деловой двадцатки».

4. Поддерживать работу Международного руководства «Деловой двадцатки», с «ядром» из «Тройки» B20, Председателей и сопредседателей РГ, при возможности расширения основного состава руководства CEO крупных международных компаний, а также всех главных национальные бизнес-ассоциации стран «Группы двадцати».

5. Формировать «ядро» руководства Рабочих групп «Деловой двадцатки» в следующем составе: национальный Председатель + сопредседатели из «Тройки» + *«knowledge partner»* (международный консультант) + *«network partner»* (международная «сетевая» организация).

Определение оптимального состава и формата работы Национального руковод-

ства, также как и Международного, необходимы, так как это может способствовать укреплению связей и консолидации интересов и позиций деловых сообществ стран «Группы двадцати», формированию актуальных приоритетов, продуктивному обсуждению рекомендаций и эффективному адвокированию интересов национального бизнеса. При смене председательства с каждым годом прослеживается тенденция к расширению состава участников «Деловой двадцатки». В этой связи следует отметить роль создаваемых международных площадок (*B20 Coalition, CEO Forum, IBAC, BAC*) – подобные механизмы позволяют пригласить к участию представителей разных деловых сфер и направлений деятельности, обеспечивая таким образом «внешний взгляд» и «свежие идеи». Практика проведения встреч представителей международного делового сообщества, в расширенном составе – с участием профессиональных консультантов, членов экспертных сообществ, смежных аутич-групп за два-три месяца до саммита «Деловой двадцатки» для всестороннего обсуждения разрабатываемых рекомендаций в расширенном составе несет в себе важный смысл, позволяя, в том числе, выйти B20 за рамки лоббирования «узких» бизнес-интересов. Это также позволяет более продуктивно продвигать системные интересы B20 на этапе «адвокирования» рекомендаций, их презентации лидерам G20.

Литература:

А.Н. Шохин: нужно принять трехлетнюю стратегию сотрудничества G20 и B20. Председательство России в G20 / РИА Новости, 26.11.2013. Режим доступа: <https://ria.ru/interview/20131126/979811248.html>

Нам нужен постоянно действующий механизм включенности в выработку решений G20. Review Саммит B20 / Коммерсант.ru, 19.06.2013. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2213499>

Прохорова А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2016. – № 1. – С.21-37.

ICC Helps Launch 2015 B20 Turkey Process in Istanbul. Istanbul, 15 December 2014. Mode of access: <http://www.iccwbo.org/News/Articles/2014/ICC-helps-launch-2015-B20-Turkey-process-in-Istanbul>

The ICC: G20 Business Scorecard. Executive Summary. Second edition. April 2013.

References:

A.N. Shokhin: nuzhno priyat' trekhletniuiu strategiiu sotrudnichestva G20 i B20. Predsedatel'stvo Rossii v G20 (A. Shokhin: We Need 3-Year Strategy for B20-G20 Partnership) // RIA Novosti, 26.11.2013. Mode of access: <https://ria.ru/interview/20131126/979811248.html>

ICC Helps Launch 2015 B20 Turkey Process in Istanbul. Istanbul, 15 December 2014. Mode of access: <http://www.iccwbo.org/News/Articles/2014/ICC-helps-launch-2015-B20-Turkey-process-in-Istanbul>

Nam nuzhen postoianno deistvuiushchii mekhanizm vkluchennosti v vyroboktu reshenii G20. Review Summit B20. ("We Need a Permanent Mechanism of Engagement in Decision-Making") / *Kommersant.ru*, 19.06.2013. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/2213499>

Prokhorova, A. K voprosu o klassifikatsii mnogostoronnikh mezhdunarodnykh ob'edinenii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*, 2016, No 1, pp. 21-37.

The ICC: G20 Business Scorecard. Executive Summary. Second edition. April 2013.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-104-122>

MODELS OF «BUSINESS TWENTY» GOVERNANCE: POSSIBILITIES OF OPTIMIZATION

Alisa A. Prokhorova

Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russia

Alexander N. Shokhin

*Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Article history:

Received:

23 September 2016

Accepted:

15 November 2016

About the authors:

Alisa A. Prokhorova, Chief Specialist, Department of International Cooperation, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs

e-mail: aProkhorovaAA@rspp.ru

Alexander N. Shokhin, Doctor of Economics, President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs; Professor, President of the National Research University "Higher School of Economics"; Head of HSE Department of Theory and Practice of Interaction between Business and Government

e-mail: ShokhinAN@rspp.ru

Key words:

«Business Twenty»; «Group of Twenty»; global governance; international association; international business community; global economic growth.

Abstract: The article investigates the activities and structure of the «Group of Twenty» (G20) main outreach group - «Business Twenty» (B20). «Group of Twenty» is one of the leading international economic summity institutions, which has enough capacity to influence on the development and implementation at the level of global community policies. B20 aims at facilitating the development of sustainable economic growth which, in turn, would contribute to job creation as well as representation and protection of the interests of the national business communities in dialogue with the G20. One of the main B20 objectives is to make an impact on the G20 agenda and final commitments, with an emphasis on the consolidated interests of the global business community as the main participants of the outreach group are business associations, CEOs of global corporations, consulting organizations. The approach to the B20 organization differs, for the seven-year history of the G20-B20 dialogue the permanent format has not been worked out and there is no unified, rolling from the Chairman to Chairman mechanism of representation of the business interests within the «Group of Twenty». Analysis of different «Business Twenty» organizational models allowed to sort out the main elements of the institution entrusted with executive functions: Chairman of «Business Twenty», «Troika», Chairs and Co-Chairs of Task Forces. The investigation suggests possible ways of their optimization in accordance with the criterion of efficiency which is defined by the engagement of business community in the process of recommendations development, ensure of the maximum implementation of the business-community recommendations in the «Group of Twenty» final documents, possibility of a subsequent implementation of the assumed by «Group of Twenty» obligations.

Для цитирования: Прохорова А.А., Шохин А.Н. Модели руководства «Деловой двадцатки»: возможности оптимизации // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 104-122.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-104-122

For citation: Prokhorova, Alisa A.; Shokhin, Alexander N. Modeli rukovodstva «Delovoi dvadtsatki»: vozmozhnosti optimizatsii (Models of «Business Twenty» Governance: Possibilities of Optimization) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.1, pp. 104-122.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-104-122

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ФИНЛЯНДИИ

Юсси Лайне

*Ассоциация исследований границ и приграничных территорий,
Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу, Финляндия*

Информация о статье:	
<i>Поступила в редакцию:</i>	15 октября 2016
<i>Принята к печати:</i>	15 ноября 2016
Об авторе: Ответственный секретарь, финансовый директор, Ассоциация исследований границ и приграничных территорий, Университет Восточной Финляндии, Карельский институт	Аннотация: В истории Российской Федерации и Финляндии есть немало общих страниц. За исключением периода двух вооруженных конфликтов, отношения между обеими странами обычно характеризуются как дружественные. Имея общую границу с Россией протяженностью более 1300 километров, Финляндия всегда была тесно связана со своим восточным соседом. Однако несмотря на географическую близость, закрытость границ в эпоху холодной войны увеличила психологическое расстояние между двумя сторонами и способствовала формированию стереотипных представлений друг о друге. В результате укоренившееся в сознании многих мышление в категориях «мы» и «они» оказалось куда более глубоким и менее преодолимым, чем государственная граница. Автор прослеживает развитие имиджа России в общественном сознании Финляндии по материалам колонки мнений в крупнейшей газете страны <i>Helsingin Sanomat</i> за 1990-2010 годы. Их анализ показывает, что для улучшения общего геополитического имиджа России почти ничего не было предпринято. Несмотря на понимание потенциала соседства с Россией, многие финны по-прежнему придерживаются стереотипных представлений о восточном соседе. Мифы о России используются для передачи идеологических норм, а также доминирующих и исторических ценностей финской культуры. Таким образом, мифы служат для того, чтобы сделать коллективные взгляды и убеждения, пусть и необоснованные, естественными и самоочевидными. Тексты-мнения, проанализированные в данном исследовании, не могут считаться только формой коммуникации, т.е. передачей знаний от автора к читателям. Наоборот, они являются яркими примерами коммуникативного построения смыслов, с помощью которого они вызывают у читателя желание их интерпретации. Чем сильнее основной миф, тем легче автору (отправителю сообщения) и читателю (получателю сообщения) прийти к общей интерпретации. В результате создан некий шифр, который может быть раскрыт только теми, кто знаком с соответствующими кодами и обладает соответствующим социальным знанием, из чего исходит отправитель.
Ключевые слова: Имидж; Финляндия; Россия; газеты; публицистика; журнализм мнений.	

Введение

В Финляндии неприязнь и пренебрежительное отношение к России и россиянам в прошлом часто изображались чуть ли не как национальная черта. Теперь, когда Россия вновь стала крупнейшим торговым партнером страны, появилась необходимость в корректировке стереотипов. Старые обиды препятствуют сотрудничеству с бывшим

врагом, открывающему огромные возможности не только в торговле, но и в других областях.

Большинство исследований восприятия России в Финляндии проводились финнами для финнов и на финском языке. Такие исследования обычно основывались на анализе письменных источников или опросах экс-

пертов, и многие из них представляют значительный интерес¹. Однако, как правило, авторы рассматривали сложившееся отношение к России как данность и не вдавались в изучение его происхождения и эволюции. Газетные материалы представляют собой уникальный источник для такого анализа, так как отражают изменения общественного сознания в ходе повседневных событий.

В настоящей статье прослеживается изменение имиджа России в 1990-2010 гг. на основе анализа мнений читателей главной финской газеты *Helsingin Sanomat*. Следует подчеркнуть, что после 2010 года и особенно в 2014 году в результате кризиса на Украине произошли резкие изменения в освещении России финскими СМИ. Анализ этих драматических изменений, однако, остается за рамками настоящего исследования.

Основное внимание уделено письмам в редакцию и статьям-мнениям, которые по определению являются более категоричными, чем фактологические новостные статьи. Письма в редакцию обычно содержат больше эмоций, чем фактов. Это важно, поскольку доказано, что эмоции могут влиять на общественное мнение больше, чем факты. Настоящее исследование, однако, отвергает традиционное противопоставление «реального» и «воображаемого»: образ соответствует реальности для его носителя именно потому, что она воображаема. Как показывает исследование, финны как нация имеют типичные для них регулярные и повторяющиеся паттерны смыслообразования, помогающие определять и поддерживать чувство общности.

¹ Klinge, Matti. Keisarin Suomi. Espoo: Schildts & Söderströms, 1997; Immonen, Kari. Ryssästä saa puhua... / Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki: Otava, 1987; Immonen, Kari. Suomalaisen Venäjä-kuva ja uusi Neuvostoliitto. Kuopio: Snellman instituutti, 1990; Luostarinen, Heikki. Perivihollinen: Suomen oikeistolehdistön Neuvostoliittoa koskeva viholliskuva sodassa 1941–1944, tausta ja sisältö. Tampere: Vastapaino, 1986; Vihavainen, Timo. (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004; Seppänen, Esa. Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras. Suomen naapurikuvan todet, luulot ja harhat. Helsinki: Tammi, 2010.

Изменения в восприятии России

Образ России среди финнов в эпоху Великого княжества Финляндского был в целом положительным². Ранняя финская идентичность строилась на противопоставлении доминирующей шведской культуры – по крайней мере, в тот период, когда Финляндия находилась в составе России и отношение населения к ней контролировалось³. Антироссийские настроения возникли только в так называемые годы угнетения в начале XX века, во многом как реакция на политику русификации, нацеленную на ограничение свобод в Финляндии. Антипатия перешла в ярко выраженную неприязнь после того, как Финляндия получила в 1917 году независимость, и бывшая метрополия стала врагом. Возникновение межгосударственной границы стало олицетворением различий, важных для финской национальной идентичности, и сильные антироссийские чувства были внедрены в общественное сознание финнов как миф о вечной борьбе добра и зла⁴. На практике это проявлялось в открыто пренебрежительных описаниях советской системы и советских людей⁵.

В. Харле и С. Моизио⁶ видят четкую взаимосвязь между неприязнью к русским и

² Paasi, Anssi. Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996. P. 159.

³ Paasi, Anssi. The Construction of Socio-Spatial Consciousness: Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism // *Nordisk samhällsgeografisk tidskrift*, 1992, No. 15, pp. 79–100; Paasi, Anssi. Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996.

⁴ Hakovirta, H. (1975). Odota ja katso: analyysi Suomen läntisen integraatiopolitiikan perusmallista / In H. Hakovirta & R. Väyrynen (Eds), *Suomen ulkopoliittika*. Jyväskylä: Gummerus, pp. 415–419; Luostarinen, Heikki. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image. *Journal of Peace Research*, 1989, No. 26, pp. 123–137.

⁵ Paasi, Anssi. Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996.

⁶ Harle, Vilho; Moisio, Sami. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipoliittikan historia ja geopolitiikka. Tampere: Vastapaino, 2000.

политикой формирования финской идентичности. Неприязнь достигла пика в период с 1918 по 1944 годы, когда непохожесть на россиян сознательно преувеличивалась по политическим причинам. Проект финской национальной идентичности преследовал две основные цели: 1) определить место Финляндии среди других наций и 2) объединить финскую нацию против общевой угрозы. Достижение этих целей облегчалось тем, что Финляндия географически и политически находилась на границе между Востоком и Западом, и Советский Союз мог служить общим врагом для всех жителей страны.

В результате восточная граница приобрела в финском национальном сознании особую роль. Она изображалась не только как государственная граница, но и как рубеж между разными культурами и политическими системами и даже как цивилизационный водораздел между Европой и Азией, Востоком и Западом, язычниками и христианами, прогрессом и застоем⁷. С ростом значимости государственной границы с Россией ментальная граница становилась все глубже, и Финляндия представлялась как форпост Запада, в одиночку противостоящий Востоку⁸. При этом собственная идентичность воспринималась не просто как другая, но и как изначально более правильная. Из-за отсутствия личного опыта представления о России во многом опирались на мифы и стереотипы⁹.

Основной причиной сложившегося отношения финнов к русским считается страх, возникший в результате очевидно неравного соотношения потенциалов небольшой

Финляндии и могучего Советского Союза¹⁰. Вайно Вайонмаа писал: «Отношения между Финляндией и Россией прежде всего были асимметричны: это были отношения между малым и большим, бедным и богатым, малонаселенным и могучим. ... Другой особенностью отношений между двумя странами была враждебность, географическая и историческая противоположность, общие сильные различия во всем – землях, расах, религиях, цивилизациях, привычках, государственных учреждениях. Во всей Европе, во всем мире вряд ли можно найти пропасть между двумя соседями глубже той, что разделяет Финляндию и Россию. Если можно говорить о заклятых врагах, то это именно тот случай»¹¹.

После Второй мировой войны образ России в финском обществе стал более нейтральным, в основном в результате цензуры материалов антисоветского содержания¹². И школьные учебники, и газеты должны были придерживаться новой финской политики безопасности, рисуя отношения между бывшими врагами как дружественные. Это означало, что Советский Союз нельзя было считать диктатурой, а социалистические страны описывались как прогрессивные социальные государства: поколение эпохи Кекконена знало, что такое «мирное сосуществование» и в какой стране «хлеба росли быстрее»¹³.

Хотя из учебников в целом уже исчезли уничижительные стереотипы об отдельных странах и народах¹⁴, в отношении Советского Союза и русских как народа они сохранились за отсутствием более объективной ин-

⁷ Browning, Christopher S.; Lehti, Marko. Beyond East-West: Marginality and National Dignity in Finnish Identity Construction // *Nationalities Papers* 2007, No. 35(4), pp. 691–716; Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993, No. 72(3), pp. 22–49.

⁸ Immonen, Kari. Ryvästä saa puhua... / Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918–1939. Helsinki: Otava, 1987; Harle, Vilho; Moisio, Sami. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipoliitikan historia ja geopolitiikka. Tampere: Vastapaino, 2000.

⁹ Vihavainen, Timo. (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004. P. 435.

¹⁰ Vihavainen, Timo. (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004. P. 435.

¹¹ Voionmaa, Väinö. Suomen uusi asema: Maantieteellisiä ja historiallisia peruspiirteitä. Porvoo: WSOY, 1919.

¹² Raittila, Pentti. Suomalaisnuoret ja idän ihmemaan. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988.

¹³ Tuomisalo, T. Aivopesun jälkeen sytäkin metelöidä / Helsingin Sanomat, 28 March, 2009.

¹⁴ Paasi, Anssi. The Construction of Socio-Spatial Consciousness: Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism // *Nordisk samhällsgeografisk tidskrift*, 1992, No. 15, pp. 79–100.

формации. Например, в учебнике географии для начальной школы, изданном в 1947 г.¹⁵, говорилось, что «русские – добродушные, счастливые и общительные люди, которые любят петь, играть и танцевать. Их любимым напитком является чай, и даже в самых бедных избах есть самовар». Однако в школьных учебниках в целом наблюдались очевидные признаки «финляндизации», «Вынужденная» дружба и связанная с ней цензура, диктуемые Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией¹⁶, продолжались вплоть до распада Советского Союза.

В 1990-х годах Россия преподносилась в учебниках с растущей долей критики¹⁷. Подчеркивались различия между странами¹⁸. Такой образ России вместе с ее негативным освещением в СМИ во многом объясняет, почему даже молодое поколение, не жившее во времена трагических событий Второй мировой войны, так же негативно воспринимает Россию, как и представители старших возрастных когорт. Так, показано, что молодежь, живущая недалеко от границы, воспринимает Россию как чужую страну, о которой мало что можно сказать позитивного¹⁹.

Имидж для чего и для кого?

Имидж России в Финляндии обычно увязывается с внутриполитическими мотивами и принятыми ее руководством решениями

¹⁵ Aro, J. E.; Rosberg, Johan E.; Poijärvi, L. Arvi P. Koulun maantieto. Helsinki: Otava, 1947.

¹⁶ Raittila, Pentti. Suomalaisnuoret ja idän ihmemaan. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988; Luostarinen, Heikki. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image. // *Journal of Peace Research*, 1989, No. 26, pp. 123-137.

¹⁷ Holmén, Janne. Den politiska läroboken: bilden av USA och Sovjetunionen i norska, svenska och finländska läroböcker under Kalla kriget. Uppsala: Uppsala University, 2006.

¹⁸ Suutarinen, Sakari. Kansallisen identiteetin opettaminen ja uuden vuosisuhteen haasteet / In S. Suutarinen (Ed.), *Nuoresta pättevää kansalaisesta*. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2000. Pp. 86-126.

¹⁹ Jukarainen, Pirjo. Rauhan ja raudan rajoilla: nuorten maailmäsjäsenyyksiä Suomen ja Venäjä sekä Ruotsin ja Suomen rajojen tuntumassa. Helsinki: Like, 2001.

ями в области национальной безопасности. Особенно отчетливо это проявлялось в «политике дружбы», которая не ограничивалась межгосударственными отношениями, но затрагивала и интересы простых граждан. Образ России всегда выстраивался с определенной целью – по крайней мере, частично. С одной стороны, он должен был учитывать ограничения послевоенной эпохи, чтобы удовлетворить всемогущего восточного соседа. СМИ, находившиеся под жесткой цензурой, не имели другого выбора, кроме как рисовать положительную картину Советского Союза и *Homo Sovieticus*.

С другой стороны, имидж России должен был убеждать население в правильности принятых финским руководством решений. Как известно, представления о безопасности строятся в зависимости от восприятия угроз²⁰. Оно намеренно конструируется путем тиражирования определенных взглядов ради поддержки населения. Однако по мере того, как люди находили все больше альтернативных каналов получения информации, разрыв между риторикой (сконструированными образами) и практикой (личным опытом и восприятием) увеличивался.

Когда политика принудительной дружбы, наконец, канула в лету, оказалось, что историческая враждебность к России за годы «дружбы» никуда не исчезла. По сравнению с любой другой страной, финляндско-советские/российские отношения по-прежнему явно более идеологически окрашены. Как показывают различные исследования и опросы, проведенные в 1990-х и 2000-х годах, финны продолжают выражать неодобрение или, по крайней мере, испытывать опасения России и россиян²¹. Так, по результатам международного опроса, проведенного в 60 странах, в 2004 году финны относились к России крайне негативно,

²⁰ Limnell, Jarno. Suomen uhkakuvapolitiikka 2000-luvun alussa. Helsinki: National Defence University, Department of Strategic and Defence Studies, 2009.

²¹ См. например: Helakorpi, Seppo; Juuti, Pauli; Niemi, Hannele. *Tiimiorganisoitu koulu*. Juva: WSOY, 1996.

уступив только косоварам²². Стоит, правда, отметить, что некоторые другие опросы показали противоположные результаты.

Столь отрицательное отношение обусловлено обычно приписываемой россиянам непредсказуемостью²³. Утверждается, что призрак Советского Союза все еще жив, Россия ассоциируется с бывшим СССР, а коммунизм воспринимается как нечто загадочное и сверхъестественное²⁴. Некоторые авторы считают, что негативное отношение к России обусловлено историческими событиями (например, «Зимней войной» 1939-1940 гг. и «Войной-продолжением» 1941-1944 гг.), а также нестабильной ситуацией в России²⁵.

Русские упоминаются в финской печати чаще представителей других национальностей, когда речь идет о преступности²⁶. В материалах о России акцентируется ее специфичность и экзотичность, а общие с другими странами черты преуменьшаются²⁷. Какой-нибудь скандал в России преподносится как проблема и особенность всего российского общества, в то время как нечто подобное в любой другой стране освещалось бы как частный случай. СМИ могут легко формировать негативные стереотипы у людей, не имеющих личного опыта. К тому же редакторы финских газет часто предполагают, что их аудитория относится

к России предвзято, если не враждебно, и в результате выбирают соответствующие сюжеты и тональность публикаций²⁸. В целом преобладал «относительный консенсус» о том, что можно сказать, а о чем следует умолчать²⁹. Журналистские идеалы приносились в жертву национальным интересам.

Разные авторы анализировали образ России на основе различных материалов, но выводы были в значительной степени похожи. Так, А. Халликайнен³⁰, изучив образ России в программных документах региональных советов с использованием газет в качестве сравнительного материала, пришел к выводу, что оптимистические оценки середины 1990-х вскоре стали более осторожными. А. Ноккала³¹, анализируя точку зрения Сил обороны Финляндии и министерства обороны, установил, что военный истеблишмент рассматривает Россию как постоянный фактор неопределенности, как иное общество и крупную державу, на которую Финляндия может оказывать лишь ограниченное влияние. Как считают В. Харле и С. Моизио³², для финской национальной идентичности Россия была чем-то таким, от чего финны хотели дистанцироваться.

В наши дни важными факторами формирования образа страны становятся личные поездки, общий интерес к ней, деловые связи и контакты. Восприятие России

²² Aittokoski, Heikki; Kovanen, Inka. Suomalaiset suhtautuvat erittäin karsasti Venäjään// *Helsingin Sanomat*, 11 October 2004.

²³ Haikonen, Jyrki; Kiljunen, Pentti. Mitä mieltä, suomalainen? Helsinki: Taloustieto, 2003.

²⁴ Raittila, Pentti. Venäjä kansalaismielipiteenä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 125-168.

²⁵ Seppänen, Esa. Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras. Suomen naapurikuvan todet, luulot ja harhat. Helsinki: Tammi, 2010.

²⁶ Raittila, Pentti. Etniset aiheet, vähemmistöt ja niiden suhteet suomalaisessa journalismissa vuonna 2000 / In P. Raittila (Ed.), *Etnisyys ja rasismi journalismissa*. Tampere: University of Tampere Press, 2002. Pp. 31-108.

²⁷ Pietiläinen, Jukka. Venäjä ulkomaan uutisoinnin kohteena: erikoistapaus? / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2001. Pp. 171-189.

²⁸ Ojajärvi, Sanna; Valtonen, Sanna. Karhun ja kassakoneen naapurissa: journalismin ja kansalaisten Venäjät / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 19-67.

²⁹ Lounasmeri, Lotta. Sinivalkoisin vai vaaleanpunaisin silmälasein? Neuvostoliiton kuva suomalaisessa julkisuudessa Tšekkoslovakian miehityksestä Janajevin juntaan / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 68-124.

³⁰ Hallikainen, Anna. Venäjän kahdet kasvot: maakunnallisten ohjelma-asiakirjojen ja vertailuaineiston välittämä Venäjä-kuva. Tampere: Tampere University Press, 2003.

³¹ Nokkala, Arto. Uhka ja kumppani: Venäjä Suomen puolustushallinnossa. Helsinki: National Defence University, 2009.

³² Harle, Vilho; Moisio, Sami. Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipoliikan historia ja geopolitiikka. Tampere: Vastapaino, 2000.

и русских претерпевает изменения. Русские уже не просто незнакомые соседи, но и коллеги, однокурсники, клиенты, работники и предприниматели³³. Единого восприятия и понимания России теперь не существует, черты ее образа носят противоречивый, конкурентный, разнообразный и специфичный для каждой территории характер³⁴.

Категоричная журналистика

Раздел мнений является единственной рубрикой в газете, где читатели могут выступать в роли публицистов³⁵. Он играет важную роль в понимании качества журналистики. Хотя редакторам необходим успех их продукта в условиях рыночной системы, в разделе мнений они также обязаны обеспечить определенную свободу слова, чтобы сохранять авторитет в глазах читателей и тем самым высокий тираж газеты³⁶. Через журналистику мнений и публицистику газеты могут способствовать формированию и артикуляции общественного мнения³⁷. Материалы явно публицистического характера (редакционные статьи, так называемые опэды³⁸, письма в редакцию и т.д.) не претен-

дуют на объективность и отражают субъективные точки зрения, обычно публикуемые с какой-либо социальной или политической целью. На первый план выступают личные взгляды, а не факты. Через них газета выражает свою позицию и прислушивается к тому, что говорят ее читатели.

Многие публицистические материалы создают черно-белую дилемму, противопоставление «мы-они»³⁹. В редакционных статьях для описания политических деятелей и событий часто используются противопоставления, особая лексика. Для преуменьшения информации, неудобной для «нас», и акцентирования негативной информации о «них» регулярно используются риторические конструкции⁴⁰. Т. Эденсор предполагает новую концепцию национальной идентичности как сложной матрицы, в которой значимые практики и культурные элементы собираются вместе для консолидации принадлежности к стране. Эти коллективные и индивидуальные элементы, а также практики, на которые они влияют, сливаются в целое для воспроизведения его очевидности, вписывая субъективный опыт в общий опыт нации⁴¹.

Публикация писем рядовых граждан показывает, что газета отражает широкий спектр мнений⁴². Тем не менее, публикация писем во многом определяется отбором новостей, а также редакционной политикой и

³³ Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

³⁴ Ojajärvi, Sanna; Valtonen, Sanna. Karhun ja kassakoneen naapurissa: journalismin ja kansalaisten Venäjät / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 19-67.

³⁵ Wahl-Jorgensen, Karin. Playground of the Pundits or Voice of the People? Comparing British and Danish Opinion Pages // *Journalism Studies*, 2004, No. 5(1), pp. 59-70.

³⁶ Wahl-Jorgensen, Karin. Letters to the Editor // *Peace Review*, 1999, No. 11(1), pp. 53-59; Page, Benjamin I. Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1996;

³⁷ Wahl-Jorgensen, Karin. Op-ed Pages / In B. Franklin (Ed.), *Pulling Newspapers Apart*. London: Routledge, 2008. P. 70.

³⁸ «Оп-эды» (англ. op-ed, opinion editorial) – это статьи, выражающие мнения эксперта или другого автора, не входящего в редколлегию газеты. Однако выбор приглашаемых публицистов в конечном счете остается за редактором.

гией и обусловлен редакционной политикой.

³⁹ Mautner, Gerlinde. Checks and Balances: How Corpus Linguistics Can Contribute to CDA / In R. Wodak & M. Meyer (Eds), *Methods for Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 122-143.

⁴⁰ Van Dijk, Teun. Racism and Argumentation: ‘Race Riot’ Rhetoric in Tabloid Editorials / In F. H. van Eemeren (Ed.), *Argumentation illuminated*. Dordrecht: Foris, 1992. Pp. 242-259; Van Dijk, Teun. Discourse Analysis as Ideology Analysis / In C. Schäffner & A. Wenden (Eds), *Language and Power*. Aldershot: Dartmouth, 1995. Pp. 17-33.

⁴¹ Edensor, Tim. Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice. Theory // *Culture and Society*, 2004, No. 21(4-5), pp. 101-120.

⁴² Wahl-Jorgensen, Karin. Different Strokes, Different Folks: Comparing Danish and British Op-ed Pages // *Grassroots Editor*, 2003, No. 44(4), pp. 9-13.

позицией газеты⁴³. Они «документируют» повседневные заботы граждан, представляя собой форум, на котором они высказываются, расцениваемый как один из ключевых институтов публичной политики⁴⁴. Хабермас⁴⁵ рассматривает ее как хаотичное совещательное пространство, в котором представители разных слоев участвуют в рациональных критических дискуссиях по вопросам, представляющим общественный интерес, и вносят ценный вклад в социально-политическую мысль. Он считает, что общественное мнение – это не совокупность отдельных мнений, а то, к чему люди приходят вместе⁴⁶.

Однако раздел писем не следует рассматривать как «барометр общественного мнения»⁴⁷ и как «микрокосм диверсифици-

рованного общества»⁴⁸. Это скорее «смутное отражение общественного мнения», поскольку авторы не репрезентируют широкую общественность в демографическом и политическом плане⁴⁹. В газету обычно пишут мужчины среднего или старшего возраста, имеющие хорошее образование и работу и придерживающиеся консервативных взглядов⁵⁰.

Helsingin Sanomat

Helsingin Sanomat (HS) – крупнейшая подписная и единственная ежедневная общенациональная широкоформатная газета в Финляндии. Несмотря на самоцензуре после введения в 1948 году поправки в уголовный кодекс, запрещавшей в духе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией подвергать риску международные отношения Финляндии и журналистскую диффамацию в отношении иностранных государств, *Helsingin Sanomat* долгие годы играла важную роль в финском обществе. Газета даже считалась неким органом государственной власти, учреждением, обладавшем независимой социальной и политической волей⁵¹, и виделась «официальным экспертным и правдивым голосом в финском обществе»⁵². Считалось, что она обладает монополией на свободу слова⁵³.

⁴³ Richardson, John E. *Analyzing Newspapers: an Approach from Critical Discourse Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

⁴⁴ Nagel, Gerald. Letters to the Editor: a Public Bid for Fame // *Columbia Journalism Review*, 1974, No. 13, pp. 47-48; Kapoor, Suraj; Botan, Carl. Studies Compare How Editors Use Letters // *The Masthead*, 1992, No. 44(1), pp. 5-7; Page, Benjamin I. Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1996; Reader, Bill. Should 'A Citizen' Have His Say? A Historical Argument for the Publication of Unsigned Commentary in 'Letters to the Editor' Forums. Paper presented AEJMC conference, 5-8 August 2001, Washington, D.C., 2001; Wahl-Jorgensen, Karin. Letters to the Editor as a Forum for Public Deliberation: Modes of Publicity and Democratic Debate // *Critical Studies in Media Communication*, 2001, No. 18(3), pp. 303-320; Hart, Stephen. Cultural Dilemmas of Progressive Politics: Styles of Engagement among Grassroots Activists. Chicago: University of Chicago Press, 2001; Perrin, Andrew J.; Vaisey Stephen B. Parallel Public Spheres: Distance and Discourse in Letters to the Editor // *American Journal of Sociology*, 2008, No. 114(3), pp. 781-810.

⁴⁵ Habermas, Jürgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

⁴⁶ Habermas, Jürgen. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

⁴⁷ Sigelman, Lee; Walkosz Barbara J. Letters to the Editor as a Public Opinion Thermometer: The Martin Luther King Holiday Vote in Arizona // *Social Science Quarterly*, 1992, No. 73(4), pp. 938-946.

⁴⁸ Wahl-Jorgensen, Karin. A "Legitimate Beef" or "Raw Meat"? Civility, Multiculturalism and Letters to the Editor // *Communication Review*, 2004, No. 7(2), pp. 89-105.

⁴⁹ Sigelman, Lee; Walkosz Barbara J. Letters to the Editor as a Public Opinion Thermometer: The Martin Luther King Holiday Vote in Arizona // *Social Science Quarterly*, 1992, No. 73(4), pp. 938-946.

⁵⁰ Singletary, Michael; Cowling, Marianne. Letters to the Editor of the Non-Daily Press // *Journalism Quarterly*, 1979, No. 56(1), pp. 165-168.

⁵¹ Klemola, Pertti. *Helsingin sanomat: sananvapauden monopolii*. Helsinki: Otava, 1981.

⁵² Kaufmann, Rebecca; Broms, Henri. A Semiotic Analysis of the Newspaper Coverage of Chernobyl in the United States, the Soviet Union, and Finland // *Semiotica*, 1988, No. 70(1-2), pp. 27-48.

⁵³ Klemola, Pertti. *Helsingin sanomat: sananvapauden monopolii*. Helsinki: Otava, 1981.

30 ноября 1977 года в HS появился раздел мнений. Доля опубликованных писем в разные годы была разной. За первый год в редакцию поступило 11400 писем, из которых 3727 (или 32,7%) были опубликованы. Поток писем в редакцию HS заметно возрос в период потрясений начала 1990-х годов; до этого их число сохранялось на уровне 14000 в год (См. График 1). Количество полученных писем вновь стало расти на рубеже тысячелетий: несмотря на общее снижение участия граждан в общественной жизни, раздел писем оставался одним из самых популярных разделов газеты. Около 80% читателей знакомятся с ним ежедневно. В 2010 году был установлен новый рекорд: в редакцию поступило 24317 писем. Доля принятых к публикации писем в последнее время сохранялась на уровне около 25%.

График 1

Общее число писем, полученных и опубликованных в газете Helsingin Sanomat, 1977-2010

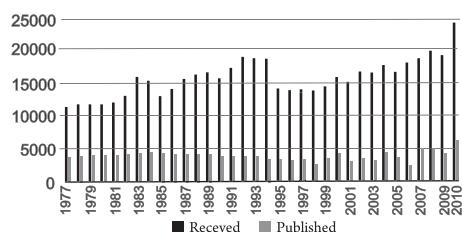

Fig. 1. Total Number of Letters Received and Published by Helsingin Sanomat 1977-2010.

Несмотря на утверждения редакторов раздела мнений о том, что основная его цель – максимально полное отражение всего спектра финского общественного мнения, разумеется, политика редакции влияет на отбор писем для публикации. HS, например, решительно выступала за вступление Финляндии в Евросоюз. На практике это означало, что газета опубликовала значительно больше писем за вступление в ЕС, хотя явное большинство писем, поступивших в газету, на самом деле было против этого. В 2006 году газета открыто поддержала членство Финляндии в НАТО. Позиция HS по отношению к России не так однозначна, хотя с окончанием эпохи самоцензуры в начале 1990-х годов появились более критические голоса.

Доля писем, посвященных непосредственно России (или Советскому Союзу), на рубеже тысячелетий сократилась, однако затем несколько возросла (См. График 2). Чем лучше отношения с Россией, тем меньше о ней говорят. При этом как широко распространенная неопределенность 1990-х годов, так и самоутверждение России как крупной державы во второй половине 2000-х явно вызывали озабоченность общественности.

График 2

Доля писем, посвященных России, в общем числе опубликованных писем (%)

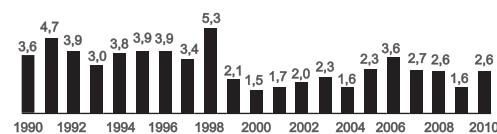

Fig. 2 The Share of Letters Devoted to Russia of All Accepted Letters (%)

Россия – просто один из соседей?

Значение России не только во внешней политике правительства страны, но и в мировоззрении граждан хорошо иллюстрируется степенью ее освещенности в HS. В течение последних двух десятилетий Россия и ее действия были одними из самых популярных тем в газете. Разумеется, количество материалов о «восточном соседе» сократилось после произошедших в 1990-х годах потрясений. По частоте упоминания она переместилась с первого места в 1990 году на второе в 2010 году. Россия и Швеция занимают почти одинаковое место в восприятии финнами внешнего мира. Однако простой анализ частотности слов показывает, что даже сегодня Россия упоминается чаще, чем, скажем, Европейский Союз. После распада СССР мир становился все более однополярным, и США, доминирующие на мировой арене, обсуждались в два раза больше, чем Европейский Союз (См. График 3). Тем не менее, с точки зрения повседневных забот США для многих кажется далекой страной. В то же время значимость Евросоюза после проведения референдума о вступлении Финляндии в эту организацию в 1994 году значительно возросла.

График 3
Число писем в газету *Helsingin Sanomat*,
посвященных России, 1990-2010

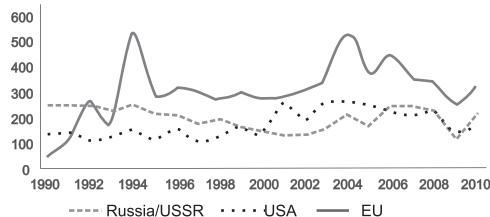

Fig. 3. *Russia in Helsingin Sanomat Letters Section 1990-2010*

Число публицистических материалов (редакционных статей, «оп-эдов» и писем в редакцию) по российской или советской тематике оставалось стабильным – около 500 материалов в год (См. График 4). Однако если в начале 90-х люди говорили о Советском Союзе как о явно «чужой» стране, то его преемник Россия становится «обычной» страной. О ней писали по-прежнему часто, но уже совсем по другим причинам. Теперь это не военная мощь или доминирующее положение в мире, а географическая близость, протяженная общая граница. Анализ писем в редакцию показывает, что наиболее популярны темы, которые больше всего связаны с повседневной жизнью людей.

График 4
Число публицистических материалов о России
в *Helsingin Sanomat*, 1990-2010

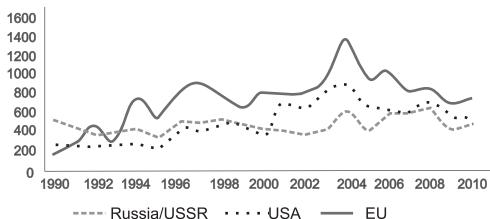

Fig. 4. *Russia in Helsingin Sanomat Opinion Pieces 1990-2010*

Хотя анализ ключевых слов многое проясняет, показывая общие тенденции последних двух десятилетий, одни только цифры не позволяют увидеть полной картины. Механического чтения текста недостаточно, чтобы понять, что на самом деле означает или о чем он написан. Если при

упоминании других стран в большинстве случаев используются их названия, в финском жаргоне все еще есть различные эвфемизмы, позволяющие говорить о России без употребления слова «Россия». Такие материалы вписаны в определенный контекст, чтобы позволить читателю надлежащим образом их интерпретировать, мобилизуя свой социальный и культурный багаж. Чаще всего Россию называют «восточным соседом» что, разумеется, не оставляет места для иного толкования. Однако в некоторых случаях она именуется просто «наш сосед», порой саркастически «наш любимый сосед» или просто «медведь».

Для анализа контекста развития трансграничного сотрудничества и изменения представлений о России за период с 1990 по 2010 годы в общей сложности отобраны 4708 статей. Этот материал состоит из текстов-мнений: редакционных статей, «оп-эдов» и писем в редакцию (См. График 5). Число статей-мнений, посвященных России или СССР, варьировало от 134 в 2002 году, до 306 в 1991. Письма в редакцию составляют около половины из них (2383; 51%), остальные представляют собой редакционные статьи (1434; 30%) и «оп-эды» (891; 19%). Для дальнейшего изучения данные отбирались с интервалом в два года, в результате чего общее число статей сократилось до 2688.

График 5
Распределение отобранных материалов по типам

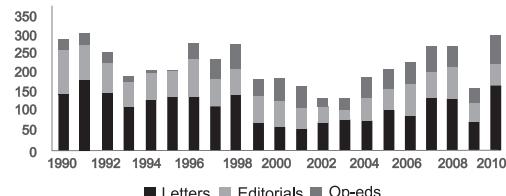

Fig. 5. *Distribution of Collected Articles per Year by Type*

Создание образа России

За исследуемый период произошли существенные изменения по обе стороны финляндско-российской границы – изменилась Финляндия, изменилась Россия, изменилась Европа. В 1990 году мир был еще разделен на два лагеря, и действовало под-

писанное в 1948 году Соглашение о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР. Однако уже в 1995 году Финляндия вступила в ЕС, и в СМИ постоянно обсуждались такие ранее закрытые темы, как возможное членство в НАТО и возврат утраченных территорий. Эти сдвиги значительно повлияли на восприятие России.

Тематическая категоризация собранных статей была непростой задачей, поскольку многие материалы можно было отнести к нескольким темам. Решения в этих случаях носили относительно субъективный характер. Поэтому *График 6* не столько дает представление о распределении материалов по темам, сколько показывает общие тенденции его изменения. Различия в тематике между разными типами статей-мнений не значительны.

График 6

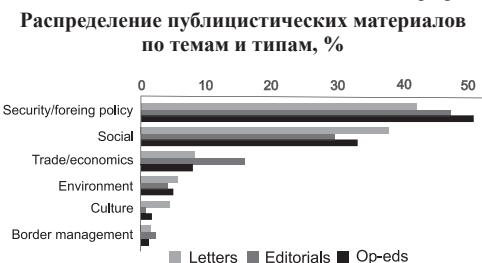

Fig. 6. Sectors of Opinion Pieces by Type of Article, % of Total

За период исследования главными темами были вопросы безопасности / внешней политики (45,4%) и социальные проблемы (34,5%). В определенные годы (1995-1998, 2006 и 2010) более мелкие социальные проблемы (38,0%) по популярности почти не уступали крупным проблемам безопасности и внешней политики (42,2%). В «оп-эдах» и редакционных статьях примерно половина текстов определенно относилась к безопасности и внешней политике. Торговля и другие экономические вопросы обсуждались в первую очередь в редакционных статьях (16,0%). Другие темы, выбранные на основе анализа всех статей, посвященных России, рассматривались редко, особенно управление границей и экономические вопросы.

Авторы, затронувшие культурную жизнь России, описывают ее менее негатив-

но (*См. График 7*). Хотя доля положительных оценок все же низка, большинство текстов написано в нейтральном тоне. Многие из них касались возможностей сотрудничества с Россией в области культуры, знакомства с ее богатством либо культурных сходств между Россией и Финляндией. В материалах по другим темам речь шла скорее о различиях, чем сходствах между странами, и Россия винделась скорее в негативном свете.

График 7

Fig. 7. Sectors vs Tone

Временной анализ тона статей выявил интересную траекторию (*См. График 8*). Осторожность начала 1990-х годов вскоре сменилась большей критикой, а эйфорию прогнозов простого и короткого переходного периода в России быстро затмило возросшее понимание негативных последствий и побочных эффектов распада советской системы. Кроме того, в либеральной обстановке, сложившейся после 1992 года, укоренившаяся традиция самоцензуры постепенно ослабевала, давая больше места открытому высказыванию мнений. Кульминация пришла на конец 1998 – начало 1999 года, когда российское общество потряс тяжелый финансовый кризис.

График 8

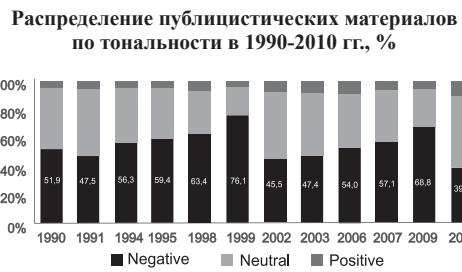

Fig. 8. Distribution of Tones 1990–2010, % of Total

Порой должно стать хуже перед тем, как станет лучше. Кризис привел к перезагрузке отношений между странами, поскольку очевидная драма кризиса придала России более человечное лицо. Если в 1999 году в негативном тоне было написано не менее 76,1% статей, то к 2002 году их доля сократилась до 45,5%. Такой быстрый сдвиг во многом может быть объяснен большими надеждами, связанными с приходом к власти В. Путина, с которым после тяжелых 1990-х связывалось обеспечение крайне необходимой стабильности. Стабильная Россия воспринималась как лучший вариант для Финляндии, чем Россия непредсказуемая и неконтролируемая.

Несмотря на официальную риторику о сотрудничестве между ЕС и Россией, она так и не материализовалась во что-либо конкретное. Стратегии обеих сторон отражали общую заинтересованность в расширении сотрудничества. Разумеется, ЕС и Россия стали более важными партнерами, однако их отношения с самого начала были далеки от «стратегических». Несмотря на громкие заявления, предлагаемые «единые пространства» и «дорожные карты» не дали существенных результатов.

Тон статей о России становился все более негативным, поскольку стало очевидно, что вместо попыток трансформировать страну в демократию западного типа, как надеялся Запад, президент Путин прилагал усилия по восстановлению единства страны, укреплению авторитета государства и ужесточению контроля федерального центра над регионами, чтобы вернуть России статус великой державы. Благодаря огромным энергетическим запасам и связанному с ними экономическому росту, Россия Путина становились все более уверенной в себе, напористой и осознающей свое стратегическое значение в мире. К 2009 году на пике финансового кризиса доля негативных материалов вновь выросла до 68,8%.

История, однако, повторилась: финансовый кризис глубоко потряс страну и показал, как на самом деле глубоко взаимосвязана мировая экономика. Приведения в порядок собственного дома уже было недостаточно; кризис мог быть преодолен только

путем скоординированных, совместных усилий. Осознание этого подтолкнуло Россию к перезагрузке и пересмотру своих отношений прежде всего с Соединенными Штатами; смягчился тон в обсуждении нового соглашения о партнерстве с ЕС. Тональность мнений стала быстро смягчаться.

Отдельный анализ писем, «оп-эдов» и редакционных статей обнаруживает почти идеальную корреляцию трендов (См. График. 9). Среди «оп-эдов» негативных было 2,1%, нейтральных 31,7%, позитивных 6,2%, из редакционных статей негативных 61,6%, нейтральных 31,7%, позитивных 6,7%. Письма носили менее критичный характер: 48,5% из них можно расценить как негативные, 44,7% – как нейтральные и 8,3% – как позитивные.

График 9

Негативные публицистические материалы о России: соотношение писем, экспертных мнений и редакционных статей, %

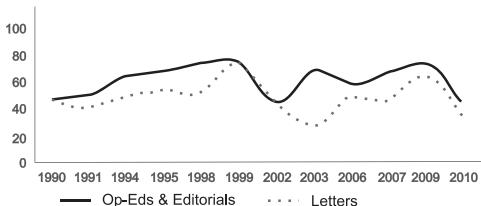

Fig. 9. Writings with Negative Tone on Russia. Letters vs. Op-eds and Editorials, % of the Total

Хотя письма едва ли можно считать репрезентативным отражением *vox populi*, они, безусловно, представляют глас народа более точно, чем интеллектуальные «оп-эды» или собственная позиция газеты, выражаемая в редакционных статьях. Многие письма написаны в ответ на «оп-эды» и редакционные статьи, однако, как показывает рисунок, их тематика и тональность взаимосвязаны. Причинно-следственные связи здесь, разумеется, доказать трудно; следует иметь в виду, что все опубликованные письма прошли процесс отбора. Очевидно, что негативные тексты порождают больше негативных текстов, чем стремление оспорить высказанные мнения.

В целом из 2383 проанализированных статей только 171 имеет положительную коннотацию. Из них 90, или 52,6%, были

письмами, 53 позитивные точки зрения были представлены в редакционных статьях и 28 – в «оп-эдах». Из положительных материалов большинство (21,1%) касалось культурных аспектов, 11,4% – торговли и экономики. На другом полюсе – материалы о безопасности и внешней политике, экологии и внутренней политике: позитивных оценок в них было явно меньше (соответственно 5,2; 3,9 и 2,8%).

Заключение

В комнате находится большая горилла, которая не собирается уходить. Даже когда горилла тихо сидит в углу комнаты, не причиня никому вреда, ее присутствие очевидно. Поскольку она занимает большую часть комнаты, игнорировать ее невозможно. Даже ее незначительные движения вызывают беспокойство, так как никто не знает, куда она пойдет. Так или иначе, горилла должна участвовать во всех крупных дискуссиях, проходящих в комнате, будь они о ЕС, НАТО или погоде. Она вызывает сильные чувства «за» и «против» – у всех есть, что сказать по этому поводу.

Анализ публичных обсуждений в газете *Helsingin Sanomat* дает интересный обзор того, как в Финляндии с 1990 до конца 2010 года менялись отношение к России и представления о ней. В начале 1990-х годов официальный имидж восточного соседа начал рушиться, образуя вакуум, который нужно было заполнить. Материалы HS в начале анализируемого в этой статье двадцатилетнего периода показали, что нельзя закрыть глаза на ситуацию, как это делалось раньше, надеясь, что горилла или, скорее, медведь, просто исчезнет, если о нем не будут говорить. Умолчание о связанных с восточным соседом проблемах стало, пусть и не быстро, трансформироваться в более однозначные оценки ситуации. Формировалось представление о том, что «финляндизация» и связанные с ней порой неадекватные идеи, ставившие под сомнение финскую политику нейтралитета, изжили себя. Они стали служить доказательством недостаточного понимания того, что значило жить рядом с непредсказуемой сверхдержавой.

Если на Западе отношение к России менялось порой в один миг от эйфории до негодования, от отчаяния до надежды, то базовые представления финнов о России были более стабильными. Отчасти это можно объяснить тем, что события в России постоянно освещаются в финских СМИ и публичных дебатах, в то время как в более далеких от нее странах ее образ формируется на основе наиболее ярких новостей. Финны по-прежнему сохраняют осторожность и обосновывают свою позицию прошлым опытом. Следует ли это называть русофобией или реализмом, зависит от точки зрения. Недавние события лишь подтвердили реалистичность оценок.

Дискуссии о России, безусловно, эволюционировали на протяжении двух десятилетий, но изменения не были прямолинейными и однозначными. Возник ряд альтернативных тенденций, и по-прежнему существует множество вариантов интерпретации событий. Иными словами, образ России воспринимается по-разному в различных контекстах, на разных уровнях, в разных сферах деятельности и разными участниками. Россия видится очень по-разному в зависимости от того, рассматривается ли она в контексте повседневной жизни, как страна-сосед, или как возрождающаяся сверхдержава.

Кроме того, у разных людей по-разному формируются представления о России. Сторонники старой школы политики дружбы по-прежнему имеют романтизированное представление о ней и с осторожностью относятся к отказу от принципа неприсоединения Финляндии. Другие пытаются бороться с географическими факторами и видеть Финляндию в центре Евросоюза как подлинно западноевропейскую нацию. Среди экспертов по России пессимисты, кажется, оказываются правы чаще, чем оптимисты. Одни по-прежнему считают Россию навсегда чужой страной, любое взаимодействие с которой обречено на провал, другие – что сотрудничество возможно только через признание фактов, какими бы они ни были.

Чем дальше Россия, тем больше она кажется европейской. Конtrast более очевиден на самой границе, где чаще всего происходит повседневное взаимодействие между

представителями обеих стран. Это, однако, не должно рассматриваться как что-то отрицательное по своей сути. Различия в языке, моделях управления, финансовых ресурсах, специфике интересов, уровне знаний, непостоянство целей и людей, ответственных за отдельные проекты, чаще всего объясняемые недостаточным развитием трансграничных отношений, разным уровнем цен или различиями в законодательстве, на самом деле могут способствовать взаимодействию.

В целом, в отличие от документов ЕС и речей финского политического руководства, которые рисовали довольно оптимистичную картину процессов в России, публичные обсуждения в HS носили более пессимистичный характер. Данное исследование полностью подтверждает выводы Л. Лоунасмери⁵⁴ о том, что повседневные дискуссии опираются на прошлое и порой в нем застrevают. Позиция и аргументы, отстаиваемые в письмах в редакцию, как правило, строятся на традиционалистском подходе, опыте прошлого и предположении о том, что Россия не изменилась и не изменится. Комментарии часто преподносятся как исторические факты, которые затем используются в описании России. Если редакционные статьи и «оп-эды», как правило, касаются долгосрочных процессов, то в письмах часто затрагивают отдельные, изолированные события, используемые в качестве *еще одного* доказательства неспособности России сделать так, как надо – разумеется, с финской точки зрения. В письмах Россию изображают как угрозу и стремятся подчеркнуть различия, отмечая, что несмотря на возможную выгоду от большего взаимодействия, граница как таковая по-прежнему нужна с точки зрения формирования идентичности и ментальных конструкций, как напоминание о прошлых событиях.

СМИ играют центральную роль в обеспечении (вос)производства исторических образов и нарративов в публичной сфере. Ретроспективное переписывание истории

⁵⁴ Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

всегда является политическим проектом для достижения определенных целей путем целенаправленного акцентирования одних событий и процессов и преуменьшения других. Такие пересказы истории частично могут быть поняты как терапевтические откровения, но могут представлять собой попытки подвести историю под «истину», кажущуюся объективной в субъективном восприятии и политico-идеологической ориентации индивида. Яркий пример – воспроизведение границ через мобилизацию исторической памяти, затрагивающую исторические несправедливости или укрепляющие групповую идентичность, нередко путем утверждения негативных стереотипов о «не наших». В результате отрицательные предубеждения вновь оживают и обновляются⁵⁵. Если большинство писем посвящалось локальным проблемам, то анализ событий внутри России и ее роли на международной арене был уделом редакционных статей и «оп-эдов».

Однако двигаться вперед очень трудно, когда смотришь назад. Редакционные статьи и «оп-эды», в которых подчеркиваются высказывания элиты, как правило, основаны на более традиционалистском подходе и сосредоточены на потенциальных возможностях, хотя порой несколько сомнительным образом. В таких статьях часто размышляют о будущем, порой забывая о прошлом. Такие статьи нередко опускают отношения Финляндии и России до уровня прагматических «за» и «против»⁵⁶. Они игнорируют более глубокие, фундаментальные, часто эмоциональные реакции, отражаемые в письмах.

В концептуализации роли России в финской культуре используются мифы. Для создания желаемого смысла слова фразы и выражения тщательно, иногда интуитивно отбираются в семиотических ресурсах общества и культуры. Выбор этих ресурсов определяется основным мифом, который

⁵⁵ Papadakis, Yiannis. *Echoes from the Dead Zone: Across the Cyprus Divide*. London: I.B. Tauris, 2005.

⁵⁶ Lounasmeri, Lotta. Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.

затем снова подтверждается при их использовании. Этот миф имеет также идеологическую функцию. Он используется для передачи идеологических норм, а также доминирующих и исторических ценностей финской культуры. Таким образом, миф служит для того, чтобы сделать коллективные взгляды и убеждения, пусть и необоснованные, естественными и самоочевидными. До тех пор, пока он не подлежит сомнению, миф не нужно воспринимать как миф, а скорее как культурно-объективное и «истинное» отражение вещей⁵⁷.

Тексты-мнения, проанализированные в данном исследовании, не могут считаться только формой коммуникации, т.е. передачей знаний от автора к читателям. Наоборот, они являются яркими примерами коммуникативного построения смыслов, с помощью которого они вызывают у читателя желание их интерпретации. Чем сильнее основной миф, тем легче автору (отправителю сообщения) и читателю (получателю сообщения) прийти к общей интерпретации. В случае с Финляндией очевидность мифа о России в том, как можно говорить и писать о России: многие вещи умалчиваются и читаются между строк. В результате создан некий шифр, который может быть раскрыт только теми, кто знаком с соответствующими кодами и обладает соответствующим социальным знанием, из чего исходит отправитель.

Социальное конструирование национальной идентичности вряд ли может быть более очевидным. Группа «мы» определяется в процессе «инаковизации» (*othering*): чем больше отрицательных качеств приписывается группе «они», тем позитивнее воспринимается группа «мы». Социально-экономические различия по обе стороны границы часто преподносятся как нечто положительное, так как это полезно в усилении образа процветающей Финляндии и поддержании ее отличий от России. В письмах образ России по-прежнему во многом ассоциируется с медведем, который рычит, бьет, топает и ведет себя агрессивно. Медведя стоит бояться: этот образ используется для поддержания

образа России как агрессивной, варварской, неповоротливой и упрямой страны. Независимо от их точности, эти характеристики подтверждают различие между двумя нациями. Среди финнов они вызывают чувство предполагаемого превосходства над соседом, который, возможно, сильный, но изображается как нецивилизованный.

Разговорный язык изобилует более резкими выражениями о России и россиянах, ни одно из которых не является положительным. При этом многие выражения употребляются даже в достаточно формальной обстановке, не вызывая особого негодования. Хотя публикации такого рода выделяются среди материалов, попавших в бумажную версию HS, комментарии, оставляемые на интернет-страницах газеты, часто прибегают к использованию стереотипов за отсутствием других средств донести ту или иную мысль.

Постоянное использование этих пренебрежительных высказываний оправдывается тем, что они являются лишь обычными, не несущими особой смысловой нагрузки идиомами, но возможно, в этом и кроется суть проблемы: с учетом географической близости повседневные трансграничные отношения по-прежнему далеко не «нормализованы», и их потенциал используется недостаточно. Если использование стереотипных и намеренно вводящих в заблуждение описаний говорит больше о финнах, чем о россиянах, базовые подходы, которые они подразумевают, явно расходятся с риторикой о стремлении стереть психологические барьеры.

По-видимому, существует также постоянная необходимость «подкармливать» и поддерживать представление о России как угрозе. Хотя известно, что больший интерес вызывают плохие новости, чем хорошие, подобные описания России в СМИ обусловлены далеко не только этим. Мнения, отобранные к публикации, дают весьма негативные представления о России; даже изначально положительные события и явления, как правило, искажаются и преподносятся негативно. Негативные предубеждения повторяются и используются для разных целей, порой с характерным подбором слов. Негативные

⁵⁷ Barthes, Roland. *Image-Music-Text*. London: Fontana Press, 1977.

глаголы часто сопровождаются эпитетом «как обычно» или «опять», как бы намекая, что данное явление типично для России. Хотя такие неприятные черты, как правило, официально преподносятся как достойные сожаления, язык и отдельные слова, используемые сотрудниками HS в редакционных статьях и особенно в «оп-эдах», лишь подливают масла в огонь и усиливают общую негативную тональность.

Но вернемся к нашей «горилле». Когда дебаты принимали более конструктивный характер и опирались на конкретные примеры с реальными именами, а не на ментальные образы и фигуры речи, горилла начала трансформироваться в более адекватного партнера. Горилла, конечно, еще оставалась большой, но по мере углубления диалога она казалась уже более предсказуемой, появилась возможность взаимного обмена идеями. Вместо того, чтобы прогнать или продолжать бояться ее, была предпринята реальная попытка подружиться и сотрудничать с ней по решению *наших* общих проблем. Это позволило снять «тропическую лихорадку», в результате чего отношения с гориллой стали более нормальными, а сама горилла стала желанным гостем.

References:

- Aittokoski, Heikki; Kovanen, Inka. Suomalaiset suhtautuvat erittäin karsaasti Venäjään // *Helsingin Sanomat*, 11 October 2004.
- Aro, J. E.; Rosberg, Johan E.; Poijärvi, L. Arvi P. Koulun maantieto. Helsinki: Otava, 1947.
- Barthes, Roland. *Image-Music-Text*. London: Fontana Press, 1977.
- Browning, Christopher S.; Lehti, Marko. Beyond East-West: Marginality and National Dignity in Finnish Identity Construction // *Nationalities Papers* 2007, No. 35(4), pp. 691-716.
- Ciofalo, Andrew; Traverso, Kim. Does the Op-ed Page Have a Chance to Become a Public Forum? // *Newspaper Research Journal*, 1994, No. 15(4), pp. 51-63.
- Edensor, Tim. Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice. *Theory // Culture and Society*, 2004, No. 21(4-5), pp. 101-120.
- Fowler, Roger. *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*. London: Routledge, 1991.
- Grey, David L.; Brown, Trevor R. Letters to the Editor: Hazy Reflections of Public Opinion // *Journalism Quarterly*, 1970, No. 47, pp. 450-471.
- Habermas, Jürgen. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Habermas, Jürgen. *The Structural Transformation of the Public Sphere: an Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
- Haikonen, Jyrki; Kiljunen, Pentti. *Mitä mieltä, suomalainen?* Helsinki: Taloustieto, 2003.
- Hakovirta, H. Odotaja katso: analyysi Suomen läntisen integraatiopolitiikan perusmallista / In H. Hakovirta & R. Väyrynen (Eds), *Suomen ulkopoliitikka*. Jyväskylä: Gummerus, 1975. Pp. 415-419.
- Hallikainen, Anna. *Venäjän kahdet kasvot: maakunnallisten ohjelma-asiakirjojen ja vertailuaineiston välittämä Venäjä-kuva*. Tampere: Tampere University Press, 2003.
- Harle, Vilho; Moisio, Sami. *Missä on Suomi? Kansallisen identiteettipoliittikan historia ja geopolitiikka*. Tampere: Vastapaino, 2000.
- Hart, Stephen. *Cultural Dilemmas of Progressive Politics: Styles of Engagement among Grassroots Activists*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Helakorpi, Seppo; Juuti, Pauli; Niemi, Hannele. *Tiimiorganisoitu koulu*. Juva: WSOY, 1996.
- Holmén, Janne. *Den politiska läroboken: bilden av USA och Sovjetunionen i norska, svenska och finländska läroböcker under Kalla kriget*. Uppsala: Uppsala University, 2006.
- Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*, 1993, No. 72(3), pp. 22-49.
- Immonen, Kari. *Ryssästä saa puhua... / Neuvostoliitto suomalaisessa julkisuudessa ja kirjat julkisuuden muotona 1918-1939*. Helsinki: Otava, 1987.
- Immonen, Kari. *Suomalaisen Venäjä-kuva ja uusi Neuvostoliitto*. Kuopio: Snellman instituutti, 1990.
- Jukarainen, Pirjo. *Rauhan ja raudan rajoilla: nuorten maailmanjäsenyyksiä Suomen ja Venäjä sekä Ruotsin ja Suomen rajojen tuntumassa*. Helsinki: Like, 2001.
- Kapoor, Suraj; Botan, Carl. *Studies Compare How Editors Use Letters // The Masthead*, 1992, No. 44(1), pp. 5-7.
- Kaufmann, Rebecca; Broms, Henri. A Semiotic Analysis of the Newspaper Coverage of Chernobyl in the United States, the Soviet Union, and Finland // *Semiotica*, 1988, No. 70(1-2), pp. 27-48.
- Klemola, Pertti. *Helsingin sanomat: sananvapauden monopolii*. Helsinki: Otava, 1981.
- Klinge, Matti. *Keisarin Suomi*. Espoo: Schildts & Söderströms, 1997.
- Linnell, Jarno. *Suomen uhkakuvapolitiikka 2000-luvun alussa*. Helsinki: National Defence University, Department of Strategic and Defence Studies, 2009.
- Lounasmeri, Lotta. *Lähellä, mutta niin kaukana? Suomalaisen Venäjäkuvan äärellä / In L. Lounasmeri (Ed.), Nämä naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 7-15.
- Lounasmeri, Lotta. *Sinivalkoisin vai vaaleanpunaisin silmälasein? Neuvostoliiton kuva suomalaisessa julkisuudessa Tšekkoslovakian miehityksestä Janajevin juntaan / In L. Lounasmeri (Ed.), Nämä naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 68-124.
- Luostarinen, Heikki. *Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image*. *Journal of Peace Research*, 1989, No. 26, pp. 123-137.
- Luostarinen, Heikki. *Perivihollinen: Suomen oikeisto-lehdistön Neuvostoliittoa koskeva viholliskuva sodassa 1941-1944, tausta ja sisältö*. Tampere: Vastapaino, 1986.
- Mautner, Gerlinde. *Checks and Balances: How Corpus Linguistics Can Contribute to CDA / In R. Wodak & M. Meyer (Eds), Methods for Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009. Pp. 122-143.

- Mavers, Diane.* Student Text-Making as Semiotic Work // *Journal of Early Childhood Literacy*, 2009, No. 9(2), pp. 141-155.
- Nagel, Gerald.* Letters to the Editor: a Public Bid for Fame // *Columbia Journalism Review*, 1974, No. 13, pp. 47-48.
- Nokkala, Arto.* Uhka ja kumppani: Venäjä Suomen puolustushallinnossa. Helsinki: National Defence University, 2009.
- Ojajärvi, Sanna; Valtonen, Sanna.* Karhun ja kassakoneen naapurissa: journalismin ja kansalaisten Venäjät / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 19-67.
- Paasi, Anssi.* Territories, Boundaries and Consciousness: the Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester: John Wiley & Sons, 1996.
- Paasi, Anssi.* The Construction of Socio-Spatial Consciousness: Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism // *Nordisk samhällsgeografisk tidskrift*, 1992, No. 15, pp. 79-100.
- Page, Benjamin I.* Who Deliberates? Mass Media in Modern Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Papadakis, Yiannis.* Echoes from the Dead Zone: Across the Cyprus Divide. London: I.B. Tauris, 2005.
- Perrin, Andrew J.; Vaisey Stephen B.* Parallel Public Spheres: Distance and Discourse in Letters to the Editor // *American Journal of Sociology*, 2008, No. 114(3), pp. 781-810.
- Pietiläinen, Jukka.* Venäjä ulkomaan uutisoinnin kohteena: erikoistapaus? / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2001. Pp. 171-189.
- Raittila, Pentti.* Etniset aiheet, vähemmistöt ja niiden suhteet suomalaisessa journalismissa vuonna 2000 / In P. Raittila (Ed.), *Etnisyys ja rasismi journalismissa*. Tampere: University of Tampere Press, 2002. Pp. 31-108.
- Raittila, Pentti.* Suomalaisnuoret ja idän ihmemaat. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1988.
- Raittila, Pentti.* Venäjä kansalaismielipiteenä / In L. Lounasmeri (Ed.), *Näin naapurista: median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino, 2011. Pp. 125-168.
- Reader, Bill.* Should 'A Citizen' Have His Say? A Historical Argument for the Publication of Unsigned Commentary in 'Letters to the Editor' Forums. Paper presented AEJMC conference, 5-8 August 2001, Washington, D.C., 2001.
- Richardson, John E.* Analyzing Newspapers: an Approach from Critical Discourse Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Seppänen, Esa.* Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras. Suomen naapurikuvan todet, luulot ja harhat. Helsinki: Tammi, 2010.
- Sigelman, Lee; Walkosz Barbara J.* Letters to the Editor as a Public Opinion Thermometer: The Martin Luther King Holiday Vote in Arizona // *Social Science Quarterly*, 1992, No. 73(4), pp. 938-946.
- Singletary, Michael; Cowling, Marianne.* Letters to the Editor of the Non-Daily Press // *Journalism Quarterly*, 1979, No. 56(1), pp. 165-168.
- Suutarinen, Sakari.* Kansallisen identiteetinopettaminen ja uuden vuosihuannen haasteet / In S. Suutarinen (Ed.), *Nuoresta pätevää kansalaisesta*. Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2000. Pp. 86-126.
- Tuomisalo, T.* Aivopesun jälkeen syttäkin metelöidä / *Helsingin Sanomat*, 28 March, 2009.
- Van Dijk, Teun.* Discourse Analysis as Ideology Analysis / In C. Schäffner & A. Wenden (Eds), *Language and Pace*. Aldershot: Dartmouth, 1995. Pp. 17-33.
- Van Dijk, Teun.* Racism and Argumentation: 'Race Riot' Rhetoric in Tabloid Editorials / In F. H. van Eemeren (Ed.), *Argumentation illuminated*. Dordrecht: Foris, 1992. Pp. 242-259.
- Vihavainen, Timo.* (eds). Venäjän kahdet kasvot: Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki: Edita, 2004.
- Voionmaa, Väinö.* Suomen uusi asema: Maantieteellisiä ja historiallisia peruspäteitteitä. Porvoo: WSOY, 1919.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* A "Legitimate Beef" or "Raw Meat"? Civility, Multiculturalism and Letters to the Editor // *Communication Review*, 2004, No. 7(2), pp. 89-105.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Different Strokes, Different Folks: Comparing Danish and British Op-ed Pages // *Grassroots Editor*, 2003, No. 44(4), pp. 9-13.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Letters to the Editor // *Peace Review*, 1999, No. 11(1), pp. 53-59.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Letters to the Editor as a Forum for Public Deliberation: Modes of Publicity and Democratic Debate // *Critical Studies in Media Communication*, 2001, No. 18(3), pp. 303-320.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Op-ed Pages / In B. Franklin (Ed.), *Pulling Newspapers Apart*. London: Routledge, 2008. Pp. 70-79.
- Wahl-Jorgensen, Karin.* Playground of the Pundits or Voice of the People? Comparing British and Danish Opinion Pages // *Journalism Studies*, 2004, No. 5(1), pp. 59-70.

PERCEPTION OF RUSSIA IN THE FINNISH PUBLIC CONSCIOUSNESS

Jussi Laine

*Association for Borderlands Studies, University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland***Article history:***Received:*

15 October 2016

Accepted:

15 November 2016

About the author:

Executive Secretary, Treasurer, Association for Borderlands Studies, University of Eastern Finland, Karelian Institutes

e-mail: jussi.laine@uef.fi

Abstract: Finland and the Russian Federation share significant overlaps in history. With the exception of a couple of conflicts, the relationship between the two is commonly described as friendly. With a common border of more than 1,300 kilometers, Finland has always been closely tied to its eastern neighbor. Despite the physical proximity, the Cold War era closure of the border increased the mental distance between the two sides, and fostered an image of the other colored largely by attitudinal stereotypes. For a long time, a good fence indeed made good neighbors. The resultant ‘us’ versus ‘them’ mentality etched in the minds of many has proven to be far more deeply rooted and harder to erase than the political border per se. In an attempt to trace the development of the portrayed image of Russia, this article analyzes the opinion columns featured in the main Finnish newspaper *Helsingin Sanomat* during 1990–2010. The analysis suggests that little effort has been made to improve the popular geopolitical image of Russia. While understanding the potential of having Russia as a neighbor, many Finns continue to actively reconfirm the elements in the neighbor, which should be let go in order move beyond stereotypes. This tendency is only reinforced by the load of the language used in the opinion writings, which seems to inhibit people from critically evaluating the opinions and views that they hold. Myths about Russia are used for transferring ideological norms and dominant historical values of Finnish culture. Therefore, myths serve to make collective views and convictions natural and evident, even if they ungrounded. Stronger is the main myth, easier it is for both the author (the message’s sender) and the reader (the message’s recipient) to find a common interpretation. As a result, it creates a code which can be understood only by those who know it and possesses a respective social knowledge.

Key words:Image; Finland; Russia;
newspapers; publicism;
opinion journalism.

Для цитирования: Лайне Ю. Восприятие России в общественном сознании Финляндии // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 123–139.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139

For citation: Laine, Jussi. Vospriiatie Rossii v obshchestvennom soznanii Finniandii (Perception of Russia in the Finnish Public Consciousness) // Comparative Politics Russia, 2017, No.1, pp. 123-139.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-123-139

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Андрей Семенович Скачков

МИД России, г. Москва, Россия

Информация о статье:

Поступила в редакцию:

17 февраля 2016

Зарегистрирована:

2 октября 2016

Принята к печати:

1 ноября 2016

Об авторе:

к.полит.н., начальник отдела, Второй Европейский
департамент, МИД России

e-mail: andskachkov@yandex.ru

Ключевые слова:

историческая память;
политические процессы; правящие элиты;
исторические образы и мифы;
моделирования исторического сознания;
конфликт памяти.

Аннотация: После обретения независимости в 1991 году правящие элиты Латвии, Литвы и Эстонии активно использовали вопросы истории в процессе государственного строительства. Они попытались формировать свою политику на отрицании и собственной интерпретации советского прошлого, что привело к острейшему конфликту исторических памятей на национальной почве и оказало заметное влияние на формировании политических процессов в Прибалтике.

В современной политической практике историческая память активно используется правящими элитами различных стран для мобилизации общества и удержания власти, реализации внешнеполитических целей. История, хотим мы этого или нет, превратилась в господствующую идеологию многих политиков и режимов. При этом исторические образы и интерпретации (как положительные, так и отрицательные) особенно востребованы в периоды смены эпох и судьбоносных политических трансформаций, когда они берутся на вооружение для моделирования и утверждения новых образов национальной и государственной идентичности.

Важно подчеркнуть, что историческая память в современных политических реалиях отнюдь не является величиной постоян-

ной. Совсем наоборот, она моделируется в зависимости от интересов и задач различных политических групп, которые, говоря словами М. Хальбвакса, «формируют варианты интерпретации прошлого, через которые память проникает в традицию. Таким образом, происходит перенос центра внимания в паре «история/память» от паттернов воспоминаний к политике»¹.

В наши дни вышесказанное особенно наглядно проявляется в отношении истори-

¹ Кукарцева М. «Забытые» конфликты в фокусе современности / Современный мир и geopolитика. – М.: Издательство КАНОН-ПЛЮС, 2015. – С. 176. [Kukartseva, M. "Zabitie" konflikti v fokuse sovremennosti ("Forgotten" Conflicts in the Focus of Modernity) / Sovremenniy mir I geopolitika. Izdatelstvo KANON-PLUS, 2015. P.176].

ческой памяти о Второй мировой войне. Эти нарративы достаточно статичны и не дискутируемы для таких государств как Россия, Великобритания, Франция, Италия и многие другие. В названных странах отношение к знаковым событиям, связанным с войной, формировалось на базе непререкаемости тезисов о героической освободительной роли советской и союзнических армий в борьбе с нацистской Германией, которая ассоциируется с абсолютным злом. И в современной Германии направленность исторического дискурса по данной проблеме в целом соответствует обозначенным параметрам.

Что же касается ощущения исторической памяти Второй мировой войны в странах Восточной Европы, то его достаточно точно передает британский политолог Т. Тэкер – в период Холодной войны оно «было магистральным и монолитным, в значительной степени сформированным на идеях советского коммунизма»². Начало кардинальных переоценок этих складывавшихся десятилетиями трактовок мы связываем с перекройкой карты Европы после раз渲ла СССР и советского блока. Произошла «фрагментация недавно монолитной памяти, появились целый ряд индивидуальных национальных воспоминаний о периоде войны»³, а также послевоенном периоде. При этом именно государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе бывшие прибалтийские республики, впервые в новейшей истории направили болезненный процесс поиска собственной национальной идентичности по пути отрицания и оспаривания устоявшейся памяти о войне.

Стремление положить историю в основу правящей идеологии, государственного строительства и формирования политических

институтов особенно отчетливо прослеживается на примере Латвии, Литвы и Эстонии, получивших независимость в 1991 году. Внезапно упавший в руки еще не сформированному балтийскому правящему классу суверенитет потребовал мобилизации усилий по легитимации власти, моделированию национального исторического сознания, созданию образов национальных героев и врагов.

Поскольку непродолжительный опыт самостоятельного развития в 1920-40 гг. оказался утрачен послевоенными поколениями и не мог быть использован новыми прибалтийскими элитами, они выбрали наиболее «простой» путь реализации в том числе геополитической задачи, поставленной перед ними западными кураторами. Они попытались побыстрее отмежеваться от исторического влияния восточного соседа через тотальную демонизацию и отрицание советского прошлого, духовным и правовым наследником которого объявлялась современная Россия. Таким образом, вопрос персонификации исторического врага был предрешен и достаточно быстро.

Примечательно, что, декларировав демократический выбор государственного развития и отказавшись от идеократических установок СССР, в том числе в отношении исторической науки и истории в целом, новоявленные политэлиты Прибалтики сами стали на путь жесткой идеологизации общественного сознания, выхолащивания любого инакомыслия в вопросах трактовки истории. Понятно, что подобные, не имеющие ничего общего с политическим плюрализмом условия, сделали неразрешимой задачу организации «эффективного управления обществом без эффективной экспертизы – политической, социологической, экономической»⁴

² Тэкер Т. Поиски национальной идентичности приводят к новой трактовке истории // Информационный портал RUBALTIC. 10.03.15. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/> [Thacker, T. Poiski natsionalnoi identichnosti privodiat k novoi traktovke istorii (Search for National Identity Results in New Representation of History) // *Informatsionnyi portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/>]

³ Ibid.

⁴ Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Серия –Российская политическая наука: истоки и перспективы. Под ред. Гаман-Галутвиной О.В. Предисловие Гаман-Галутвиной О.В. – М.: Издательство АСПЕКТ ПРЕСС, 2015. – С. 8. [Strukturnye transformatsii i razvitiye otechestvennykh shkol politologii (Structural Transformations and Development of Russian Political Science School) / Seriya –Rossiiskaiia politicheskaiia nauka: istoki i perspektivy. Ed. by Gaman-Galutvina, O.V. Foreword by Gaman-

(добавлю, исторической). В социальный, политический и межэтнический аспекты государственного развития изначально был заложен разрушительный конфликтный потенциал.

Не стоит в этом плане забывать, что главным отличием Латвии, Литвы и Эстонии от других государств ЦВЕ, также практиковавших однобокую интерпретацию советского прошлого в увязке с претензиями к России, являлось формирование политического дискурса о новом историческом сознании под сильным влиянием т.н. западных прибалтов – потомков послевоенных иммигрантов, которые в постсоветские годы репатриировалась из западной Европы, США и Канады. Понятно, что в качестве идеологического императива эта прослойка принесла свое сугубо негативное видение роли СССР в истории Прибалтики, наследованное от родителей, многие из которых сотрудничали с нацистскими оккупационными властями или сражались на фронтах Второй мировой войны на стороне гитлеровской Германии. В своей книге «Латвийский кандидат, или неизвестные приключения в Европе» итальянский политик и журналист Дж. Кьеза подробно затрагивает тему создания руководящих элит Польши, Литвы, Латвии и Эстонии под воздействием западных репатриантов, заряженных антироссийскими и антируссскими настроениями. Он отмечает, что произошедшее «не было случайностью или ошибкой, а целенаправленным воздействием в пользу формирования правительства из людей, которые враждебно относились к России»⁵.

Идеологическим флагом этих репатриантов, занявших влиятельные позиции в политическом истеблишменте новых прибалтийских государств, стали по меньшей мере

Galutvina, O.V. Moscow: Izdatel'stvo ASPEKT PRESS, 2015. P. 8].

⁵ Кьеза Дж. В Европе доминирует беспрецедентная ложь // Информационный портал RUBALTIC. 18.08.14. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/> [Chiesa, G. V Evrope dominiruet bespretsedentnaya loj (Europe is Dominated by Outright Lie) // Informatzionny portal: RUBALTIC. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/>]

спорные с точки зрения исторической науки и международного права утверждения о «советской оккупации» и «аннексии» Прибалтики, а также мифологизированные образы участников т.н. «национального сопротивления» (к ним поспешили отнести латвийских и эстонских легионеров «Ваффен СС», а также «лесных братьев», боровшихся с советской властью вплоть до середины 50-х годов прошлого столетия). Подобными возведенными в разряд хрестоматийных истин трактовками и стали руководствоваться в проведении внутреннего и внешнеполитического курса новый правящий класс, а также историческая наука прибалтийских государств.

Эти новые исторические нарративы получили закрепление в целом ряде официальных документов. Например, в Латвии можно упомянуть декларации Сейма «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г., «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г. В частности, в декларации «Об оккупации Латвии» утверждается, что «Руководство СССР целенаправленно наставнило Латвию сотнями тысяч мигрантов, чтобы с их помощью уничтожить идентичность народа Латвии»⁶. В свою очередь, в декларации о легионерах делается попытка преуменьшить преступления нацистов, меркнувших по сравнению со «злодействиями» советского режима, ретушировать память о жертвах нацистского геноцида и на этом фоне героизировать латышских участников формирований «Ваффен-СС». Приведем достаточно красноречивую выдержку из этого документа: «Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в латышский легион добровольно, но это произошло потому, что СССР в 1940-1941 гг. осуществлял в Латвии геноцид. Германия также в

⁶ Симиндей В. Историческая политика Латвии – Материалы к изучению. – М: Фонд «Историческая память», 2014. – С. 39, 42. [Simindey, V. Istoricheskaya politika of Lithuania – materiali k izucheniyu (Historical Policy of Latvia – Information for Consideration). Moscow: Fond Istoricheskaya pamiat, 2014. P. 39, 42].

это время допускала военные преступления и геноцид, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах. Поэтому, вступая в легион, некоторые граждане Латвии считали, что защищают себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР⁷.

Подобные исторические установки доводились властными структурами до научного сообщества для использования в качестве обязательного ориентира в работе. Так, госсекретарь МИД Латвии А. Тейкманис в интервью газете «Латвияс авизе» от 11 января 2011 г. заявлял, что «не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать ни на йоту». Председатель Сейма ЛР С. Аболтина также отмечала, что «советская оккупация Латвии является таким же неоспоримым и фундаментальным фактом, как и Холокост»⁸.

Альтернативное мнение на вопросы послевоенной истории в прибалтийских странах рассматривается как проявление нелояльности государству (отрицание факта «советской оккупации») со всеми вытекающими персональными последствиями. В Литве на этот счет даже был принят соответствующий уголовный закон⁹.

Параллельно Рига, Вильнюс и Таллин ввели запреты на въезд в свои страны рос-

сийским ученым и экспертам, стоящим на неприемлемых с точки зрения прибалтийских властей идеологических позициях. Только в последние годы Латвией и Литвой персонами нон-грата были объявлены сотрудники российского фонда «Историческая память» А. Дюков и В. Симиндей, политологи М. Колеров и С. Михеев. Широкий резонанс в европейских странах получил запрет эстонских властей на въезд в страну Дж. Кьеза с формулировкой, что он «представляет угрозу» национальной безопасности Эстонии.

Чисто методологически в выборе исторических стереотипов, формирующих историческое сознание, новые прибалтийские элиты изначально сделали ставку на профилирование сложных периодов совместного с Россией прошлого (насильственный характер вступление в СССР в 1940 г., депортации 1940 и 1949 гг., тяготы пребывания в составе СССР и т.д.). Российская сторона, наоборот, настаивала на максимально непредвзятом и объективном анализе истории без какой-либо политизации. В этих целях прибалтам было предложено вывести проблемные вопросы за скобки политических дискуссий, отдать их на рассмотрение двусторонних комиссий историков.

Нужно отметить, что такие комиссии по обоюдному согласию были созданы с Латвией и Литвой. Однако их работа не увенчалась успехом из-за постоянного стремления одной стороны использовать эти структуры для продвижения однобоких «оккупационных» подходов, а также специфического видения исторических фактов, а также мифов о войне. Так, сопредседатель латвийской части комиссии И. Фелдманис сразу достаточно ясно расставил акценты, подчеркнув, что «наша позиция по событиям 1939-1940 гг. твердая. Работа совместной комиссии будет направлена в такое русло, чтобы быть полезной для Латвии»¹⁰. Уместно вспомнить,

⁷ Там же. С.42. [Ibid, P.42].

⁸ Война памяти: зачем Латвии двусторонняя комиссия историков?//Информационный портал: RUBALTIC. 06.12.13. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnaya-komissiya-istorikov05122013/> [Voina pamyati: zachem Latvii dvustoronnaya commissiya istorikov? (War of Memories: Why Latvia Needs Bilateral Commission on History) // *Informatsionny portal*: RUBALTIC. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnaya-komissiya-istorikov05122013/>]

⁹ В январе 2013 г. литовский политик левого толка А. Палецкис был признан Верховным судом ЛР виновным в отрицании «советской оккупации» – вины советских войск в январских событиях у Вильнюсской телебашни 1991 г. В качестве наказания был назначен денежный штраф.

¹⁰ Симиндей В. Историческая политика Латвии – Материалы к изучению. – М: Фонд «Историческая память», 2014. – С. 18. [Simindey, V. Istoricheskaya politika of Latvia – materiali k izucheniyu (Historical Policy – Information for Consideration). Moscow: Fond Istoricheskaya pamiat, 2014. P. 18].

что именно этот историк в свое время на странице латвийской газеты доказывал, что концлагерь Саласпилс под Ригой не являлся лагерем смерти, т.к. людей там, якобы, «убивали не сразу после привоза как в обычных лагерях»¹¹. При этом он пытался показать, что российские историки «умышленно в десятки раз преувеличивают» число погибших в этом лагере: «Всего там было уничтожено лишь только две тысячи человек, а не сто тысяч. Это была скорее расширенная тюрьма. Лагерь строили привезенные из Германии евреи, и из них какая-то тысяча в Саласпилсе погибла...»¹². Впоследствии ряд латышских историков (К. Кангерс, У. Нейбургс, Р. Виксне) попытались творчески развить эти «наработки», доказывая, что в Саласпилсе у малолетних детей не выкачивали кровь для солдат Вермахта, а «брали анализы и лечили». Комментарии, как говорится в таких случаях, излишни.

Между тем, если латышами, литовцами и эстонцами новые исторические образы были восприняты без особых дискуссий как данность, то населявшая, прежде всего Латвию и Эстонию, многочисленная русскоязычная община почувствовала опасный подвох. Ведь положенная в основу государственного строительства этих стран концепция континуитета¹³ вскоре материализовалась в беспрецедентный для Европы феномен массового безгражданства. Он стал

результатом введенного Ригой и Таллином в начале 1990-х дискриминационного законодательства о восстановлении гражданства только для этнических латышей и эстонцев, а также представителей нацменьшинств, проживавших в этих странах до июня 1940 г. (т.е. до начала «советской оккупации»).

Применительно к теме данного исследования можно констатировать, что такой подход полностью отвечает логике формирования исторического и политического дискурса в государствах Прибалтики в соответствии с ожиданиями националистически ориентированного избирателя, который воспринимает историю в созданных для него мифологизированных образах. Приходится при этом учитывать, что более трети постоянных жителей Латвии и Эстонии в результате реализации концепции континуитета стала в одночасье «негражданами», лишившись политических (в том числе избирательных) прав. В этой ситуации свое отличное мнение на историю в первые годы независимости эти люди были вынуждены оставить при себе. В Литве же немногочисленная русскоязычная диаспора вообще не принималась в политический расчёт.

Таким образом, процесс моделирования исторического сознания в Прибалтике на начальном этапе проходил без участия значительной части населения, что внешне могло создавать иллюзию относительной бесконфликтности дискурса по вопросам истории.

В реальности же ситуация складывалась намного драматичнее. Речь шла об углублении год от года острейшего конфликта исторических памятей на основе диаметрального восприятия русскоязычной и балтийскими диаспорами предвоенного, военного и послевоенного периодов. Формировались антагонистические трактовки причин (в т.ч. пресловутого пакта Молотова-Риббентропа) и итогов Второй мировой войны, образов победителей и жертв, героев и преступников войны.

Хорошо известно, к примеру, принятное в качестве аксиомы в балтийской историографии суждение о том, что их страны в середине прошлого века пережили «три оккупации» – нацистскую и две советские

¹¹ Война памяти: зачем Латвии двусторонняя комиссия историков? // Информационный портал: RUBALTIC. 06.12.13. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voynu-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnaya-komissiya-istorikov05122013/> [Voina pampati: zchem Latvii dvustoronnia commissia istorikov? (War of Memories: Why Latvia Needs Bilateral Commission on History) // *Informatsionny portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voynu-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnaya-komissiya-istorikov05122013/>]

¹² Ibid

¹³ В основу принятого в Латвии, Литве и Эстонии конституционного законодательства положен принцип т.н. «прерванного суверенитета» в результате советской «оккупации» и «аннексии» 1940 г. Исходя из этой логики, в 1991 г. указанные страны восстановили, а не обрели независимость.

(1940 и 1944 гг.), в 1945 году не обрели свободу, а попали в новое «советское рабство». Именно такая трактовка дается в учебнике «История Латвии – 20-й век», вышедшем в Риге в 2005 г. и переизданном в 2015 г.

Переписанная прибалтами история возвела в ранг национальных героев таких одиозных нацистских преступников как Г. Цукурс (в его честь в Латвии была выпущена почтовая марка, ставилась театральная постановка). Для мифологизации Г. Цукурса националистическая элита Латвии и подконтрольные ей СМИ замалчивали участие этого «героя» в расправах над евреями, делая упор на его подвигах в качестве известного латвийского летчика довоенного периода.

Во всех государствах прибалтийской тройки прошли церемонии перезахоронения с государственными почестями бывших отъявленных нацистских преступников, верой и правдой служивших Гитлеру. В Латвии речь идет о Р. Бангерскисе – бывшем генерал-инспекторе войск СС в звании группенфюрера. В Эстонии также торжественно перезахоронили ряд бывших эсэсовцев, последний раз в январе 2014 г. – Х. Нугисекса, помпезная церемония прощания с которым прошла «при широком участии офицерского корпуса, молодежи и официальных властей»¹⁴. Напомним, что Х. Нугисекс явился одним из четырех эстонских легионеров 20-й дивизии Ваффен СС, заслуживших от нацистских хозяев Рыцарский Железный крест. И Литва не отставала в чествовании своих коллаборационистов. В мае 2012 г. сюда был доставлен из США и торжественно перезахоронен в Каунасе прах Ю. Амбразявичюса (Бразайтиса) – премьер-министра созданного нацистами летом 1941 г. марионеточного Времен-

¹⁴ Уполномоченный МИД РФ: состоявшиеся в Эстонии похороны нацистского преступника Харальда Нугисекса “вызывают законное возмущение” / Электронный ресурс ДЕЛФИ, 15.01.2014. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>. [Уполномоченный МИД РФ: состоявшиеся в Эстонии похороны нацистского преступника Харальда Нугисекса “вызывают законное возмущение” / Электронный ресурс ДЕЛФИ, 15.01.2014. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>].

ного правительства Литвы. Этот персонаж известен как один из главных организаторов массовых убийств евреев на территории оккупированной Литвы.

Свой «очищенный» от советской идеологии взгляд на историю руководители Латвии, Литвы и Эстонии не только возвели в разряд хрестоматийных истин для внутреннего потребления, но и постарались привнести в европейский и международный исторический дискурс. В конечном итоге они добились своего – смоделированный образ балтийских государств как жертв «советской оккупации», а также нарратив о равной ответственности нацистской Германии и СССР перед европейскими народами, получил моральную поддержку правоконсервативных сил на Западе. В результате, следуя определению историка И.В. Никифорова, «воинствующая память» прибалтов нашла отражение в документах международных форумов, в частности, в резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». В этой резолюции осуждаются «преступления сталинского и нацистского режимов», а также предлагаются сделать 23 августа – день подписания пакта Молотова-Риббентропа – «днём памяти жертв нацизма и сталинизма»¹⁵.

Европарламент также внес свою неблаговидную лепту в данном вопросе: по решению этого органа страны ЕС ежегодно, начиная с 2009 г., отмечают 23 августа Европейский день памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Наиболее деструктивным моментом в данном контексте является стремление балтийских стран стимулировать в восприятии европейцев увязку мрачных страниц недавней истории континента с современной Россией, которая, якобы, способствует «официальному

¹⁵ Резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» [Resolution of OSCE Parliamentary Assembly of 03 August, 2009. “On the Reunification of Divided Europe: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the Region”].

прославлению Советского Союза и его тоталитарных лидеров». Так зафиксировано в совместном заявлении «балтийской тройки» по итогам состоявшейся 22-23 августа 2016 г. в Братиславе министерской конференции по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов.

Следует, однако, признать, что «жертвенная» судьба прибалтийских государств была признана на Западе отнюдь не бескорыстно, а в обмен на публичные покаяния за учиненный на территории этих стран в годы войны Холокост. Эти ритуальные извинения в Латвии, к примеру, ежегодно произносятся первыми лицами страны в присутствии дипломатического корпуса и высокопоставленных эмиссаров из Израиля. Покаяния совершаются на месте массового сожжения евреев коллаборационистами из т.н. «команды Арайса» в рижской хоральной синагоге летом 1941 г.

Другим примером, подтверждающим произошедшие под влиянием прибалтов в европейском историческом и правовом сознании трансформации, может служить precedентное решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 17 мая 2010 г. по делу «Кононов против Латвии». Первичный вердикт в пользу пострадавшей стороны (В.М. Кононов) был изменен, несмотря на явные пробелы в доказательной базе и ретроактивное применение закона латвийскими судами, ЕСПЧ пошел на признание обвинительного приговора, вынесенного в Латвии бывшему советскому партизану, обвиненному в «геноциде латвийского народа».

Можно утверждать, что кардинальные различия в трактовках прошлого и неразрешимый конфликт исторических памятей оказали ощутимое воздействие на политические процессы и практику постсоветских прибалтийских государств. Хотя вопросы истории напрямую и не вносились в так называемые коалиционные соглашения, неформально заключаемые в Латвии после сформирования нового правительства, они превратились в своего рода негласный тест на политическую лояльность. Латышский избиратель организовано голосует за «свои» исторические ценности, которые защищают

свои этнические партии. Русскоязычные, в свою очередь, отдают голоса за собственную «историческую правду».

Нежеланиеластной вертикали разрядить подобную конфликтную ситуацию путем поиска компромиссов в историческом вопросе только усугубляет положение. Как верно подмечает М. Кукарцева, «если нарративы еще несут и бремя национальной или этнической идентичности, то в них всегда существуют конфликтующие темпоральные параллели с необходимой ссылкой к исторической памяти»¹⁶. Уместна в этой связи ссылка к работе П. Рикера «Время и нарратив», в которой подробно описывается, каким образом исторические события становятся источниками консолидации этнической солидарности и идентичности через проявление недоверия одного этноса к другому.

Применительно к Латвии на данной проблеме подробно останавливается латвийский политолог Н. Муйжниекс (в начале 2000-х был министром по делам общественной интеграции в правительстве Латвии, ныне – Комиссар Совета Европы по правам человека). В своем социологическом исследовании «Геополитика истории в российско-латвийских отношениях» (2011) он отмечает, что на вопрос, от кого больше пострадали жители страны в 1940-е годы, СССР или Германии, большинство опрошенных этих населяющих современную Латвию этнических групп ответили диаметрально противоположно. «Латышская идентичность оказалась тесно связана с ощущениями страданий от советской оккупации и сталинских депортаций. Русские же, наоборот, ассоциировали эти переживания исключительно с периодом немецкой оккупации»¹⁷. Автором делается вывод, что

¹⁶ Кукарцева М., Валиева З. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель-Observer. – 2013. – №4.– С.102. [Kukartseva, M.; Valieva, Z. Politicheskiy narrative – instrument “formirovania sebia” v mirivoi politike (Political Narrative – the Tool of “Self-Creation” in World Politics) // *Obozrevatel-Observer*, 2013, No. 4, p. 102].

¹⁷ Muižnieks, N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011. P.11.

при столь резких отличиях в восприятия истории русского и латышского населения отсутствие продуманной политики властей по интеграции общества может привести к обострению межэтнического конфликта.

Однако прибалтийские власти редко прислушивались к советам умеренных политиков и ученых. Для этого, впрочем, существовали вполне объективные предпосылки: в Латвии и Эстонии, например, за все годы независимости в правящую коалицию никогда не входили центристские партии, способные занять взвешенную позицию по историческим вопросам. Этот феномен выясняется эстонским исследователем И. Розенфельдом, акцентировавшим правый перекос в эстонской политике, который выражается в «безальтернативном господстве правых партий и в жестком подавлении оппозиции – маргинализации и оттеснении на край политического поля не только левых, но также и центристских сил». В историческом аспекте «правый перекос» означает «полное господство правонационалистических идеологических стереотипов относительно прошлого и настоящего развития Эстонского государства»¹⁸.

Схожую картину рисует нам и политическая палитра Латвии. По аналогии с Центристской партией Эстонии Э. Сависаара межэтническое умеренное объединение «Центр согласия» (ЦС) мэра Риги Н. Ушакова всегда находилось либо в парламентской оппозиции, либо возглавляло столичный муниципалитет.

Что касается Литвы, то, хотя правые консерваторы и левоцентристы поочередно формировали здесь правящую коалицию, и те, и другие, по сути, солидаризировались в «оккупационных» подходах к истории, отличаясь лишь в тактических моментах. Так, сторонники прагматичного диалога с Западом и Россией, социал-демократы предпочитали более сдержанную риторику на исторические темы. Образованное же на-

чиная с 2009 г. предвыборное объединение «Избирательной акции поляков Литвы» и «Русского альянса», которое в последние годы участвовало в работе правящей левоцентристской коалиции Литвы, историческую тематику в политическую повестку практически не вносило (за исключением вопросов написания имен и географических названий на языках нацименьшинств).

Следует подчеркнуть, что в условиях ограниченности прибалтийской демократии, особенно усеченности политических прав нацименьшинств в Латвии и Эстонии, в этих странах возникает детерминированная сверху политическая реальность, когда ученые, а также профессиональные журналисты не только находятся под контролем политических субъектов, в том числе спецслужб, но и пребывают в процессе постоянного перелива из науки в политику и наоборот. Примерами могут служить президент Латвии В. Фике-Фрейберга (в прошлом профессор психологии Монреальского университета), министр обороны и иностранных дел Латвии А. Пабрикс (профессор истории и политологии ряда латвийских вузов). В этом случае граница между историками, изучающими политику, и политиками, заинтересованными в истории, весьма расплывчата. Такие политики начинают играть решающую роль в законодательном и административном моделировании образовательных процессов, активно влияют на издательскую и журналистскую деятельность, музейное дело, определяют, кому возводить памятники и в честь кого называть улицы городов. По сути такая политко-научная уния берет под полный контроль формирование общественного исторического сознания.

Идеологическое воздействие осуществляется не только на наиболее чувствительные для общества сферы формирования отношения к празднованию памятных дат, которое строится по зеркальному принципу – все что хорошо для российской историографии, автоматически плохо для прибалтийского восприятия. В этом плане даты советских бомбардировок Нарвы и Таллина 1944 г., освобождения советской армией Риги и прекращения сопротивления латышских легионеров в Курземском котле вес-

¹⁸ Розенфельд И. Эстония до и после «Бронзовой ночи». – Тарту: Издательство «Крипта», 2009. – С. 4-5. [Rosenfeld, I. Estonia do I posle "Bronzovoi nochi" (Estonia before and after "Bronze Night"). Tartu: Izdatelstvo "Kripta", 2009. Pp.4-5].

ной 1945 г. «отмечают» в Латвии, Литве и Эстонии как «черные дни». Находящиеся у власти в Латвии националистические партии полуофициально, а иногда и открыто, поддерживают празднование 16 марта – дня памяти латышского легиона «Ваффен СС». Одновременно раздаются требования запретить празднование Дня Победы 9 мая.

Но и, казалось бы, абсолютно нейтральные и не политизированные исторические имена, темы и события подвергаются идеологической обработке. Из прибалтийских школьных учебников изъяты, либо даны в негативной коннотации факты достижений советской науки, освоения космоса, совершенств в областях культуры и спорта. Только за то, что они жили в советское время, оказались забытыми и изъятными из памяти молодого поколения такие знаменитые прибалты, как хирург-травматолог В. Калнбернз, певец Г. Отс, актеры Д. Банионис, В. Артмане, Л. Озолиня, Ю. Будрайтис и многие другие. Между тем, эти выдающиеся люди безусловно заслуживают того, чтобы навечно быть внесены в золотой фонд наследия своих государств.

Говоря о праздновании Дня Победы в прибалтийских странах, можно отметить, что он превратился здесь в сильнейший мобилизующий фактор протестной по своей мотивации солидарности. Этот день отмечается особым эмоциональным налом, ежегодно собирает у памятников советским воинам-освободителям от фашизма в Риге, Вильнюсе, Таллине и других прибалтийских городах десятки тысяч людей, главным образом, русскоязычной молодежи, которые ассоциируют свою идентичность с демонстрацией собственного исторического «я», отличного от навязываемого официоза.

В Эстонии линия правительства на героизацию бывших эсэсовцев и борьбу с советскими символами проявилась наиболее отчетливо и драматично. Принятое Таллином в апреле 2007 г. провокационное решение перенести советский памятник «Бронзовому солдату» вылилось в массовые протесты русскоязычных жителей, в ходе которых местными националистами был убит гражданин России Д. Ганин.

В 2000 г. был открыт музей 20-й дивизии СС в г. Пярну, после этого имела место история с установкой соответствующего памятника в г. Лихула. Только после активного вмешательства европейцев этот монумент пришлось демонтировать. Однако правонационалистические силы Эстонии и не думали примиряться с этой ситуацией, в последующие годы были вновь установлены памятники бывшим легионерам, в том числе на высотах Синимяэ, где в 1944 г. проходили тяжелые бои советской армии с 10-й дивизией СС. В латвийском поселке Бауска в 2012 г. также был установлен монумент в память латвийским эсэсовцам.

Наиболее одиозным проектом по мифологизации исторического сознания в Эстонии стала проводимая ежегодно с 1993 г. военно-спортивная игра «Поход Эрна». Речь идет о маршруте, повторяющем путь диверсионной группы Абвера, заброшенной летом 1941 г. в тыл Красной Армии. В отдельные годы в «игре» принимали участие молодежные команды из Англии, Литвы, Швеции, Финляндии, Норвегии, Шотландии, Дании, Польши, Австрии и других стран. Россия неоднократно выражала возмущение по поводу интернационализации этого прославляющего нацистскую историю мероприятия.

В государствах Прибалтики отмечены неоднократные попытки использовать символику Третьего Рейха в «патриотической» работе с молодежью. Причем делается это завуалированно с учетом имеющихся в этих странах формальных запретов на пропаганду нацизма. Например, в Латвии представители правонационалистических партий проводили в школах «уроки мужества» в форме легионеров «Ваффен СС». В Латвии и Эстонии выпускались новогодние календари и марки с изображением участников этих нацистских формирований. Атрибутику легионеров (шевроны, знаки отличия, нацистская форма) можно приобрести в свободной продаже в Риге и Таллине, она экспонируется в созданных в этих странах музеях «оккупации». Вход в такие музеи бесплатный, туда в обязательном порядке в соответствии с правилами госпротокола привозят глав иностранных делегаций.

Конфликт исторических памятей в Латвии повлиял на формирование внутривнутриполитического дискурса и к концу 1990-х привел к институализации политических сил, готовых отстаивать парламентским путем альтернативные исторические трактовки, не совпадающие с официальной доктриной. Речь идет о русскоязычной партии «За права человека в единой Латвии» (ПЧЕЛ, современное название – «Русский союз Латвии») во главе с харизматическим лидером Т. Жданок. ПЧЕЛ выступила в защиту традиционных для большинства представителей русскоязычной общины представлений об итогах Великой Отечественной войны и освободительной роли советской армии. Эта работа проводилась ПЧЕЛ как в рамках Сейма Латвии, так и в составе делегации этой страны в Европейском парламенте.

К середине 2000-х неспособность ПЧЕЛ в силу объективных обстоятельств добиться изменений в правочеловеческой ситуации в Латвии привела к появлению более популярной в русскоязычной среде политической силы – объединения «Центр согласия» (ЦС, нынешнее название – социал-демократическая партия «Согласие»), сумевшего заручиться поддержкой и части латышского избирателя. Однако конформистский настрой центристов и готовность к компромиссам с правящими националистами по принципиальным вопросам трактовки истории привел к тому, что в ходе парламентской кампании 2010 г. их лидеры ради попадания в правительство пошли на публичное признание «оккупации». Это было расценено многими сторонниками ЦС как сдача позиций. Были сделаны соответствующие выводы и больше подобных заявлений руководители ЦС не допускали. Более того, для восстановления имиджа партии Н. Ушакову пришлось пойти на поддержку проведенного в январе 2011 г. в Латвии референдума о придании русскому языку официального статуса.

Эти колебания свидетельствуют о том, насколько значимым фактором политического процесса современной Латвии остается исторический вопрос. Отношение к истории служит неизменным барометром настроений, как в русскоязычной среде, так и в латышской общине.

В эстонском случае русскоязычное политическое пространство оказалось раздробленным в результате давления на организации национальностей и их лидеров со стороны властных структур. У русских не оставалось иной альтернативы, как голосовать за партию Э. Сависаара, которая в вопросах истории, хоть и занимала умеренную позицию, все же старалась не противоречить генеральной линии правящего националистического большинства. Поэтому исторический дискурс приобрел в этой стране более дискретный характер, а назревавший годами на этой почве межэтнический конфликт прорвался только в мае 2006 г. в связи с трагическими событиями «Бронзовой ночи». После этого протестного всплеска властям вновь удалось взять ситуацию под жесткий контроль.

На среднесрочную перспективу можно прогнозировать маловероятность существенных сдвигов в политической ситуации, связанной с исторической памятью в государствах Прибалтики. За недостатком других опорных точек формирования национальной идентичности, использование «воинствующей памяти», подогреваемой враждебными образами современной России, будет столь же высоко востребовано местными националистическими элитами. Тенденциозные интерпретации советского прошлого продолжат играть системообразующую роль в политической практике этих государств.

При этом в качестве оправдания дискриминационного курса в отношении национальностей, а также антироссийского вектора внешней политики правящие прибалтийские элиты продолжат использовать тезис о некоей особенности своей истории. Кстати, абсолютно прав латвийский историк А. Плаканс, утверждая, что балтийским странам не следовало бы прикрываться этой своей «особенностью». Им нужно было действовать в соответствии с той системой ценностей, которую на протяжении последних десятилетий исповедовала Европа. Перенесенные в прошлом испытания не давали особого права на исключительность, ведь многие народы Европы пострадали в прошлом, но избрали путь толерантного муль-

тикультурного развития, что принесло им огромные политические и социальные дивиденды. Отбрасываем здесь изменившийся в последние годы ландшафт, при котором политика мультикультурализма оказалась под угрозой в связи с чрезмерной неуправляемой миграцией.

Однако, как представляется, компромисс по принципиальному для прибалтов вопросу трактовки их пребывания в составе СССР вряд ли возможен на нынешнем этапе. Ведь оккупационная концепция лежит в основе государственной идеологии, легитимизирует несущие опоры прибалтийской государственности: реституцию и существование института безгражданства.

В этой связи сама по себе конструктивная идея «деполитизации истории и вывода ее за рамки двустороннего межгосударственного диалога»¹⁹ на данном этапе не видится работоспособной. Ситуация, однако, может измениться в сторону pragmatизма и появления более компромиссных подходов к трактовке недавнего прошлого в процессе постепенной смены правящих в Латвии, Литве и Эстонии элит.

Литература:

Война памяти: зачем Латвии двусторонняя комиссия историков? // Информационный портал: RUBALTIC. 06.12.13. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nauka/voynu-pamatyi-zachem-latvii-dvustoronnaya-komissiya-istorikov05122013/>

Воротников В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. – М.: «Аспект Пресс», 2015. – С.201.

Кукарцева М. «Забытые» конфликты в фокусе современности / Современный мир и geopolитика. – М.: Издательство КАНОН-ПЛЮС, 2015. – С.176.

Кукарцева М., Валиева З. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель-Observer. – 2013. – №4. – С.102.

Къеза Дж. В Европе доминирует беспрецедентная ложь // Информационный портал RUBALTIC. 18.08.14. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/>

Резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке»

¹⁹ Воротников В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. – М.: «Аспект Пресс», 2015. – С.201. [Vorotnikov, V.M. Vneshnia politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka (Foreign Policy of Baltic States at the Beginning of the XXI Century). Moscow: «Aspekt Press», 2015. P.201].

Розенфельд И. Эстония до и после «Бронзовой ночи». – Тарту: Издательство «Крипта», 2009.

Симиндей В. Историческая политика Латвии – Материалы к изучению. – М: Фонд «Историческая память», 2014.

Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Серия – Российская политическая наука: истоки и перспективы. Под ред. Гаман-Галутвиной О.В. Предисловие Гаман-Галутвиной О.В. – М.: Издательство АСПЕКТ ПРЕСС, 2015.

Тэкер Т. Поиски национальной идентичности приводят к новой трактовке истории // Информационный портал RUBALTIC. 10.03.15. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/>

Уполномоченный МИД РФ: состоявшиеся в Эстонии похороны нацистского преступника Харальда Нугисекса “вызывают законное возмущение” / Электронный ресурс ДЕЛФИ, 15.01.2014. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>.

Muižnieks, N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011.

References:

Chiesa, G. V Evrope dominiruet besprestedentnaya loj (Europe is Dominated by Outright Lie) // Informatzionny portal: RUBALTIC. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/>

Kukartseva, M. “Zabitie” konflikti v fokuse sovremennosti (“Forgotten Conflicts in the Focus of Modernity”) / Sovremenniy mir I geopolitika. Izdatelstvo KANON-PLUS, 2015.

Kukartseva, M.; Valieva, Z. Politicheskiy narrative – instrument “formirovania sebia” v mirivoi politike (Political Narrative – the Tool of “Self-Creation” in World Politics) // Obozrevatel-Observer, 2013, No. 4.

Muižnieks, N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011.

Resolution of OSCE Parliamentary Assembly of 03 August, 2009. “On the Reunification of Divided Europe: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the Region.”

Rosenfeld, I. Estonia do I posle “Bronzovoi nochi” (Estonia before and after “Bronze Night”). Tartu: Izdatelstvo “Kripta”, 2009.

Siminдей, V. Istoricheskaya politika of Lithuania – materiali k izucheniyu (Historical Policy of Latvia – Information for Consideration). Moscow: Fond Istoricheskaya pamiat, 2014.

Strukturnye transformatsii i razvitiye otechestvennykh shkol politologii (Structural Transformations and Development of Russian Political Science School) / Seriya – Rossiiskaia politicheskaiia nauka: istoki i perspektivy. Ed. by Gaman-Galutvina, O.V. Foreword by Gaman-Galutvina, O.V. Moscow: Izdatel'stvo ASPEKT PRESS, 2015.

Thacker, T. Poiski natsionalnoi identichnosti privodiat k novoi traktovke istorii (Search for National Identity Results in New Representation of History) // Informatzionny portal: RUBALTIC. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/>

Upolnomochennyj MID RF sostoyavshiesya v estonii pohorony nacistskogo prestupnika haralda nugiseksa vyzyvayut zakonnoe vozmuschenie (Representative of the MFA of Russia: Funerals of Nazi Criminal Harald

Nugiseks in Estonia “Arouses Lawful Indignation”) / *DELFI*, 15.01.2014. Mode of access: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>

Voina pamiat: zachen Latvii dvustoronna commissia istorikov? (War of Memories: Why Latvia Needs Bilateral Commission on History) // *Informatsionny portal*:

RUBALTIC. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnaya-komissiya-istorikov05122013/>

Vorotnikov, V. M. Vneshnia politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka (Foreign Policy of Baltic States at the Beginning of the XXI Century). Moscow: “Aspekt Press”, 2015.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151>

HISTORIC MEMORY IN THE POLITICAL PROCESSES OF THE POST-SOVIET BALTIC STATES

Andrey S. Skachkov

*Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Article history:

Received:

17 February 2016

Registered:

2 October 2016

Accepted:

1 November 2016

About the author:

Candidate of Political Science,
Head of the Section in the Second European Department,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

e-mail: andskachkov@yandex.ru

Key words:

historic memory; political processes;
ruling elites; historic images and myths;
shaping of historical consciousness;
conflict of memories.

Abstract: After gaining independence in 1991 the ruling elites of Latvia, Lithuania and Estonia actively used historical questions in the course of state building. They tried to base their policy on the rejection and personal interpretation of the Soviet past. This approach has led to a sharp ethnic conflict of historic memories and dramatically affected political processes in these countries.

Для цитирования: Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 1. – С. 140-151.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151

For citation: Skachkov, Andrey S. Istoricheskai pamiat' v politicheskikh protsessakh postsovetskoi Pribaltiki (Historic Memory in the Political Processes of the Post-Soviet Baltic States) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.1, pp. 140-151.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-152-155>

СЕРИЯ ИЗДАНИЙ ПО ЯПОНИИ: ИСТОРИЯ, ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ЯПОНОВЕДЕНИЕ В РОССИИ

Анна Андреевна Киреева

к.полит.н.,

старший преподаватель,

МГИМО МИД России

В 2015 г. была подготовлена серия изданий по Японии и японоведческой проблематике, затрагивающая историю, внутреннюю и внешнюю политику, экономику и социальную сферу Японии, российско-японские отношения, современное изучение Японии в России. Вышла совместная монография российских и японских историков «Российско-японские отношения в формате параллельной истории», в качестве руководителя российской части авторского коллектива которой выступил ректор МГИМО Университета А.В. Торкунов, заведующий Кафедрой востоковедения, профессор МГИМО Университета Д.В. Стрельцов координировал работу авторского коллектива с российской стороны, а профессор Университета Хосэй Симотомаи Нобуо выступил руководителем японской части авторского коллектива. Помимо этого, вышли в свет следующие издания: учебник «История Японии» под редакцией заведующего Кафедрой востоковедения, профессора МГИМО Университета Д.В. Стрельцова, учебное пособие «История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века» под редакцией заведующего кафедрой современного востока, доцента РГГУ С.В. Гришачева, коллективная монография «Япония: консервативный поворот» под редакцией Э.В. Молодяковой¹,

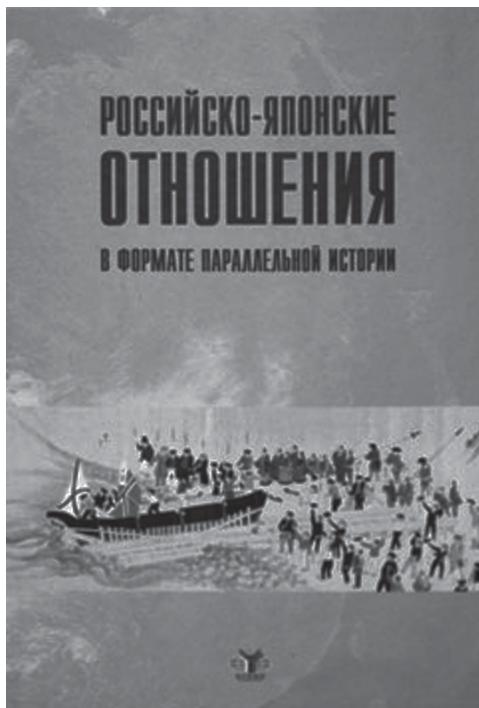
монография Д.В. Стрельцова «Приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе», коллективная монография «Современное российское японоведение: оглядываясь на путь в четверть века» под редакцией профессора Д.В. Стрельцова, ежегодный сборник «Япония 2015. Ежегодник», сборник статей «Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов», выпущенный по результатам конференции, посвященной двадцатилетию Ассоциации и проведенной в Институте Дальнего Востока РАН в 2014 году.

Совместная монография российских и японских историков «Российско-японские отношения в формате параллельной истории»² стала цельным, консолидированным и во многом уникальным изданием, написанным на высоком академическом уровне в формате параллельной истории и предлагающим читателю взгляд на всю историю отношений России и Японии с точки зрения обеих стран. В подготовке монографии приняли участие ведущие историки, политологи, специалисты-международники: 17 экспертов из Японии и 20 российских ученых. При этом в число российских исследователей вошли специалисты из разных городов и регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Дальнего Востока.

2016 г. занимала должность заместителя директора Института востоковедения РАН.

¹ Молодякова Эльгена Васильевна (годы жизни 1837-2016) – ведущий специалист по новейшей истории Японии, доктор исторических наук, с 2000 г. возглавляла Центр японских исследований Института востоковедения РАН, работала в качестве профессора в МГИМО МИД России с 1995 по 2008 г., а с 2009 по

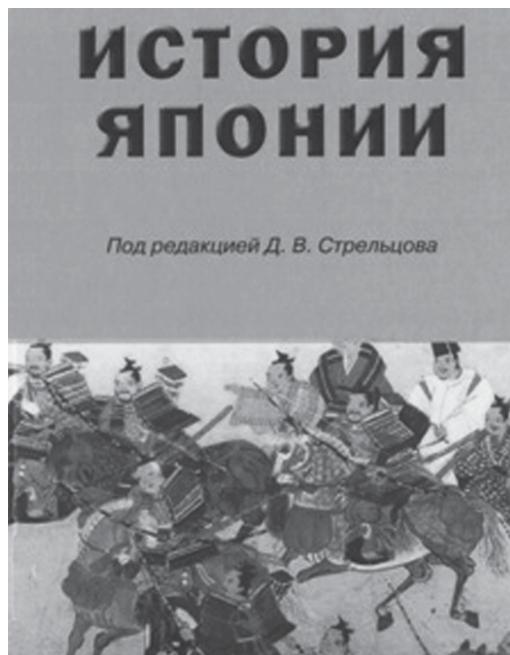
² Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ; [науч. ред.: проф. Д.В. Стрельцов и доц. С.В. Гришачёв]. – МГИМО-Университет, 2015. – 1024 с. [Rossiisko-iaponskie otnosheniia v formate parallel'noi istorii (Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History) / Ed. by A.V. Torkunov and M. Iokibe. Moscow: MGIMO-Univesity, 2015. 1024 p.]

Монография структурирована хронологически: каждый период истории рассматривается и российскими, и японскими исследователями зеркально. Как отметил ректор МГИМО Университета А.В. Торкунов во время презентации коллективной монографии, Россию и Японию связывают непростые отношения, полные как негативных, так и позитивных событий. Авторскому коллективу после серии встреч и активных дискуссий в России и Японии удалось создать работу, содержащую взгляды авторитетных исследователей на ключевые периоды двух стран, в значительной степени коррелирующие между собой. Ее главная цель – представить максимально объективный взгляд на историю двусторонних отношений. Данная работа является единственным успешным проектом изучения истории отношений двух стран со стороны каждой из них, тогда как подобные проекты у Японии с соседними странами существуют в течение намного более длительного времени. Как отметил профессор Симотомаи Нобуо, только на основе анализа сложных вопросов в отношениях двух стран, включающих рассмотрение территориального

вопроса и проблемы заключения мирного договора, возможно улучшение отношений России и Японии в будущем. Монография получила высокие оценки со стороны МИД России и МИД Японии как труд, в котором была предпринята попытка найти точки соприкосновения по чувствительным и спорным вопросам, на основе чего российско-японские отношения будут иметь больше стимулов к успешному развитию и смогут сделать прорыв к подлинному партнерству, о чём договорились лидеры России и Японии в 2013 году.

Учебник «История Японии»³ представляет собой развернутое описание и выделение ключевых событий и тенденций развития основных периодов истории страны. При анализе исторических эпох учитывают-

ся как внутренние факторы в общественно-политической и социально-экономической сферах, так и внешние факторы, такие как отношения с ключевыми для Японии стра-

³ История Японии: Учебник для студентов вузов / Под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 560 с. [Istoriia Iaponii: Uchebnik dlja studentov vuzov (History of Japan) / Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: “Aspect Press”, 2015. 560 p.]

нами в тот или иной временной период, иностранная интервенция и оккупация. Отдельно анализируется роль ключевых исторических личностей и политических фигур. Во введении отмечаются такие черты японского исторического пути, как способность к адаптивности к внутренним и внешним кризисным ситуациям, особый путь модернизации и проведения реформ, а также приводится периодизация истории страны. Учебник разделен на шесть глав по хронологическому признаку: древность, эпоха средневековья, эпоха Токугава (1603–1867), период Мэйдзи: от начала реформ до русско-японской войны (1868–1905), первая половина XX века, период после Второй мировой войны. Учебник содержит список рекомендуемой литературы на русском и английском языках и контрольные вопросы после каждой главы, расширенный список рекомендуемой литературы в конце книги, а также подробные хронологические таблицы с ключевыми датами, периодами правления императоров и нахождения у власти политических лидеров и ключевых политических фигур, что позволяет систематизировано изучать исторический процесс. Учебник рассчитан на студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей Японии.

Учебное пособие «*История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века*»⁴ представляет собой первое исследование, подробно описывающее основные этапы и события в истории двухсторонних отношений и предназначеннное для учебного процесса. История отношений России и Японии описывается, начиная с первых контактов между русскими и японцами в XVIII в. и заканчивая современным этапом развития отношений. Установление первых

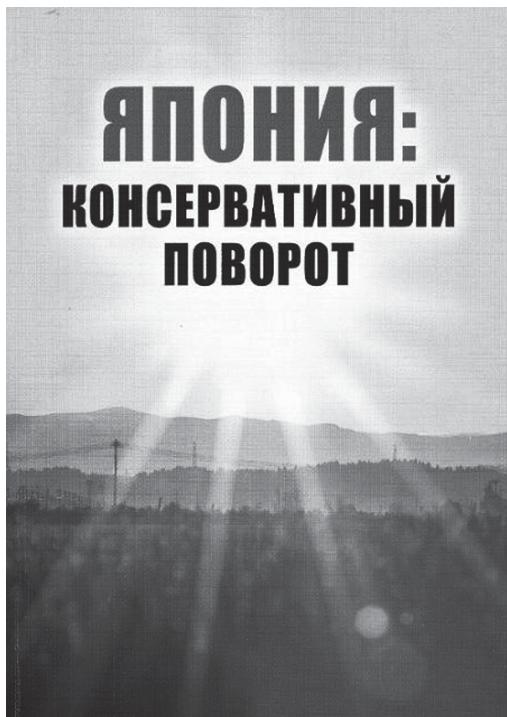

контактов между странами рассматривается с одной стороны в контексте отношений Японии с внешним миром и характерными чертами взаимодействия с различными державами, а с другой – в ходе колонизации Россией Сибири и Дальнего Востока. Описываются посольства и миссии России, освоение Японией северных для нее районов, первые сведения о России в Японии и наоборот, заключение первых и последующих договоров между странами. Подробно рассматривается развитие отношений во второй половине XIX – начале XX веков, интервенция на Дальнем Востоке, установление и развитие отношений между СССР и Японией, СССР и Япония во второй мировой войне, восстановление дипломатических отношений между странами после ее окончания, отношения между государствами в период холодной войны, отношения в годы перестройки и в 1990-ые гг., а также развитие отношений в начале XXI века, включая подробное рассмотрение территориального вопроса. В издании анализируются основные исторические вехи и события как с точки зрения двухсторонних отношений, так и внутриполитической ситуации в обеих странах и внешнеполитической обстановки. В приложениях содержатся тексты раз-

⁴ История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Гришачева. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 336 с. [Istoriia rossiisko-iaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov (History of Russian-Japanese Relations: XVIII – the Beginning of the XXI Century) / Ed. by S.V. Grishatchev. Moscow: Aspect Press, 2015. 336 p.]

нообразных исторических источников — заметки и свидетельства путешественников, выдержки из сочинений публицистов, международные договоры и соглашения, образцы деловой переписки. Пособие рассчитано на студентов востоковедов и международников, специалистов по истории международных отношений, а также на широкий круг читателей.

Коллективная монография «Япония: консервативный поворот»⁵ представляет собой исследование различных аспектов японской политики и японского общества через призму анализа консервативной идеологии и ее проявления на практике. Япония обладает уникальным опытом успешной консервативной модернизации, синтеза традици-

онных ценностей и идей развития, поэтому содержание японского консерватизма также эволюционирует, включает в себя не только «воспоминания о прошлом», но и все в боль-

⁵ Япония: консервативный поворот. / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2015. – 288 с. [Японія: консервативний поворот (Japan: A Shift to Conservatism) / Ed. by E.V. Molodyakova. Moscow: AIRO-XXI, 2015. 288 p.]

шей степени — осмысление внутреннего развития различных сфер жизнедеятельности, в частности, японского общества. Консерватизм определяется как «идеологическая ориентация и политическое движение, которое отстаивает сохранение традиционных ценностей и порядков». Отмечается, что консерватизм «по определению «обязан» иметь национальную «окраску», которая учитывает особенности исторического пути развития и систем ценности конкретных народов» (С. 8). Во введении осмысливается понятие консерватизма, рассматриваются его разновидности (либеральный консерватизм, социальный консерватизм, религиозный консерватизм, национальный консерватизм), анализируется его трансформация в результате синтеза с либерализмом, происходящим во всем мире с 1990-х гг. и включающим в себя в каждом конкретном страновом случае различное сочетание элементов двух идеологий. Фиксируется тенденция того, что в настоящее время происходит новый поворот к консерватизму в развитых государствах в результате вызовов глобализации, которые приводят к возрастанию популярности консервативных ценностей как основы модели развития в постиндустриальных обществах. Отмечается и тенденция распространения популизма, который сращивается как с неолиберализмом, так и с консерватизмом, а также разделяются левое и правое направления консерватизма. Необходимость осмысления консерватизма в Японии диктуется возвращением к власти после трехлетнего перерыва консервативной Либерально-демократической партии, которое, с точки зрения авторов монографии, показывает, что основная масса консервативно настроенных избирателей не видит смысла менять электоральные предпочтения, даже если их не вполне устраивают некоторые неолиберальные установки.

В коллективной монографии рассматривается эволюция японского консерватизма, вернее, «японских консерватизмов», т.к. в японском консерватизме существуют несколько позиций и ориентаций, — начиная с «реставрации Мейдзи», корнями в которую уходит многогранный японский консерватизм, оформленный в Японии после Второй ми-

ровой войны. При этом в Японии до сих пор у власти остается консервативная элита, которая благодаря прагматизму и трезвой оценке обстановки смогла обеспечить преемственность традиционных ценностей и национальной самоидентификации. Вторая глава анализирует исторический путь и идеологические установки Либерально-демократической партии как самой главной силы консерватизма в Японии, а также идеологию других партий страны в их связи с консерватизмом. В отдельных главах коллективной монографии рассматриваются политика и практическая деятельность правительства С. Абэ в экономической, аграрной и социальной сферах, которые свидетельствуют о консервативном подходе его кабинета. Кроме этого, анализируется политика кабинета С. Абэ в сфере образования, роль исторической памяти в отношениях Японии и Китая, Японии и Республики Корея, проблема «сибирского пленя» в отношениях Японии и России, реформы С. Абэ в сфере политики обеспечения национальной безопасности, программная книга С. Абэ «На пути к обновленной, красивой стране». Коллективная монография представляет интерес для студентов и специалистов, стремящихся узнать больше о консервативной идеологии на примере одной из ключевых развитых стран мира, а также для всех, интересующихся историей, внутренней и внешней политикой Японии, ее экономической, аграрной и социальной политикой.

Монография Д.В. Стрельцова «Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁶ посвящена анализу внешнеполитического курса Япо-

нии в АТР, который всегда занимал одно из приоритетных направлений внешней политики страны. Монография представляет собой научное исследование, рассматривающее эволюцию политики Японии в АТР, ее основные направления и приоритеты, деятельность Японии в экономических организациях, а также институциональные аспекты внешнеполитического курса Японии в регионе. Первая глава посвящена исследованию механизма, субъектов и самого процесса принятия внешнеполитических решений в Японии. Анализируется как нормативно-правовая, так и неформальная сторона внешнеполитического процесса, а также практика межведомственной координации и соотношение бюрократического и небюрократического элементов в процессе принятия внешнеполитических решений. Рассматриваются такие субъекты внешнеполитического процесса, как высшие органы власти, правительство, политические структуры, деловые круги, экспертное общество и общественное мнение. Во второй главе рассматриваются ключевые дипломати-

⁶ Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Д.В.Стрельцов; Ин-т востоковедения РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. – М.: Наука –Восточная литература, 2015. – 280 с. [Strel'tsov D.V. Vneshnepoliticheskie prioritetы Iaponii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (Japan's Foreign Policy Priorities in Asia-Pacific)/ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow: Nauka Vostochnaya Literatura, 2015. 280 p.]

ческие и военно-стратегические аспекты политики Японии в АТР: анализируется трансформация политики Японии в сфере военной безопасности, начиная с послевоенного периода, особое внимание уделяется изменениям в 2010-ые гг., связанным с постепенным отказом от послевоенных ограничений и превращением Японии в «нормальную страну»; рассматривается ядерный фактор в политике обеспечения безопасности Японии, в том числе причины отказа Японии от ядерного оружия и основные параметры продолжающейся уже десятилетия дискуссии по поводу «ядерного выбора»; исследуются проблемы исторического прошлого и наличия разных версий истории, оказывающие значительное негативное влияние на отношения с Китаем и Республикой Корея; разбирается проблема принадлежности островов Сэнкаку/Дяюйдао в Восточно-Китайском море в контексте обострения отношений в сфере безопасности между Китаем и Японией. Третья глава посвящена участию Японии в процессах экономической интеграции в АТР, которые являются крайне важными для страны, т.к. именно внешнеэкономическая деятельность остается ключевым источником развития ее экономики. В главе рассматриваются такие вопросы, как участие Японии в структурах региональной экономической интеграции, в том числе в институтах на базе АСЕАН и в Транстихоокеанском партнерстве, политика Японии в международных экономических организациях (на примере ВТО и АТЭС). Официальная помощь развитию (ОПР) как важный ресурс политики Японии в АТР. Четвертая глава посвящена исследованию отношений Японии с СССР и Россией в постбиполярный период. В данной главе рассматриваются политическая, торгово-экономическая сферы, проблематика международной безопасности, связи в сфере культуры, науки и образования, проблема территориального размежевания в ретроспективном разрезе, имиджелогические проблемы, институциональные факторы отношений двух стран. В заключении фиксируются последние тенденции и вызовы, которые стоят перед Японией в настоящее время, освещается дискуссия о возрождении военного потенциала страны и перспективах отказа от ее «мирного статуса». Книга рекомендуется

для всех интересующихся внешней политической Японии, российско-японскими отношениями и международными отношениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Издание «Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века»⁷ содержит обзор ключевых составляющих российское японоведение научных дисциплин, которые включают в себя изучение японского языка, этнографию, историю, культуру, искусство, религию, политику, экономику, философию, различные аспекты материальной и духовной культуры Японии. Во введении охарактеризованы условия становления российской

школы японоведения в контексте эволюции уже существующих и появления новых академических, образовательных и экспертных институтов, а также рассказывается о деятельности Ассоциации японоведов, под эгидой которой публикуется ежегод-

⁷ Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М., АИРО-XXI. 2015 – 448 с. [Sovremennoe rossiiskoe iapanovedenie: ogladyvaias' na put' dlinoiu v chetvert' veka (Japanese Studies in Russia: Overlooking the Development over a Quarter of a Century) / Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: AIRO-XXI. 2015. 448 p.]

ник «Япония», осуществляется ряд исследовательских проектов, выходит большое количество научных трудов и проводятся ежегодные международные конференции по текущему положению дел в Японии. Первая глава книги рассматривает историю становления и развития классического японоведения в России, в частности, историю изучения японского языка, японского искусства, классической литературы и перевода. Вторая глава описывает деятельность основных научных и образовательных японоведческих центров в современной России, расположенных по всей стране: в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, а также российских специалистов, работающих в Японии. Третья глава содержит анализ таких отраслей современного японоведения, как преподавание японского языка, исследование современной японской культуры, традиционной истории и культуры Японии, японского буддизма, политологии и права, истории российско-японских отношений, японской экономики, японской системы корпоративного управления, географии Японии. В четвертой главе изложены взгляды и оценки российских японоведов на Японию XXI века, содержащиеся в проектных сборниках, изданных Ассоциацией японоведов в 2003-2015 гг. Книга рекомендуется для всех японоведов и интересующихся изучением Японии в России.

Литература:

История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С. В. Гришачёва. – М. : Аспект Пресс, 2015. – 336 с.

История Японии: Учебник для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 560 с.

Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ; [науч. ред.: проф. Д. В. Стрельцов и доц. С.В. Гришачёв]. – МГИМО-Университет, 2015. – 1024 с.

Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / под редакцией проф. Д.В. Стрельцова. – М.: АИРО-XXI. 2015. – 448 с.

Стрельцов Д.В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Д.В.Стрельцов; Ин-т востоковедения РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. – 280 с.

Япония: консервативный поворот / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2015. – 288 с.

References:

Iaponiiia: konservativnyi poverot (Japan: A Shift to Conservatism) / Ed. by E.V. Molodyakova. Moscow: AIRO-XXI, 2015. 288 p.

Istoriiia Iaponiiii: Uchebnik dlia studentov vuzov (History of Japan) / Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: "Aspect Press", 2015. 560 p.

Istoriiia rossiisko-iaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka: Ucheb. posobie dlia studentov vuzov (History of Russian-Japanese Relations: XVIII – the Beginning of the XXI Century) / Ed. by S.V. Grishatchev. Moscow: Aspect Press, 2015. 336 p.

Rossiisko-iaponskie otnoshenia v formate parallel'noi istorii (Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History) / Ed. by A.V. Torkunov and M. Iokibe. Moscow: MGIMO-University, 2015. 1024 p.

Sovremennoe rossiiskoe iaponovedenie: ogladyvaias' na put' dlinoiu v chetvert' veka (Japanese Studies in Russia: Overlooking the Development over a Quarter of a Century) / Ed. by D.V. Streltsov. Moscow: AIRO-XXI, 2015. 448 p.

Strel'tsov D. V. Vneshnepoliticheskie prioritetы Iaponii v Aziatko-Tikhookeanskom regione (Japan's Foreign Policy Priorities in Asia-Pacific) / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow: Nauka Vostochnaya Literatura, 2015. 280 p.

A Series of Publications in Japanese Studies: History, Politics, Foreign Policy, International Relations, Russia-Japan Relations and Japanese Studies in Russia

Anna A. Kireeva
Candidate of Political Science,
Senior Lecturer,
MGIMO University

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008 – 2016 гг. / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2016. – 712 с.

Книга известного российского ученого-востоковеда Вячеслава Яковлевича Белокреницкого представляет собой собрание его публикаций за последние несколько лет.

и глубина исследований не могут не свидетельствовать о высочайшем профессионализме В.Я. Белокреницкого, заместителя директора Института востоковедения РАН, заведующего Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, доктора исторических наук, кандидата экономических наук, профессора МГИМО МИД России.

Собрание избранных публикаций «Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток» представляет собой систематизированный взгляд ученого на проблематику, исследованием которой он занимается долгие годы: все публикации разнесены по разделам, содержание которых соотносится по проблематике и хронологии. Первый раздел автор посвящает исследованиям Пакистана, проблем становления его государственности, этапов развития, а также особенностей внешней политики, включая региональный аспект. Автор анализирует целый комплекс факторов, которые обу-

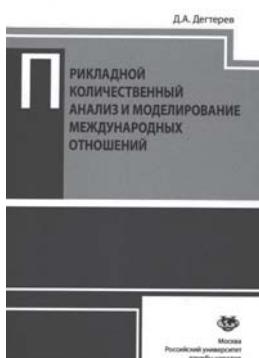
словили создание, развитие и современное положение Пакистана, включая политический, экономический, этнорелигиозный аспекты, а также современные проблемы международных отношений в регионе. Второй раздел посвящен проблематике исторического и современного развития Южной Азии, в частности постколониальной истории Индии, концепции конфронтационной стабильности в регионе и возможностей и рисков для России. Четыре отобранные работы автора посвящены мусульманскому Востоку и формируют третий раздел собрания. Ниша российских исследований исламского мира, формирования гражданского общества и особенностей национализма в странах мусульманского Востока остается незаполненной; в этом смысле работы В.Я. Белокреницкого лишь подтверждают свою актуальность и представляют существенный интерес. В четвертый раздел книги попали работы, посвященные Востоку вообще, его положению как в исторических, так и в современных международно-политических процессах на рубеже XX и XXI веков. Автор выявляет цивилизационные особенности Востока, оценивает тенденции и перспективы его развития, а также посвящает несколько глав исследованию демографического фактора в исламском мире.

Собрание избранных публикаций В.Я. Белокреницкого «Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток» может быть интересно широкому кругу читателей: от востоковедов и студентов до всех, кто интересуется историей Южной и Средней Азии, исламского Востока, современными международными отношениями в данных регионах.

Редакция журнала «Сравнительная политика» поздравляет Вячеслава Яковлевича Белокреницкого, члена международного редакционного и консультационного совета журнала, с юбилеем, желает автору новых научных открытий и публикаций!

Дегтерев Д.А. Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений: учебник. – М.: РУДН, 2016. – 556 с.

Учебник кандидата экономических наук, доцента МГИМО МИД России, заведующего

Кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов Дениса Андреевича Дегтерева представляет собой наиболее полное учебное пособие для студентов магистерского уровня по методологии прикладного количественного анализа и моделирования международных отношений.

В учебнике обосновывается целесообразность и актуальность количественных исследований международных отношений, раскрывается генезис количественных исследований, проблематика уровней концептуализации в теории международных отношений, объясняется механизм работы со статистикой, базами данных, международными рейтингами. Автор учебника подробно разбирает количественные методики анализа международных отношений, в том числе анализ голосования в ООН, контент-анализ доктринальных документов, мониторинг социальных сетей, теоретико-игровые модели, регрессионный и дисперсионный анализ, комплексные методики по оценке внешнеполитической позиции страны и по мониторингу соблюдения международных обязательств, и многие другие. Целая глава учебника посвящена комплексному моделированию международных отношений, в том числе моделированию международных переговоров, анализу эффективности моделирования, где автор приводит множество примеров конкретных исследований.

Одной из особенностей пособия является наличие в нем после каждой главы раздела «Практикум», в котором студентам

предлагается решить ряд задач с привлечением конкретной методики, описанной в главе (на базовом, профессиональном и экспертном уровне). Автор также группирует в отдельные разделы глав «основные понятия», включает в текст множество таблиц, графиков, схем, которые позволяют наглядно представить ход анализа и помочь студентам правильным образом структурировать свое исследование.

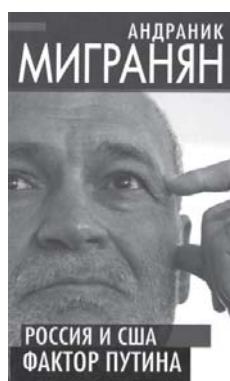
Учебник оснащен приложениями, в том числе списком баз данных и международных рейтингов, используемых в качестве источников информации, а также программой курса «Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений» с раскрытием плана курса и его содержания.

Учебник предназначен для студентов высших учебных заведений (по направлению «международные отношения», «политология», «зарубежное регионоведение»), аспирантов и исследователей.

Мигранян А.М. Россия и США: фактор Путина. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 272 с.

Отношения между Россией и США, ввиду своего значительного ухудшения в последние годы, стали предметом широчайшей экспертной дискуссии. Одним из наиболее активных ее участников стал известный российский публицист и политолог Андраник Мовсесович Мигранян. В изданной книге «Россия и США: фактор Путина» автор ставит перед собой задачу оценить состояние отношений двух держав,

предложить собственное обоснование причин эскалации напряженности и предложить оценку перспектив их развития. При этом, как следует из самого названия книги, такой анализ проводится с учетом фактора роли личности Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Особенностью издания является то, что оно в основном состоит из вышедших ранее публикаций А.М. Миграняна в разных изданиях, и включает в себя фрагменты обсуждений из телевизионных передач. Автор рассуждает о том, являются ли США проблемой для России, каким образом провалы военных операций США на Ближнем Востоке повлияли на позиционирование страны на мировой арене, а укрепление России оказало эффект на разрастающиеся противоречия между двумя странами. Политолог также рассуждает о санкционной политике Запада, украинском и сирийском кризисах. При этом параллельно поднимаются вопросы и внутренней политики России. Книга разбита на четыре тематические главы: «США – Россия. Конфликт интересов или партнерство?», «Оппозиция и власть», «Украина. Как выйти из кризиса?», «Ближний Восток – горячая точка планеты» – в каждую из глав вошли публикации автора, в которых последовательно раскрывается его позиция по острым вопросам глобальной политики.

Новая книга А.М. Миграняна адресована широкому кругу читателей, интересующихся вопросами мировой политики и проблемами российско-американских отношений.

Путин В.В. 100 и 1 цитата / сост. С.М. Хенкин, И.А. Истомин, С.М. Кретов [и др.]. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.

В России издано уже несколько книг-сборников высказываний, выдержек из выступлений или цитат из интервью Президента страны Владимира Владимировича Путина. Особенность нового сборника «Путин В.В. 100 и 1 цитата», подготовленного небольшим коллективом преподавателей и аспирантов МГИМО МИД России, заключается в том, что к каждой из сотни цитат авторы подготовили крат-

кий аналитический комментарий, раскрывающий суть и исторический контекст того или иного высказывания первого лица государства. Такой подход позволил подготовить книгу, в которой прослеживается не только эволюция взглядов самого Президента, но и изменение социально-экономических и политических реалий в стране, международной обстановки, проявление тех или иных вызовов и поиск их решения.

Круг источников цитат довольно широк: это и Послания Президента Федеральному Собранию, и выступления на международных форумах, и встречи с первыми лицами других государств, и интервью В.В. Путина по многим вопросам внутренней и внешней повестки российской политики. Хронологические рамки, охваченные в книге, включают в себя как период пребывания В.В. Путина на посту Президента России, так и срок исполнения им полномочий Премьер-министра: с 2000 по 2016 гг, что отражено в структуре книги, разбитой на 4 главы. Цитаты представлены по широчайшей проблематике: в них отражены позиции Президента по внутренней и внешней политике, экономическим, социальным, энергетическим вопросам, проблемам безопасности.

Сборник может представлять интерес для всех, кого интересует российская политика, а также для студентов по специальности «политология» и «международные отношения», изучающих изменения в современной политической повестке дня в России.

*Д.А. Кузнецов
аспирант,
Кафедра мировых
политических процессов,
МГИМО МИД России*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**ЖУРНАЛ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ВОШЕЛ В РЕФЕРАТИВНУЮ БАЗУ
WEB OF SCIENCE**

WEB OF SCIENCE™ CORE COLLECTION
— EMERGING SOURCES
CITATION INDEX

Журнал Сравнительная политика вошел в индекс цитирования Emerging Sources Citation Index (ESCI), который является новой базой данных в составе Универсальной коллекции Web of Science (Web of Science Core Collection).

Индекс цитирования ESCI создан компанией Thomson Reuters с целью увеличить масштабное собрание публикаций Web of Science за счет качественных рецензируемых публикаций в недавно появившихся научных источниках. В компании Thomson Reuters поясняют, что новый индекс цитирования ESCI был открыт, потому что возникла необходимость представить информацию для проведения оценки и анализа исследований в большем объеме, охватить региональный контент, имеющий важное значение, а также не упустить ранние стадии развития появляющихся (или недавно появившихся и развивающихся) областей знаний и тенденций. При этом в Thomson Reuters обращают внимание на то, что при формировании индекса они остались избирательными, по-прежнему предоставляют передовые идеи, продолжая отбирать наиболее влиятельные журналы.

Журнал, представленный в индексе цитирования ESCI, расценивается редакцией Thomson Reuters как журнал востребованный и цитируемый. Все издания, включенные в индекс, соответствуют базовым критериям отбора Web of Science.

Всего в перечень включены уже 2400 научных журналов. Среди них 63 российских журнала, в том числе и журнал Сравнительная политика.

Ответственный секретарь
онлайн версии журнала
к.полит.н., доцент
И.Ю. Окунев

ВИЗИТ ПРОФЕССОРА ДЖОНА МИРШАЙМЕРА В МГИМО

17–21 октября в МГИМО состоялся цикл выступлений одного из крупнейших современных теоретиков международных отношений, профессора Джона Дж. Миршаймера.

Джон Миршаймер – выпускник Академии вооруженных сил Соединенных Штатов в Вест-Пойнте (1970). Докторскую степень получил в Корнельском университете. В разные годы работал в Институте Брукингса, Гарвардском университете, Совете по международным делам. С 1982 года преподает в Чикагском университете, продолжительное время возглавляя в нем кафедру международных отношений, которой до него руководил основоположник «международных отношений» как учебной и научной дисциплины Ганс Моргентау.

Джон Миршаймер опубликовал ряд фундаментальных работ по теории международных отношений и американской стратегии, которые снискали широкое признание в профессиональном сообществе и вошли в круг наиболее цитируемых научных публикаций. Среди них “Conventional Deterrence” (1983), “The Tragedy of Great Power Politics” (2001), “The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy” (2007), “Why Leaders Lie: The Truth about Lying in International

Politics" (2011). Благодаря этим и другим публикациям Джон Миршаймер заработал репутацию наиболее авторитетного из ныне активно действующих представителей политического реализма.

В МГИМО Джон Миршаймер прочитал три лекции, отражающие различные грани его научных интересов. Его первое выступление было посвящено изложению теоретических основ наступательного реализма и оценкам перспектив развития конкуренции США и Китая, вытекающим из этой научной концепции. Профессор Миршаймер известен в Соединенных Штатах утверждением, что «подъем Китая не может быть мирным».

В своем выступлении в Москве он убедительно обосновал логику пессимистических ожиданий. Теория наступательного реализма доказывает, что даже в отсутствие агрессивных устремлений со стороны Вашингтона и Пекина обе стороны будут вынуждены вступить в конкуренцию в связи с невозможностью достоверно определить мотивы контрагентов и наращиванием наступательных потенциалов.

Вторая лекция Джона Миршаймера фокусировалась на результатах американской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке в последние десятилетия и влиянию политики США на регион. Американский исследователь обратил внимание на то, что с начала 1990-х годов произошло неоправданно активное вмешательство Вашингтона в региональные дела. Политику последних двух администраций (Дж. Буша и Б. Обамы) он связывает с концепцией «смены режимов». Ее результатом стал подрыв стабильности на Ближнем и Среднем Востоке, так как американские попытки социальной инженерии потерпели фиаско.

В третьем выступлении в МГИМО профессор Миршаймер изложил свое понимание причин обострения отношений России и Запада. По его мнению, в 1990-2000-х годах США и их европейские союзники руководствовались либеральной идеологией, которая побуждала их способствовать расширению евро-атлантических структур и укреплению прозападных правительств. Они не стремились к сдерживанию России в процессе «продвижения НАТО на восток», но считали возможным проигнорировать протесты Москвы, связанные с ее опасениями относительно приближения военного блока к ее границам. Такая безрассудная политика спровоцировала войны в Грузии и на Украине.

По мнению профессора Миршаймера, в современных условиях лучшим решением стала бы нейтрализация Украины. Вместе с тем реализовать подобную конфигурацию было бы исключительно сложно в связи с ростом враждебности к России в соседней стране.

В дополнение к лекциям Джон Миршаймер принял участие в круглом столе с участием ведущих отечественных специалистов по международным отношениям и политической науке, в том числе проректора по научной политике МГИМО Е.М. Кожокина, декана Факультета политологии А.Д. Воскресенского, заведующей кафедры прикладного анализа международных проблем Т.А. Шакleinой, заведующей кафедрой политической теории Т.А. Алексеевой, профессора кафедры дипломатии Т.В. Зоновой. В ходе обсуждения, посвященной эволюции отношений между ведущими мировыми державами, он защищал эвристическую ценность концепции наступательного реализма.

Профессор Миршаймер также провел мастер-класс для аспирантов и молодых преподавателей, посвященный подготовке научных публикаций. Он заострил внимание на необходимости формулирования простого и ясного центрального тезиса в работе и выявлении наиболее сильных альтернативных объяснений оппонентов. Современная научная деятельность схожа с рыночной средой, в которой разворачивается борьба идей.

В ходе своего пребывания в МГИМО Джон Миршаймер провел также серию встреч с представителями академического и дипломатического сообщества, включая ректора МГИМО Университета А.В. Торкунова и замести-

теля министра иностранных дел С.А. Рябкова. Он выступил на московской площадке Валдайского клуба и дал ряд интервью ведущим отечественным изданиям.

Приезд профессора Миршаймера стал очередным визитом в рамках цикла выступлений ведущих зарубежных теоретиков в МГИМО, реализуемого при поддержке Фонда «Искусство, наука и спорт». В прошлом учебном году Университет принимал таких крупных американских исследователей, как профессор Дартмудского колледжа Уильям Уолфорт и профессор Университета Клермонта Яцек Кутлер. В будущем планируется продолжить организацию подобных встреч, которые способствуют интенсификации диалога отечественных специалистов с зарубежными коллегами и развитию российских исследований в области теории международных отношений.

*Материал подготовлен сотрудниками
Кафедры прикладного анализа
международных проблем и Управления
магистерской подготовки
МГИМО МИД России
[http://mgimo.ru/about/news/main/
mearsheimer-lectures/](http://mgimo.ru/about/news/main/mearsheimer-lectures/)*

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-164-168>

СТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Тимур Александрович Халилов

научный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

2 сентября 2016 года в Южном федеральном университете состоялось четвертое заседание регулярного теоретического семинара по проблемам русской мысли и политики, посвященное обсуждению феномена гражданского общества, его состоянию, тенденциям и перспективам.

Семинар начался с выступления кандидата исторических наук Е.В. Михайловой (г. Москва), выступившей с докладом «Гражданское общество в России: электронная научная библиотека». Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России» (www.civisbook.ru) была создана

в 2011-2013 гг. при поддержке РГНФ (проект № 11-03-12050в). Этот веб-портал приобрел известность в гуманитарной среде и пользуется стабильной популярностью: ежемесячно его посещают около 14 тысяч человек, работают с ним около 3500 человек (www.a.pr-cy.ru/www.civisbook.ru/). На данный момент библиотека насчитывает более 1000 публикаций, доступных для свободного скачивания всеми пользователями информационной системы. Каждый из материалов снабжен ссылкой на источник, ключевыми словами, аннотацией, ссылкой на материалы схожей тематики, пиктограммами для распространения ссылки на публикацию в социальных сетях и кнопкой для включения материала в личный каталог. Облако тегов, позволяющее осуществлять быстрый поиск по публикациям, насчитывает более 350 позиций. Научная библиотека представляет собой полнотекстовую базу данных, структурированную по методу кластеров, объединенных в общую систему. Каждый из кластеров отражает одно из ключевых измерений исследований гражданского общества. В настоящий момент в библиотеке представлены 5 кластеров – теоретико-методологический, эволюционный, социальный, политический и экономический. Посетители научной электронной библиотеки имеют возможность пользоваться такими сервисами, как модуль по работе с биографическими описаниями, модуль по работе с личными каталогами, атрибутивный поиск по всем материалам библиотеки, модуль по работе с рекомендованными публикациями и др. Кроме того, для оптимизации работы с создаваемой базой данных был разработан и внедрен на сайт www.civisbook.ru дополнительный модуль для ведения архива цитат из публикаций в СМИ с возможностью группировки по нескольким рубрикам, изданиям, отдельным датам, просмотра по названию статьи и контенту (пресеты).

С ключевым докладом «Русский государственный разум с точки зрения османо-российской имперской компартиевистики» на семинаре выступил доктор философских наук, доктор политических наук, профессор В.П. Макаренко (г. Ростов-на-Дону). Тема государственного разума (термин *reason*

d'estat на русский язык переводится как государственный интерес) интересует исследователей давно. По мнению докладчика, государственный разум (государственные интересы) являются элементом бюрократических отношений внутри государственного аппарата и в его взаимосвязях с обществом¹. Давно описаны общие проблемы бытия и распада империй и предложены способы рассмотрения современных российских преобразований как частного случая этого общего процесса. А поскольку Крым и Кавказ до ХХ века находились в зоне противоборства между Османской и Российской империй, поскольку процесс распада СССР можно рассматривать в сравнении с опередившим его более чем на сотню лет распадом Османской империи.

Предложенная В.П. Макаренко систематизация проблем исследования Д. Ливена не является исчерпывающей и может уточняться в каждом конкретном случае. Список общих объектов исследования и тем обсуждения выглядит как анализ следующих крупных проблем: когнитивно-политические ловушки исследования империй и квалификация империй как безжалостного механизма эксплуатации природных и человеческих ресурсов; квалификация имперского государственного управления как предпосылки успеха и поражения империй; описание империй как основы и стимула для становления и развития национализма, подрывающего их существование; взаимодействие политических технологий и доморощенных идеологий; описание процедур выбора политических стратегий и решения проблем внутренней политики в контексте периода распада империй как следствия исторически накопленной несвободы, не позволяющей найти адекватный ответ на

¹ Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. – Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ, 2013. [Makarenko V.P. Russkaia vlast' i biurokraticheskoe gosudarstvo (Russian Power and Bureaucratic State). Vol. 1. Rostov-na-Donu: YuFU, 2013]; Русская власть и бюрократическое государство. Часть 2. Отв. редактор В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ, 2015. [Russkaia vlast' i biurokraticheskoe gosudarstvo (Russian Power and Bureaucratic State). Vol. 2. Ed. by V.P. Makarenko. Rostov-na-Donu: YuFU, 2015].

множество вызовов современности. Каждая из этих проблем может дробиться на конкретные подпроблемы.

Но общие проблемы останутся тем более актуальными, чем более в политическом и научном пространстве будет пропагандироваться идеология «особого пути» России. Анализ русского государственного разума в контексте османо-российской компартиативистики позволяет рассматривать множество поставленных проблем как повестку дня дискуссии, имеющей прямой выход на ситуацию в современной России. В настоящее время в мировом научном и политическом сообществе обсуждается правомерность присоединения Крыма к России. Высказываются противоположные точки зрения. Выработку отношения к ним можно начать с вопроса: применима ли к истории присоединения Крыма и Кавказа к России идеология цивилизационной миссии и доктрина *terra nullius*? При глубинном рассуждении можно прийти к умозаключению о том, что идеология цивилизационной миссии и доктрина *terra nullius* при присоединении Крыма и Кавказа к России выступали в обрамлении «еврейской угрозы» и антисемитских убеждений не только отдельных лиц, но и популярных печатных изданий, от влияния которых не смог освободиться даже великий писатель Ф.М. Достоевский. Выдающийся российский историк Б.Э. Нольде показал, что русское общество начало заражаться вирусом империализма как раз после завоевания Крыма: завоевание Крыма было прямым нарушением России Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции и ущемляло законные права Турции. В Санкт-Петербурге понимали, что это может привести к новой войне, однако все же надеялись на лучшее.

Макроисторическую тональность на семинаре поддержал доктор исторических наук, профессор Н.А. Минников (г. Ростов-на-Дону), выступивший с докладом «Донское казачье сообщество XVII-XVIII вв.: смена поколений и политических приоритетов». По мнению докладчика, становление в России гражданского общества представляло собой сложный и противоречивый процесс, в ходе которого имели место как продвижение вперед, так и отступления. Проявлялся данный

тренд, в том числе, на Дону, который в XVII-XVIII вв. превращался из субъекта политической жизни на большом пространстве на стыке Европы и Азии в объект политических устремлений российского самодержавия и в орудие его политики. Выражался этот процесс в деятельности людей, с поколениями которых связана смена идей. На связь общественных идей и поколений указал Х. Ортега-и-Гассет в курсе лекций «Вокруг Галилея (схема кризисов)». По мнению Х. Ортеги, смена поколений и идей происходит примерно в течение 15 лет, а идеи поколения выражают наиболее яркие личности, которые он выделил в западноевропейской культуре раннего нового времени. Донское казачье общество не знало идей, которые были распространены в Европе. Но в XVII-XVIII вв. в нем также выделяются поколения и идеи, которые наиболее ярко выражали некоторые известные личности из числа представителей донской казачьей верхушки. Смена поколений и идей, распространенных в войске Донском того времени, свидетельствует о том, что поколения казаков раннего периода отстаивали свою вольность как важнейшую общественную ценность. Во второй половине XVII в. внутри последующих поколений казачества наметился раскол, когда часть казаков и старшин отступили от прежних идей и готовы были ради жалованья и царских наград поступиться традиционными вольностями Дона и превратиться в служилое сословие государства. В ходе Булавинского восстания сторонники казачьей вольности потерпели полное поражение. Поколение казаков середины XVIII в. выдвинуло из своей среды атаманов отца и сына Ефремовых, которые стремились сохранять черты самостоятельности Дона. Но арест атамана С. Ефремова в 1772 г. привел к укреплению позиций центральной власти на Дону. В ходе массового выступления казаков в 1792-1794 гг. против нарушения начальством донских традиций в ходе переселения казаков на Кавказскую линию часть поколения казаков этого времени пытаясь использовать идею донской вольности, но в результате поражения этого движения идея донских казачьих вольностей осталась только в исторической памяти донского казачества.

С докладом на тему «Политическая диффузия практик «соуправления» структур гражданского общества и органов государства как часть процесса глобализации» выступила кандидат политических наук, доцент Т.А. Подшибякина (г. Ростов-на-Дону). Известно, что процесс глобализации отличается двумя равнодействующими тенденциями развития: центробежной и центростремительной; первая – проявляется в попытках отдельных участников мировой политики к изоляции или самоизоляции; вторая – отражает спонтанные естественные процессы интеграции и стремления к сотрудничеству различных субъектов политических отношений.

Политическая диффузия может быть определена как процесс, посредством которого политический выбор одного субъекта оказывает влияние на политический выбор другого субъекта. Исследователи проблем диффузии установили три механизма диффузии политики: обучение, эмуляция и конкуренция. Эмуляция (подражание) в отличие от обучения не связана с объективными последствиями политики, она определяется символическими и социально обусловленными характеристиками политики. В основе механизма конкуренции лежит взаимодействие субъектов в борьбе за ресурсы.

Эмпирические исследования показали, что диапазон распространения политики диффузии достаточно широк: *«good governance»*; лотереи; приватизация; инструменты экологической политики; рынок труда программ; грантовая деятельность; двусторонние договоры; независимые регулирующие органы; инфраструктура реформ; политика эффективности высшего образования; деятельность центрального банка; подоходные налоги.

«Good governance», или «соуправление», или «управление как самоорганизующиеся сети (as self-organizing networks)» в настоящее время рассматривается как признак степени демократизации. Политические сети как совокупность субъект-объектных отношений в сфере принятия политических решений представляют собой поле взаимодействия структур гражданского общества и органов государственной власти. Некоторые

исследователи (П. Джон и А. Коул) проводят прямую аналогию между правительством как институтом власти и управлением посредством диффузных сетей.

Для России вовлечение в политику глобального соуправления, по мнению ряда исследователей, означает ограничение государственного суверенитета в тех случаях, когда ее деятельность негативно отражается на взаимоотношениях глобальных игроков, вместе с тем это подрывает основы авторитарности управления и имперские амбиции некоторых участников во внутренней политике. Решения, принимаемые на глобальных форумах по инициативе правительств, представителей бизнеса или гражданского общества, становятся обязательными для всех участников глобального соуправления, что может задевать национальные интересы отдельных государств. От России требуется наращивание своего представительства на различных площадках обсуждения проблем глобального управления, активное продвижение своих интересов с учетом баланса сил в международной сфере.

Политика диффузии, не знающая границ и основанная на заимствовании наиболее успешных практик, как правило, не связанная с принципами принуждения, является незримым препятствием на пути санкций, жестко регулируемых, хорошо скоординированных и ограничивающих суверенитет отдельных стран. Однако не стоит забывать, что при желании ее тоже можно превратить в орудие «мягкой силы» и реализовать глобальные интересы отдельных стран или их объединений в форме партнерского проникновения во внутреннюю политику России.

С докладом «Развитие человеческого капитала как эффект взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России» выступил научный редактор журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» Т.А. Халилов (г. Краснодар), по мнению которого, с момента распада Советского Союза Россия прошла через три макроисторические развики: (1) от тоталитаризма к демократизации (альтернатива – империя); (2) от демократизации к рыночной экономике (альтернатива – централизация); (3) от рыночной экономики к бюрократизации (альтернати-

ва – олигархизация). Сегодня мы снова стоим перед эзистенциальным выбором. Куда Россия пойдет от бюрократизации: к модернизации или инерции? Ответ на этот сложнейший вопрос отнюдь не является очевидным: на траекторию политического развития могут повлиять различные институты и процессы. Именно поэтому постсоциалистическое российское государство находится в поиске наиболее адекватных методов и параметров взаимодействия с достаточно новой для российской общественной структуры социальной группой – предпринимателями. В этой связи, является актуальным наличие тесной связи и детерминированности возможностей развития человеческого капитала как своеобразной «целевой функции» гражданского общества и взаимодействием государства и бизнеса на основе общих интересов.

Пожалуй, самой сложной институциональной ловушкой в данном случае являются патерналистские отношения в обществе и надежда на государство во всех сферах деятельности. Так, данные социологического опроса, проведенного Т.А. Халиловым в 2015 году, свидетельствует о том, что именно российское государство должно заниматься благотворительностью (49%). Однако на вопрос «Кто больше всего занимается благотворительностью?» всего лишь 22% респондентов ответили, что это российские государственные организации. На основании соотнесения полученных данных («Кто больше всего занимается благотворительностью?» / «Кто должен заниматься благотворительностью?») можно получить коэффициент ожиданий, свидетельствующий об уровне благотворительной активности различных публичных субъектов: наибольшее значение коэффициента присвоено обычным гражданам ($k=0,95$), наименьшее – российским государственным ($k=0,4489$) и коммерческим ($k=0,3846$) структурам.

Наблюдаемые в постсоциалистической России процессы «деформализации» правил взаимодействия власти и бизнеса были проанализированы многими отечественными исследователями. В этом явлении они усматривали наследие поздней советской экономической системы, когда законодательно закрепленные правила централизо-

ванного планирования постепенно замещались преобладанием неформальных практик взаимодействия². Очевидно, что с помощью технологий изменить состояние общественных институтов невозможно: нужна стратегическая работа с идеями, ценностями и умонастроениями («мизесовская триада»).

Также на теоретическом семинаре состоялась презентация книги, посвященной научному наследию выдающегося российского философа В.А. Подороги³, являющегося основателем аналитической антропологии в России, создателем философской школы в области политической теории, исследователем массовой культуры. В книге, посвященной его 70-летию, участвуют ученики и коллеги. Одни из них продолжают методологию В.А. Подороги, другие – разрабатывают поставленные им темы и проблемы на конкретном материале, третьи – пытаются критически осмыслить его творчество.

Developing Civil Society in Imperial Russian Background: Trends and Problems

Timur A. Khalilov
Academic Editor, Journal
“Historical and Social-Educational Ideas”

² Халилов Т.А. Баланс формальных и неформальных практик политического взаимодействия власти и бизнеса в постсоциалистической России // Власть. – 2016. – № 9. – С. 113-116. [Khalilov, T.A. Balans formal'nykh i neformal'nykh praktik politicheskogo vzaimodeistviia vlasti i biznesa v postsootsialisticheskoi Rossii (Balance of Formal and Informal Practices of Political Interaction between Power and Business in Post-Socialist Russia) // *Vlast'*, 2016, No. 9, pp. 113-116.]

³ Политика мысли: мастерская Валерия Подороги в оценке учеников и коллег. Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. 316 с. [Politika mysli: masterskaia Valeriia Podorogi v otsenke uchenikov i kolleg (Policy of Thought: Valery Podoroga's Workshop on Assessing of Students and Colleagues). Ed. by V.P. Makarenko. Rostov-na-Donu: YuFU, 2016. 316 p.]

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: ВЗГЛЯД ИЗ СИНГАПУРА

Виктория Викторовна Василенко

к.и.н., Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

26-27 мая 2016 года в Национальном университете Сингапура (НУС), на базе факультета гуманитарных и социальных наук, состоялся научный семинар «Переосмысление нарративов “холодной войны”: к альтернативным интерпретациям мира периода “холодной войны”» («*Unlearning Cold War Narratives: Toward Alternative Understandings of the Cold War World*»). Х. Масуда, профессор-ассистент НУС и автор монографии «Горнило “холодной войны”: конфликт в Корее и послевоенный мир»¹, разработал концепцию семинара и выступил его основным организатором.

«Холодная война» – весьма многоплановый и неоднозначный феномен, поэтому, по замыслу Х. Масуды, для того, чтобы понять ее суть, механизмы и влияние, нужно изучать динамику конфронтации на примере кейсов из различных стран и регионов, уделяя особое внимание социокультурным аспектам. Как следствие, историографии как таковой было уделено не много внимания (одна из шести секций), а конкретно-исторические исследования, представленные на семинаре, были выполнены на материале отдельных стран различных регионов Азии, Америки, Европы и Африки, зачастую в русле социальной и культурной истории.

На секции по историографии, которая открыла семинар, Х. Масуда задал концептуальные рамки, акцентировав многогранность «холодной войны» (а может быть, войн) и необходимость пересмотра сложившихся нарративов на основе достижений современной историографии и сопоставления опыта различных стран и регионов, Дж. Мунро

(Университет Ст. Мэри в Галифаксе) продемонстрировал эффективность применения методологии колониальных исследований для деконструкции стандартных нарративов о внешней политике США в ходе складывания bipolarного противостояния, автор рассмотрела социокультурные аспекты в российской историографии генезиса «холодной войны».

В ходе секции «Деколонизация и внутренняя политика» были представлены доклады П. Каллен (Кембриджский университет) – о специфике англо-кенийских отношений на фоне bipolarного противостояния, Г. Бейнса (Университет Родса) – об особенностях процессов деколонизации в Южной Африке, К. Вудс (Университет Мэриленда) – о первой гражданской войне на Филиппинах в контексте вызревания американской стратегии противодействия коммунизму в Юго-Восточной Азии. Исследователи продемонстрировали механизмы того, как противостояние на глобальному уровне трансировалось в различные стратегии в области внутренней (и не только) политики отдельных стран, недавно освободившихся, по крайней мере формально, от колониальной зависимости, – то расширяя поле для маневра в получении помощи развитию, то выступая своего рода «алиби» для политики апартеида, то легитимируя насилие в отношении повстанцев.

Третья секция, «Локальные реалии и исторический континуитет», была выстроена по региональному принципу – на латиноамериканских кейсах, представленных историками из Аргентины, Бразилии, Мексики и Чили. Так, С. Муньос (Государственный университет Маркинг) рассмотрел особенности социального и политического развития Бразилии в начальный период «холодной войны», В. Петтина (Колледж Мехико) проанализировал развитие

¹ Masuda, Hajimu. *Cold War Crucible: The Korean Conflict and the Postwar World*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

отношений Мексики со странами второго и третьего мира в 1958-1964 гг., Ф. Пурчелл (Папский Католический университет Чили) продемонстрировал взаимодействие глобального и локального на примере деятельности Корпуса мира в Колумбии, Перу и Чили, М. Лопес (Университет Буэнос-Айреса) представила результаты исследования о развитии Парагвая при диктатуре А. Стресснера. Историки показали как специфику распространения «холодной войны» на данный регион, так и то, что порой изучение динамики отдельных стран и региона в целом через призму глобального противостояния может быть контрпродуктивным.

Проблематика секции «Локальная перспектива «холодной войны»» отчасти перекликается с исследованиями двух предыдущих, чего в рамках одного фокуса, пожалуй, трудно избежать. В докладах Х.-В. Кима (Калифорнийский университет в Сан-Диего) и С. Хьюон (Наньянский технологический университет)делено особое внимание процессам национального строительства, соответственно, на примере инструментализации нарративов «холодной войны» в Южной Корее и деятельности пограничной полиции в Таиланде. Э. Элбакян (Ереванский государственный университет) рассмотрел специфику конфликта вокруг Южного (Иранского) Азербайджана после окончания Второй мировой войны, подчеркнув его локальные и региональные причины.

Пятая секция акцентировала человеческое измерение «холодной войны»: Ч. Сонг-Чуан (Наньянский технологический университет) исследовала траектории адаптации людей к драматически меняющейся политической географии в условиях «холодной войны» на примере жизни рыбаков с островов Мацу; Ч.-В. Кунг (Колумбийский университет) проанализировал социальные практики адаптации китайцев к статусу меньшинства на Филиппинах в условиях идеологии антикоммунизма; Д. Миллс (Миннесота Уэст Коммюнити Колледж) продемонстрировал возможности обычных людей влиять на внутреннюю географию «холодной войны» на примере кампаний по размещению военных баз на территории ряда штатов Великих равнин в США.

В ходе заключительной секции рассматривались особенности развития массовой культуры в условиях блокового противо-

стояния. Все докладчики подчеркивали значительный компонент сотрудничества даже в периоды обострения конфронтации. Так, Д. Вулетич (Венский университет) проанализировал проекты «Евровидение» и «Интервидение» с точки зрения динамики сотрудничества, в большей степени со стороны стран Восточной Европы, и соперничества; С. Ланьюн (НУС) выявила механизмы культурного влияния КНР в Юго-Восточной Азии на примере экспорта продукции киноиндустрии через Гонконг; С. Вонг (Ратгерский университет) представила исследование деятельности радиостанций в Гонконге как инструмента, способствовавшего большему культурному сплочению китайских сообществ, разъединенных «холодной войной».

Весьма важную роль в ходе семинара и на итоговом круглом столе выполнили дискутанты – С. Гутри Шимизу (Университет Райса), С.Р. Джоуи Лонг (НУС), Х. Квон (Кембриджский университет), П. Лиу (Колледж Йель-НУС), А. Макферсон (Университет Оклавхомы), П. Стидж (Университет Вилланова), Д. Энгерман (Брандейский университет). Эти видные специалисты по проблематике «холодной войны», помимо конструктивной критики и более широкой теоретической перспективы, способствовали выявлению общей региональной (и трансрегиональной) динамики и разрывов на материале отдельных кейсов, а также сопоставлению локального, регионального и глобального уровней.

В интерпретации Х. Масуды, термин *«unlearning»*, вынесенный в название семинара, предполагал заявку не только на пересмотр сложившихся нарративов, но и на новые обобщения. По итогам семинара можно сделать вывод о том, что избранный подход действительно оказался весьма эффективным, а продуктивные обсуждения можно считать шагом на пути к *«unlearning»* феномена «холодной войны» в контексте написания действительно многоголосой глобальной истории развития мира с 1945 г. по 1991 г.

**Unlearning the Cold War:
A View from Singapore**

Victoria V. Vasilenko

Candidate of History,

Belgorod National Research University

ПАРТНЕРЫ

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

18 ноября 2016 г. в Посольстве Индии, Москва, Культурным центром им. Джавахарлала Неру была организована художественная выставка «Индия – сердце России» заслуженных художников России Людмилы Елисеевой и Вячеслава Гущина.

Культурный центр им. Джавахарлала Неру был открыт в 1989 году с целью дальнейшего укрепления традиционно богатых культурных связей и единства народов России и Индии. В Культурном центре им. Джавахарлала Неру специалисты из Индии на регулярной основе преподают россиянам язык хинди, классический танец «Катхак», йогу и игру на tabla. Преподаватели Культурного центра также дают мастер-классы и проводят семинары в различных российских университетах, институтах и школах. Студенты Культурного центра постоянно принимают участие в различных мероприя-

тиях, проводимых самим Культурным центром и местными культурными организациями. Культурный центр также осуществляет сотрудничество в сфере науки с ведущими российскими университетами. Информация о занятиях в Культурном центре им. Джавахарлала Неру доступна на сайте Посольства Индии в России (<http://indianembassy.ru/index.php/ru/jncc/2014-03-04-13-38-05>) и в социальных сетях (https://vk.com/jncc_moscow).

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ / ПОСОЛЬСТВО ИНДИИ В РОССИИ

В свет вышел Информационный бюллетень № 6 (октябрь 2016), издаваемый Посольством Индии в России (г. Москва).

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ №6 октябрь 2016

Посольство Индии, Москва (Коммерческий отдел)

Ежемесячный информационный бюллетень Экономического и коммерческого отдела Посольства – это один из основных инструментов взаимодействия с клиентами, направленных на формированию более тесных торговых и экономических связей между Индией и Россией.

СРЕДИ ОСНОВНЫХ ТЕМ ВЫПУСКА:

Индия заняла второе место в БРИКС по конкурентоспособности экономики: ВЭФ: в последнем выпуске «Глобального индекса конкурентоспособности» Мирового экономического форума отмечается, что Индия совершила самый мощный в мире рывок вперед в глобальном индексе конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Конкурентоспособность Индии продемонстрировала в 2015-2016 гг. наиболее быстрый рост,

перепрыгнув через 16 позиций и заняв 39 место из 138 включенных в индекс стран, а «наиболее значимые улучшения» были отмечены в развитии общественных институтов и повышении прозрачности финансовой системы.

Российские алмазы ярче засверкают в Индии: в ближайшее время Индия примет ряд правил, которые положат конец деятельности посредников по импорту необработанных алмазов из России.

Дмитрий Рогозин и Сушма Сварадж расширяют стратегическое сотрудничество на МПК: Российско-Индийская Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству провела 13 сентября 2016 года в Нью-Дели очередное заседание, на котором рассматривался ход реализации текущих двусторонних проектов и дальнейшее расширение стратегического сотрудничества в ключевых областях деятельности и торговли, энергетике, космической и высокотехнологичных отраслях. По итогам заседания получен ряд результатов, включая формирование отраслевой рабочей группы по стимулированию сотрудничества в энергетике, а также в фармацевтической отрасли в рамках российской программы «Фарма 2020». Кроме того, получен новый импульс сотрудничеству в области связи.

БРИКС создает исследовательский центр по более тесному сотрудничеству в сельском хозяйстве: министры сельского хозяйства стран БРИКС единогласно договорились создать Центр сельскохозяйственных исследований для разработки и совместного использования устойчивых моделей ведения сельскохозяйственной деятельности в ходе 6 заседания в Нью-Дели 23 сентября 2016 г.

FELLOWS: LE REGARD DE CHERCHEURS INTERNATIONAUX SUR L'ACTUALITÉ

Fellows #14 : démocratie et numérique

L'usage d'Internet s'est largement démocratisé dans le monde en vingt ans, au point de bouleverser l'exercice de la démocratie. En facilitant la collecte et la diffusion d'informations, Internet présente à la fois des avantages et des inconvénients pour la démocratie. Analyses de Serge Proulx, sociologue et spécialiste des médias, et Warren Sack, théoricien des médias, concepteur de logiciel et artiste.

Read more: <http://fellows.rfiea.fr/dossier/democratie-et-numerique>

Serge Proulx: De la puissance d'agir dans un monde numérique

Read more: <http://fellows.rfiea.fr/dossier/democratie-et-numerique/article/de-la-puissance-d-agir-dans-un-monde-numerique>

Warren Sack: Democracy in computational conditions

Read more: <http://fellows.rfiea.fr/dossier/democratie-et-numerique/article/democracy-computational-conditions>

RFIEA Réseau français des instituts d'études avancées

*Siège : 15 Parvis René-Descartes, 69007 Lyon
Bureaux : 190-198 avenue de France, 75013 Paris*

Tél. : 01 49 54 22 12

contact@rfiea.fr

www.rfiea.fr

ISTANBUL POLICY CENTER

ABOUT US:

Istanbul Policy Center is an independent policy research institute with global outreach. Our mission is to foster academic research in social sciences and its application to policy making. We are firmly committed to providing decision makers, opinion leaders, academics, and the general public with innovative and objective analyses in key domestic and foreign policy issues.

Welcoming of the 2016/17 Mercator-IPC Fellows

The **Welcoming of the 2016/17 Mercator-IPC Fellows** was held on **October 10** at **The Seed, Sakip Sabancı Museum**. The extension of the Istanbul Policy Center-Sabancı University-Stiftung Mercator Initiative until 2021 was also announced during the event.

Turkey-EU Relations in the Post-July 15 Era: A Needed Cooperation and Collaboration

Istanbul Policy Center organized a panel *“Turkey-EU Relations in the Post-July 15 Era: A Needed Cooperation and Collaboration”* on October 10 at The Seed, Sakip Sabancı Museum.

The panel, which was moderated by Senem Aydin-Düzgit, Research & Academic Affairs Coordinator and Faculty Member at Sabancı University, hosted Fuat Keyman, Director, and Mercator-IPC Senior Fellows Ruprecht Polenz, Nilüfer Göle, and Gerald Knaus as speakers.

Read more: <http://ipc.sabanciuniv.edu/en/event/turkey-eu-relations-in-the-post-july-15-era-a-needed-cooperation-and-collaboration/>

Cosmopolitan Democracy Revisited in a World of Rising Populism, Deepening Polarization and Rampant Neoliberalism

2015/16 Mercator-IPC Fellow Hande Paker convened a conference titled *“Cosmopolitan Democracy Revisited in a World of Rising Populism, Deepening Polarization and Rampant Neoliberalism”* on October 24-25 at IPC. Read more: <http://ipc.sabanciuniv.edu/en/event/cosmopolitan-democracy-revisited-in-a-world-of-rising-populism-deepening-polarization-and-rampant-neoliberalism/>

Much more information about Istanbul Policy Center: <http://ipc.sabanciuniv.edu/en/>

Istanbul Policy Center

Bankalar Caddesi No: 2 Minerva Han
34420 Karakoy / Istanbul - TURKEY
T 90 212 292 4939 / F 90 212 292 0295
ipc.sabanciuniv.edu

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают **авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами, основанные на методах сравнительного-политического и сравнительно-исторического анализа**. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присыпать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnipolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакторский цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- в конце статьи – полный список литературы в алфавитном порядке на русском и английском языке (с транслитерацией и переводом);
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены, иметь перевод названия на английский язык и ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть кратким, отражать суть исследовательской проблемы);
- фамилия, имя, отчество автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200–250 слов);
- ключевые слова (7–12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);

– abstract (резюме на английском языке, 200–250 слов);

– key words (7–12 слов на английском языке);

– about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);

– иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертом в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: книга¹, статья², материал из Интернета³.

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи аспирантов принимаются при нали-

¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istorija i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945–1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

² Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30–58 [Voskressenski, A.D. Rol' Zapada v formirovani mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2016, No.1(22), pp.58–82].

³ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naja politika» voshel v bazu RSCI – Web of Science (Journal *Comparative Politics* in RSCI – Web of Science) / Journal *Comparative Politics* Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

чи рецензии или рекомендации соответственных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланые материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR THE AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider **original research works from all subfields of Political Science based on a method of political or historical comparison on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals.** The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in Political Science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy (sravnitpolit@mail.ru), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

- .doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;
- font size – 14;
- footnotes: font size – 12, interval – 1;
- Literature List / References in alphabet order;
- margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;
- tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

- Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);
- Surname and author(s) initials;
- Abstract (in English, 200-250 words);
- Key words (in English, 7-12 words);
- Main body of the text;
- About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);
- Title in Russian in capital letters;
- Surname and author(s) initials (Russian transcription);
- Abstract (in Russian, 200-250 words);
- Key words (in Russian, 7-12 words);
- About the author (in Russian) (name, surname,

academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

– Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in Latin letters and translated into English. For example: a book⁴, an article⁵, Internet page⁶.

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing “LC” (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and, research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

⁴ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov, A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istorija i teoriija mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi vojny (1945-1995) (Great Powers in the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945-1995)). Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p].

⁵ Воскресенский А.Д. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // Сравнительная политика. – 2012. – № 2(8). – с. 30-58 [Voskresenski, A.D. Rol' Zapada v formirovaniu mezhdunarodnoi sistemy i politika Rossii (The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No.1(22), pp.58-82].

⁶ Журнал «Сравнительная политика» вошел в базу RSCI – Web of Science / Сайт журнала «Сравнительная политика». Режим доступа: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6> [Zhurnal «Sravnitel'naja politika» voshel v bazu RSCI - Web of Science (Journal Comparative Politics in RSCI-Web of Science) / Journal Comparative Politics Site. Mode of access: <http://www.comparativepolitics.org/jour/announcement/view/6>].

ПОДПИСКА

Сравнительная политика

Индекс по каталогу:

«Роспечать» – 37237

Периодичность в год – 4, 150 стр.

Стоимость одного номера при подписке
через редакцию – 450 руб.

Журнал посвящен актуальным проблемам политической жизни России. Рассматриваются вопросы взаимодействия между законодательной, судебной и исполнительной властью, политическими элитами и другими субъектами российской политики, а также такие проблемы, как становление правового государства и гражданского общества, демократизация и демократический транзит, модернизация и политические режимы, структурные реформы политической, партийной и избирательной систем.

Извещение	Форма № ПД-4			
	ООО "Юридическая периодика" <small>(наименование получателя платежа)</small>			
7705790921 <small>ИИН получателя платежа</small>		40702810500000010326 <small>(номер счета получателя платежа)</small>		
в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>		БИК 044525272		
Номер кор./сч. банка получателя платежа:		30101810000000000272		
Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2017 <small>(наименование платежа)</small>				
Ф.И.О. плательщика				
Адрес плательщика:				
Сумма платежа		руб. 00 коп.	Сумма платы за услуги	руб. 00 коп.
Итого		руб. 00 коп.	" "	руб. 20 00 г.
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен		Подпись плательщика:	
Квитанция	Форма № ПД-4			
	ООО "Юридическая периодика" <small>(наименование получателя платежа)</small>			
7705790921 <small>ИИН получателя платежа</small>		40702810500000010326 <small>(номер счета получателя платежа)</small>		
в ПАО Банк ЗЕНИТ г. Москва <small>(наименование банка получателя платежа)</small>		БИК 044525272		
Номер кор./сч. банка получателя платежа:		30101810000000000272		
Подписка на журнал «Сравнительная политика», 2017 <small>(наименование платежа)</small>				
Ф.И.О. плательщика				
Адрес плательщика:				
Сумма платежа		руб. 00 коп.	Сумма платы за услуги	руб. 00 коп.
Итого		руб. 00 коп.	" "	руб. 20 00 г.
Кассир	С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен		Подпись плательщика:	

Центр редакционной подписки:

тел. (495) 617-18-88 (многоканальный)

8-800-333-28-04 (по России бесплатно)